

Василий Головачев
ПАЛАЧ ВРЕМЕН

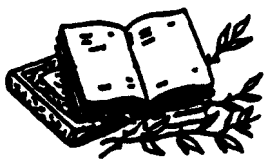
КНИГОВЕХ
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

Scan Kreyder - 23.11.2018 - STERLITAMAK

КНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Василий Головачев

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

ПАЛАЧ ВРЕМЕН

Роман

ТЕРРА **ТЕРРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE

КНИГОВЕХ
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г61

Головачев В. В.

Г61 Избранные сочинения: В 3 т. Т. 3: Палач времен: Роман. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 432 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 978-5-4224-0462-9 (т. 3)

ISBN 978-5-4224-0459-9

Продолжая легендарную «Рамочку», Книжный Клуб Книговек выпускает трехтомник избранных Сочинений Василия Головачева. Три романа мэтра российской фантастики обращены к теме времени и его обитателей, воспетой Гербертом Уэллсом и Айзеком Азимовым. Взгляд автора на проблему времени как на поле для Вселенской Игры настолько необычен, а события настолько неординарны, что придется по вкусу всем любителям научной фантастики.

Ивор Жданов еще не догадывается, что несет в себе родовую память и способность оперировать временем и пространством, а следовательно, является потенциальным участником Игры, на кону которой судьбы Метавселенных и всего Древа Времен. Первая партия проиграна — отряд хронодесантников под командованием отца Ивора попадает в ловушку в одной из «засыхающих» Ветвей Древа. Собрать команду единомышленников, спасти людей, отыскать эмиссаров противника и обезвредить их — задача-минимум. Понять принципы Игры и заставить их работать на человечество — цель. Достижима ли она?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4224-0462-9 (т. 3)
ISBN 978-5-4224-0459-9

© В. В. Головачев, 2012
© Книжный Клуб Книговек, 2012

ПАЛАЧ ВРЕМЕН

Роман

А между тем, как Богом речено,
Чей Промысел постичь нам не дано,
Как будто без начала и конца,
Как свиток разворачивается
Пред нами Время —
и не внять в миру нам
Таинственным его и странным рунам.

Д.Р.Р. Толкиен. Мифопоэзия

Часть I

А МЕЖДУ ТЕМ

Глава 1

Холмистая равнина была покрыта чешуйчатой багровой травой и коричневым перистым кустарником от горизонта до горизонта и с высоты километра казалась алой. В середине ее располагалась круглая впадина, как бы огороженная двумя рядами оплывших багровых скал, вершины которых светились изнутри и все отклонялись от центра впадины, образуя своеобразный колючий воротник. Оттуда вырастала жемчужно-белая колонна высотой около двух километров, которая к вершине превращалась в светящийся дымный столб, постепенно тающий в сиреновом небе.

Изредка на фоне столба можно было увидеть кружившие вокруг него черные точки, пикирующие вниз и вновь возносящиеся в небо.

Завершенность этому необычному пейзажу придавали яркая звезда, низко висящая над горизонтом, и косо перечеркнутая небосклон светящаяся нить, играющая роль центра системы. Нить представляла собой макростринг — «суперструну», пронизывающую местный космос, вокруг которой и вращалась планета с торчащей из равнины колонной. По сути, вся эта вселенная — Ветвь Древа Времен — представляла собой чуть ли не бесконечной длины «трубу» с центральной «струной» сверхплотной материи, очень массивной и светящейся, вокруг которой и кружились материальные объекты — планеты, звезды, облака пыли и струи астероидов, которые по мере замедления скорости вращения падали на «струну» и бесследно ею поглощались.

Там, где образовывались устойчивые конфигурации планет и звезд, на планетах возникала жизнь, однако разумная встречалась очень редко. Мир макростринга был неустойчив и не позволял эволюционным процессам доводить жизненные цик-

лы до совершенства. Тем не менее разум иногда возникал на планетах «струны», как, например, на планете с необычной колонной, в виде колоний микроорганизмов.

Беда была в том, что этот мир умирал. Ветвь Времен «засыхала», отрубленная неизвестно кем из Игроков. Жизнь на планетах удивительного мира «струны» была обречена на исчезновение.

Послышался приближающийся тихий стеклянный треск.

Разглядывающее белую колонну существо, похожее на горбатого двуногого и двурукого варана с зеркально бликующей шкурой, оглянулось. К нему подходило еще одно такое же существо, с хрустом давящее ногами красные полупрозрачные перья травы и более темные наплывы мха и лишайника, напоминающие рыбу чешую. Стеклянная хрупкость мха и травы, а также коричневого кустарника, покрывающего равнину, только подтверждала вывод наблюдателей о судьбе здешней области Мироздания. Изменились физические константы мира, параметры его вакуума, а вместе с ними и свойства материальных объектов. Цепочка «холодных» ядерных преобразований сбрасывала химические элементы в «нижние» этажи таблицы элементов, углерод превращался в кремний, и растения становились «стеклянными», чтобы впоследствии рассыпаться в порошок сурьмы, затем в железную пыль и — в финале — заблестеть ртутными озерами с берегами, одетыми свинцовой коростой.

Существа, похожие на зеркально-металлических варанов, были людьми в защитных костюмах. Они уже наблюдали ржавые пустыни и серые свинцовые плеша вдали от белой колонны Ствола и понимали, что это означает. Планета, вращавшаяся вокруг «суперструны», быстро теряла энергию, сжималась и превращалась в полиметаллический шар. Лишь десятикилометровая зона вокруг Ствола еще держалась, сохраняя форму материальных объектов, в том числе биологических, но и она неуклонно сокращалась. По подсчетам людей, ей осталось жить от силы десять дней — по внутреннему времени скафандров, а что такое время с точки зрения законов данной Ветви не знал никто.

Вполне возможно, гипотеза одного из членов команды, попавшей в этот мир, что время в нем подчиняется типологической концепции и представляет собой изменчивость индивидов и так-

сонов*, регистрируемую только по положению объектов в пространствах их состояний, была близка к истине. Во всяком случае наблюдения показали, что таксоны разных масштабов — от бактериальных кластеров до биосистем типа травы или кустарника — обладают разными «объемами времени» и умирают в зависимости от этих объемов — быстро или медленно.

Когда отряд только появился на планете, бактерии еще водились в изобилии в водоемах и в воздухе, теперь же воздух стал стерильно чистым, а на поверхности планеты сохранились лишь массивы лесов и кустарников, остатки «неразумной» природы.

Разум планеты исчез вместе с остальным миром микроорганизмов. О том, что здесь некогда роились разумные «капли» и «вихри» микробов, можно было судить лишь по их «городам» — удивительным сооружениям в виде скопищ бокалов разной формы. Один из таких «городов» располагался в двенадцати километрах от белой колонны Ствола, и любоваться им ходили все члены отряда.

— Его здесь нет, — проговорил второй «варан». — Мы напрасно теряем время. К тому же рискуем остаться здесь навсегда, этот мир вот-вот рассыплется.

Словно в подтверждение его слов холм, на котором они стояли, треснул, и несколько кустов по соседству осыпались, а куртины мха лопнули и расплылись желтым дымком.

Вздрогнувшие «вараны» посмотрели на трещину, пересекающую склон холма, на колонну Ствола, друг на друга.

— Вот тебе и подтверждение, — со смешком проворчал второй. — Зови остальных, пора возвращаться.

— Не паникуй, Гриша, — тихо сказал Жданов. — У нас еще есть время.

— Время, время... в том же тоне продолжал Григорий Белый. — Я уже совсем запутался и перестал понимать, что это такое. В одной Ветви оно одно, в другой — другое, в третьей — третье... а какое время на самом деле, не знает никто. По-моему, и наш консультант.

— Все времена относительны и реальны для своей Ветви, — рассеянно заметил Павел. — Только время Ствола, мож-

---

* Таксон — группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков.

но сказать, абсолютно, так как он соединяет все Ветви и не зависит от их условий.

— Хорошо, хорошо, пусть так, но все же нам пора уносить отсюда ноги, и побыстрей. Федора здесь нет, это ясно, и у меня есть подозрение, что он уже не появится.

Павел промолчал. У него складывалось такое же мнение.

Они появились здесь, в мире «засыхающей» Ветви, — пятеро «хронодесантников», команда подготовки будущего Игрока, — по вызову Федора Полуянова, пообещавшего сообщить нечто очень важное. Однако прошел час, другой, третий, мир вокруг стремительно умирал, рассыпался в прах; звезда, давшая жизнь планете, голубела и усиливала блеск, чтобы взорваться в скором времени, а Федор не выходил из Ствола, и ждать его становилось все трудней.

— Возвращаемся, — решил наконец Павел. — Пошлем сообщение через Стаса и подождем еще пару часов в Стволе. Потом решим, что делать.

Он дал в эфир сигнал внимания и вызвал остальных членов команды, которые разбрелись по равнине в поисках Полуянова.

Через некоторое время над мрачной кровавой равниной просияла серебристая точка, превратилась в летящего «варана».

— Я обнаружил еще один город, — раздался голос Кевина Купера, безопасника из подразделения Белого. — Там целая система пещер, одному мне не справиться.

— Федору там нечего делать, — буркнул Белый. — Он бы оставил какой-нибудь знак или маячок.

Над холмами в другой стороне от Ствола мелькнули зеркальные блики, и через минуту к трем «варанам» присоединились еще два — Атанас Златков и Луиджи Пирелли, приставленный к ученому для охраны.

— Ну, что у нас плохого? — хмыкнул Григорий. — Что тут у них происходит?

— Полным ходом идет вырождение континуума, — отозвался Златков, — упрощение связей и инфляция измерений. Система теряет модальную устойчивость и проходит через иерархию неустойчивых состояний. Здесь уже, к примеру, перестали выполняться транзитивные отношения типа «тяжелее, чем». Во всяком случае, приборы отмечают хаотические колебания гравитационных полей...

— Чем это все закончится? — перебил ученого Белый.

— «Скатывание» многомерности к сингулярной точке происходит достаточно быстро, причем количество измерений уменьшается по дробным модам с шагом «ноль тридцать три». Нас ждут очень интересные эффекты.

— Какие?

— При переходах от четырехмерия к трехмерию и ниже свертка измерений должна привести к появлению пространственно-временных петель и складок, пространство скоро начнет перекручиваться и рваться на «куски» — топологически не связанные области.

— Но ведь этот процесс опасен? Защита наших «кокосов» выдержит?

— Думаю, подобные преобразования физической базы не выдержит даже защита «големов».

— Тогда чего мы ждем? Пока и нас не разорвет на топологически не связанные области? Слишком хорошо началась наша экспедиция. А что хорошо начинается, всегда плохо кончается.

— Все, что начинается плохо, кончается еще хуже, — меланхолически добавил Златков. — Это известный закон Паддера. Я вообще не понимаю, почему мы вышли из Ствола в этой деградирующей Ветви.

— Нас должен был ждать Федор с отрядом конкистадоров и каким-то важным сообщением.

— Полуянов? Что он может знать об Игре, чего не знаем мы?

— Он наш экипировщик и инициатор похода, — нехотя сказал Жданов.

— А разве не вы руководитель экспедиции?

— Я, но...

— Тогда хорошо бы прояснить все детали похода, что мы должны делать и какая у кого роль.

— Встретимся с Федором и поговорим.

Холм под ногами одетых в защитные костюмы людей с грохотом пробороздила еще одна трещина. Волна треска и гула прокатилась по равнине, порожденная появлением новых трещин. Насколько хватало глаз, кустарник на склонах холмов начал осыпаться, опадать оранжевыми струйками пыли. Сияние звезды над горизонтом скачком сдвинулось в сине-фиолетовую полосу спектра. Небо потемнело.

— Уходим, — прервал свои размышления Жданов, поднимаясь в воздух.

За ним стартовали остальные «хронодесантники», беря курс на мерцающую вдали колонну Ствола. Однако долететь до нее им не удалось.

Черные точки, кружащие над гигантским сооружением, — эсперы, защитники Ствола в местах его «вытаивания» в реальностях других Ветвей, — вдруг перестали бесцельно кружить у стен Башни и хищно кинулись к приближающемуся отряду. Если бы не реакция Жданова, почувствовавшего опасность, отряд мог понести потери.

Первый эспер, похожий на металлического ската с размахом крыльев около четырех метров, метнул в Жданова клинок изумрудного огня, но промахнулся. Зато не промахнулся Павел (точнее, инк скафандра), ответив выстрелом из аннигилятора. Эспер разделился на две части, одна из которых пошла вниз и врезалась в склон холма, а вторая превратилась в смерч огня и дыма.

Открыли огонь по отряду и три оставшихся «ската», выбирая каждый свою цель. Слепительно зеленые молнии ударили по равнине, создавая цепочки кратеров с выплеснувшимися и застывшими в виде лепестков лотоса краями. Однако не сплывали и спутники Павла, привыкшие к резкой смене обстановки. Гриша Белый сбил два эспера, а Пирелли и Купер справились с оставшимся защитником Ствола. Не стрелял только Златков, справедливо полагая, что война — не его прерогатива, хотя оружием его костюм располагал, как и все остальные.

Скоротечный воздушный бой закончился, дым рассеялся, лишь на склонах холмов продолжали догорать остатки аппаратов, но и они быстро погасли.

Конечно, оружием, встроенным в плечевые турели уников, управляли инки костюмов, люди лишь отдавали мысленные команды уничтожить объекты, поэтому не стоило удивляться их меткости и реакции. Эсперы потерпели поражение закономерно, так как их целевые установки не предусматривали боевые атаки на летательные аппараты за пределами охраняемой зоны. Летящие «скаты» призваны были не допускать внешнего повреждения Ствола-хронобура — ни случайного, ни преднамеренного. И тот факт, что их пришлось уничтожить, подействовал на «хронодесантников» удручающе.

— Ни фигя не понимаю! — бросил в сердцах Белый после боя и минуты настороженной тишины. — Что происходит, командир?! Почему они напали на нас?

— Не знаю, — хладнокровно ответил Жданов. — Или я упустил что-то из виду, или одно из двух...

— Скажите, пожалуйста, Павел, — вежливо проговорил Златков, — почему ваш сотрудник выбрал для встречи именно эту Ветвь и что он хотел сообщить?

— Мне известно, что ему предложили принять сторону одного из Игроков.

— Кого именно?

— Разве вы не в курсе? — хмыкнул Белый. — Вы же Судья!

— Во-первых, я Судья, вернее, один из Судей прошлой Игры; во-вторых, я ничего не знал о предложении, сделанном Федору.

— На что вы намекаете?

— Ни на что. Эсперов больше нет?

— Их было всего четыре экземпляра.

— Тогда давайте доберемся до Ствола и поговорим со Стасом, выясним обстоятельства нападения. Если только...

— Если только что?

— Пока ничего.

Жданов молча направился к башне хронобура, похожей издали на сигарету, поставленную на землю горящим концом к небу. Только размеры «сигареты» намного превышали размеры аналога: диаметр Ствола равнялся полутора километрам, а высота достигала трех, не считая «тлеющего» конца.

Башня хронобура, созданная на Земле начала двадцать четвертого века и во время запуска соединившая около миллиарда Ветвей Древа Времен, имела три тамбур-выхода во внешний мир: на первом, двенадцатом и тридцать шестом этажах. Когда отряд Жданова десантировался из Ствола, он воспользовался выходом с двенадцатого уровня, имеющим адаптирующий временной фильтр для согласования физических законов внутри и вне Ствола. Именно к этому поясу хронобура, отмеченному радиомаяком, и подлетел Жданов, вызывая Стаса — инка Ствола. Однако, вопреки ожиданиям, инк не откликнулся и входной узел не открыл.

«Попробуй другие диапазоны», — мысленно посоветовал Павел инку своего скафандра.

«Естественно, — ответил инк, — этим я и занимаюсь, хотя ответа не слышу».

Приблизились остальные члены отряда, повисли рядом.

— Что за проблема? — мрачно поинтересовался Белый.

Вместо ответа Жданов поднялся выше, нашел еще один радиоконтур, видимый как тонкое светящееся кольцо на фоне пористого белого материала стены Ствола, вызвал Стаса.

Глухое молчание.

Снова и снова инк уника пытался связаться с компьютером Ствола, меняя диапазоны радиации, но все было тщетно. Стас либо не слышал вызова, либо не хотел отвечать и впускать своих хозяев обратно. Оставалась еще одна зона входа — на первом горизонте башни, однако она находилась в этом мире под землей: при «вытаивании» основание Ствола оказалось погруженным в местную почву до пятого этажа.

— Может, пробьем в земле тоннель к первому уровню? — предложил молодой и азартный Пирелли, еще не сообразивший, что произошло.

Ответом ему было молчание. Более опытные десантники прекрасно поняли, чем им грозит обрыв связи со Стасом. До полного распада мира «сверхструны» оставались считанные часы.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — обратился Жданов к Златкову. — Вы знали, что нас не впустят?

— Не знал, но предполагал, — ответил ученый меланхолически. — Думаю, нас просто заманили в элементарную ловушку.

— Этого не может быть! — взорвался Белый. — Я знаю Федора много лет, он не мог бросить нас здесь.

— Возможны два варианта. Либо он убит, либо...

— Продолжайте, — тихо сказал Павел.

— Либо он уже работает на другого Игрока.

В эфире установилась выразительная тишина. Потом Гриша Белый откашлялся и выругался, завершив тираду Станиславским: «Не верю!»

— Я тоже не верю, — вздохнул Жданов. — И тем не менее мы отрезаны от своего мира. Предлагайте идеи.

— Надо еще раз попытаться вызвать Стаса. — Белый сорвался с места, вознесся на сто метров выше и принялся вызывать инка Ствола. Все молча смотрели вверх, ожидая результата. Через несколько минут Григорий вернулся.

— Если бы у нас были дриммеры, мы попытались бы пробиться в Ствол через мембрану входа.

— К сожалению, дриммеров у нас нет. Еще хорошо, что ты настоял стартовать в униках и с оружием. Если помнишь, Федор возражал, обещая снабдить нас всем необходимым после встречи.

— Ты думаешь, он... предатель?

— Я не думаю, я только вспоминаю детали разговора. Все в конце концов выяснится.

— Если только мы выберемся отсюда.

— Но у вас же есть «глуки», — с удивлением сказал Пирелли. — И аннигиляторы. Неужели они не пробьют стену Ствола?

— Пробьют, конечно, — мрачно буркнул Григорий. — И мы получим наглядную картину свертки Ствола в «струну».

— Почему?!

— Потому что Ствол — это надвременной топологический тоннель с квантованным выходом, — сказал Златков. — При инструктаже вам должны были дать эту информацию, молодой человек. Выход же Ствола в реальности данной Ветви наполовину виртуален, и если мы повредим его энергооболочку, законы местной физики просто вытолкнут его из Ветви.

— Извините, — стусевался ошеломленный безопасник, — я не знал...

— Черт! — хлопнул себя ладонью по бедру Белый. — Должен же быть какой-нибудь выход! Атанас, вы же были Судьей, почему бы вам не попробовать вызвать трансгресс?

— Я уже пытался, — спокойно сказал Златков. — Либо меня выключили из контура контроля, либо трансгресс не имеет здесь точки выхода. Возможен и совсем грустный вариант: сразу после окончания прошлой Игры трансгресс перестал существовать как судейская система контроля, а значит, и как система хронопространственных перемещений.

— Вряд ли, — покачал головой Жданов. — Трансгресс, по сути, сам является Ветвью дендроконтинуума, а то и его Корнем. Он должен был уцелеть, иначе исчезло бы все Древо.

— Возможно, вы правы, — не стал возражать Златков. — Хотя никто не знает базовых законов, встроенных в Игру Садовником, и как они реализуются в Древе.

— Кем-кем? — заинтересовался Павел.

— Так я называю того, кто «посадил» Древо Времен. Изначально Первый. Возможно, он реализовал в Древе самого себя. А, возможно, и нет. С недавних пор я начинаю подозревать, что Древо не есть синоним Большой Вселенной, а всего лишь локальный вид пространства Игр. Пусть это покажется вам тавтологией, но возможны еще более сложные системы, учитывающие законы физики невозможных состояний.

В наушнике рации Павла тихо свистнул модем личного канала, слышался голос Белого, слышимый только Жданову:

— Атанас сел на любимого конька, останови его, пусть лучше подумает, как нам смыться отсюда.

С равнины к стенам Ствола докатился скрежещущий гул. Холмы на ней начали оседать, проваливаться сами в себя, в буро-красной поверхности равнины образовались глубокие рвы, воронки и ямы, увеличивающиеся в размерах. Пелена пыли размыла ландшафт, превратила его в зыбкий полупрозрачный акварельный рисунок. Нить макростринга, пересекающая небосвод, перестала светиться, исчезла, затем вспыхнула сильнее. Светило планеты еще продолжало бросать лучи на ее поверхность, но все более и более слабые — почти фиолетовые.

— Погода ухудшается на глазах, — пробормотал Григорий. — Пора явиться чуду.

— Плохая погода лучше, чем никакая, — заметил Златков. — Думаю, какое-то время у нас еще есть.

— Какое?

— Полчаса, может быть, час.

— Смотрите! — воскликнул вдруг молчавший до сих пор Кевин Купер.

Молния перечеркнула темнеющее небо, и на равнину выпала сияющая золотом конструкция, напоминающая огромную шипастую дубину. Приблизилась к Стволу, и стало понятно, что она вдвое длиннее и толще здания хронобура. Свечение, вуалью окутывающее конструкцию, пошло на убыль, втянулось в корпус, превратилось внутри стометровых шипов в рои искр, создающих впечатление живого организма.

— Что это? — сдавленным голосом проговорил Пирелли.

— Помощь, надо полагать, — пожал плечами Белый. — Атанас, это случайно не ваши коллеги пожаловали? Или нам на всякий случай приготовиться к атаке?

Златков не ответил, разглядывая диковинный летательный аппарат.

Один из шипов «дубины» внезапно оторвался от ее выпуклого лба и устремился к людям, висящим у стены Ствола. Те невольно заняли позиции для отражения атаки, приготовив оружие к бою. Но шип не имел агрессивных намерений. Подлетев к десантникам на расстояние в двести метров, он стал мутно-прозрачным, в его глубине отчетливой засверкали тысячи зеленых звездочек, сложились в символическую фигуру человека, которая вдруг плавно помахала рукой. Шип приветствовал землян! Затем голова фигуры расплылась струйками искр, и Павел почувствовал покалывание кожи на затылке, давление на глазные яблоки, просачивание под череп тоненьких воздушных струек. Впрочем, неприятными эти ощущения не были. Тот, кто сидел внутри шипа, просто хотел поговорить с землянами на пси-языке.

— Он нас гипнотизирует! — сквозь зубы проговорил Белый.

— Спокойно, гриф, — отозвался Златков. — Очевидно, это одна из местных форм разумной жизни. Каждый шип — колония микроорганизмов, обладающая собственным объемом времени.

— Откуда вы знаете?

— Когда я был Судьей, мне была дана информация о многих расах Древа, в том числе и об этих кристалломикробах. Я с ними общаюсь. Они встречались с людьми и знают, кто мы такие.

— Это славно. Значит, наши соотечественники уже побывали здесь до нас. Эти парни могут нам помочь? Кстати, они понимают, что происходит в их вселенной?

— Понимают, но помочь нам вряд ли сумеют. Их космолет по местным пространствам не приспособлен для транспортировки людей.

— Тогда пусть убираются!

— Не психуй, Гриша, — проговорил Жданов недовольно. — Они ни в чем не виноваты. Как они вышли на нас? Вы их действительно позвали, Атанас?

— Я просто звал кого-нибудь, кто меня слышит. Услышали эти... гм... парни. Они пытаются пробить стенку потенциального барьера, отделяющего их домен-Ветвь от соседней.

— Это им удастся?

— Не знаю, сомневаюсь. Хотя утверждать не берусь. Можно послать с ними сообщение о нашем бедственном положении. Если они пробьются в живую Ветвь, есть шанс, что сообщение дойдет до наших пограничников.

— Почему их слышите и понимаете только вы?

— Я паранорм, знаете ли, а эти... э-э... парни играли в данной Ветви роль судебных исполнителей и знали Судью. То есть кого-то из моих кванков*, не меня лично. Однако я не слишком отличаюсь от Златковых всей реализованной мировой хронолинии.

— Понятно. Что ж, попросите их передать сигнал SOS в Солнечную систему. Только пусть не промахнутся. Ветвей, где имеются Солнечные системы с планетами под названием Земля, Древо имеет предостаточно.

— Я дам им всю информацию для идентификации.

— Пусть найдут на Земле Жданова, — угрюмо посоветовал Белый. — Или его родственников. Больше я никому не верю.

— Тогда Павлу придется на какое-то время выключить пси-защиту уника, чтобы они сняли скан-портрет его личности.

— Это обязательно?

— Иначе им трудно будет отличить кванков Жданова.

— Рискнешь, Паша? — по личному каналу спросил Белый. — Или ну их к бесу? Кто знает, что у них на уме, у этих кристалломикробов.

— Хорошо, пусть сканируют, — ровным голосом сказал Павел, не отвечая Григорию.

Давление на мозг усилилось, под череп забрались прохладные «усики и ножки насекомых», забегали по всему объему головы, вызывая ощущение щекотки. Затем Павлу показалось, что в нервные узлы впились крохотные иглы, он невольно вскрикнул от неожиданной боли, и тут же все неприятные ощущения исчезли. «Насекомые» выбежали из головы, оставив странное чувство приятного пузырчатого кипения.

---

* *Кванк* — хроноквантовая копия, дубль живого существа, реализующийся Ветвями Древа Времен при разделении каждой на копии (см. роман автора «Схрон»).

— Что там у тебя?! — пробился в уши напряженный голос Белого.

— Нормально, гриф, жить буду. Что дальше, Атанас?

— Теперь остается только ждать, — отозвался по-философски спокойно Златков.

Шип с разумной колонией микроорганизмов обрел плотность металла, дал задний ход, отодвинулся от Ствола и присоединился к собратьям, усеявшим корпус их транспортника. Вся «дубина» покрылась тусклым золотым сиянием, пошла косо вверх, с хлопком превратилась в длинную яркую искру и исчезла.

Люди долго смотрели в небо, словно ожидая чего-то, прислушивались к грохоту умиравшей планеты и молчали. Потом послышался мрачный голос Белого:

— Черт меня дернул согласиться на эту авантюру! Сидел бы сейчас где-нибудь в кафе с приятной девушкой и горя не знал! Лучше бы вы, Атанас, вызвали судебного исполнителя. Он единственный, кто помог бы нам укротить Игрока.

Ответом ему была тишина.

— Чего молчишь, Жданов?

— Думаю, — отозвался Павел.

— О чем?

— Пытаюсь представить, сколько еще таких команд, как наша, сейчас заперто в ловушках других «засыхающих» Ветвей.

— Много, — рассеянно сказал Златков. — Один человек не может стать Игроком на уровне всего Древа Времен в силу принципиальной темпорально-детерминистской ограниченности. Игроком становится только большая разумная система, стая или рой. Спектр существ. Посредник, предложив вам стать Игроком, имел в виду не вас лично, а *стаю* Ждановых, образованную всеми вашими кванками. Не так ли? Именно поэтому Игрок, против которого мы должны были играть, и предпринял меры по защите своих интересов. Ударил сразу по многим кандидатам.

— Вы считаете, надежды... нет?

— Вот как раз так я и не считаю. Раз Игрок предпринял попытку ограничения размеров вашей стаи, значит, он вас боится. А это, в свою очередь, означает, что существует свободный от влияния Игрока мир, где либо Федор Полуянов не иг-

рает на его стороне, либо вообще не существует, либо ваш кванк еще не получил предложение стать Игроком.

— Не вижу логики... — начал Белый.

— Подожди, — перебил его Павел. — Вы хотите сказать, что Игрок выключает только тех, кто уже согласился стать его соперником? Разве этого не достаточно?

— Конечно, нет. Игрок не всемогущ, ему тоже доступны не все уровни Игры и не все Ветви. Подождем.

— Что нам остается? — проворчал Белый.

С приглушенным всхлипом равнина вокруг Ствола начала оседать, превращаться в пыль. Звезда над горизонтом вспыхнула ярче, за несколько мгновений расплылась в быстро тускнеющее облачко, погасла. Наступила почти полная темнота. Светящаяся в небе нить не могла рассеять тьму и походила на щель в небесном куполе, из которой сочилось призрачное сияние...

Глава 2

Имя этого существа невозможно было произнести человеческим языком, но его смысл сводился к словам «идуший вопреки».

В прошлой Игре, охватившей весь многомерный континуум Древа Времен, он играл на стороне так называемых Сторожей Будущего, или Тех, Кто Следит, как их называли люди Земли. Они же называли его соотечественников «хронорыцарями» — за облик, схожий с обликом некогда существовавших на планетах мировой линии Земли всадников-рыцарей, закованных в латы. Правда, размеры «хронорыцарей» впятеро превышали размеры земных прототипов, а «лошадьми» им служили мощные энергоносители, напоминающие кентавров, способные противостоять космическим катаклизмам.

В этой недавно начавшейся Игре Идуший Вопреки стал помощником Судьи, то есть судебным исполнителем, получив карт-бланш особых полномочий и возможность влиять на Игроков в пределах универсальных Законов Древа Времен. И хотя он походил на людей, имея две руки, две ноги, торс и голову, «хронорыцарь» гуманоидом не был, родившись в мире, который представлял собой четырехмерную гиперплоскость одно-

моментных событий, движущуюся сквозь пространственно-временную субстанцию вдоль оси времени.

Планетой этот мир назвать было трудно, так как вещество и поля, его образующие, являлись не самостоятельными физическими реальностями, а специфическими структурами самой пространственно-временной субстанции типа сгущений и вихрей. Мир Идущего Вопреки был компактным, но очень сложным объектом и представлял собой как бы одиночную волну наподобие солитона, распространяющуюся в направлении от прошлого к будущему.

Однако, играя на стороне Тех, Кто Следит, Идущий Вопреки побывал в сотнях Ветвей Времен, законы которых в корне отличались от законов его мира, и научился воспринимать их реальность как данность пространства Игры. Научился он и ценить жизнь во всех ее проявлениях, за что и получил приглашение Судьи войти в состав корпуса исполняющих судебские решения.

Игра началась, как и все предыдущие, между двумя основными Игроками, овладевшими всеми энергоинформационными ресурсами своих Ветвей-Метавселенных — за *контроль* над всем Фракталом Времен — с использованием всех средств, доступных Игрокам, но лишь тех, которые разрешали Законы Игры. Затем характер контактов Игроков резко изменился. Один из Игроков начал игнорировать Законы, заменяя их своими волевыми установками, подкапываясь под базисные принципы, запрещавшие сужать пространство Игры за счет ликвидации *корневых* пространств, или Корней Древа. Тогда в процесс Игры вмешался Судья и восстановил дух и букву Закона, сделав Игроку предупреждение.

Некоторое время, отражаемое в разных Ветвях Времен по-разному, имеющее разное физическое обоснование (на Земле, к примеру, двадцать четвертого века прошло около двадцати пяти лет), Игра шла на равных, порождая причудливые сочетания «проросших» одна в другую Ветвей, хотя многие Ветви-Метавселенные, поврежденные волей Игроков, «засохли», а некоторые «загорелись», угрожая стабильности соседних Ветвей.

Однако Игрок, уже проявивший склонность к изменению принципов Игры, снова начал свою деятельность в обход Законов Древа, и ситуация заметно ухудшилась. Над Древом Времен нависла угроза многофазового перехода и коллапса. За

эту деятельность Игрок получил имя, переводимое на земные языки как Палач. Его соперник — разумная сверхсистема растений, которой можно было бы дать имя Медленный Разум, — явно проигрывал в быстроте принятия решений, несмотря на привлечение на свою сторону сотен цивилизаций биологического цикла.

Идущий Вопреки хорошо зарекомендовал себя во время операций по наказанию разного уровня помощников Палача, действовал строго в рамках законов и заставил Игроков относиться к себе с уважением. Вместе с тем он весьма серьезно мешал Палачу, срывая его планы, и к нему начали присматриваться с двух сторон на предмет вербовки. Однако попытки подкупить Идущего Вопреки ничего не дали, и тогда Палач решил устранить строптивного судебного исполнителя физически. А для начала пообщался с Судьей, который тоже стал опасаться активности своего помощника, способного занять его место.

В один из редких моментов отдыха Идущий Вопреки получил задание восстановить Законы Бытия в одной из «заболевших» Ветвей, где сработал «вирус» Палача в форме энергоинформационного потока, изменившего некоторые физические константы. Судебному исполнителю следовало изгнать из Ветви эмиссаров Палача, контролирующих процесс распада местной вселенной, нейтрализовать «вирус» и заблокировать границы Ветви особой «печатью» — Принципом Судьи, усиливающим потенциальный барьер, который препятствовал бы проникновению в домен чужеродных носителей информации.

Идущий Вопреки не имел в своем лексиконе словосочетаний «не могу» и «не хочу», поэтому без возражений вышел из своего «состояния безвременья» и отправился по указанному адресу.

«Больная» Ветвь, которую предстояло «лечить», принадлежала к кусту так называемых «твердых» Ветвей. Каждая из них была целиком заполнена твердой субстанцией, которую для наглядности можно было сравнить с толщиной камня в глубинах планет земного типа. Естественно, никаких планет такие Метавселенные не имели, их роль исполняли шарообразные полости с медленно пульсирующими «звездами» — центральными «узлами напряжений», в которых «горело» время, превращаясь в энергию, свет и тепло.

Такие воздушные пузыри распределялись по массе «твердых миров» неравномерно, складываясь в своеобразные скопления наподобие галактик и звездных образований в Мета вселенной, где существовали звезды, Солнце и Земля. Разумные существа, живущие на внутренних поверхностях «планетопузырей», не могли, конечно, видеть другие «пузыри», так как «твердый вакуум» их мира не пропускал электромагнитные волны зримой части спектра, зато они научились пользоваться звуковыми локаторами и звукоскопами, постепенно расширяя границы своего знания о вселенной.

Скорость звука в «твердом вакууме» составляла половину скорости света в человеческом понимании процесса передачи информации, так что постижение «твердых» Ветвей их обитателями шло медленнее, чем людьми их мира, но все же не останавливалось.

В конце концов цивилизации, достигшие определенного уровня, начали посылать экспедиции к соседним «планетопузырям» на очень своеобразных аппаратах, которые можно сравнить разве что с земными подземоходами. Эти аппараты не летали, а буквально бурили «твердый вакуум», проделывали в нем «кротовые норы», шахты от «пузыря» к «пузырю». Сначала они были громоздкими и медлительными, затем, по мере совершенствования техники, становились все более изящными и быстрыми, пока их скорость не подошла к информационному пределу. На очереди было овладение «струнной» технологией, позволявшей преодолевать любые пространственные объемы практически мгновенно. Однако именно в этот период развития разума в одной из «твердых» Ветвей Времени произошло нарушение законов по воле Игрока, бросившее разум в волну регресса.

Идущий Вопреки получил эту информацию вместе с заданием и полагал, что знает все. Но он ошибался. Судья по какой-то причине «забыл» сообщить ему об одной элементарной вещи: система судейского контроля, она же — транспортная система, имеющая на языке землян название «трангресс», в «засыхающих» мирах становилась однонаправленным процессом, своеобразной мембраной, пропускающей в мир «засыхающей» Ветви всё и всех, но не выпускающей обратно *ничего* и *никого!* Во избежание заражения соседних Ветвей «вирусами» чужих дестабилизирующих законов. Таким образом, су-

дебный исполнитель не мог воспользоваться трансгрессом в случае угрозы жизни, а в случае неудачи оказывался в ловушке. Мало того, поручая Идущему Вопреки устранить последствия нарушения Игроком принципов Игры, Судья «забыл» также передать ему и «жезл силы», он же — сертификат особых полномочий, называемый землянами дриммером. А так как Идущий Вопреки привык доверять тем, с кем он имел дело, то и не вспомнил о дриммере, полагая, что раз ему больше ничего не сообщили и не вручили, он способен справиться с трудностями теми средствами, которыми владел.

Трансгресс высадил его на поверхности одного из «планетопузырей» «твердой» Ветви, освоенного разумными существами данного мира, похожими на земных бабочек, только гигантских размеров. Силу тяжести здесь заменяла сила давления, прижимающая предметы к поверхности «пузыря», а сила пленочного натяжения помогала удерживать равновесие, поэтому местная флора и фауна селилась в основном на стенках «планеты». Размеры «планетопузыря» намного превышали диаметр Земли и даже Солнца, достигая диаметра орбиты Марса в мире людей. Но за время существования цивилизации «бабочки» застроили почти весь объем «пузыря» своими сложными, многокрасочными, красивыми замками, подобравшись чуть ли не вплотную к центральному «светилу» — зоне, в которой время превращалось в энергию. Они уже готовы были напрямую выкачивать эту энергию из своего «солнца» для нужд растущей цивилизации, если бы их не опередили эмиссары Палача. Идущий Вопреки сразу после выхода из трансгресса заметил торчащий из «светила» черный хобот энергоотсоса, направляющего энергию за пределы «планетопузыря» и вообще за пределы Ветви.

Последствия вмешательства Игрока в жизнь «твердой» Метавселенной были видны, что называется, невооруженным глазом.

Жизнь в «пузыре» замерла, парализованная надвигающейся «темнотой». Энергии хозяевам мира катастрофически не хватало, и они резко снизили активность, не понимая причин явления, сосредоточив деятельность на спешной отправке экспедиций к соседним «планетам» в надежде найти приемлемые условия для обитания. Но там их ждало то же самое. А экспедиции гибли одна за другой, застревая в толще «твердого вакуума», который из-за просачивания чужих физических зако-

нов становился «желеобразным» и «жидким». По сути этот мир был обречен и скоро должен был «распухнуть», а затем сжаться в черную дыру.

Идущий Вопреки, оценив состояние местного космоса, принялся за работу, в общем-то не свойственную судебным исполнителям; они редко устраняли последствия несанкционированного вмешательства Игрока в жизнь той или иной Ветви Древа Времен. Хотя, с другой стороны, изгнание из Ветви просочившегося «вируса» — эмиссара Игрока — и означало «свисток Судьи», за которым следовало предупреждение — ликвидация эмиссара.

Первым делом Идущий Вопреки уничтожил хобот энергоотсоса, чтобы восстановить энергобаланс «планетопузыря». Затем принялся искать «струну» просачивания в Ветвь «вируса» Игрока; «твердый вакуум» был для его аналитических систем совершенно прозрачным, и он хорошо видел скопления «планетопузырей» и «кротовые норы», сделанные в толще «твердого вакуума» кораблями разумных существ.

«Струн» просачивания «вируса», изменившего состояние Ветви, он обнаружил множество, целую систему, пронизывающую «твердый космос», однако вопреки уверенности в своем праве влиять на события не смог нейтрализовать ни одной.

Во-первых, ему не хватало полномочий, то есть дриммера; во-вторых, трансгресс в этом мире не работал. Судебный исполнитель буквально застрял в «пузыре» с цивилизацией «бабочек», не имея возможности свободно путешествовать в пределах Ветви.

Тогда он определил координаты эмиссара Игрока, контролирующего процесс сворачивания Ветви в данном районе, и предстал перед ним во всем великолепии судебного исполнителя, сурового и неподкупного.

Резиденция эмиссара представляла собой энергетически независимый кокон, похожий на шипастую раковину моллюска, и располагалась на вершине толстой серой башни, в которую превратился в здешних условиях оставшийся со времени прошлой Игры «стержень поддержки Игрока». Люди Земли называли эту Башню хронобуром, или Стволом. В результате решения Судейской коллегии прошлой Игры обоим Игрокам — «хронохирургам» и Тем, Кто Следит — было засчитано поражение, и они были отстранены от участия в дальнейших

Играх, а Ствол, ставший к тому времени своеобразной Ветвью Времен, был заблокирован местными судебными исполнителями в каждом узле выхода. В данной Ветви он тоже не работал как «шахта времен», соединявшая множество Ветвей, хотя был видим и материально осязаем, поэтому судебный исполнитель воспользоваться им не мог. Точнее, *мог бы*, если бы имел «жест силы» — дриммер.

Ажурные эстетически выверенные творения разумных «бабочек» уже покосились, оплыли, потеряли цвет, но Ствол и «раковину» эмиссара процесс распада материи не затронул. Ствол казался непобедимо плотным и массивным, как скала, а резиденция светилась изнутри угрюмым вишневым накалом.

Идущий Вопреки «постучал в ворота» — посигналил особым образом в пси-диапазоне. «Раковина» эмиссара медленно вывернулась наизнанку, открывая фигуру пандава — давнего соперника «хронорыщарей» во времена прошлой Игры. Судьба снова свела их вместе, а точнее — развела по разные стороны баррикад.

Шестилапый урод, похожий на помесь земного динозавра и змеи, выпрямился во весь рост, растопыривая верхнюю пару лап, с надменной холодностью глянул на гостя. Так они стояли некоторое время друг против друга — чешуйчатый, бликующий зеленым металлом обезьянозмей и черно-фиолетовый «рыцарь» на алом «кентавре», торс-рог которого светился сине-фиолетовым накалом.

Потом эмиссар Палача проговорил: «Чего тебе надобно, судейская крыса?»

Естественно, разговор двух негуманоидов шел в мысленном диапазоне, едва ли доступном кому-либо еще, но смысл его сводился к приводимому ниже тексту.

«Я пришел объявить волю Судьи», — ответил Идущий Вопреки.

«Плевал я на твоего Судью!»

«Он не мой, и тебе придется подчиниться. Если не выполнишь требований, я уничтожу остальные энергоотводы и заблокирую домен».

Обезьянозмей ухмыльнулся: «Прежде тебе придется предъявить свои полномочия исполнителя. Где твой властный сертификат, судейская крыса?»

«Тебе достаточно знать, что я — исполнитель воли Судьи. Или ты подчинишься, или...»

«Или что? Что ты можешь сделать, кретин? Отнять у меня мое право делать то, что я хочу? Ограничить свободу? Уничтожить?»

«Мои полномочия не ограничены».

«Ошибаешься! Это *мои* полномочия не ограничены!» — В лапе обезьянозмея внезапно появился длинный предмет, напоминающий меч с туманно-льдыстым текучим лезвием. Это был дриммер, «жезл силы», атрибут власти судебных исполнителей, почему-то оказавшийся у эмиссара Игрока.

«Ну, что ты скажешь теперь?!»

Идущий Вопреки метнул черный луч свертки пространства, намереваясь выбить «жезл силы» из лапы обезьянозмея. В следующее мгновение лезвие дриммера удлинилось, пронзило рог «кентавра» и туловище судебного исполнителя, превратилось в огненный ручей, ударивший в центр «планетопузыря», где пульсировал тускнеющий клубок оранжевого пламени — «светило» этого мира. Идущий Вопреки посмотрел единственным узким и длинным глазом на свою грудь, в которой образовалось дымящееся отверстие, хотел было увеличить потенциал защиты и отступить, уйти в «струну», но не успел.

Его тело заколебалось, как пелена дыма, начало рваться на ключья и струи, втягивающиеся в яростный ручей огня, и в течение короткого времени распалось, влилось в общий поток энергии дриммера.

Последнее, что смог сделать умирающий судебный исполнитель, — это послать компакт-депешу Судье о своей гибели. Он не знал, что в тысячах других миров «засыхающих» Ветвей точно так же погибли тысячи других судебных исполнителей, попавших в ловушку.

Первый «отборочный» этап Игры Палач выиграл вчистую, хотя при этом преступил базовые Законы Древа Времен, запрещавшие ограничивать его рост и упрощать мерность дендроконтинуума.

Глава 3

Ивору Жданову исполнилось двадцать четыре года.

Это был невысокий по меркам века, хрупкий на вид молодой человек с гривой каштановых волос и синими глазами, в

которых светились ум и воля. Лицо у него было овальное, с твердым подбородком. Губы, чуть полнее, чем требовали каноны мужской красоты, всегда были готовы сложиться в улыбку, хотя могли и твердеть до упрямой жесткой линии, а нос, хоть и напоминаящий о сотнях поколений славянского рода, не портил лица.

В мае две тысячи триста двадцать пятого года Ивор закончил факультет квистории* Среднеевропейского гуманитарного университета и теперь раздумывал над своей дальнейшей судьбой. Он получил целых три предложения от разных организаций, но пока не пришел к консенсусу с самим собой, так как предложения казались равноценными.

Одно из них исходило от профессора Кострова, преподающего в университете динамику квистории и одновременно работающего в ИВКе — Институте внеземных культур. Костров предложил молодому квистору не тратить время на аспирантуру, а сразу войти в группу ИВКа, занимающуюся палеоконтактами на основе хронотеории всемирно известного ученого Атанаса Златкова.

Второе предложение сделал декан факультета Трофим Ивашура — стать аспирантом и заняться углублением и расширением теории квантовых состояний Древа Времен.

Третье неожиданно выдал комиссар-два службы безопасности Евразийского нойона Федор Полуянов. Он заявился к Ивору лично — молодой человек жил в отдельной квартире-виноградине Тверской жилой грозди, — долго расспрашивал его о жизни, о контактах с отцом Павлом и матерью Ясеной, интересовался, не рассказывал ли отец о встречах с необычными гостями, а затем предложил войти в группу «Роудаскер» наземной службы безопасности в качестве оперработника. В крайнем случае — в качестве консультанта по квистории.

Последнее предложение было уж и вовсе неожиданным, хотя и лестным, но Ивор не дал Полуянову ответа сразу. И не потому, что не хватило решительности — он как раз отличался быстрой реакцией и дерзостью, свойственной поэтам во все

---

* *Квистория* (квантовая история) — наука, изучающая вероятностные модели исторического развития социальных систем Земли в условиях многовариантного копирования. *Квистор* — специалист по квистории.

века (молодой ученый писал стихи), — а потому, что хотелось попробовать себя сразу во всех трех областях деятельности, которые открылись перед ним. Посоветоваться он мог только с мамой, работающей в ИВКе под началом Кострова и желавшей видеть сына рядом. Отец еще ранней весной вместе с Атанасом Златковым и своим другом Григорием Белым, советником СЭКОНа, отправился в какую-то секретную экспедицию и до сих пор не вернулся.

Поломав голову и не найдя оптимального решения, Ивор отложил его до лучших времен и согласился провести несколько дней в компании сверстников, таких же выпускников университета, как и он, среди которых была и девушка, которая ему нравилась, — Альбина Яворская, первая красавица факультета и мисс Тверь прошлого года. Заводилой и душой компании был Костя Ламберт, спортсмен и шутник, в которого были влюблены многие девушки факультета, хотя он вел себя со всеми одинаково, в том числе и с Альбиной, что задевало красавицу и заставляло держаться подчеркнуто независимо. Именно Косте принадлежала идея провести уикенд в одной из экзон Венеры, и именно Альбина раскритиковала идею и предложила свой вариант: Центральную Мексику, где недавно раскопали и воссоздали древний город ацтеков — Пинкучиали.

Вероятно, у нее были высокие покровители из числа чиновников Центральноамериканского нойона, которые дали разрешение группе молодых людей в количестве девяти человек провести какое-то время на территории заповедника с обновленным городом. Хотя об этом никто из них не подумал. Главное — их допустили туда, куда другим вход был заказан.

Отряд высадился на плато Дель Парраль с туристического дирижабля, развернул походные модули «Пикник» и принялся заниматься культурным отдыхом, как его понимали члены отряда.

Сначала они посетили город, сняв на видео себя на фоне живописных террасовидных пирамид и ритуальных храмов, поглазели на работу терраформистов, строителей и художников, кропотливо восстанавливающих акведуки, пирамиды, здания, фрески, стелы, орнамент и скульптурный парк древних ацтекских сооружений, искупались в реке Кончос. Затем погуляли по сельве — в защитных униках, естественно спасающих

от москитов и прочих жужжащих и кровососущих тварей, и принялись наслаждаться яствами, которые приготовил им кухонный комбайн «Скатерть-самобранка». После чего начался концерт исполнителей песен под старинные гитару и синтезатор, танцы, философские беседы и раскованный треп. Мужчины изощрялись в остроумии, женщины оценивали их юмор и с удовольствием разрушали воздушные замки надежд сильной половины на завоевание сердец слабой половины человечества.

В этих упражнениях ума и изящного слога нашлось место и стихам Ивора, который прочитал свои последние творения. Мужчинам особенно понравилось:

Я помню — в мощи этих крыл
Слились огонь и мрак, —
В самом уж взлете этом был
Паденья вещей знак.

А женщинам:

Сумрак неизмеримый
Гордости неукротимой,
Тайна, да сон, да бред:
Это — жизнь моих ранних лет...*

Однако на Альбину стихи Жданова не произвели особого впечатления, она была занята собой и попытками завладеть вниманием Кости, который, в свою очередь, умело дирижировал компанией и держал процесс под контролем. Поэтому никто не удивился, когда эта пара вдруг исчезла в неизвестном направлении. Вечер середины мая продолжался, теплый, напоенный ароматами сельвы, но у костра вскоре остался только один Ивор, расстроенный поведением примадонны и замороженный пляской язычков огня. Остальные разбились по парам и разбрелись кто куда, наслаждаясь предельно романтическим по нынешним условиям века живой и умной техники вечером.

Посидев у затухающего костра в позе мыслителя, Ивор заскучал, хотел было пойти спать в одну из кают модуля, но вдруг почувствовал неизъяснимую тягу к приключениям, на-

---

* В романе использованы стихи Э. По, К. Бальмонта, В. Высоцкого, Н. Игнатенко, С. Андреева, В. Гафта, Е. Лукина.

цепил на пояс ремень антиграва и взлетел над лагерем в фиолетовое небо, полное искусственно созданных видеокартин — рекламных, информационных и развлекательных, создающих ансамбль световой архитектуры, из-за которой Земля была видна из любой точки Солнечной системы. Поэтому вечер и ночь таковыми назвать было трудно, так как поверхность Земли, не освещенная Солнцем, была всегда освещена почти как днем. Но ухищрениями светотехников ночное небо при этом оставалось темным и звездным, лишь изредка закрываясь пеленой туч для плановых дождей и гроз.

Покружив над лагерем на стометровой высоте, Ивор направил полет к ацтекскому городу, строения которого были освещены еще не все, и опустился на вершину самой высокой пятиступенчатой пирамиды со срезанной вершиной, которая была сложена из пористых каменных плит и пока не восстановлена полностью. Привлекло молодого поэта и будущего квистора то, что пирамида была не освещена и вокруг нее не возились строители и архитекторы. Обойдя верхнюю площадку пирамиды, Ивор запрокинул голову и долго смотрел в небо, на звезды, проглядывающие сквозь эфемерную световую вуаль реклам, хотел было спуститься на нижнюю ступень пирамиды, и в этот момент зенит проколол пронзительно-голубой луч света, вырос в поток смарагдового пламени, и в центр площади напротив пирамиды, на которой стоял Ивор, вонзился сияющий огненный кулак. Раздался чудовищный грохот, взрыв, во все стороны полетели ручьи огня, осколки каменных плит и черные рваные хлопья, насквозь пробивающие стены зданий. Один из таких рваных иззубренных обломков упавшего с неба объекта пронзил пирамиду Ивора, второй пролетел мимо буквально в метре, и лишь тогда молодой человек наконец вспомнил об антиграве и прыгнул с покосившейся плиты верхушки пирамиды в небо.

Грохот стих. Огонь втянулся в корпус необычного летающего аппарата, косо воткнувшегося в поверхность площади, окруженного торчком вставшими плитами. Дым и пыль осели, и взору ошеломленного происшествием Ивора предстала утыканная черными колючками деревянная дубина километровой длины.

Именно это сравнение первым пришло в голову. Затем стометровые колючки-шипы начали отваливаться от бугристого,

пористого, обуглившегося корпуса «дубины» и распадаться в черную пыль. На глазах пораженного свидетеля катастрофы с поверхности удивительного сооружения за несколько секунд опали все шипы, кроме одного, светящегося изнутри, мутно-прозрачного, как старинное бутылочное стекло. Ивор невольно приблизился к нему, замороженный игрой кружащихся внутри пятигранного шипа зеленых звездочек, и почувствовал пристальный, оценивающий, печальный, *слепой* взгляд. Вздрыгнул, отшатываясь.

«Человек, не уходи! — раздался в голове тихий шуршащий голос, похожий на шелест ветра в ветвях дерева. — Мы тебя не обидим. И у нас кончается запас индивидуальности».

«Кто... вы?» — мысленно спросил Ивор в ответ.

«Мы из тех, кого больше не будет. Мы последние из уходящих. Мы посланы с известием».

С каждой фразой пульсация звезд внутри гигантского остроконечного нароста замедлялась, свечение угасало, звезды тускнели, а «стекло» темнело.

— С каким известием? — спросил Ивор вслух. — Кому?

«Мы прошли семьсот семьдесят шесть Ветвей... — Мысленный шепот существа или существ, живших внутри шипа, стал почти неслышен. — Ваша... Ветвь... последняя... Мы ищем... носителей родовой линии человека... по имени Павел Жданов...»

«Это мой отец!»

«Мы его... посланцы...»

«Но он ушел в экспедицию, и на Земле его нет. Где он?!»

«В одной из отмирающих Ветвей... очень глубоко... на пределе... Ты тоже носитель отпечатка... его личности...»

«Я его сын».

«Он в опасности...»

«Что с ним?!»

Шепот почти угас: «Ветвь становится тенью... виртуальным миром... выхода не... ищи... по запаху... никому не...»

Давление на мозг Ивора прекратилось. Звезды внутри гигантской колючки погасли. Сама она почернела, покрылась сетью трещин и вдруг отделилась от корпуса корабля-матки, упала на одно из восстановленных зданий города и с грохотом раскололась на задымившиеся осколки.

Ивор очнулся, поднялся чуть выше, разглядывая разбившийся негуман-корабль в поисках еще «живых» шипов, ничего не обнаружил и только теперь осознал всю серьезность происшествия и мрачную тайну появления посланцев. Отец оказался в опасной ситуации, и его надо было спасти!

С воем к трубе-«дубине» чужого космического корабля примчалась стая аппаратов, принадлежащих пограничникам, службе общественной безопасности, аварийно-спасательной службе, медикам и аэроинспекции, выбросила десант. Над городом загорелось МК-зеркало, освещающая каждую его деталь.

Закипела работа. Эфир заполнился «морским» прибором оперативных переговоров, команд, сводок, скрипами бланк-сообщений и возбужденными голосами корреспондентов информационных агентств. К зависшему в полукилометре от чужого спейсера Жданову приблизился упавший с неба галеон с эмблемой службы безопасности, откинул колпак блистера.

— Залезайте ко мне, молодой человек, — раздался чей-то глуховатый голос.

Человек на переднем сиденье аппарата повернул к Ивору голову, и тот узнал приятеля отца, комиссара-два Евразийского филиала наземной службы безопасности Федора Полуянова. Ивор не удивился появлению комиссара, лишь подумал, что тот оказался на месте катастрофы наравне соперами своей службы, что говорило о его быстрой реакции и ответственности.

— Какими путями тебя сюда занесло? — продолжал Полуянов, когда Ивор сел рядом с ним.

Пришлось рассказать об отдыхе в компании бывших выпускников университета.

— Они тоже наблюдали падение этой колымаги?

Ивор покачал головой.

— Они все разошлись, и я прилетел сюда ради любопытства. Лагерь находится в трех километрах отсюда. Если хотите, можем долететь до него и расспросить ребят.

— Мы так и сделаем. А ты видел весь процесс падения или только финальную стадию?

— Не знаю, я смотрел в небо... мечтал... — Ивор слегка порозовел. — И вдруг луч света! И появление этой громадины... Издали она была очень похожа на дубину с шипами. Но все шипы при ударе о землю отвалились.

Полуянов пристально посмотрел на Жданова.

— Это точно? Все отвалились? Сразу или в какой-то последовательности?

В памяти Ивора всплыл мысленный шепот уцелевшего существа, обитавшего в глубине шипа:

«Ищи по запаху... никому не...»

Что хотел сказать умирающий организм? Кого следовало искать «по запаху»? И что значит «никому не»? Никому не рассказывай?

Пауза затянулась.

— Что молчишь? — добродушно проговорил Полуянов. — Ты все видел? Шипы отваливались не сразу? Некоторые из них были активными?

— Только один, — пробормотал Ивор.

— Ты с ним... контактировал?

— Н-нет, — ответил Ивор быстро. Слишком быстро.

— Не бойся, — усмехнулся Полуянов. — Никто ничего не узнает. Я друг твоего отца и понимаю кое-что в квистории. Тебе дали информацию о его местонахождении?

— Нет, — более уверенно сказал Ивор. — Я понял только, что он находится в какой-то умирающей Ветви и что ему грозит опасность.

О том, что посланник отца предложил искать его «по запаху», Ивор умолчал.

— В какой именно Ветви, ты не знаешь?

— Не знаю. Честно.

— Верю. — Полуянов задумчиво побарабанил пальцами по изогнутому подлокотнику сиденья, глядя на суету тревожных служб вокруг чужого космолета. — Жаль, что они не успели дать тебе точные координаты команды Жданова. Это помогло бы избежать многих неприятных процедур.

— Каких процедур? — не понял Ивор.

— Информация, которую ты получил, крайне важна, и нам необходимо знать малейшие детали. Придется сканировать твою память... если ты сам не вспомнишь все подробности.

— Вы шутите?! — не поверил Ивор.

— К сожалению, мой мальчик, ты не понимаешь всей серьезности происходящего.

— Но я действительно больше ничего не знаю! Тот, кто со мной разговаривал на пси-волне, был почти мертв и успел со-

общить только об опасности, грозящей отцу. Кстати, вы должны знать больше, так как вы сами посылали его в эту экспедицию.

— Ты прав, — кивнул Полуянов. — Я готовил экспедицию и должен был участвовать в ней, если бы не... — Комиссар пожевал губами. — Впрочем, это уже не важно. Однако прошу тебя о нашей беседе ни с кем не говорить, этим ты только усугубишь положение отца... да и свое тоже. Если вспомнишь еще что-нибудь существенное о выпадении посланника — звони.

— Как вы сказали? О выпадении?

Полуянов покосился на лицо сбитого с толку молодого человека.

— Этот негуманский спейсер выпал из «струны» у Юпитера, облетел все планеты Солнечной системы, а потом прыгнул к Земле. Мне очень хотелось бы знать, почему он объявился здесь, в Мексике, хотя мы ждали его в другом месте, и почему именно ты стал свидетелем его выхода.

— Я н-не знаю...

— Верю. Хорошо, если на этом инцидент и закончится. Прощай пока. Звони, если что.

Ивор включил антиграв, поднялся над галеоном службы безопасности, проводил его взглядом. Галеон устремился к освещенной угрюмой колонне разбившегося негуманского спейсера, затерялся среди множества огней в карусели спецтехники.

Остро захотелось посоветоваться с отцом, рассказать о странных угрозах комиссара, поделиться впечатлениями от контакта с негуманами. Потом пришла мысль: мама тоже в свое время попутешествовала с отцом по мирам Древа и понимает в этом толк. Она может дать хороший совет.

Приняв решение, Ивор облетел кругом «дубину» чужого корабля, вокруг которого уже установили лучевую завесу для обозначения зоны недоступности, встретил возбужденных приятелей, примчавшихся к месту падения корабля, но делиться с ними полученной информацией не стал. Хотя желание повысить свой статус в глазах Альбины было. Но она с подчеркнутым победно-независимым видом держала за руку Костю Ламберта, и Жданов с грустью признал в душе свое поражение.

Выслушав с десятков предположений о причинах случившегося, Ивор тихо, по-английски, покинул приятелей, забрал свои личные вещи в лагере и на турфлайте добрался до метро. Через несколько минут он вышел из метро Твери, — здесь царил полдень, — взял пинас-такси и вскоре выбрался из него на сто сорок третьем ярусе седьмой жилой грозди города. Блок под номером девятнадцать, где жила семья Ждановых, венчал ярус и состоял из четырех комнат с перестраиваемым интерьером: двух спален, гостевого зала и рабочего кабинета с двумя независимыми выходами на Интерпаутину.

Мать была дома — занималась триаксом в компании подруг. Увидев сына, она обрадовалась и удивилась.

— Что-нибудь произошло? — спросила она, оставив подруг в гостиной. — У тебя неприятности?

Ивор понял, что она еще не знает о падении негуманского спейсера в Мексике.

— Неприятности, похоже, у отца, — мрачно проговорил он и поведал маме историю своего контакта с негуманоидом.

Ясена выслушала рассказ сына молча, не перебивая и не ахая, как это обычно делают все матери. Это была уже не та испуганно-решительная красивая девочка, стечением обстоятельств вырванная из родовой ниши на планете Гезем одной из «тупиковых» Ветвей Древа Времен. Став женой Павла, она закончила исторический факультет Московского университета, затем Академию пси-социологии, стала эф-аналитиком ВКС, потом начальником отдела квистории СЭКОНа. Куда бы ни заносила судьба мужа, она всегда была рядом, умудряясь при этом быть классным специалистом своего дела и любящей женой. Хотя в последний поход Жданова она почему-то осталась дома.

— Что будем делать? — тихо спросил Ивор, не дождавсь реакции матери.

Ясена очнулась.

— К Полуянову больше не обращайся, мальчик. Не нравятся мне его странные намеки. Я попробую навести кое-какие справки по своим каналам, а ты поговори со стариком Ромашиним. Думаю, он тебе кое-что объяснит.

— Кто это?

— Игнат Ромашин, бывший глава службы безопасности, теперь просто художник и скульптор. Статую «хронорыцаря» в нашем родном Парке Воспоминаний видел? Его работа.

— Почему ты уверена, что этот старик мне кое-что объяснит? Что именно?

— Поговори с ним, — уклончиво ответила Ясена. — Но больше никому ни слова! Особенно комиссару Полуянову. Обещаешь?

Ивор внимательно посмотрел на мать, и в сорок два года не потерявшую своей привлекательности и красоты.

— Ты от меня что-то скрываешь. Ты знала, что отец ушел в Ствол?

Ясена выдержала взгляд сына.

— Знала, но тебе знать об этом было рано. Разберемся с этим странным посланием негуманов — поговорим.

— Но почему нельзя об отце говорить с дядей Федором? Он же комиссар безопасности и друг отца.

— Есть хорошая пословица на этот счет: «Никогда не судите о человеке по его друзьям, у Иуды они были безупречны»*. А теперь займись своими делами, мальчик, мне пора провожать подруг.

Ивор поцеловал мать, спустился в гостиную, попрощался с подружками мамы, проводившими его шутками и любопытными взглядами, и снова вызвал такси. Он решил не откладывать дела в долгий ящик и сразу поговорить с бывшим комиссаром земной СБ Игнатом Ромашиным.

Глава 4

Мастерская художника и скульптора Ромашина Ивора не поразила. Она состояла всего из двух помещений: компьютерного вириала с видеозоной и виртуальным программатором и собственно скульптурной студии, где видеозарисовки обретали плоть, объем и жизнь. Ивору уже приходилось бывать в подобных мастерских, принадлежавших друзьям или творческим организациям, и ничего нового он увидеть не ждал. Но все же кое-что интересное ему показали.

Игнат Ромашин вышел к гостю сам, седой, темнолицый, худой, костистый, погруженный в свои мысли. Ивор смутился, не зная, как представиться и сообщить, что, собственно, при-

---

* П. Валери.

вело его к бывшему комиссару. Но хозяин мастерской просто подал ему руку, сделал приглашающий жест и провел Жданова в свои апартаменты.

— Подожди здесь, — сказал он негромко, — я сейчас освобожусь.

Он вышел, а Ивор от нечего делать стал разглядывать выставленные в зале скульптуры, торсы, головы, принадлежащие в основном животным, а также существам, которых Жданов в большинстве своем никогда не видел. Однако встречались и знакомые фигуры, застывшие в пластолите или туг-бетоне, а иногда в граните или известняке. Так, среди изваяний Ивор с удивлением увидел знакомую по квистории черепаху с усам — герплекса, представлявшего собой киборга-разведчика неких разумных существ. Десятки подобных «черепах» были запущены в Ствол кем-то из Игроков. А чуть дальше возвышалась жуткая шестиметровая фигура со змеиной головой, доставая макушкой потолок. Это был знаменитый пандав — обезьянозмей «хирургов», мощный киборг, способный самостоятельно передвигаться по «струне» через космическое пространство.

Находилась в этой компании и скульптура «хронорыцаря» — гиганта в фиолетовой чешуе с одним горизонтальным щелевидным светящимся глазом, сидящего на «кентавре», торс которого заменял острый голубовато-льдистый рог.

Но все же большинство изваяний коллекции Ивору было не знакомо. Он остановился напротив метровой высоты двояковыпуклой линзы с коричневой морщинистой шкурой, из которой вырастали два желтоватых стебля, увенчанных пластинчатыми шляпками. Эти стебли со шляпками сильно смахивали на гигантские грибы — бледные поганки.

— Это матка мицелия, — раздался сзади голос Ромашина. — Форма разумной жизни типа «грибница». Ее обнаружила наша Даль-разведка на одной из планет шарового скопления в Волопасе.

— Мы такую не изучали, — пробормотал Ивор.

— Как ни странно, наши мицеллиты не участвовали в прошлой Игре, хотя засылали своих наблюдателей, а вот их кванки стали «правой рукой» Игрока. Я имею в виду «хронохирургов». Но давай о деле, у меня не так уж и много свободного времени. Пошли в мой кабинет.

Ромашин повел гостя на второй этаж строения, и они расположились в креслах уютного рабочего модуля, стены которого походили на светящиеся изнутри пчелиные соты.

— Слушаю тебя, — посмотрел на Жданова серыми пронзительными глазами бывший комиссар.

— Понимаете, я попал в необычное положение, — начал Ивор стесненно, — и мама посоветовала обратиться к вам.

— Продолжай.

Глаза Ромашина вспыхнули и погасли, а Ивор вдруг почувствовал облегчение и уверенность, волнение его улеглось.

— Я с друзьями отдыхал в Мексике, — продолжал он смелей, — и случайно оказался недалеко от места падения негуманского космолета. Вы, наверное, слышали об этом?

Взгляд Ромашина изменился, стал острым и сосредоточенным. Он наклонился вперед.

— Ты был там во время падения?

— Мало того, я контактировал с живым негуманом. — Ивор коротко рассказал скульптору о разговоре с обитателем гигантской «колючки» и о встрече с Полуяновым и добавил: — Из всего этого я понял только одно: отец в опасности! Комиссар не стал мне ничего объяснять, а мама знает лишь о походе отца в Ствол. Может быть, вы знаете о цели этого похода и почему он так засекречен?

Ромашин помял пальцами подбородок, склонив голову набок и о чем-то размышляя, потом стремительно вышел из кабинета. Ивор удивленно посмотрел ему вслед, не зная, как реагировать на уход хозяина, но тот вернулся буквально через полминуты и не один. За ним вошел такой же высокий человек в серебристо-сером униформе, и ошеломленный Ивор перевел взгляд с его лица на лицо Ромашина и обратно: они были похожи, как братья! Вернее, у обоих было одно и то же лицо! Только прически были разными да волосы второго гостя казались темнее и не столь седыми.

— Знакомьтесь, — сказал Ромашин-первый, — Ивор Жданов, сын Павла и Ясены. Ивор, это Игнат Ромашин.

— Но вы... — Ивор пожал сухую сильную руку гостя. — Вы так...

— Я кванк Ромашина, — улыбнулся Ромашин-второй. — Или он — мой. Смотря с какой стороны посмотреть. Гошу вот у него второй день, разбираюсь с кое-какими проблемами.

— Садитесь, — сказал Ромашин-первый, выращивая еще одно кресло, — поговорим без спешки.

— А как вы попали к нам? — наивно поинтересовался возбужденный Ивор. — Разве Ствол открылся? Он же был заблокирован.

— Ствол заблокирован, однако кое-какие его хронолифты работают. Ты квистор и изучал историю создания хронобура, поэтому мне не придется начинать с общеизвестных истин*. После того как Игра была остановлена, Ствол не исчез, продолжая соединять все Земли в мирах разных Ветвей, но все его выходы были перекрыты судебными исполнителями каждой Ветви.

— Нам это говорили.

— Теперь ты услышишь то, чего вам не говорили. Ствол не только не исчез, но стал *самостоятельной* Ветвью Времен, пространством обитания многих разумных существ, попавших в него во времена прошлой Игры. Кроме того, у него образовался свой хозяин...

— Стас! — вырвалось у Ивора.

Ромашины переглянулись, с одинаковыми усмешками посмотрели на порозовевшего молодого человека.

— Правильно мыслишь, — сказал Ромашин-первый.

— Именно Стас, инк Ствола, — кивнул Ромашин-второй. — Он-то и регулирует теперь жизнь в этой необычной Ветви, создавая локальные объемы бытия и свои хронолифты, недоступные влиянию извне.

— Но как же вам удалось проникнуть внутрь Ствола, если он заблокирован, а хронолинии подчиняются только Стасу?

— Удалось, — снова усмехнулся Ромашин-два. — Это длинная история. Главное, что мы имеем возможность посещать через Ствол соседние Ветви. Я, твой отец и кое-кто еще.

— Кажется, я понимаю. Все вы в прошлой Игре вместе со Стасом играли на одной стороне...

— И он остался нашим другом. Правильно мыслишь, квистор. Однако давай-ка вернемся к твоей встрече с Полуяновым. Почему он вдруг заговорил о пси-сканировании?

— Меня это тоже удивило. Ведь я сказал ему все, что знал... — Ивор прикусил язык, вспомнив, что не сообщил Полу-

---

* См. книги автора «Бич времен» и «Схрон».

янову некоторые подробности контакта с негуманом. Виногато обвел глазами внимательные лица собеседников. — Извините, я кажется... солгал. Негуман произнес странную фразу... будто отца можно найти по запаху, но об этом я Полуянову не сказал.

Ромашины обменялись быстрыми взглядами.

— Ты правильно понял посланника? Он так и сказал: «по запаху»?

Ивор пожал плечами.

— Контакт был практически селективным, я слышал мысли негумана почти как звуковую речь. Он так и сказал: «Можно найти отца по запаху». Если предполагать, что... — Ивор застыл с открытым ртом, прошептал: — Кажется, я понял...

Ромашины не шевельнулись, и он продолжал:

— Негуман имел в виду «запах» мысли, «запах» личности! Ведь сам он нашел меня именно таким образом, посетив множество Земель в других Ветвях.

Ромашин-второй почесал затылок, прищурился.

— Ей-богу, общение с этим юношей доставляет мне удовольствие. Можно говорить, что я не зря посетил вашу Землю.

— Он сын своего отца, — усмехнулся Ромашин-первый. — А Жданов, как говорится, и в Африке — Жданов.

— Жаль, что в нашем мире у нашего Жданова нет такого сына.

— Потому что такая жена, как у нашего Жданова, — единственная на все Ветви.

— Ты прав, скульптор. Давай теперь займемся развитием идеи этого парня — как найти его отца в Мультиверсуме по «запаху» личности.

— Где-где? — встрепенулся Ивор. — В Мультиверсуме?

— Так у нас называют Большую Вселенную, состоящую из бесчисленного количества пузырей-Метавселенных, которые, в свою очередь, образуют «кусты», или Фракталы Времени. Но об этом мы еще поговорим.

Ромашин-второй встал.

— Спасибо за информацию, Ивор Жданов. Сдается мне, мы увидимся в скором времени.

— Но вы не сказали, куда и зачем ушел мой отец!

Ромашин-второй посмотрел на первого.

— Дашь ему пакет? По-моему, он надежен и умеет держать язык за зубами.

— Дам, — пообещал скульптор.

Ромашин-второй похлопал Ивора по плечу, пожал руку хозяину кабинета.

— Найди по своему Полуянову все, что сможешь, нам нужен полный интенционал. Я свяжусь с тобой сам.

Открылась и закрылась дверь кабинета. Ивор и Ромашин-первый остались одни, глядя на дверь. Затем Ивор сказал:

— Он действительно попытается найти моего отца?

— В принципе он ищет своего Жданова, а не твоего отца, но судьба Ждановых соединяет их всех. Найдется один — отыщутся и остальные. Однако мой кванк — человек решительный, если сказал — сделает. В своей Ветви он так и остался комиссаром, не то что я здесь.

Ивор прищурился.

— Мне почему-то кажется, что вы и у нас здесь занимаетесь не только свободным творчеством. Мой отец говорил о секторе контрразведки в УАСС. Вы случайно не возглавляете его?

Ромашин добродушно рассмеялся.

— Расколлот старика, ясновидец. И хотя сектор контрразведки я не возглавляю, но имею к нему кое-какое отношение.

Помолчали.

— Все равно не понимаю, зачем вашему кванку понадобилось решать наши проблемы. Своих не хватает?

— Ну, проблем и у них полон рот: хронозеркала, таинственный Наблюдатель, «мячи дьявола», гасящие звезды, «спящие джинны» — роботы негуманов, способные изменять реальность... И Жданов у них свой имеется. Но, во-первых, он тоже пропал, как и твой отец, а во-вторых, их проблемы тесно увязаны с нашими.

— Это как?

Ромашин пожевал губами, с некоторым сомнением глядя на гостя, пощипал подбородок.

— Пожалуй, я дам тебе почитать докладную записку аналитиков безопасности, подготовленную для ВКС. Ты все поймешь.

— Может быть, хотя бы намекнете, что происходит?

— Можно и намекнуть. Вкратце происходит следующее. Ты не интересовался статистикой некоторых отрицательных явлений в масштабах Земли?

— Нет, — озадаченно покачал головой Ивор. — Не пришло в голову.

— А зря. Иначе бы ты заметил некие негативные тенденции. За последние двадцать лет в нашей Ветви произошли изменения некоторых физических констант, повлекшие за собой, в свою очередь, изменения физических и психических кондиций человечества.

— О каких константах идет речь?

— В первую очередь изменилась масса электрона — увеличилась, хотя и незначительно, на три десятых процента. Плюс к этому — увеличилась эф-константа вакуума, отвечающая за его осцилляции: их амплитуда возросла, а частота снизилась, что, в свою очередь, отразилось на самочувствии всех существ, населяющих нашу Ветвь. К примеру, люди стали чаще страдать психическими заболеваниями и умирать от кровоизлияний в мозг, и тенденция эта продолжает развиваться.

— Может быть, изменения констант здесь ни при чем?

— Нам тоже хотелось так думать, но эксперты догадались провести закрытое исследование ситуации с увеличением смертности и нашли его причину. Виноваты именно те процессы, о которых я говорил.

— Но каким же образом экспертам удалось измерить увеличение массы электрона? Ведь это произошло сразу во всем объеме нашего метагалактического домена? Изменились параметры не только измеряемых объектов, но и самих инструментов.

— Молодец, квистор, тебя не напрасно учили премудростям квантовой физики и истории. Мы сами не сразу определили бы сдвиг констант, если бы нам не помогли коллеги из соседней Ветви, предоставив независимую — от наших местных условий — аппаратуру. Раскачка вакуума имеет место, и это означает...

— Что начавшаяся Игра отражается и на нашей Ветви!

— Совершенно верно. Вот для нейтрализации этого воздействия мы и направили группу во главе с твоим отцом в нижние Ветви.

— Вы отправляли?

— Нет, конечно, командовал всем процессом подготовки и запуска Федор Полуянов.

— Почему же он так странно прореагировал на появление посланника отца?

— Разберемся. О нашем разговоре — никому ни слова.

— Даже маме?

— Мама работает вместе со мной, ей можно. — Ромашин улыбнулся, заметив прыгнувшие вверх брови собеседника. — Она из тех редких женщин, которые способны коня на скаку остановить, в горящую избу войти, постоять за себя и хранить тайны. С комиссаром постарайся не откровенничать или не встречаться вовсе. Этот человек явно что-то скрывает от нас всех, необходимо узнать — что именно и по какой причине.

— Я знаю его плохо.

— Возможно, мы тоже знаем его не достаточно. В прошлой Игре он играл вместе с нами... — Ромашин оборвал себя, встал. — Будь внимателен, квистор. Заметишь что-нибудь необычное, постарайся сообщить.

Ивор тоже поднялся, с сожалением подумав, что уходить не хочется, пожал руку Игнату, и тот проводил его к выходу из мастерской. На пороге Жданов задержался, кивнул на ряды скульптур, в большинстве своем изображавших чужих существ.

— Вас не компрометирует это анимационное творчество?

Бывший комиссар понял.

— Наоборот, никто не обращает внимания, все считают мое увлечение чудачеством. Очень удобная позиция.

Из-за спины Ромашина вдруг вышла тоненькая миниатюрная девушка в легком сарафане, облегающем фигуру. Она так напоминала Ясену: тот же овал лица, те же широко расставленные удлинённые зеленые глаза, те же брови вразлет, — что Ивор потрясенно уставился на нее, забыв о приветствии.

— Знакомьтесь, — покосился на нее скульптор. — Моя дочь Мириам.

— Здравствуйте, — улыбнулась девушка, окидывая Жданова смеющимся дерзким взглядом. — Я могла вас видеть прежде?

— Ты видела его мать, — проворчал Игнат. — Она бывала у нас в гостях. Уходишь?

— Да, мне пора на занятия.

— Не возражаешь, если тебя проводят?

Глаза Мириам оценивающе прошлись по фигуре Ивора, и тот впервые в жизни пожалел, что он не атлет.

— Если твой гость не спешит...

— Не спешу, — быстро сказал Ивор.

— Я так и предполагал, — кивнул Ромашин, пряча в глазах веселые искры. — Возьмите мой флайт. — Скульптор посмотрел на Жданова. — Она учится на факультете квистории СЕГУ, который ты закончил.

— Правда? — удивленно взглянул на девушку Ивор.

— Правда, — засмеялась она. — Заканчиваю четвертый курс. Потом летняя практика в какой-нибудь археоэкспедиции, дипломная работа и экзамен. Пойдемте, а то я опоздаю на коллоквиум.

Мириам схватила Ивора за руку и потащила во дворик дома Ромашиных, где уже стоял готовый к полету личный аппарат Игната — каплевидный трехместный флайт цвета «брызги шампанского». Игнат проводил их задумчивым взглядом и вошел в мастерскую.

Дом, принадлежащий семье бывшего комиссара, располагался на территории Волоколамского заповедника в зоне владений лиц с высоким социальным статусом. Он принадлежал еще отцу Игната Филиппу, бывшему игроку сборной Земли по волейболу, а потом ее тренеру (в Ветви, откуда к Игнату прибыл его кванк Ромашин-второй, Филипп Ромашин стал конструктором таймфаговой аппаратуры, а потом сотрудником и комиссаром службы безопасности). Это был трехэтажный коттедж, стилизованный под древнерусские хоромы, с высокими двускатными крышами, резными наличниками и панелями, с маковками башенок и высоким крыльцом. Мастерская Ромашина была пристроена к дому позднее, но в том же стиле и не портила архитектурных пропорций.

Дом стоял у небольшой реки среди других строений, принадлежащих деятелям науки, культуры, искусства и виратуры*, а также крупным чиновникам правительства Московского нойона, и не особенно выделялся среди них размерами и эстетикой форм. Здесь встречались гораздо более мощные и вычурные сооружения, созданные фантазией строителей.

Подлетая к дому Ромашиных, Ивор вдоволь налюбовался формой коттеджей; теперь же, улетаая вместе с дочкой скульп-

---

* *Виратура* — видеолитература, литература с игровой текстовой разверткой.

тора, бросил вниз, на отдаляющийся город, утопающий в зелени леса, лишь один взгляд. Мириам завладела его вниманием полностью.

Через минуту после знакомства они уже перешли на «ты» и болтали обо всем, что приходило в голову, вспоминали преподавателей университета, искали общих знакомых, рассказывали о своих пристрастиях и увлечениях, шутили, смеялись, будто были знакомы всю жизнь, и не заметили, что за ними в отдалении следует малозаметный на фоне облаков белый галеон.

Здание Среднеевропейского гуманитарного университета располагалось в Минске, бывшей столице Белоруссии, ныне — правительственном центре Белопольского нойона. До него быстрее можно было добраться на метро из Волоколамска, но молодые люди об этом не подумали, и путешествие на флайте длилось около двадцати минут, пока он мчался на юго-запад в воздушном коридоре скоростных машин.

Прощались на крыше одной из башен университета, договорившись встретиться вечером. Ивор хотел было прочитать Мириам только что сложившиеся стихи, но вместо этого сказал как нечто очень важное:

— Ты не представляешь, как ты похожа на мою маму!

Девушка засмеялась, выскакивая из кабины флайта.

— Потому что моя мама из того же родового клана, что и твоя. Ее зовут Ярина, отец посещал ее мир — Гезем, влюбился и привез сюда, на Землю. Мы еще поговорим на эту тему.

Умчалась.

А он остался сидеть в кабине с ощущением безмерного удивления, ошеломленный, обрадованный, еще не вполне поверивший в счастье знакомства с девушкой, которую ждал и которой уже давно посвятил многие стихи. Альбина Яворская отошла на второй план и исчезла, превращаясь в символ.

Ивор поднял глаза к небу и вслух проговорил:

Прохожих не видно,
Но самую первую
Увижу тебя, мне не долго идти.
А встреча случится.
Я так в это верую,
Что это не может не произойти!..

Стихи эти были написаны давно, но теперь казались пророческими.

Глава 5

Два дня Ивор прожил, как в тумане, находясь под впечатлением знакомства с дочерью Ромашина и проведенного с нею вечера. Стихи почему-то не слагались, хотя душа жаждала каких-то чудесных открытий и ждала новых встреч с девушкой, оказавшейся дальней родственницей мамы. Лишь на второй день после вечерней встречи с Мириам Ивор написал несколько строк:

Что это было? То ли наважденье
От чар луны в глухой полночный час?
То ль краткий миг внезапного прозренья,
Что раскрывает больше тайн для нас,
Чем древние ученья?..

Вечером девятнадцатого мая он не выдержал и позвонил ей, не зная, как она прореагирует на звонок. Однако девушка восприняла его появление нормально и с детской непринужденностью предложила присоединиться к ее компании.

Ивор уже имел опыт одиночества в компаниях приятелей, поэтому согласился не сразу, подумав, что если он не придется ко двору и компании Мириам, то это уже диагноз. Но отказываться от встречи со ссылкой на то, что не знает друзей девушки, он не стал.

К счастью, опасения его оказались напрасными.

Компания Мириам состояла из двух парней и трех девушек, собравшихся поиграть в теннис на кортах австралийского спорткомплекса в Маалу. Ивор неплохо играл в теннис, и стесняться своей спортивной несостоятельности ему не пришлось. В паре с Мириам он выиграл два матча, после чего окончательно расположил к себе друзей девушки и перестал чувствовать себя лишним.

Наигравшись вдосталь, компания вымылась под душем, поплавала в бассейне с чистой морской водой и вечер просидела в бунгало-баре «Малу-рок» на берегу океана. Здесь посетителей обслуживали живые люди, выступали живые музыканты и певцы-аборигены, было шумно и весело. Ивор впервые

в жизни попробовал австралийскую кухню и полакомился экзотическими фруктовыми салатами из гриндиллы, или «плода страсти», как его называли, чайота и барбакарру. Первое ему понравилось, второе и в особенности третье — нет.

Потом они гуляли по крупному белому песку на берегу океана, глядя на светящиеся изнутри волны, пели, читали стихи, с интересом поглазели на плантацию светящихся в темноте багбрабусов — летающих пузырчатых мхов, привезенных с одной из планет альфы Возничего. Мхи сплетались в причудливые ажурные замки, напоминающие искусственные архитектурные сооружения, и можно было понять дальразведчиков, наткнувшихся на эту форму жизни и принявших ее за следы разумной деятельности.

Поздно вечером по местному времени компания разделилась на пары, и как-то само собой получилось, что Ивор остался с Мириам. Девушка притихла, глядя на высыпавшие звезды, видимые сквозь вуаль реклам и светомузыкальных строчек; они стояли на скале, нависшей над водой.

— Тебе не хотелось бы попутешествовать по Вселенной? — прозвучал ее тихий нежный голос.

Ивор, чувствуя ее локоть, но не смеющий обнять, ответил не сразу, мысленно нанизывая на свое настроение строчки рождавшихся стихов:

— Я посещал наши лагеря у других звезд. Вместе с отцом.

— Я имела в виду Большую Вселенную.

— Древо Времен?

— Есть гипотеза, что Древо Времен не одно во Вселенной. Разве ты не проходил курс вариантной истории?

— Проходил и гипотезу слышал.

— Так хочется взглянуть на Земли других Ветвей!

Ивор улыбнулся.

— Мне знакомо это чувство. Наверное, об этом мечтают все, кто занимался квисторией. К сожалению, Ствол заблокирован, и проникнуть внутрь него невозможно.

— Но ведь твой отец каким-то образом проник в него? — заметила девушка.

— Откуда ты знаешь?

Она удивленно оглянулась.

— Ты же сам говорил. Да и папин кванк, приходивший к нам, прибыл сюда из своей Ветви через Ствол.

— Не обязательно, он мог использовать трансгресс.

— Нет, не мог, трансгресс, если ты помнишь курс технологии Игр, — система, предназначенная для судейского персонала, а не для людей.

— Мой отец пользовался трансгрессом свободно.

— Потому что он был участником Игры и потенциальным Игроком.

— Хорошо, не будем спорить. Но я почему-то уверен, что трансгресс открыт для людей, просто мы не знаем кода его вызова. Кстати, чтобы проникнуть в Ствол, заблокированный прошлым судебным исполнителем...

— Тебе известно, кем он был? — перебила Ивора девушка.

— Отец говорил, что им был Игорь Марич. Так вот, чтобы пройти в заблокированный Ствол, нужен дриммер.

— Значит, он у твоего отца имеется.

— Если бы дриммер был у моего отца, он не просил бы помощи. Надо выяснить, у кого он остался на Земле, и передать отцу.

— А что, это мысль, — загорелась Мириам. — Я подозреваю, что он у комиссара.

— Почему же Полуянов до сих пор не выручил отца?

— Потому что не заинтересован в этом. Недаром он спрашивал о твоём разговоре с посланником и пригрозил сканировать память. Я вообще считаю, что этот человек что-то скрывает и даже, может быть, уже играет на стороне одного из новых Игроков.

Ивор озадаченно посмотрел на профиль девушки, высказавшей то, что мучило его самого.

— Тогда нам надо поговорить с твоим отцом и поделиться нашими соображениями.

— Зачем делиться? Мы сами все выясним и сделаем. Ты не знаешь моего папочку: он на километр не подпустит нас к Стволу и вообще к этой проблеме. Давай действовать самостоятельно.

— Но как-то не очень удобно... — промямлил Ивор.

Мириам повернулась к нему, решительно сдвинув брови.

— Ты хочешь выручить своего отца?

— Хочу.

— Тогда отбрось все колебания! Я попытаюсь выведать место нахождения дриммера по своим каналам, ты — по сво-

им. Как только получим его — начнем действовать. А сейчас предлагаю посмотреть на Ствол.

— Можно подумать, ты его не видела.

— Ночью он красивее и таинственнее.

— Нас к нему не подпустят близко.

— У меня есть папин пропуск.

Ивор невольно улыбнулся.

— Я не думал, что ты такая решительная.

— А я не думала, что ты такой несамостоятельный, — рассердилась Мириам. — Летим к метро. — Она взяла его за руку. — Я беру над тобой шефство и выведу в люди. Квисторы мы или не квисторы? Способны заменить дедов и отцов или нет?

— Способны, — со вздохом заверил ее Ивор.

Через минуту они сидели в такси, которое доставило молодых людей к метро Маалу, затем в Брянске нашли свободный флайт и направились к двухкилометровой колонне хронобура, располагавшейся недалеко от небольшого старинного городка Жуковка.

Когда-то Ствол выглядел как куст черного чертополоха, представляя собой конгломерат проросших друг в друга пространств с разными свойствами. Но двадцать лет назад он вдруг потерял форму чертополоха и теперь издали казался гладким светящимся белым минаретом, вершина которого растворялась в световой вуали неба. Вблизи же он вырастал в рифленую пористую гору, ощутимо массивную и тяжелую, внушающую беспокойство и дискомфорт. К тому же эта рукотворная гора была окружена вогнутой полупрозрачной стеной энергоотражателя и цепью рогатых слоноподобных туш хроностабилизаторов, усиливающих эффект тревожного ожидания.

Однако ближе чем на три километра флайт с молодой парой не подпустили. Стоило ему достичь окраины Жуковки, как перед аппаратом высветилась в воздухе алая надпись: «Внимание! Запретная зона! Вход без пропуска запрещен!» Затем из-за стены энергоотражателя выметнулся луч оранжевого света и нарисовал перед носом флайта решетку, что на языке аэроинспекции означало: «Остановитесь немедленно!»

На панели киб-пилота замигал желтый огонек вызова. Ивор остановил флайт, включил приемник.

— Борт ноль-ноль-шесть, — раздался в кабине скрипучий недовольный голос. — Поверните назад. Зона в радиусе трех километров закрыта для пролета любых видов транспорта.

— Имею пропуск службы безопасности с красной полосой, — ответила Мириам. — Номер сто одиннадцать двести.

Короткая пауза. Потом тот же голос проговорил:

— Пропуска данной серии не действительны. Немедленно покиньте запретную зону!

— Как недействительны?! — возмутилась девушка. — Это же пропуск моего... — Она прикусила язык.

Из темноты перед висящим в воздухе флайтом возник треугольный хищный контур когга с синими огнями воздушной инспекции.

Ивор встрепенулся, дал команду кибу, и флайт сдал назад, удаляясь от фарфорово-белой башни Ствола. Когг воздушного патруля бдительно сопровождал его до вылета из зоны и сгинул.

— Ничего не понимаю! — с досадой сказала Мириам. — Отец же пользовался этим пропуском неоднократно.

— Значит, что-то произошло, — пожал плечами Ивор. — Поменялись коды, сигналы, начальство изменило допуск. Мало ли что еще? Может быть, виной всему появление негуманского спейсера. Если так, то мы вообще не сможем подойти к Стволу.

— Что-нибудь придумаем. — Мириам оглянулась. — На меня хронобур действует, как красная тряпка на быка. Так хочется побродить по его коридорам, побывать в других Ветвях, познакомиться с другими кванками....

Ивор промолчал, хотя у него тоже изредка возникало это желание. Сами собой сложились строки:

Там свой мир.

Он и сложен и прост.

Он прекрасен в своей виртуальности.

Эй, ты там, наверху! Помоги,

Дай ответ на вопрос:

Что нас ждет за порогом реальности?

Он медленно прочитал их вслух.

Мириам замерла, разглядывая выхватываемое из темноты сполохами реклам лицо спутника, задумчиво проговорила с

каким-то странным выражением недоверия и восхищения одновременно:

— Ты действительно поэт, Жданов. А я поначалу отнеслась к твоему дару скептически. Прости, ладно? Почитай еще что-нибудь свое. Впрочем, — вспомнила она, где находится, — у нас еще будет время. Помчались по домам, утром займемся неотложными делами. Время не ждет.

Ивор был с ней полностью согласен, хотя домой лететь не хотелось. Хотелось продолжить вечер и быть с дочкой Ромашина еще долго... долго....

Мама не одобрила идею Мириам тайно от всех проникнуть в Ствол с помощью дриммера и отправиться на поиски отца. Но Ивор и не ожидал от нее иной реакции. Идея уже захватила его, а отступать, пасовать перед трудностями он не любил, поэтому спорить с матерью не стал, просто сделал вид, что ее доводы его вполне убедили. Поразмышляв над проблемой проникновения в здание хронобура, Ивор понял, что особых шансов заполучить дриммер у него нет. Единственный путь, ведущий к этой цели, состоял в прямой просьбе комиссару дать ему на время лонг-меч (так называли дриммер соотечественники мамы). Но реакцию Полуянова нетрудно было представить, прямой путь вел в тупик, и молодой квистор решил пока не ломать голову над проблемой добычи дриммера. Стоило попробовать пробраться в Ствол иным путем, для чего надо было как следует проштудировать теорию хронобурения Златкова и вспомнить ее техническое воплощение в конструкции Ствола.

Весь день двадцать первого мая Ивор просидел дома в контакте с инком университета, созерцая эвереттовские «оленьи рога» и «фрактальный папоротник» Златкова, и пытался найти ответ на вопрос: в чем ошибся знаменитый создатель метатеории Древа Времен, занимая пост Судьи в прошлой Игре, за что его освободили от исполнения обязанностей служителя правосудия?

«Оленьи рога» Ивор вполне понимал: они графически поясняли идею древнего ученого Хью Эверетта-третьего, изложившего еще в пятьдесят седьмом году двадцатого века теорию многовекторного ветвления Вселенной как следствия реализации вероятностной изменчивости мира.

А вот «фрактальный папоротник» Златкова с траекторией Ствола каждый воспринимал по-своему, и объяснить им влияние хронобура на Древо Времен было нелегко.

Как объясняли теорию преподаватели университета, Ствол ограничивал количество альтернативных копий в точках своего выхода, как бы угнетал развитие Метавселенных, сужал спектр возможностей многовариантной реализации Древа, зато инициировал другой процесс — рождение Древа маловероятных и совсем невероятных состояний материи. Например, в таких Метавселенных становились равноправными нетранзитивные отношения, при которых одновременно два взаимоисключающих друг друга события спокойно уживались рядом (или «внутри» друг друга), не аннигилируя при этом, порождая причудливые «миры-призраки виртуальных несогласий» и миры парадоксальных метрик (таких, например, где параллельные прямые одновременно являются перпендикулярными). Представить подобные состояния удавалось не всем, даже Ивору с его хорошо развитой фантазией поэта, да он особенно и не старался это сделать, зато еще раз убедился, что Ствол стал своеобразным ограничителем реальных состояний и детонатором недоступных наблюдению человеком миров, где в принципе невозможное становилось возможным. В рамках этого подхода можно было принять и существование «абсолютных невероятий» (термин принадлежал Златкову) и «физики недоступного совершенства» (термин отца Ивора).

В конце концов Ивор устал от попыток анализа умозаключений ученого (когда он еще только учился, эти умозаключения были интересными), создавшего хронобур, и принялся кропотливо искать слабые места сооружения, через которые можно было пробраться к одной из хрономембран. В свое время он отнесся к изучению конструкции хронобура спустя рукава, хотя и сдал предмет «Конструирование хронооборудования» на «отлично». Теперь надо было срочно наверстывать упущенное.

Однако углубиться в изучение конструкции Ствола ему не дали. Только он успел выяснить, что Ствол имеет тридцать зон безопасности (модулей, свободных от хроносноса) и всего три тамбур-входа, как домовый сообщил хозяину, что к нему пришел гость.

Ивор, одетый в майку и шорты, открыл дверь и остолбенел.

Гостем оказалась молодая женщина сногшибательной красоты, одетая по моде «пареонет»: платье на ней как бы имелось и в то же время как бы отсутствовало, и по телу безупречных форм и линий бродили радужные просверки и туманно-прозрачные вихрики, нередко открывающие на несколько мгновений считавшиеся интимными места. Волосы у нее были рыжие, со светящимися кончиками, глаза ярко-желтые, с поволокой, губы то темнели до черноты, то раскалялись до алого свечения. В руке незнакомка держала сумочку-сквош неопределенных очертаний, также похожую на вскипающее облачко.

Все знакомые девушки Ивора, конечно, следили за модой и носили уники или платья в соответствии с рекомендациями ведущих модельных агентств мира, а также не забывали о новейших разработках в области макияжа и артбодинга, но гостя Жданова была *вызывающе* современна! Вдобавок ко всему по коже ее тела бродили паутинки эротических сцен, уши то удлинялись до плеч, то исчезали вовсе, ногти «проваливались» в себя, превращаясь в микровитейры — объемные картинки, комбинации запахов кружили голову собеседника, а весь костюм, представляя собой генератор пси-возбуждения, создавал почти непреодолимый шарм женщины-вамп, обещавшей неизъяснимое наслаждение.

— Вы долго собираетесь держать меня на пороге? — кокетливо улыбнулось небесное создание.

Ивор очнулся, проглотил слюну.

— Вы ко мне?

Гостя засмеялась.

— Если вы Ивор Жданов, то к вам.

Ивор посторонился.

— Проходите, пожалуйста. Извините, я никого не ждал, поэтому в таком виде... я сейчас переоденусь.

— Не суетитесь, я ненадолго и к тому же неплохо вижу в инфракрасном диапазоне, так что не стоит стараться выглядеть лучше, чем вы есть в состоянии онатюрель*.

Покрасневший Ивор провел даму в гостиную, интерьер которой в стиле маккалоа не менял по крайней мере уже два месяца, и предложил быть как дома, пока он все-таки сменит наряд.

---

* Au naturel (фр.) — в природном виде, голый.

— Что будете пить? — спросил он через минуту, появляясь в спортивном костюме. — Чай, кофе, тоник? Или, может быть, вино?

— Спасибо, я не люблю напитки вашей Ветви, — равнодушно проговорила незнакомка, без особого любопытства окидывая взглядом атрибутику маккалоа: ниши, статуэтки, циновки, магические чаши с орнаментом, вычурные плетеные стулья и кресла.

Ивор вздрогнул, внезапно прозревая.

— Кто вы?!

— Вы правильно догадались, — усмехнулась гостья, усаживаясь в кресло рядом с двухметровой статуей жихаря, сплетенной из соломы и тростника. — Я не из вашей Ветви и пришла сюда лишь ради встречи с вами.

— Кто вы? — повторил вопрос Ивор.

— Я гонец одного из Игроков, можете называть меня «хронокурьером».

— Вы... не похожи...

— На женщину?

Золотые глаза гостьи вспыхнули, алые губы призывно раскрылись, руки потянулись к Ивору, так что он невольно сделал к ней шаг, но ее глаза вдруг заледенели, и Жданов отшатнулся, трезвея. Незнакомка засмеялась.

— Для контакта не имеет значения, кто я в вашем понимании — мужчина или женщина. Скажем, во мне есть многое от одного и от другой, хотя и не в половом отношении. А вы молодец, коли учуяли это. Но если вам будет легче, я изображу мужчину...

— Нет-нет, не обязательно, — поспешно сказал Ивор. Сделал усилие, и чары гостьи развеялись. Тогда он сел в кресло напротив и сказал уже более свободно:

— Я имел в виду имя. Как вас называть?

— Зовите меня Тирувилеиядаль.

— С какой стати гонца Игрока заинтересовала моя скромная персона? Я ведь только-только закончил университет и еще ничего не...

— Уровень ваших знаний не имеет значения, главное — уровень личности. Вы — сын судебного исполнителя с потенцицией Игрока. Этого пока достаточно.

— Я сын... судебного?..

— Человек-спектр Павел Жданов как *стая* кванков в прошлой Игре сыграл роль помощника судебного исполнителя, хотя и неосознанно. Вам же предлагается стать эмиссаром другого Игрока в новой Игре.

— Но почему мне? — растерялся Ивор. — Ничего особенного в своей жизни я не совершил. К тому же я не профессионал спецназа.

— Профессионалов спецназа у нас хватает, — засмеялась Тирувилеиядаль (хотя, может быть, следовало сказать засмеялся? или вообще — засмеялось?). — Не хватает умных индивидуальных исполнителей с большим пси-резервом и внутренней свободой.

— Вы считаете, что я и есть человек с большим... э-э... пси-резервом? — хмыкнул Ивор.

— Мы не считаем, мы знаем. Наблюдатели наши, как правило, не ошибаются, а они следят за вами практически со дня рождения.

Ивор недоверчиво прищурился.

— Зачем?

— Обычная практика наблюдения за потенциально мощными личностями. Я уже говорила: вы сын судебного исполнителя и дочери колдуна с планеты Гезем, имеющей задатки ведуньи, а значит, и преемник их паранормальных возможностей.

— Но я ничего такого... — Ивор пошевелил пальцами, — не умею!

— Пси-резерв иногда просыпается поздно. Однако вы уже проявляете кое-какие способности, остальное всплывет в нужное время и в нужном месте.

— Какие еще способности?

— Поэтами в вашем мире становятся далеко не все. Это задаток. Но мы уклонились от темы. Вы согласны выбраться из русла рутинного бытия и свернуть на дорогу, ведущую к абсолютной власти?

Ивор усмехнулся, получил хлесткую мысленную пощечину — взгляд золотых глаз посланца Игрока, — инстинктивно загородился прозрачным щитом воли (сразу стало легче) и пробурчал:

— Власть мне не нужна.

— Власть нужна всем! — с презрительной убежденностью заявила Тирувилеиядаль. — Это единственная субстанция на все

Древо Времен, придающая смысл Игре, Игрокам и самому Древу, способствующая проявлению творческих сил и высших гармоний.

— Если войну между Игроками вы называете высшей гармонией...

— Войной Игру называете вы, люди. Она же и в самом деле помогает проявлять Древу *все* варианты и комбинации времен и вселенных.

— Ну, не знаю... может быть... не думал...

— И вам не интересно убедиться в этом воочию? Пробудить свои силы и увидеть то, чего никто из ваших соотечественников никогда не увидит?

— Почему же — интересно...

— Так в чем же дело? В бесконечно многих мирах условия существования таковы, что у людей нет ни слов, чтобы их описать, ни фантазии, чтобы мысленно представить. А вам это станет доступно!

— Я... боюсь, — простодушно признался Ивор.

Тирувилеиядаль засмеялась.

— Мы поможем вам избавиться от страха. Итак, вы согласны?

Молодой человек упрямо сдвинул брови.

— Я еще не принял решения. Мне надо подумать.

— Хорошо, думайте. — Гостья встала, соблазнительно качнув бедрами. — Не в качестве метода вербовки, а в качестве подарка могу предложить сексуальную игру. Убеждена, вы получите истинное наслаждение!

— Не сомневаюсь, — хмуро бросил Ивор, подавляя в душе желание схватить женщину в охапку и бросить на кровать.

Брови посланницы Игрока изогнулись, она смерила хозяина взглядом и направилась к выходу. Уже на воздушной дорожке, ведущей к другим жилым модулям грозди, остановилась и оглянулась.

— О нашем разговоре лучше не рассказывать никому. Решение вы должны принять лично. Иначе придется очищать память.

Из-за соседней «виногадины» вывернулся каплевидный пинасс, затормозил возле рыжеволосой красавицы и унес ее в небо. Ивор постоял немного, провожая аппарат задумчивым взглядом, зябко передернул плечами и поспешил в дом, бормоча под нос:

— Еще одна угрожает сканированием памяти... уж не работает ли дядя Федя Полуянов в одной упряжке с мадам Тирувиле... и как там еще?.. иядаль?..

В кабинете Ивор уселся в кокон-кресло компьютерной зоны и вызвал Мириам. Пора было признаваться, что он не придумал способа добычи дриммера и не знает, как пробраться в Ствол незамеченным.

Глава 6

В гости к Ромашиным Ивор приходил теперь как к себе домой, хотя всегда с трепетом ждал встреч с Игнатом, которого не то чтобы боялся, но опасался и уважал. Если же Ромашин отсутствовал, молодой человек переживал облегчение и одновременно чувство вины, тут же исчезавшее под натиском энергии Мириам. В такие моменты он подолгу созерцал творения отца девушки, в том числе объемные картины (в основном пейзажи других планет), и сожалел, что не родился художником.

Так было и на этот раз, когда наутро после встречи с посланцем Игрока он заявился к Мириам, чтобы обсудить дальнейшую программу действий.

Дочери Ромашина тоже не удалось найти лазейку в Ствол в обход всех охранников хронобура, и ее сумасбродный план ничем не отличался от сумасшедшей идеи Ивора — прижать Федора Полуянова к стенке, заставить рассказать все о посылке команды Жданова-старшего в Ствол и отдать дриммер.

Посмеявшись вдвоем над своими идеями, молодые люди приуныли, потом все же поднялись из мастерской в жилой блок, засели за инк-информатор и принялись обсуждать способы проникновения внутрь Ствола, пользуясь полным описанием конструкции хронобура, доступным лишь сотрудникам службы безопасности.

Им повезло: описание хранилось в памяти персонинка отца Мириам, имевшего доступ ко многим секретным файлам службы.

О предложении, которое ему сделала курьерша Игрока Тирувилеиядаль (не догадался спросить, балбес, — кто этот Игрок, из какой Ветви Времен и что из себя представляет), Ивор пока никому не говорил, в том числе Мириам, но курьерша

сама напомнила о себе, и Жданову волей-неволей пришлось рассказать девушке все. Потому что позвонила Тирувилеиядаль именно в тот час, когда Ивор и Мириам разглядывали выданное инком изображение Ствола в разрезе.

Ивор поднес к глазам руку с браслетом видео, и над матово-черным квадратиком развернулся крошечный объем передачи: на Жданова глянула рыжеволосая голова вербовщицы Игрока.

— Вы приняли решение, господин Жданов?

— Еще нет, — сказал застигнутый врасплох Ивор.

— Боюсь, вы переоцениваете свое значение. — Красавица Тирувилеиядаль превратилась в мужчину с птичьим лицом. — Я позвоню завтра. Будьте добры ответить «да» или «нет».

— Я не переоцениваю своего значения, — разозлился Ивор, — но не люблю, когда давят на психику!

— Это еще не давление, — очаровательно улыбнулась Тирувилеиядаль, и объем передачи свернулся в лучик, погас.

— Кто это был? — с сомнением посмотрела Мириам на помрачневшего Ивора. — И что ей было от тебя нужно?

Ивор провел ладонью по щеке, поколебался немного и рассказал девушке о своей встрече с посланницей Игрока.

— Как интересно! — воскликнула Мириам, когда он закончил. — Неужели откажешься?

— Ты не понимаешь, — хмуро сказал Ивор. — Она не сказала, на стороне какого Игрока мне предложено играть. А если за того, кто замахнулся на свертку нашей Ветви?

Радостное оживление на лице Мириам уступило место задумчивости.

— Ты прав, я не подумала. Так спроси у нее, когда она позвонит в следующий раз.

— Вряд ли она скажет правду. История учит, что вербовщики обычно не отличаются честностью и щепетильностью. Может быть, стоит посоветоваться с твоим отцом?

— Конечно, — с готовностью поддержала его девушка, — он не откажет и никогда не ошибается. Только не проговорись о наших планах. А пока его нет, давай прикинем, что нам нужно для похода.

— Ты хочешь идти... вдвоем?

— А тебе еще кто-то нужен? — с потрясающим простодушием спросила Мириам, выгнув бровь. — Вспомни своих ро-

дителей, испытавших множество бед, но не разлучавшихся ни при каких обстоятельствах. Вспомни хроноскитальцев из нижних Ветвей — Ивана Кострова и Таю Былинкину. Они вообще долгое время путешествовали по Стволу вдвоем.

— Да я не возражаю, — пробормотал Ивор, отдавая инициативу в руки девушки. — Просто прикидываю, справимся ли мы... я ведь не профессионал по выживанию... а с группой спецназа было бы легче дойти до цели...

— Ты скрытый паранорм, только еще не знаешь этого. Иначе тебе не сделали бы предложение вступить в Игру. А профессионалами по выживанию в экстремальных условиях и мастерами по рукопашному бою не рождаются, а становятся. Научись. Я тебя научу. Меня отец с детства тренирует. Согласен?

— Куда же я денусь? — невольно улыбнулся Ивор.

— Тогда продолжаем подготовку. Я считаю, что в первую очередь нам нужен дриммер. О нем мы поговорим позже. Затем нам понадобится аппаратура пси-веллинга для идентификации личности и пеленгации твоего отца. Такая наверняка имеется в крупнейших медицинских пси-клиниках и в медцентре УАСС. Думаю, мы сможем достать портативный экземпляр. Кроме того, нам нужны транш-рации для связи, уника типа «кокос», оружие, НЗ и парочка витсов. Что еще?

Ивор покачал головой, хмыкнул.

— Ты, однако, размахнулась! Да кто ж нам все это даст за просто так?

— Мы и спрашивать никого не будем. Веллингер попытаемся достать в центре Управления, где у меня есть приятель. Кроме того, я знаю код бункера запасной базы СБ на Венере, которая использовалась в прошлой Игре, там и возьмем все, что нам нужно.

— Разве база не охраняется? И откуда тебе известен код доступа?

— Я же тебе говорю: эта база осталась еще с прошлой Игры, она секретная, готовилась как схрон для безопасников, воюющих с эмиссарами «хронохирургов». Отец показывал ее мне, когда я была еще маленькая.

— Сдаюсь. — Ивор поднял руки вверх. — Похоже, у тебя все продумано. Осталось только добыть дриммер, пробиться с его помощью в Ствол и вытащить отца из ловушки.

Брови Мириам сдвинулись, в зеленых глазах появился опасный огонек.

— Ты смеешься? Издеваешься, да?!

— Ничуть! — поспешно возразил Ивор.

— Думаешь, если я еще учусь и вообще девчонка, то способна только в куклы играть и танцевать?

— Ничуть не бывало! Я думаю, что ты очень решительная и смелая, как амазонка. И очень красивая! — Последнее признание вырвалось у Ивора нечаянно, и он тут же пожалел об этом, но, как ни странно, на Мириам оно подействовало успокаивающе.

— То-то же, — сказала она тоном ниже. — Я не потерплю, чтобы надо мной смеялись. Вот увидишь, у нас все получится... если будешь меня слушаться. Обещаешь?

— Обещаю, — помедлив, сказал Ивор серьезно.

Она глянула на него оценивающе, насмешки не увидела, вдруг поцеловала в щеку и продолжила как ни в чем не бывало:

— Идем дальше. В принципе мы можем обойтись и без дриммера.

— То есть как? — не понял Ивор. — Как же мы тогда... — Он замолчал, с недоверием глянул на собеседницу. — Ну, конечно, кванк твоего отца! Он-то уже проходил в Ствол и обратно!

— Как ты догадался? — удивилась Мириам. — Мысли мои прочитал, что ли?

— Со мной бывает. Интуиция. Но идея, по-моему, неплохая. Беда только в том, что мы не знаем, когда здесь снова появится кванк отца и даст ли он нам дриммер. А время не ждет.

— Черт, ты снова прав! Надо думать. Может быть, у отца есть связь со своими кванками из других Ветвей?

— Вряд ли он скажет. Хотя спросить, конечно, можно.

— Кажется, он уже пришел. — Мириам уловила перемигивание огней на панели домового. — Пап, это ты?

— Я, — раздался негромкий голос Ромашина по системе домашнего интеркома. — Ты одна?

— С Ивором. Можно мы к тебе зайдём? Пообщаться надо.

— Что-то случилось?

— Есть интересные новости.

— Через пару минут.

— А мы пока кофеем побалуемся, — вскочила со своего стула Мириам, чтобы принести кофейный прибор.

Через десять минут Ромашин принял делегацию в своем кабинете, превратив его в уголок Большого Американского Каньона Колорадо: казалось, площадка с креслами и вириалом инка висит над обрывом колоссального живописного ущелья, прорезавшего плато, к счастью, так и не освоенного людьми. Вся эта территория осталась заповедником геологических формообразований и местом съемок многих видеофильмов.

— Я весь внимание, — сказал скульптор, по обыкновению закинув ногу на ногу и обхватив колено пальцами обеих рук.

— Вот он начнет, — кивнула на Ивора Мириам.

Жданов смутился, но переборол себя и коротко поведал Игнату о визите посланницы Игрока.

Наступила пауза. Ромашин задумался, глядя на каньон под ногами. Молодые люди переглянулись, чувствуя растущую неловкость, будто сделали нечто предосудительное. Игнат заметил их волнение, дернул уголок губ, намечая улыбку.

— Ситуация, дети мои, весьма любопытная. Или я выдаю желаемое за действительное, или наши силы кто-то пытается разделить.

— Что ты хочешь сказать? — подняла брови Мириам.

— Существует вечная формула, изобретенная не человеком, но успешно претворяемая в жизнь во всех Ветвях Мироздания: разделяй и властвуй! Так вот нашу команду, которая начала действовать, пытаться нейтрализовать просачивание в нашу вселенную «вируса» Игрока, этот самый Игрок хочет разделить. Заставить воевать друг с другом. С одной стороны, нам это лестно: нас уважают как реальную силу, способную на равных играть с сильным соперником. С другой — эмиссары Игрока уже действуют в нашей Ветви, а мы не знаем, кто они, сколько их, что они затевают и как далеко продвинулись в своих планах.

— Почему ты считаешь, что эмиссаров Игрока много?

— Не много, но и не один. Вспомните ваш разговор с комиссаром. Он тоже хочет, чтобы молодой Жданов был с ним в одной команде, предлагая ему место опера или консультанта в своей службе.

— Но он ни словом не обмолвился об участии в Игре, — с сомнением проговорил Ивор.

— Пока не было нужды. Если бы ты согласился, объяснение состоялось бы рано или поздно. А визит госпожи Тируви-леиядаль — сомневаюсь, что это женщина, — говорит о прямой заинтересованности Игрока в вербовке на свою сторону творчески мыслящих людей.

— Но ведь и Полуянов, и эта рыжая ведьма могут работать на одного и того же хозяина, — с пренебрежением сказала Мириам.

— Могут, — согласился Игнат. — Хотя ответственности за принятие решения с твоего друга это не снимает.

— Что же мне делать? — пробормотал Ивор. — Отказаться?

— Конечно, отказаться! — Мириам решительно тряхнула волосами.

— Я бы потянул время, — спокойно сказал Ромашин. — Пусть обозначатся оба и хотя бы намекнут, кому они служат. Может быть, кто-то из них все-таки связан с Игроком-джентльменом, выполняющим все правила Игры. В таком случае можно было бы и присоединиться к его команде.

— Я все же не понимаю, что они нашли во мне, — сказал Ивор, виновато покосившись на Мириам.

Та открыла рот, но ее опередил отец:

— Мама тебе ничего не рассказывала?

— О чем?

— О твоих врожденных способностях.

— Н-нет... как будто нет... Не помню, если честно.

— Поговори с ней, возможно, узнаешь кое-что интересное для себя. А пока, милые мои, выметайтесь-ка отсюда, мне надо поработать. Держите меня в курсе событий.

Молодые люди вышли из кабинета.

— Что он хотел сказать? — опомнился Ивор.

— То, что ты себя плохо знаешь.

— Но мама никогда мне ничего не говорила о каких-то там способностях... и отец тоже... И вообще я не понимаю, о чем идет речь!

Мириам заговорщицки подмигнула ему, потащила за собой и уже в своей комнате проговорила:

— Во-первых, ты просто не замечаешь своих умений. Я уже не раз удивлялась, когда ты отвечал мне на вопросы, которые я не задавала.

— Что же, по-твоему, я читаю мысли? — скептически хмыкнул Ивор.

— Не читаешь, но интуитивно схватываешь, чувствуешь ситуацию. Ты и моих друзей поразил, когда мы играли в теннис, перехватывая их удары в самый нужный момент. А ведь Боб и Саша — мастера. И, во-вторых, я случайно слышала разговор отца с твоей мамой, и он сказал, что ты — потенциальный оператор.

— Что еще за оператор?

— Думаю, это нечто сродни экстрасенсу с выходом на магическое оперирование.

— Значит, мне осталось только вывернуть себя наизнанку и выяснить, что я умею? — улыбнулся Ивор, не придавая особого значения словам девушки.

— Я в это верю! — серьезно ответила Мириам. — Поговори с мамой, может, она знает, как привести тебя в состояние инсайта. А пока что вернемся к нашим баранам. Я сейчас... — Она не договорила.

Снова запиликал вызов видео Ивора.

На этот раз позвонил Федор Полуянов.

— Жданов, ты где находишься?

Ивор и Мириам переглянулись.

— Я скоро буду дома, — уклончиво ответил молодой человек.

— Ничего не хочешь мне сообщить?

— О чем? — Ивор сделал удивленный вид.

— Например, о встрече с красивой рыжеволосой женщиной.

— Откуда вы знаете? — пробормотал Ивор.

— Я обязан знать все. Жду тебя в четырнадцать по среднесолнечному в Управлении. Заодно поговорим и о твоей работе в отделе. Пора определяться.

Изображение головы комиссара погасло.

Молодые люди молча смотрели друг на друга.

— Мне это категорически не нравится, — сказала Мириам задумчиво. — Судя по всему, за тобой следят работники комиссара, иначе трудно объяснить его информированность о том, кто тебя посещает.

— Я бы заметил...

— Существуют эквидистантные методы слежки, которые практически невозможно обнаружить.

— Откуда ты знаешь?

— Ты забываешь, что я дочь бывшего комиссара. Я много чего знаю и умею. Вот что: время у нас еще есть до встречи с Полуяновым, давай-ка смотаемся на базу, обеспечим себе экипировку, а уж потом пойдём в Управление. Идет?

— Вместе?

— Более удобного момента не придумаешь. Комиссар будет уверен в своей неуязвимости, расслабится, а мы его прижмем и заставим отдать дриггер.

— Так он нас и послушается.

— Ты меня мало знаешь, — подбоченясь, сказала Мириам. — Когда необходимо, я могу быть очень-очень убедительной.

— Хорошо, — согласился Ивор ценой потери душевного равновесия. — Летим на базу.

Девушка подбежала к нему и поцеловала.

Больше он не колебался.

Игнат слышал весь разговор младшего Жданова с дочерью. Когда они тихонько, не прощаясь, покинули дом, он вызвал по транш-линии особый отдел контрразведки. Виом связи развернулся световым веером и протаял в глубину, открывая вход в тесное помещение с чешуйчатыми стенами и коконом инк-управления. В коконе сидел светловолосый мужчина с угрюмоватым лицом, на котором выделялись крупные губы, крупный же нос и холодные колючие серые глаза. Это был начальник особого отдела секунд-майор Клыков.

— Они направились на Венеру, в район гор Максвелла, восточный внутренний склон кратера Клеопатра.

— На базу ОСС-11, — уточнил Клыков низким голосом.

— Понаблюдайте за этим районом. Мало ли что случится. Боюсь, Жданова ведут.

Майор наклонился вперед, коснулся огонька на «кактусе» вириала, на несколько мгновений замер: разговаривал с кем-то в пси-диапазоне. Окончив разговор, глянул на Ромашина.

— Группа пошла.

— Чья?

— Тео аль-Валида бин-Талала.

— Тогда все в порядке.

— Жданов знает о наших интересах?

— Миа его подготавливает, но он еще сырой, не созрел. Хотя решительности должно хватить.

— Жаль, что он не профессионал по выживанию.

Ромашин усмехнулся.

— Профи спецназа у нас достаточно, нужен именно такой человек — интуиция, порыв и вдохновение. Остальное приложится.

Игнат не знал, что почти дословно повторил речь курьера Игрока в адрес Ивора Жданова.

— Ты прав, — после недолгой паузы сказал Клыков. — Но именно поэтому ему нужна спецохрана. Твоей дочери будет недостаточно, случись что серьезное.

— Ты не знаешь моей дочери, — дернул уголком губ Ромашин. — Хотя группу на всякий случай подготовь.

— По варианту «Аргус»?

— По варианту ВВУ* «Шторм».

— Слушаюсь, — кивнул начальник особого отдела, не показав, что удивлен масштабами предполагавшейся функционально ориентированной операции.

— Работай и звони, как пройдут маневры. Кто у нас сегодня следит за комиссаром?

— Пархоменко.

— Пусть не вмешивается, что бы ни произошло.

— Передам. — Клыков поколебался немного, но все же добавил: — Можно вопрос?

— Валяй.

— Тебе не кажется, что парень слишком молод для такого дела?

— Это хорошо, что он молод и неопытен. Никто из наших врагов не будет брать его в расчет.

— Понял. Может быть. Еще вопрос, не относящийся к делу.

— Задавай.

— Зачем Творцу, реализовавшему Древо Времен, Игры на выживание? Почему он сталкивает лбами целые системы цивилизаций?

Ромашин покачал головой.

— Похоже, Ваня, ты начитался Златкова и заболел, раз задаешь такие глубокие философские вопросы. Во-первых, Творец никого не сталкивает лбами, так как не он — организатор Игр, а его ученик. Как бы кто его ни называл. Во-вторых, ты

---

* ВВУ — внезапно возникшая угроза, императив службы безопасности.

не дочитал труды Атанаса, в последнем из них — об аспектах нового мировоззрения — говорится, что Игра — это просто выражение процесса усложнения и совершенствования Древа Времен.

— А мне кажется, каждая Игра только сокращает варианты развертки Ветвей. Хотя теоретик я слабый...

— Зато критик сильный. Работай и думай, это полезно. Кстати, возможно, ты прав, и начавшаяся Игра действительно направлена на свертку многих Ветвей. До связи.

Виом свернулся в нить, но тут же развернулся снова. На Ромашина взглянули яркие зеленоватые глаза Ясены Ждановой, матери Ивора.

— Что-нибудь с сыном?! — встревожилась женщина.

— Пока ничего серьезного, — ответил Ромашин. — Имеется определенная стадия романа с одной молодой особой.

— То есть с твоей дочерью, — покачала жена Павла Жданова. — Это можно было бы приветствовать, не знай я нрав твоей Миа. Она всегда нравилась мне независимостью суждений, однако иногда она становится слишком самостоятельной и увлеченной.

— Согласен, это далеко не лучшие ее качества, — хмыкнул Игнат. — Порой она бывает слишком независимой, что вредит ей самой. Но уверяю тебя, сына твоего она в обиду не даст.

— В ней течет кровь нашего рода, всегда отличавшегося свободолобием и независимостью. Я в молодости была не менее увлекающейся натурой, да и твоя Ярина тоже. Где она, кстати? Давно не видела.

— Она пытается запустить на Марсе пивоваренный завод и сутками сидит в Зурбагане. Думаю, объявится не сегодня-завтра.

— Ты отпускаешь ее одну?

— А что с ней сделается? Марс — не центр Галактики. Я звоню тебе по более серьезному поводу. Хочу посоветоваться и поразмышлять о походе Павла.

— Я жалею, что не пошла с ним, — пригорюнилась Ясена. — У меня были определенные сомнения по поводу планов похода, но интуиции не хватило.

— Не переживай, вытянем мы твоего Павла. Он, к счастью, не один, а с Атанасом. Итак, начнем с базовых позиций.

Двадцать лет назад, спустя пять лет после окончания прошлой Игры, началась следующая. Появились новые Игроки, о которых мы почти ничего не знаем кроме того, что сообщил Посредник. Один представляет собой форму жизни на основе биоядерных реакций, то есть реакций так называемого «холодного» термоядерного синтеза, не имеющую аналогов на Земле и вообще в нашей Ветви. По сути, это «жидкие кристаллы со спонтанно нарушаемой симметрией», способные принимать любую геометрическую форму, кроме остроугольной.

— Костров в своей лаборатории создал нечто подобное — удивительная субстанция! Уже есть предложения перевести всю нашу промышленность на создание псевдоживой текучей техники на основе биоядерных технологий.

— Если нет принципиальных возражений, почему бы и нет? Далее. Второй Игрок представляет собой — опять же со слов Посредника — разумную фитоструктуру. Представить трудно, но можно. Это так называемый «медленный объемный разум на основе систем флоры». Данного Игрока мы так и называли — Мера, по первым буквам слов «медленный разум», в отличие от второго, имя которому — Палач — предложил сам Посредник. Очень символичное имя, надо признаться, весьма многообещающее.

— Если не сказать больше. Боюсь, Посредник не дал нам полного пакета информации о цели Палача и вообще о состоянии Игры.

— Он сказал только, что Палач побеждает, а его действия напрямую затрагивают нашу Ветвь.

— И Ветви многих наших кванков. Может быть, положение еще хуже, и затронут не только наш Куст Ветвей, но и почти все Дерево?

— Эта мысль приходит ко мне все чаще, — признался Ромашин, — а посоветоваться не с кем. Златков, к сожалению, ушел с Павлом. Я был против, но Федор настоял на том, чтобы он вошел в команду. Итак, Посредник уговорил Павла подключиться к Игре в качестве независимого судебного исполнителя, для чего необходимо создать кластер Ждановых, то есть объединить всех Павлов во всех Ветвях в *стаю*. И первый же выход за пределы нашей Ветви привел отряд в ловушку! Почему? Что не сообщил Посредник? Чего не учли мы сами?

— Если бы я знала ответы на все вопросы, мы бы не ошибались. Единственное, что приходит на ум, — это изменение масштабов. Цена Игры такова, что вербовщики Игроков начинают искать союзников и исполнителей все активней, а также устраняют с пути всех, кто может помешать.

— Мне нужен доступ к Стратегу Управления или Мыслителю ИВКа, но так, чтобы не знал Федор. Попробую с их помощью проанализировать ситуацию.

— Я дам заказ якобы от ВКС или лучше от СЭКОНа, — пообещала Ясена; речь шла о доступе к большим инк-системам.

— С Федором давно общалась? Что он говорит?

— Он делает вид, что развил бурную деятельность по розыску Павла и якобы собирается запустить в Ствол еще один спецотряд.

— Это интересно. Мы сможем внедрить в отряд своего человека?

— Постараемся. Ваня Клыков вроде бы является одним из кандидатов.

— Тогда у меня все. — Ромашин поколебался несколько мгновений, но о деятельности сына Ясене так и не сказал. Ей и без того хватало переживаний за мужа.

Глава 7

Первые достоверные сведения об условиях на поверхности Венеры были получены еще в конце шестидесятых годов двадцатого века, когда на планету один за другим посыпались зонды и спускаемые аппараты, запущенные Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Уже тогда стало известно, что атмосфера Венеры почти целиком состоит из углекислого газа, температура воздуха у поверхности близка к четыремстам шестидесяти градусам по Цельсию, а давление достигает девяноста атмосфер. Кроме того, было установлено, что толщина облачного покрова планеты составляет от тридцати до сорока километров, причем

---

* В 1967 году поверхности Венеры достиг спускаемый аппарат советской межпланетной станции «Венера-4».

верхний слой облаков состоит из капелек концентрированной серной кислоты. Таким образом, освещенность поверхности Венеры оказалась примерно такой же, как в пасмурный день на Земле. Цветовая же палитра венерианского пейзажа была близка средневолновому диапазону видимой части спектра: здесь преобладали зелено-коричневые тона, так как синие и голубые лучи поглощались необычайно плотной атмосферой.

Впоследствии люди узнали, что на Венере случаются грозы намного мощнее земных и что ураганные ветры, постоянно дующие со скоростью до ста метров в секунду на высоте верхней границы облачного слоя, сменяются у поверхности легким «ласковым» дуновением около одного метра в секунду.

Первый пилотируемый полет на Венеру состоялся в две тысячи двадцатом году и едва не закончился трагически. Спускаемый аппарат отнесло от предполагаемого места посадки на двести с лишним километров, и сел он в ущелье, откуда не смог потом взлететь. Пришлось сажать второй модуль и забирать экипаж первого.

Однако и в начале двадцать четвертого века, несмотря на создание сети мгновенного транспорта (метро) и успешное освоение галактических просторов эта планета оставалась почти не тронутой из-за своих специфических условий. К тому же на ней была обнаружена жизнь, хотя и весьма своеобразная — на основе кристаллических соединений углерода. Образую причудливые фестоны, арки, башенки, ротонды, грибообразные наросты, «живые» кристаллы графита, гексавита и алмаза селились в наиболее жарких районах Венеры, и открытие сверкающих «городов» стало сенсацией, хотя держалась эта сенсация недолго — до второй экспедиции на планету. И все же естественные творения местной природы были великолепны. Их текучими переливами можно было любоваться бесконечно, как языками огня в костре или текущей водой. А сохранилась эта форма жизни на Венере лишь благодаря особенности всего живого: стоило отделить от тела «кристаллической грибницы» хотя бы один кристалл, как он через некоторое время распадался в черный графитовый порошок. Именно поэтому люди и не истребили кристаллидов Венеры ради использования их тел в ювелирной промышленности, для украшений, как они это сделали на Земле с моллюсками-жемчужницами.

Секретная база службы безопасности, о которой говорила Мириам, была оборудована в пещере на восточном внутреннем склоне кратера Клеопатры. Кратер этот диаметром девяносто пять километров (на самом деле он двойной: внешний — диаметром девяносто пять, и внутренний — пятьдесят пять) располагался на плато Лакшми, самой высокой части гор Максвелла, и был окружен почти параллельными хребтами-складками, отстоящими друг от друга на пять-пятнадцать километров и тянувшимися на сотни километров. Больше всего этот бороздчатый рельеф напоминал морщинистую шкуру моржа, каковое сравнение сделал Ивор, стоя на вершине пика Максвелла и с высоты одиннадцати с половиной километров обозревая горную страну.

Мириам стояла рядом в таком же «кокосе», что и он, похожая на удивительное существо с конусообразной головой и блестящей шкурой (в спецкостюмах типа «кокос» можно было купаться в солнечной фотосфере или разгуливать по ледяным равнинам Плутона), и с таким же романтическим восторгом созерцала дикий пейзаж Венеры.

Оказались они на вершине самой высокой горы Земли Иштар, которой принадлежали и горы Максвелла, и плато Лакшми, лишь по прихоти Мириам, которая захотела опробовать «кокосы», найденные на базе. Но до этого молодые разведчики несколько часов провели в отсеках базы, прибыв сюда по «замороженной» линии метро. Код выхода, известный Мириам, оказался действующим, и прямо из кабины метро университета в Минске они вышли в отсек метро базы.

Инк базы встретил их неласково, огорошив вопросом: есть ли у них доступ степени «А»? Такого доступа ни у Ивора, ни у Мириам не было, и победного шествия по всем помещениям базы, запрятанной в толще базальтовых пород кратера, не получилось. Инк разрешил им лишь посетить зону отдыха и отсек внешнего выхода, где они обнаружили «кокосы». Но ни на оружейный склад, ни в ангар со спецоборудованием гости базы не попали, и надежды Мириам на получение оружия и аппаратуры пси-идентификации не оправдались. Им достались только «универсалы», входящие в стандартный комплект для выхода наружу, блоки НЗ и аптечки.

— Что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок, — не упала духом Мириам. — Придется добывать оружие и спецуху в другом месте.

Ивор с интересом посмотрел на девушку, знавшую словечки из жаргона тревожных служб. «Спецуха» на этом жаргоне означала аппаратуру специального назначения.

Побродив по доступным помещениям базы, оценив комфорт зоны отдыха: жилые модули были довольно большими и имели все необходимое для отдыха и удовольствия, вплоть до мини-баров, игровых зон и шикарных пневмодиванов (таких уже не делали), — гости посидели в одном из модулей, пытаюсь представить, кто здесь жил, потом облачились в «кокосы» и вышли наружу через тамбур-вход.

Короткий коридор привел их к металлической на вид стене, которая оказалась видефантомом. Вход в пещеру, ведущую к базе, был замаскирован генератором динго*, создающим видимость твердого скалистого выступа. Отыскать вход со стороны, даже имея локатор, в склоне кратера со множеством каверн и пещер было нелегко.

Выйдя из скалы, как привидения, молодые люди включили антигравы и, поднявшись над кратером, некоторое время созерцали зелено-оранжево-коричневые горы и желтое дно гигантской астроблемы, состоящей из двух ударных кратеров. Потом поднялись выше и устроились на вершине пика Максвелла, с которой можно было увидеть чуть ли не всю поверхность Венеры: из-за очень плотной атмосферы рефракция была чудовищно сильной.

Вид с вершины горы оказался настолько великолепным, что Ивор не удержался и тихо и торжественно прочитал вслух:

Орлом раскинув крылья, с высоты
Я вниз глядел, на жизнь мою, что ныне
Песчинкою затеряна в пустыне.
И красота, низвергнутая в ад,
Звала меня! Звала меня назад!

— Как здорово! — воскликнула Мириам. — Прямо под настроение! Это ты прямо сейчас сочинил?

— Это не я, — смутился Ивор. — Старинный поэт.

— Какой? Я как будто неплохо знаю классику.

— Эдгар По.

---

* *Динго* — аппарат динамической голографии.

— Да, конечно, вспомнила, я читала По в юности. «Ворон» — его стихотворение?

— Его. — Ивор вдруг почувствовал смутное беспокойство, оглядел зеленовато-серый клочкастый небосвод, близко-далекий горизонт (впечатление было такое, будто они стоят в центре гигантской чаши с поднимающимися вверх морщинистыми краями).

Нельзя было сказать, что Венера пустынна и безлюдна, все-таки на ее поверхности люди успели построить десятка три купольных городов и станций, десятка два шахт, карьеры и заводы по производству силикатов и углепластиков, но местность вокруг пика Максвелла и вообще плато Лакшми была слишком пересеченной и дикой, ближайший город был расположен в двухстах с лишним километрах от кратера Клеопатры, за хребтами гор Акны, и все же Ивору показалось, что они с Мириам здесь не одни.

— Миа, давай уйдем отсюда, — пробормотал он.

К его удивлению, девушка отреагировала на его слова без обычного шуточного подначивания, сразу оценив состояние молодого человека.

— Ты что-то увидел? — быстро спросила она.

— Не увидел, но... такое впечатление, что на нас смотрят по крайней мере с двух сторон!

— Тогда сматываемся домой!

Мириам сорвалась с обрыва и стремительно понеслась вниз, к восточному склону кратера Клеопатры. Ивор устремился за ней, выписывая крутую дугу пикирования. И тотчас же за ними хищно кинулся почти невидимый в сумеречном свете венерианского дня треугольник когга, появившийся словно из воздуха.

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

До спасительного скального выступа, прикрывавшего входной коридор базы, оставалось всего две-три сотни метров, когда когг открыл стрельбу.

Мириам, летевшая в сотне метров впереди, продолжала мчаться с прежней скоростью, но в момент залпа внезапно сделала петлю и открыла огонь по преследователям из «универсала». Ивор же поступил точно так же, доверившись интуиции, — отвернул влево, и огненная трасса прошла мимо. К счастью, преследователи применили плазменную пушку, а

не «глюк» или антимагнит. В противном случае шансов спастись у беглецов не было бы. В данной ситуации, несмотря на то что огонь вел инк аппарата, залп не достиг цели, а второго не последовало.

Во-первых, световая очередь «универсала» — Мириам применила лазерную насадку — пришлось по кабине когга, ослепив пилота и сбив прицел инка. Во-вторых, откуда-то возник еще один когг и открыл по первому огонь из более серьезного оружия. Трасса неярких штрихов — разряд «глюка» — перечеркнула треугольник агрессора, и тот, задымив, отвалил в сторону.

— Не отвлекайся! — крикнула Мириам замешкавшемуся Ивору.

Жданов метнулся за ней, и молодые люди, проскочив коричнево-желтый бок скалы, ввалились в пещеру.

— Никогда себе не прощу! — бросила в сердцах девушка, подталкивая Ивора в спину. — Можно было предвидеть, что нас вычислят!

— Кто? — тупо спросил Ивор.

— Дед Пыхто! Ты медлишь с ответом вербовщику Игрока, этого достаточно, чтобы на тебя оказали более серьезное давление или вообще ликвидировали для предупреждения утечки информации.

— А кто нам помог?

— Узнаем. Пока это не имеет значения. Надо убираться отсюда. Хорошо, что твоя интуиция не спит, даже когда ты сам спишь.

— Я не сплю, — запротестовал Ивор.

— Это я образно.

Люк в тамбур базы открылся. Первой в него влетела Мириам, за ней Ивор. Люк за его спиной встал на место, отодвинулась ребристая пластина входа в технический холл базы. И тотчас же Ивор ощутил дуновение холодного ветра угрозы.

— Не входи туда! — крикнул он.

Мириам по инерции сделала шаг вперед и... выстрелила!

Ее выстрел оказался неожиданным не только для Ивора, — девушка действовала как бывалый телохранитель! — но и для того, кто ждал их в холле. Она опередила его буквально на долю секунды, сбив ему прицел. Ответный выстрел лишь задел ее плечо, срезав турель с «универсалом».

Мириам развернуло на девяносто градусов и отбросило назад, так что Ивору стали видны холл и две зеркально бликующие фигуры, одна из которых согнулась пополам, а вторая двигалась к люку. Тогда он выстрелил сам и одновременно мысленно вскричал, обращаясь к инку: «Закрой тамбур!»

И люк закрылся, отрезая холл с неизвестными от тамбура.

Ивор бросился к присевшей на корточки девушке.

— Жива?! Не ранена?!

— Вот гады! — с неожиданным хладнокровием проговорила она. — Засаду нам устроили! Ну, вы у меня попляшете!

Ивор взял ее под локоть, чтобы помочь встать, но она высвободилась и легко вскочила сама.

— Не волнуйся, со мной все в порядке. Этот гад стрелял из «дракона», а «кокос» пулей пробить трудно. Как тебе удалось закрыть люк?

— Сам не знаю, — пробормотал Ивор. — По-моему, я крикнул инку, чтобы он загерметизировал тамбур.

— Не слышала я никакого крика... да и не слушается инк базы таких приказов, исходящих не от полномочного персонала. Ладно, потом разберемся, давай выбираться из ловушки.

— А если на выходе нас ждут те стрелки, из когга?

— Когг подбит, я видела, как он задымил и отвалил. Но не уверена, что это сделали наши друзья. Эх, нам бы «глюк»! Или по крайней мере «шукру»! Я бы им показала, где раки зимуют!

— Ты ведешь себя, как заправский безопасник, — хмыкнул Ивор, с уважением и недоверием глядя на девушку. — Словно всю жизнь сражаешься с террористами.

— Не сражаюсь, но постоять за себя смогу. И за тебя тоже. Ты просто мало меня знаешь. Папа с трех лет воспитывал меня как мальчишку, я даже в школу выживания ходила... — Мириам замолчала, прислушиваясь к чему-то. — Уходим, а то они откроют люк и перестреляют нас, как куропаток.

В следующее мгновение люк собрался гармошкой, открывая вход.

— К стене! — скомандовала девушка.

Ивор послушно отпрыгнул в угол тамбура, лоя нашлемным прицелом отверстие люка, ожидая выстрела оттуда. Мириам сделала то же самое, вжавшись в стену с другой стороны.

Но никто не стрелял и в тамбур не врывался. Прошла секунда, вторая, третья...

— Эй, путешественники, — донесся из холла чей-то гор-
таный энергичный голос, — можете выходить. Здесь уже ти-
хо и спокойно.

— Кто это? — прошептал Ивор.

— Тео? — неуверенно проговорила Мириам и повторила
вопрос через звуковую мембрану «кокоса».

— Совершенно верно, сеньорита, — отозвался обладатель
гортанного голоса. — Тео аль-Валид собственной персоной.

— Наши! — взвизгнула девушка, бросаясь к люку и про-
скальзывая в отверстие.

Ивор степенно вошел следом.

На матово-сером полу холла он увидел два тела в бликую-
щих зеркальных балахонах и валяющееся оружие: устрашаю-
щего вида карабин и «универсал». Чуть поодаль стояли два
парня в таких же костюмах, но с откинутыми шлемами. Один
был черноволос и смуглолиц, второй — пониже ростом —
рыжий, с белыми ресницами. Мириам подбежала к черноволо-
сому, на ходу свертывая конус шлема (собирался он складка-
ми-пластинками к плечам), и протянула ему руку.

— Привет, ротмистр. Вот уж кого не чаяла увидеть. Каки-
ми путями вас сюда занесло?

— Стреляли, — улыбнулся смуглолицый, переводя глаза
на Ивора. — Это твой друг?

— Ивор Жданов, — представила спутника девушка, — по-
эт и квистор и, естественно, мой друг. Мы тут слегка похозяй-
ничали...

— Да уж, слегка. Инк базы уже пожаловался нам на ваши
приказы, но ты же знаешь, он не подчиняется даже мне. Тебе
же придется объясняться с отцом.

— Ничего не поделаешь, придется, — вздохнула с унылым
видом Мириам. — Он мне устроит взбучку. А кто это нас тут
ждал? Вы их... убили?

Тео аль-Валид перевел взгляд на тела в скафандрах.

— Одного обездвигили. — Он спрятал в захват на поясе
гипноиндуктор «слон». — Второй ранен, сам потерял созна-
ние. Ты стреляла?

— Так получилось.

— Молодец, точный выстрел. Не зря я тебя тренировал.

Мириам оглянулась на Ивора.

— Тео — мой инструктор по стрельбе. А это Дима Лежич, мой тренер по русбою.

Рыжий Дима исподлобья глянул на Ивора, вдруг улыбнулся и протянул ему широкую ладонь.

— Очень приятно.

— Взаимно, — вежливо сказал Ивор.

В холл из коридора, ведущего в недра базы, вышел еще один мужчина в «кокосе», огромный, как шкаф, с мрачноватым бугристым лицом и черными глазами, седой.

— Привет, непоседа. — Он перевел взгляд на Ивора. — Здравствуйте, Ивор Жданов.

— Это Иван Клыков, — несколько стушевалась Мириам, — секунд-майор контрразведки.

Клыков мельком взглянул на тела людей, устроивших засаду.

— Их было четверо, — сказал Тео аль-Валид. — Двое здесь, двое сбежали.

— Обыщите все отсеки на всякий случай. И смените код входа метро.

Тео подтянулся, кивнул.

Гигант еще раз глянул на Ивора и вышел.

— Мне приказано доставить вас домой, — продолжал командир группы, — но вы и сами доберетесь. Только придется сдать оружие.

Мириам сдвинула брови.

— Тео, не напрягай голосовые связки. Спасибо тебе, конечно, за помощь, и все такое прочее, но «универсал» я не отдам. Он мне может пригодиться в любой момент. Ты же видишь, что происходит. За Ждановым чуть ли не охота началась.

— Отец будет недоволен.

— С папенькой я как-нибудь договорюсь.

Тео перевел задумчивый взгляд с лица Мириам на Ивора и обратно, почесал кончик носа и кивнул.

— Что ж, тебе видней, я умываю руки. Но помните: вас здесь не было.

— Спасибо, ротмистр! — Мириам хлопнула ладонью в перчатке по его подставленной ладони, махнула рукой Ивору. — Поехали, Жданов, — и первой направилась к выходу из холла.

Мужчины посмотрели ей вслед.

— Очень решительная молодая особа, — осклабился рыжий Дима. — С ней не соскучишься.

— Ангел с «универсалом», — добавил Тео аль-Валид с непонятными интонациями, покосившись на Ивора. — Вы давно с ней знакомы?

— Четыре дня, — честно признался Ивор.

— Тогда у вас все еще впереди.

Ивор непонимающе посмотрел на безопасника и поспешил на зов Мириам, так и не уяснив, что имел в виду Тео.

Через несколько минут они были на Земле.

Происшествие на венерианской базе службы безопасности не остудило намерения Мириам добиться своего. Она лишь с большим упорством стала готовиться к прорыву в Ствол и подключила к решению этой задачи всех своих знакомых в тревожных службах, кому доверяла так же безоговорочно, как и отцу. Она же настояла и на том, чтобы Ивор поговорил со своей мамой о визите посланницы Игрока (не говоря ей о сражении на Венере, чтобы не волновать лишний раз) и полюбопытствовал, как бы невзначай, чем он мог заинтересовать самого Игрока.

Разговор с мамой Ясеной получился действительно интересный, хотя убедить сына в его экстраспособностях, якобы просчитанных еще до рождения медиками родильного дома, ей не удалось.

— Почему-то я вовсе не чувствую себя исключительной личностью, — сказал Ивор, когда они уже заканчивали часовую беседу.

— Это меня радует, — сказала Мириам, почти не принимавшая участия в разговоре: она пришла уже в конце, когда Ивор выяснил практически все подробности своего рождения и воспитания. — Ваш сын — просто чудо, но слишком открыт и непосредственен. Я бы хотела немного позаниматься его воспитанием.

Ясена с некоторым сомнением посмотрела на Мириам, державшуюся подчеркнуто строго и серьезно.

— Что ж, возьми, девочка. Надеюсь, это поможет ему оценить мир с другой стороны.

— И все же ты не объяснила мне, что за программа вложена в меня, — упрямо заявил Ивор. — Чего мне бояться или чему радоваться?

— Не программа, — мягко возразила Ясена, — а возможности. И тебе надо очень постараться, чтобы их реализовать.

— Но я их не вижу! Не чувствую!

— Их надо разбудить.

— Как?!

— В принципе это могут сделать специалисты Центра нетрадиционной медицины у нас в России или в Мексике, там у меня есть друзья. Но мы с отцом считаем, что твой пси-резерв должен проснуться в естественных условиях, без технологической помощи.

— Почему же он до сих пор не проснулся?

— Ты не готов, сынок, — мягко проговорила Ясена. — Большие возможности — это прежде всего большая ответственность, твердая воля, способность предвидения каждого действия, великая доброта, наконец.

— Что же, по-твоему, я злой? — нахмурился Ивор.

— Ты добрый, обладаешь хорошей интуицией и даже бываешь тверд в намерениях, хотя отец называет это твое качество упрямством, но ответственности тебе еще не хватает. А природа не ошибается. Если она не дает прямого выхода к высотам знания и деяния, значит, так надо. Потерпи немного.

— Мы потерпим, — пообещала Мириам. — Я беру над ним шефство, если не возражаете. Он обязательно вырастет над собой и станет великим человеком.

— Не сомневаюсь, — проговорила Ясена, пряча сомнения на дне глаз. — Только не забывайте: чтобы добиться успеха в этом мире, одного стремления к цели не достаточно, нужны еще хорошие манеры.

Ивор с любопытством посмотрел на мать, повторившую известное высказывание Вольтера, но в слегка подправленном виде*. Она не была уверена в правильности подхода сына к проблеме и сомневалась в его выборе. Но она была матерью и имела право на сомнения.

Он перевел взгляд на Мириам. По ее виду нельзя было судить, поняла ли она намек мамы, однако Ивор почему-то был уверен, что поняла. В уме Мириам отказать было невозможно, как, впрочем, в красоте и решительности.

---

* Чтобы добиться успеха в этом мире, одной глупости не достаточно, к ней нужны еще хорошие манеры.

Они попрощались с Ясеной, выслушали ее напутствие тщательней продумывать каждый свой шаг, и Мириам в кабине такси пожаловалась спутнику:

— Я ей не понравилась. Как ты думаешь, почему? Наговорила лишнего?

— Во-первых, ты ей понравилась, — запротестовал Ивор. — Иначе она никогда бы не доверила тебе взять шефство надо мной. — Он улыбнулся. — Вообще ты меня иногда поражаешь. То ты совсем девчонка, то мастер воинских искусств, то серьезная дама-воспитательница.

— Спасибо, — фыркнула Мириам. — Серьезность — не всегда положительное качество. Как бы сказал мой папая: серьезность — последнее прибежище заурядности. Чем ты еще меня утетишь?

— Во-вторых, мама беспокоится за меня и не хочет, чтобы я рисковал жизнью, что вполне естественно.

— Может быть. Моя мама тоже такая, хотя всегда мне все разрешала. Слушай, давай я тебя с ней познакомлю! Она сейчас на Марсе, в Зурбагане, строит какой-то завод.

— Нам же надо идти к Полуянову. Разве что потом, после встречи, если получится.

— Я совсем забыла о приглашении комиссара, — поморщилась Мириам, оглядываясь на пинасс, мчавшийся за их такси в некотором отдалении. — Летим ко мне домой, переоденемся в унику понадежней и пойдем к комиссару. Надеюсь, он расскажет правду о твоём отце и отдаст дриммер.

— А если нет?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно махнула рукой дочь Ромашина.

Глава 8

В здании Управления аварийно-спасательной службы Ивор бывал всего два или три раза, да и то в детстве, когда отец брал его с собой. На сей раз молодой квистор летел туда не как свободный посетитель, а как человек, не имеющий права отказать от посещения, которому пришел официальный вызов. Впрочем, вины за собой он не чувствовал (приключение на Венере с погоней и стрельбой было инсценировано не-

известными лицами, он только защищал свою жизнь) и летел на встречу с комиссаром с легкой душой. Идея Мириам «надавить» на Полуянова казалась невыполнимой, поэтому ситуация должна была разрядиться сама собой, а о том, что они будут делать дальше, Ивор не задумывался.

Дочка Ромашина посещала Управление, в котором располагалась и служба общественной безопасности, гораздо чаще своего спутника и тоже особенно не переживала за исход встречи с комиссаром. К тому же там у нее были свои связи, друзья и приятели, которые могли помочь при необходимости.

Добирались они, однако, не воздушным транспортом, а веткой метро, код выхода которой был известен Мириам еще со времен работы отца комиссаром, поэтому полюбоваться на огромное, сложное, гармоничное, красивое здание УАСС не пришлось.

В коридорах Управления было немногочленно, тихо, солнечно (потолки излучали натуральный дневной свет), витали приятные лесные запахи. Скоростной лифт доставил прибывших из зала метро на сто первый этаж здания, где располагался кабинет комиссара наземной службы безопасности, они вышли и остановились перед прозрачной перегородкой, за которой начинался коридор с двумя десятками дверей, ведущих в служебные модули руководителей Управления разного уровня.

В глубине прозрачного материала перегородки высветилась надпись: «Прошу прощения. Чем могу быть полезен?»

— Мы по вызову комиссара, — ответила за Ивора Мириам.

Надпись погасла, появилась другая: «Еще раз прошу прощения, мисс, но в моем формуляре стоит лишь фамилия Жданов. Вашей фамилии нет».

— А если мы вместе?

«Это исключено. Комиссар ждет Ивора Жданова».

— Обратись к нему, он разрешит.

«Уже обратился, но ответ вас не обрадует. Вам придется подождать своего спутника в уголке отдыха. Налево по коридору, пятнадцать шагов. За вами поухаживают».

— Спасибо, цербер! — сердито бросила Мириам, поглядела на Ивора. — Придется тебе выкручиваться одному. Если что не так — дай знать, я буду ждать тебя здесь до упора.

Ивор кивнул.

«Проходите, пожалуйста», — зажглись два слова в толще перегородки, и тотчас же в ней образовался прямоугольник входа.

Мириам удержала Ивора за руку, шепнула на ухо:

— Не нравится мне это. Будь внимателен!

— Буду, — пообещал Ивор, сам чувствуя легкое беспокойство, и шагнул в дверь.

В коридоре прямо из воздуха сформировался крепкий мужчина в сером унике — фантом инка, обслуживающего зону службы безопасности.

— Идемте, я вас провожу.

Он зашагал вперед как живой человек. Ивор оглянулся на Мириам и двинулся за провожатым.

Дверь в кабинет комиссара с табличкой «Федор Полуянов. Комиссар НФСБ-2» располагалась в тупике другого коридора, перпендикулярного входному. Дверь открылась. Ивор вошел.

Рабочий модуль комиссара мало чем отличался от кабинета отца: те же янтарные стены с проступающими в глубине «пчелиными сотами» с искрами света внутри, тот же матово-черный пол, «облачный» потолок, кокон управления зоной связи, вириал инка, столик в углу с тремя креслами. Ничего лишнего, если не считать старинного плоского портрета какого-то человека на стене.

— Проходи, садись, — сказал Федор Полуянов, сидевший в коконе за полупрозрачным «лепестком». — Я сейчас освобожусь.

Ивор сел в одно из кресел, с любопытством разглядывая портрет на стене и гадая, кому он принадлежит. Волнение, поднявшееся в душе при подходе к рабочему модулю комиссара, слегка улеглось, но все же некий душевный трепет остался. Ивора не каждый день вызывали в службу общественной безопасности, и пустяками эта служба не занималась.

Кокон оперативно-компьютерной системы раскрылся как своеобразный тюльпан, из него вылез Полуянов, приглаживая волосы на висках. Достал из скрытого в стене бара бутылку тоника, отпил пару глотков и поставил обратно, не предложив гостю. У Ивора внезапно заняло под ложечкой: он только теперь уловил настроение друга отца, и оно явно находилось в миноре.

— Рассказывай, — сказал Полуянов, останавливаясь у кресла; садиться комиссар не стал. — Сиди, — остановил он попытку молодого человека встать.

— Что рассказывать? — пробормотал Жданов.

— О визите рыжеволосой дамы. — Полуянов пристально посмотрел на гостя, снова пригладил волосы на виске. — О бое на Венере в районе кратера Клеопатры.

— Нас там не было, — вырвалось у Жданова.

Брови комиссара подпрыгнули.

— Кого это — нас?

— Я слышал о перестрелке на Венере от мамы, — попытался выправить положение Ивор, — но сам в это время был с подругой в... одном месте.

— Ты не умеешь врать, парень, — усмехнулся Полуянов. — Я знаю, что именно ты находился в горах Максвелла, к тому же не один, а с дочерью бывшего комиссара Ромашина. И именно на вас было совершено нападение, связанное, очевидно, с визитом рыжей красавицы. Кто вам помог отбить атаку?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — упрямо сдвинул брови Ивор, отводя глаза.

Полуянов вздохнул.

— Было бы лучше для нас обоих, а для твоего отца в особенности, если бы ты рассказал мне все как есть. Правду!

— Мне нечего рассказывать... и уж если говорить о правде, то вы первый должны мне рассказать правду об отце...

— Это секрет службы.

— Тогда и у меня пусть будут секреты, не доступные посторонним людям!

Полуянов хмыкнул, смерил Ивора жалостливо-насмешливым взглядом, подошел к разверстому кокону.

— Ты ошибаешься, квистор. У тебя не должно быть секретов от службы безопасности. Но у меня нет времени объяснять тебе очевидные вещи. Или ты рассказываешь все, или...

— Вы просканируете память? — криво улыбнулся Ивор.

— Ты не оставляешь мне другого выбора. — Полуянов ткнул пальцем в один из огоньков на светящейся тумбе вириала. — Басанк, зайди.

В кабинет вошел огромный, бугристый от мышц молодец в обтягивающей могучий торс камуфляжной «облипке», с ничего не выражающим лицом, с квадратной прической по моде

«хэвибрейн». Скользнув равнодушным взглядом по лицу Ивора, он вытянулся перед хозяином кабинета.

— Объект отказывается сотрудничать с нами добровольно. Займись им. Но не переборщи, он нам еще понадобится.

Гигант шагнул к столику, за которым сидел Ивор.

— Пошли.

— Никуда я с вами не пойду! — возмущенно выпалил Ивор.

В следующее мгновение огромная рука схватила его за отвороты куртки и одним движением выдернула из кресла, так что он повис в воздухе, не задевая ногами пол.

— Ну? — посмотрел на него одним глазом комиссар. — Решай. Сам все расскажешь или после применения спецметодов допроса?

— Я буду жаловаться! — прохрипел Ивор, тщетно пытаясь освободиться.

Полуянов махнул рукой, и Жданов получил короткий и сильный удар в живот. Перехватило дыхание. В глазах потемнело, завертелись огненные колеса. Рот наполнился горечью. Еще через несколько мгновений он стал тонуть в тишине и темноте. Последнее, что он услышал, были слова Полуянова:

— Я же сказал — не перестарайся, болван! Он всего лишь мальчишка, простой мечтатель, а не суперагент ноль-ноль-семь...

Что-то дрогнуло в душе, реагируя на оценку «простой мечтатель» и «мальчишка». На миг словно включилось второе дыхание, и он стал видеть себя как бы со стороны. Захотелось доказать этим черствым людям, что и он чего-то стоит. Ивор дернулся в руках помощника комиссара, обжигая его взглядом, крикнул мысленно: «Отпусти!» — и тут же вслед за этим: «Миа, помоги!»

Рука Басанка разжалась, Ивор упал на пол, и ему показалось, что на голову рухнул потолок. Получивший неожиданный пси-удар от непокорного объекта, гигант в ярости ответил Ивору ударом по голове огромным кулаком. И лишь потом опомнился, с опаской глянув на взбешенного комиссара.

— Черт бы тебя побрал! — взорвался Полуянов.

— Он меня обжег чем-то...

— Взглядом, что ли? Неси его в лабораторию к Левинзону, — буркнул Полуянов, остывая, озабоченно щупая пульс

Жданова. — Пусть поднимет тонус и подключит к «правдососу». Я скоро приду.

— Там его девчонка ждет.

— Пусть ждет. Через полчаса мы его выпустим, а помнись он будет лишь то, что мы ему оставим.

Басанк кивнул, подхватил безвольное тело молодого человека и вынес из кабинета.

Он плыл сквозь тьму, тьму и тьму... тишину, тишину и тишину... безвольный и безмолвный....

Затем что-то начало меняться вокруг.

Тьма, тьма... тишина, тишина....

Тьма... тишина....

Полутьма... тусклое шипение....

Полусвет... шипение....

Неяркий ровный свет, тени... шорохи....

Свет, свет... шорохи, скрипы, стук, гул, чьи-то голоса... ощущение несвободы....

Он попытался пошевелиться, но его остановил очень мягкий, тихий, раскатистый шепот:

— Не-е то-о-ро-о-пи-ись....

— Кто здесь? — замер Ивор.

— Тво-о-е-е вто-о-ро-о-е-е «я-а-а»...

— Значит, я разговариваю сам с собой?

— Про-и-и-зо-о-ше-ел спо-о-нта-а-нный про-о-рыв глу-убо-о-кой пси-и-хи-и-ки в сознание... Ты находишься в измененном состоянии... при-и-выка-ай....

— Как это произошло? — Ивор напрягся и вдруг вспомнил последние события. — Меня же ударили по голове! Поэтому я попал в измененное состояние?

— Не-ет... Это произошло раньше... Ты начал сопротивляться на пси-уровне... и тебя ударили....

— Пора действовать! Мириам не знает, что со мной случилось. Они хотят прочистить мне мозги! Сколько времени уже прошло?

— Мы с тобой сейчас вне времени... готовься... Но не суетись, сначала изучи обстановку... Тебе будет нелегко привыкнуть....

— Ничего, соображу, что к чему. Начинай отсчет.

— Не спеши... десять, девять, восемь... Тебя подключили к «детектору лжи», или «правдососу», как все здесь называют

систему целенаправленного психофизического воздействия... семь, шесть, пять... для считывания информации в памяти и ввода ложной информации в подсознание... четыре, три... Я в состоянии заблокировать эту информацию, но лучше не рисковать... два, один, ноль!..

В глаза Ивору брызнул *реальный* свет, в уши хлынула волна звуков: пощелкивание, шаги, мелодичные звоночки, человеческие голоса, шорохи, — тело обрело плотность и вес, появились ощущения неловкости, давления, боли. Не шевелясь, Ивор осторожно огляделся. Он лежал полуголым в глубине саркофага из прозрачного материала с прихваченными к ложу запястьями рук и лодыжками ног. На груди и на животе были прикреплены розовые кругляши присосок с иголочками съёмов, из которых били в нависшие фасетчатые щиты тоненькие лучики света. Такой же кругляш, только побольше в диаметре, торчал посреди лба Ивора, создавая ощущение холодного щупальца, высасывающего кровь из головы.

Помещение явно принадлежало медцентру или биологической лаборатории, судя по заполняющей его аппаратуре. В нем находились четыре человека: гигант Басанк, прислонившийся плечом к двери со скучающим видом, бородатый мужчина с широкими бровями и взглядом Мефистофеля, мужчина помоложе, розовощекий и полный, и женщина с угрюмым желтоватым лицом, на котором было написано презрение ко всему на свете. Эти трое колдовали у вириала местного инка и у панели саркофага, переговариваясь между собой на узкоспециальном жаргоне ученых мужей.

— Мистика какая-то! — сказала женщина, оттопырив губу. — У него парадоксальная реакция на левый торс. Либо это следы дистантной блокады, либо мотивация скрытого паранормального носителя.

— Давайте прогоним тест на подпороговой по невербальным каналам, — предложил розовощекий. — Может быть, он уже является носителем суггестивного приказа?

— Проверим, — буркнул «Мефистофель».

— Он очнулся, — сказала женщина.

Все трое посмотрели на Ивора.

— *Освободите* меня! — раздельно сказал он.

---

* Имеется в виду «левозакрученное» торсионное поле.

Троица замерла. Великан Басанк перестал чистить ногти и уставился на Ивора удивленным взглядом. В помещении стало тихо.

— *Освободите* меня! — повторил Ивор, внезапно покрываясь холодным потом. Волна слабости едва не накрыла его с головой. Это была реакция организма на включение магического волеизъявления, но он этого еще не знал.

Трое работников пси-лаборатории СБ, как в сомнамбулическом сне, послушно подошли к саркофагу, отстегнули обручи на запястьях рук Жданова, начали отсоединять присоски датчиков и отключать каналы медкомбайна.

— Эй, что вы там делаете? — нахмурился Басанк; пси-приказ Ивора на него практически не подействовал.

«Мефистофель» оглянулся на него, замороженно глянул на Ивора, прислушиваясь к чему-то, глаза его стали проясняться, в них разгорелся огонек понимания и недоумения. Руки перестали отсоединять датчики и освобождать ноги Ивора из захватов.

— Всемилостивый Иезод! — прошептал он. — Этот парень нас... подчинил!

Басанк в два шага пересек помещение, отшвырнул начальника лаборатории в сторону, ударом ладони в грудь опрокинул Ивора на ложе саркофага.

— Лежать! Пеленайте его! Быстро!

Ивор посмотрел в глаза гиганта, мысленно закрыл ему рот и внятно выговорил:

— Спи!

Басанк вздрогнул, замер на мгновение. Женщина с неприятным выражением лица и розовощекий толстяк послушно закрыли глаза и опустили на пол, хотя приказ Ивора их не касался. Осоловел и «Мефистофель», присев на корточки возле саркофага «детектора лжи». Но Басанк не уснул! Он с мрачной улыбкой погрозил Ивору пальцем и произнес:

— Не шали, малыш. Я хоть и не витс, но хорошо защищен и не боюсь направленного внушения. А комиссар тебя, похоже, недооценил. Жаль, что я не имею права тебя убить, — приказ комиссара, — но вот покалечить могу и сделаю это с удовольствием.

Он неожиданно нанес удар в живот лежащему Ивору тяжелым, как молот, кулаком. Однако Ивор напрягся, уходя в

пустоту (интуитивно, не размышляя), определенным образом *развернул* вектор энергии удара, и... кулак Басанка упруго отскочил от живота Жданова, как от резиновой подушки.

— Не может быть! — оторопел подручный Полуянова, посмотрев на свой кулак. — Ты же не мастер боя! Или я чего-то не понимаю?

Он нанес еще два удара один за другим — в грудь Ивора и в голову, и тот не смог отразить последний, настолько удар был силен и неожиданен. В голове вспыхнуло радужное пламя, разрывая ее на куски, и Жданов снова погрузился в багровую тьму, полную невидимых колючек и твердых предметов. Однако плавал он в этой шелестящей тьме недолго.

Кто-то схватил его за шиворот и вытащил из трясины на мягкий, уютный, ласковый и тихий берег. Во всех осколках головы зазвучал знакомый мягкий бархатисто-раскатистый голос:

— Ау, Жданов, далеко собрался?

— На дно... — вяло буркнул Ивор, чувствуя блаженство от уходящей, отступающей боли.

— Мы так не договаривались. Пора тебе самому лечить себя, сознательно, а лучше — не допускать таких ошибок. Сопротивляться нужно в хорошо подготовленный момент, ты же только провоцируешь своих врагов на нападение и усугубляешь положение.

— Я не знал, что этот квадратноголовой шкаф не поддается воздействию.

— У него, скорее всего, имеется генератор пси-защиты. Хотя и его можно обойти умеючи.

— Я не умею.

— Научись. Выползай из своей уютной раковины, но не торопись показывать свои возможности. Мостик, соединивший твои подсознание и сознание, еще хрупок, еще один такой удар по голове — и ты идиот.

— Постараюсь...

— Тогда вперед, квистор. Три, два, один... ноль!

Ивор очнулся и сразу «обнял» весь объем помещения сферой своих сверхчувственных восприятий. И едва не потерял сознание снова — от боли в голове, в груди и животе, а также от нахлынувшей слабости.

Особенно сильно пульсировал болью висок (хорошо, что хоть череп цел!), затем челюсть (вот паразит поганый, он же

чуть ее не сломал!), губы, ключица и ребро. Судя по всему, Басанк продолжал избивание пленника после того, как тот потерял сознание. Времени же с момента начала избивания прошло всего ничего — буквально две минуты. Спасибо резерву, вовремя он заработал, без него был бы полный капут!

В помещении лаборатории почти ничего не изменилось. Лишь «Мефистофель» начал приходить в себя да Басанк отошел от «правдососа», озабоченно разглядывая свою покрывшуюся волдырями, как от сильного ожога, руку.

И в этот момент дверь в лабораторию выгнулась пузырем и лопнула с громким треском. В помещение тигрицей ворвалась Мириам с «универсалом» в руке, за ней знакомый Ивору по инциденту на Венере Тео аль-Валид, сотрудник особого отдела контрразведки. Он навел на гиганта пистолет с ребристым дулом — суггестор «слон» — и нажал на курок.

Но Басанк не впал в транс, как следовало ожидать («Защита!» — мелькнуло в голове Ивора), а выхватил в ответ свой штатный «универсал», рукоять которого торчала из подмышки, и выстрелил в Тео. Вернее, хотел выстрелить.

Напрягаясь так, что вены на лбу вздулись и едва не лопнули, Ивор крикнул *внутрь* Басанка, внезапно осознавая, как обойти его пси-защиту: «Мимо!»

Ствол «универсала» в руке помощника Полуянова сместился на сантиметр, и лишь после этого последовал выстрел, проделавший в стене помещения крупную звездообразную дыру. Затем выстрелила Мириам, среагировавшая на угрозу, и выбила «универсал» из руки Басанка. Гигант замер, но тут же схватился за рукоять кинжала, укрепленного на поясе, и снова застыл, теперь уже от ненавидящего голоса Ивора:

— Стоять!

Все оцепенели. Приказ был подкреплён надпороговой психомандой, противиться которой не смог даже обладавший защитой Басанк.

— Освободи меня, — расслабился Ивор, виновато глянув на Мириам. Силы почти оставили его.

Девушка встрепенулась, послушно подбежала к нему, отщелкнула браслеты на ногах, помогла вылезти из саркофага «правдососа». И в этот миг в комнату вошел человек в необычного покроя одежде: мятая на вид полурубашка-полукуртка, переходящая в пузырчатые шаровары, нечто вроде ба-

хромчатой португеей со множеством висящих сосулеч, громадные ботинки с шипами. Он был высок — даже выше двухметрового Басанка, — узкоплеч, с лицом землистого цвета, не вызывающим, впрочем, ощущения болезненности, с очень широким ртом и умными оранжевыми глазами. Оглядев компанию, гость остановил взгляд на Жданове и сказал приятным низким голосом:

— Я вас слушаю, оператор.

— Что? — не понял Ивор, переглядываясь с Мириам.

— Вы меня позвали — я пришел.

— Но я... никого не звал!

Незнакомец раздвинул губы в странной усмешке.

— Разве не вы только что крикнули: «Мимо!»

— Но... я же... я просто заставил его промахнуться! —

Ивор указал на неподвижного Басанка. — И вообще это был мысленный крик!

— Извините, — пожал плечами незнакомец. — Я ошибся.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Стойте! — опомнилась Мириам, делая шаг к странному гостю. — Вы услышали пси-вызов Жданова?

— Ну, конечно.

— И вас зовут... Мимо?!

— Так точно, леди.

Мириам оглянулась на Ивора. Глаза ее стали большими и сияющими.

— Вспомни рассказы отца! Это бровей Мимо, бродяга по Ветвям! — Она снова повернулась к гостю. — Где вы были в момент вызова? В нашей Ветви?

— Разумеется, иначе я бы не услышал его.

— У меня... у нас просьба...

— Я весь внимание.

— Мы попали в трудное положение... почти безвыходное... Не могли бы вы нам помочь?

— Каким образом?

— Можете вызвать сюда, в эту точку, где мы находимся, трансгресс?

— Нет ничего легче.

— Спасибо! — Мириам подбежала к Ивору. — У нас появился шанс обойтись без помощи комиссара. Я знаю, где можно достать дриммер!

— Где? — непонимающе спросил слегка обалдевший молодой человек.

— На Геземе! В мире моих и твоих дедов, в мире, где родились наши матери! Идем туда!

— Сейчас?!

— А когда еще? Вспомни — время не ждет! Твой отец в беде!

Ивор посмотрел на Басанка, на Тео, на терпеливо ждущего бровя Мимо и вдруг понял, что все это ему не снится, все происходит наяву! Но признаться, что ему страшно, он не смог.

— Идем!

— Прощай, Тео! — Девушка бросилась к безопаснику, обняла его на мгновение. — Спасибо тебе за все! Уходи отсюда, когда мы исчезнем. Передай отцу, чтобы не волновался за меня. Я вернусь. Мы вернемся! — Она взяла Ивора за руку и посмотрела на бродягу по мирам Ветвей. — Вызывайте трансгресс!

Тотчас же помещение лаборатории бесшумно проткнула ажурная двухметровая труба серебристого цвета.

— Прощайте! — вскинула кулак над собой Мириам, прежде чем нырнуть в трубу трансгресса.

Молодые люди подпрыгнули и оказались внутри трубы.

— Как он тебя!.. — прошептала Мириам, проведя пальчиком по разбитым губам. — Но ничего, вылечимся. Ты готов? — Она прижалась к Ивору.

— Готов! — кивнул он, помедлив.

— Тогда поехали!

— Вы находитесь в узле выхода Солювелл-три, — раздался в ушах обоих мягкий женский голос. — Вербальный код перегиба — БАМ-у-эс-тридцать-тридцать. Ближайший узел выхода — Балор-девять...

— Нам нужен выход в Ветвь, где есть планета Гезем, — быстро перебила Мириам оператора трансгресса.

Короткая пауза.

— Прошу вас сделать заказ поточнее.

— Я знаю, где это, — возник рядом с обнявшейся парой внутри трубы бродяга по Ветвям. — Даю координаты. — Он замолчал, переходя, очевидно, на «личный» мыслязык.

— Заказ принят. — Женский голос стал деловитым. — Перегиб длится три минуты по независимому времени. Приятного перемещения.

В следующее мгновение в головы Ивора и Мириам хлынул призрачный «лунный» свет, и сами они превратились в свет....

Когда в помещение ворвался Федор Полуянов в сопровождении трех человек охраны, в нем находились только медленно приходящие в себя сотрудники лаборатории и равнодушно разглядывающий стену Басанк. Куда девался пациент доктора Левинзона, специалиста по «высасыванию правды», никто из них так и не вспомнил.

Часть II

КАК БОГОМ РЕЧЕНО

Глава 1

Возвращаясь из магазина вдоль линейки машин во дворе собственного дома, Руслан снова заметил сидящих на бетонной приступочке у спуска в подвал двух пацанов весьма специфичного вида и направился к ним. Неделю назад в его новой машине «Мазда» последней модели выбили боковое стекло, чтобы извлечь автокомпьютер, и хотя взломщикам сделать это не удалось, стекло пришлось вставлять, платить немалые деньги и нервничать.

Теперь Руслан в каждом парне видел автовора и в своем родном дворе устроил настоящую охоту за молодыми людьми, слонявшимися без дела.

Стекло в машине выбивали такие же пацаны, что и эти двое, мирно попивающие минералку (очень интересный факт: именно минералку, а не пиво или джин-тоник, что выглядело бы естественней). Руслан в тот момент был дома — жил он на третьем этаже шестнадцатизажки — и после гулкого удара и срабатывания сигнализации успел выглянуть в окно и увидеть спины убегающих парней.

Эти двое, сидящие за торцом дома на бетонном бордюрике, охватывающем лестницу в подвал, были одеты в точно такие же спортивные костюмы и белые кроссовки.

— Ваши документы, — почти вежливо попросил Руслан, останавливаясь возле парней с пакетом покупок в руке.

Молодые люди — одному можно было дать лет семнадцать, другому не более девятнадцати — подняли головы и непонимающе уставились на Руслана.

— Какие документы? — ломающимся баском спросил семнадцатилетний, белобрысый, с пушком на губах.

— Ваши, — терпеливо повторил Руслан, протягивая руку. — И побыстрей, пожалуйста.

— А ты кто такой, дядя? — прищурился второй, смуглолицый и черноволосый, явно выходец с Кавказа.

— Я местный участковый. Документы!

— Не свисти, — растянул рот в нехорошей улыбке смуглолицый, — мы участкового знаем. — Он встал и оказался почти такого же роста, что и Руслан. — Вали отсюда, дядя! Мы тебя не трогаем, и ты нас не трожь.

Руслан достал из-за ремня сотовик, нажал несколько кнопок, поднес к уху:

— Вася, ты на дежурстве? Быстро группу на Лодочную! Да, ко мне домой. Я тут задержал двух подозрительных парней. Думаю, это они у меня стекло выбили в машине неделю назад...

Молодые люди переглянулись и вдруг рванули прочь, не разбирая дороги, сломя голову, через кусты и штакетник, к берегу водохранилища, затем свернули к проходу между домами, ведущему на мост через канал.

— Увижу еще раз — покалечу! — крикнул им вслед Руслан, довольный произведенным эффектом; никакому дежурному он, естественно, не звонил, хотя мог бы, так как работал в оперативном Управлении по борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности.

Руслану Кострову исполнилось недавно двадцать девять лет. Отслужив в армии в десантных войсках два года, он закончил юрфак МГУ, с малых лет занимался рукопашным боем, много читал, увлекся эзотерикой и даже женился — в двадцать два года, но прожил с молодой красивой женой всего семь месяцев, после чего она ушла от него к бывшему командиру полковнику Щербатову, который увез ее потом в Киргизию. На этом семейная жизнь Руслана закончилась, и вспоминал он о ней редко, лишь в минуты меланхолии, дав зарок жениться только по расчету, а не по любви. С тех пор он жил один, изредка позволяя себе короткие, ни к чему не обязывающие знакомства и расставания без сожалений. Второй такой красивой женщины, как Саша, он пока не встретил.

В дом номер пять по улице Лодочной в Тушине, стоявший на берегу Химкинского водохранилища, он переехал недавно, всего около года назад, когда внезапно умер от сердечного приступа дед Руслана, Петр Мстиславович, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией Тушинского

института микротехнологий, и квартира досталась Кострову в наследство. С дедом он особенно дружен не был, заезжал изредка, раз в два-три месяца, да встречался с ним иногда на его же даче в Переделкине. Деда Петю мало кто любил из-за увлеченности того работой, которой он отдавал практически все время, почти не уделяя внимания семье, хотя, в сущности, был человеком незлобивым и рассеянным. Всем хотелось, в том числе сыну Петра Мстиславовича Ивану, чтобы известный ученый-физик хотя бы в выходные дни переставал быть исследовательской машиной и возвращался в семью чаще, чем два раза в год — в день рождения и на Восьмое марта.

Вырос Руслан в Крылатском, прожив вместе с отцом и мамой Таей двадцать пять с лишним лет (если не считать годы службы в армии) в двухкомнатной квартире. Зато после смерти деда в доме отца внезапно появился судебный исполнитель и зачитал завещание Кострова-старшего о передаче трехкомнатной квартиры в Тушине в собственность внуку. Так Руслан стал обладателем квартиры и вскоре переехал на новое место жительства, разобрал хлам, которым было забито дедово жилище, починил старую, но добротную, времен третьей чеченской войны мебель, переставил все по-своему и впервые в жизни почувствовал себя человеком, не зависимым от социальных условий. Правда, квартира его часто пустела из-за длительных командировок хозяина в разные регионы страны, однако когда Руслан возвращался, это становилось чуть ли не праздником, и в доме всегда собирались гости — либо приятели и друзья, либо отец с мамой и близкие (и не очень) родственники.

Если отец при этом бывал в романтическом настроении, он вспоминал времена своего героического похода в Башню и не менее знаменитого возвращения, каждый раз раскрывая такие удивительные подробности из мира Древа Времен, что слушатели потом долго качали головами, не зная, верить этим откровениям или нет. Но Руслан верил. Он знал отца слишком хорошо, чтобы не сомневаться в его правдивости, да и мама, прошедшая вместе с отцом огни и воды, всегда подтверждала его рассказы.

С тех странных и страшных времен прошло уже более тридцати лет. Отец после возвращения домой из миров Древа Времен некоторое время работал с Игорем Васильевичем Ивашурой в бригаде исследователей Башни, оказавшейся узлом выхода хронобура на Земле. Как убедительно доказал Ивашура

(его данные подтвердили все, кто вышел вместе с ним, — Иван Костров, Таисия Былинкина и Вероника Крылова), вселенная, давшая жизнь и разум человеку, оказалась лишь одной из бесчисленных Ветвей Древа Времен, каждый миг (квант времени) рождавшего новые Ветви. И вот в одной из таких «отпочковавшихся» Ветвей со своим ходом времени ученые реализовали проект «бурения» времени, создав гигантское сооружение — хроноквантовый ускоритель, он же — хронобур, или Ствол. В мире, где родились Ивашура и Костров, это сооружение после его выхода назвали Башней.

После того как растущая Башня принесла много бед и несчастий на многострадальную землю Брянщины, в недрах военных кабинетов созрела идея нанести по ней ядерный удар. Однако благодаря Ивашуре и его друзьям это удалось предотвратить. А спустя некоторое время после ухода группы Ивашуры в Башню она взорвалась изнутри, превратившись в своеобразный гигантский «бутон лотоса». Такой она оставалась долгое время после возвращения группы, и лишь спустя двадцать пять лет начала подавать признаки жизни.

Некоторые участки «лепестков лотоса» стали искриться, светиться, обновляться, изменять форму и цвет, а затем в один момент все «лепестки» вдруг срослись, и Башня трансформировалась в огромную коническую скалу фиолетово-багрового цвета с серебристым налетом, с редкими входами-пещерами, постепенно затягивающимися сизо-фиолетовыми пробками. Спустя тридцать лет после взрыва Башня, окруженная пятиметровой стеной с колючей проволокой поверху, стала недоступной для исследователей.

Отец Руслана к тому времени уже не был связан с Башней. Отработав десять лет заведующим лабораторией Центра по изучению быстропеременных явлений природы, он ушел оттуда на преподавательскую деятельность в МГУ, где и работал по сей день на кафедре реконструкции всемирной истории. Изредка его вызывали для консультаций в Брянскую губернию к руководству Криптозоны, как стали называть Башню и все окружающее ее хозяйство, и тогда он выезжал из Москвы на несколько дней, возвращаясь задумчиво-рассеянным или вовсе хмурым. Отвечая жене на вопрос, отчего у него плохое настроение, поседевший и полысевший Иван Петрович говорил с легкой улыбкой:

— Да заела тоска по иным временам и пространствам.

Иногда он брал с собой в командировки сына, и Руслан хорошо изучил Криптозону и саму Башню, восхищаясь ее размерами и удивляясь продолжавшимся внутри нее процессам. Но по стопам отца он не пошел, не стал ученым или инженером, вдруг увлекшись проблемами безопасности страны и борьбой с терроризмом. Впрочем, не вдруг. В две тысячи восемнадцатом году от взрыва бомбы у памятника Пушкину, в самом центре Москвы, унесшего жизни тринадцати человек, погиб друг Руслана рижанин Валдис, и когда следствие так и не выявило преступников, Руслан поклялся найти их сам.

Увы, не нашел, хотя и стал работать в Управлении по борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности.

Двадцать второго августа в известном московском ресторане «Богема» сработало очередное взрывное устройство, эквивалентное двумстам граммам тротила, и группу Руслана «Антей» бросили на расследование инцидента, хотя уверенности, что это теракт, не было. Подобным образом происходили и разборки между криминальными структурами, не договорившимися между собой.

Взрыв произошел в кабинете хозяина ресторана в тот момент, когда он разговаривал с приятелем и охранником. Хозяин — Марат Усулганов, бывший претендент на президентское кресло (он участвовал в выборах дважды), — и охранник погибли на месте, а посетитель — известный актер театра и кино Прянишников — чудом остался жив. Он и показал, что взорвался телевизор хозяина, метровый «Шарп», используемый Усулгановым в качестве дисплея новейшего компьютера «Интель-Марк-3», созданного на основе нанотехнологий. Однако эксперты группы вместе с коллегами центральной криминалистической лаборатории МВД не нашли ни одного следа взрывчатого вещества. Впечатление складывалось такое, будто взорвалась одна из комплет телевизора — компьютерная плата с высокой плотностью упаковки микросхем.

Во вторник после обеда Руслан встретился с руководителем экспертной бригады, доктором физхимии, полковником Полторацким в его кабинете в здании технического центра ФСБ на Лужковской набережной, и тот поделился с капитаном своими соображениями:

— Взрывы подобного рода стали нередкими в наше время и относятся к так называемым реакциям спонтанного фазового

перехода в кристаллах с нарушенной симметрией. Хотя кое-кто из моих коллег пытается доказать, что виновата в этом нарушенная симметрия вакуума, из-за чего увеличилась амплитуда квантовых осцилляций. В компьютерных чипах с высокой плотностью примесей создается локальная нестабильность. Стоит «толкнуть» атомы определенным образом, как происходит цепная реакция сброса напряжений, причем на уровне холодных термоядерных реакций. А это есть взрыв. Но что, какой процесс является причиной таких самопроизвольных лавинообразных реакций, мы пока не знаем. Это, должно быть, весьма экзотический тонкий процесс, на уровне кварковых превращений. И лично у меня складывается вполне определенное мнение...

— Секретное? Мне его знать не положено?

— Почему? Я из своих исследований секрета не делаю. Я считаю, что за подобные нелинейные процессы должны быть ответственны изменения некоторых фундаментальных констант.

— Что вы имеете в виду?

Полторацкий, крупногабаритный, лысый, с окладистой седой бородой, снял очки и близоруко посмотрел на собеседника.

— Законы нашей физики базируются на так называемых базовых принципах, или физических константах...

— Да, я помню школьную программу: принцип Паули, инвариантность, постоянная Планка, заряд электрона... гравитационная постоянная. Так?

Полторацкий надел очки, улыбнулся.

— В ваших познаниях я не сомневался. Так вот, причиной спонтанных взрывных фазовых превращений может быть, во-первых, изменение массы электрона — где-то на десятые доли процента, во-вторых, увеличение амплитуды вакуумных осцилляций, о чем я уже говорил. Но предупреждаю — это мое частное мнение, и вашей работе оно вряд ли поспособствует. Во всяком случае, ваше начальство вряд ли отменит поиск террористов или конкурентов директора ресторана.

Так оно и оказалось.

Выслушав Руслана, полковник Варавва, его непосредственный начальник, предложил ему поменьше фантазировать и верить ученым бредням, а побольше заниматься своим непосредственным делом.

В пятницу капитан составил план первоочередных мероприятий по делу «теракта» в ресторане, озадачил группу, распределив обязанности каждого, и отправился на место происшествия.

Ресторан уже работал по полной программе, несмотря на гибель хозяина, а его место занял новый директор — бывший администратор Гольдич, суетливый человечек с рыхлым лицом и бегающими глазками. Ничего нового он, естественно, Руслану не сообщил, зато освободил место представителю официальной власти за столиком в хрустальном зале, за чешуйчатой стеклянной колонной, подсвеченной снизу и изображавшей пальму.

Здесь уже сидел мужчина средних лет с бледным землистым лицом, одетый в необычного покроя костюм — не то комбинезон, не то балахон строительного рабочего зеленовато-коричневого цвета. Посмотрев на Руслана вскользь ничего не выражающими яркими, буквально оранжевыми глазами и не ответив на приветствие, он отвернулся. Руслан проследил за его взглядом и увидел за столиком у стены пару: молодой человек боксерского вида с неприятным лицом типичного рэкетира беседовал с девушкой, очень красивой, с точеным смуглым лицом.

Она слушала его со сдвинутыми бровями и пылающими щеками, катая по столу шарик салфетки. Ее короткое фиолетовое платье приподнялось и открыло красивые стройные ноги, но девушка ничего не замечала, видимо, занятая ссорой или не слишком приятным разговором, и все время порывалась уйти, но собеседник хватал ее за руку, усаживал и продолжал что-то втолковывать.

Посидев минут сорок, но так и не дождавшись развязки этой беседы, Руслан иронически поблагодарил молчаливого соседа за компанию и поднялся на второй этаж здания, где находился кабинет владельца ресторана. Показав охраннику удостоверение, еще раз зашел в опечатанный кабинет, где произошел взрыв, задумчиво постоял у развороченного стола. Вспомнились слова полковника Полторацкого: «Это реакция спонтанного фазового перехода... Изменилась масса электрона... Увеличилась амплитуда вакуумных осцилляций...» Что-то стояло за этими узкоспецифичными терминами, отзвук некоего знания, тревожащего память. Нечто подобное Руслан уже

слышал в беседах отца с друзьями, когда они вспоминали свои приключения. Уж не связан ли странный «теракт» с выходом в земную реальность *нового* Игрока? Ведь не зря же Полторацкий упомянул об учащении взрывов с фазовыми переходами: за последние несколько лет, по статистике Управления, только в России произошло восемь взрывов — рвались в основном дисплеи компьютеров и новейшие плазменные телевизоры. Интересно, сколько таких инцидентов произошло за рубежом?

Обойдя кабинет кругом, Руслан пообещал сам себе выяснить ситуацию в мире и решил посоветоваться с отцом. Тот мог знать и другие любопытные факты, говорящие в пользу последнего предположения Руслана о целенаправленном «просачивании» в земную реальность чужих физических законов, означающих вмешательство воли Игрока.

Проходя через зал, капитан отметил отсутствие красивой незнакомки и ее крутого партнера, уловил необычно сосредоточенный и заинтересованный взгляд мужчины в балахоне, потягивающего томатный сок, но не обратил на него особого внимания. В нынешнее время можно было встретить человека в еще более странной одежде либо сильно пьющего, либо не пьющего вовсе. Мало ли кому придет в голову выпендриться и натянуть на тело то, что раньше считалось рабочей одеждой или вообще не годилось в качестве таковой! Садясь в машину, Руслан вдруг заметил брюнетку из ресторана в фиолетовом платье и задержался.

Очевидно, это был уже финал ссоры, начавшейся в зале ресторана. Девушка сбросила с плеча руку настырного молодого человека с манерами и внешностью рэкетира, быстро пошла со стоянки на улицу, но тот догнал ее, схватил за руку, дернул к себе. Девушка снова вырвала руку, но парень вцепился в нее, заломил ей руку за спину так, что она вскрикнула, потащил к белому «Мерседесу», в кабине которого сидели еще двое молодых людей. Дверца открылась, парень стал заталкивать девушку в кабину, вlepил ей пощечину. Она снова вскрикнула, отталкиваясь ногой от машины, и сердце Руслана не выдержало.

Подойдя к молодому «боксеру» сзади, он тронул его за шею особым образом, и у того сразу онемела рука, выкручивающая локоть подруги. Девушка вырвалась, посмотрела на

Руслана полными слез глазами, пошла прочь, но ее перехватил вылезший из «мерса» мощного телосложения парень с короткой стрижкой, вернее, почти наголо обритый, с небольшим чубчиком над узким и невысоким лбом. Молодой человек, за-талкивающий девушку в машину, оглянулся. Глаза у него были почти бесцветные, бешеные, с расширяющимися и сужающимися зрачками. Такие глаза обычно бывают у наркоманов, принявших дозу.

— Тебе чего, козел?!

Руслан глянул на девушку.

— Простите, что вмешиваюсь, но ваши знакомые, по-моему, немного перебрали. Если хотите, я отвезу вас домой.

Незнакомка, закусив пунцовую губу, судорожно кивнула. С румянцем на щеках, с большими миндалевидными серыми глазами, в которых стояли слезы, она была так необычайно хороша, что у Руслана екнуло сердце и он позавидовал тем, кто был с ней в приятельских отношениях.

— Ты чего, козел?! Не понял?! — опомнился «рэкетиру», сунул левую руку под полу пиджака, собираясь, очевидно, вытащить оружие, и Руслан ткнул его указательным пальцем в кадык, не желая начинать «показательные выступления» по рукопашному бою. Затем, продолжая движение, ударил ногой по дверце «Мерседеса», отбрасывая назад начавшего вылезать водителя. Покачал пальцем перед глазами изумленного спортсмена с чубчиком.

— Не стоит продолжать в том же духе, парень, я сегодня не в настроении. Отпусти ее.

— Да я тебя!.. — кинулся на него атлет, вытягивая вперед кулаки-кувалды.

Руслан качнулся вправо, нанес ему мгновенный, незаметный со стороны укол сгибом указательного пальца в ямку за ухом — так называемый «серьгунок», и поддержал брюнетку под локоть.

— Пойдемте, вон моя машина стоит.

Девушка расширенными глазами посмотрела на своих приятелей, один из которых сполз на асфальт, держась за ухо, а второй уже сидел у машины спиной к колесу, перевела взгляд на капитана и, вырвав локоть, торопливо пошла прочь.

Вся эта сцена произошла так быстро, что почти никто из проходивших мимо стоянки людей не обратил на нее внимания.

Руслан пожал плечами, уже ругая себя, что ввязался в историю, его не касающуюся, грустно поплелся к своей «Мазде», поглядывая на исчезающую за углом стройную фигурку, оглянулся, услышав щелчок дверцы: это вылез водитель «мерса», получивший удар дверцей в лоб, такой же накачанный, как и его приятели, с массивной стальной цепью на шее.

— Эй, братан! — прошипел он, держа руку под мышкой, где у него, судя по всему, находилась кобура с пистолетом. — Ты на кого наехал, знаешь?! Мы же тебя грязью сделаем, в бетон замешаем, язык вырвем, на всю оставшуюся жизнь немым будешь!..

«Я умею молчать на семи языках», — вспомнил Костров чей-то афоризм и незаметно из-под руки метнул в парня расческу. Пока тот отбивал мощной ладонью и доставал оружие, в прыжке ударил его ногой в грудь. Водитель перелетел через капот «Мерседеса», роняя пистолет, и исчез в траве под решеткой заборчика.

Кто-то несколько раз хлопнул в ладоши.

Руслан оглянулся.

На него смотрел тот самый мужчина в странном «строительном» балахоне, сосед по столу в ресторане. Несколько мгновений они оценивающе разглядывали друг друга, потом губы незнакомца искривила усмешка.

— Замечательная подготовка, господин капитан. Вы ни в чем не уступаете своему отцу. Помнится, он тоже был мастером боя.

Голос у мужчины с землистым лицом и яркими янтарными глазами был гортанный, говорил он по-русски чисто, но с каким-то необычным тонким акцентом.

— Кто вы? — мрачно поинтересовался Руслан. — И откуда знаете меня и моего отца?

— Меня зовут Мимо. — Еще одна кривая усмешка. — Ваш отец вспомнит меня. Прощайте, капитан. Надеюсь, мы еще встретимся. Догоняйте ту красотку, иначе потом пожалеете.

Незнакомец по имени Мимо (странное имя... или фамилия?) отступил и исчез. Будто растворился в воздухе. Ошеломленный Руслан повертел головой, пытаясь определить, куда он делся, потом махнул рукой и поспешил к машине.

Девушку в фиолетовом платье, которую Руслан освободил из рук невежливой парней, он увидел стоящей у перекрестка и

голосующей. Подъехал, открыл дверцу, сказал с извиняющейся улыбкой:

— Боюсь показаться назойливым, но вам все-таки лучше было бы сесть в мою машину. Ваши знакомые сейчас очухаются и ринутся за вами. Садитесь и ничего не бойтесь, я не из их компании.

Девушка поглядела на поток машин, нахмурилась, о чем-то размышляя, потом тряхнула головой и села в кабину рядом с Костровым.

— Улица Лодочная, дом семь, если можно. Знаете, где это? Район Тушино.

Руслан невольно присвистнул, трогая машину с места.

— В чем дело? — повернула она к нему красивую точеную головку с короткой, но очень оригинальной стрижкой.

— Мы с вами соседи, я тоже обитаю на Лодочной, в доме номер пять.

Девушка пожала плечами, забилась в уголок сиденья и притихла, глядя перед собой остановившимися глазами. Она все еще переживала свой конфликт с «боксером» и его приятелями, показавшими себя во всей красе «крутого» воспитания.

— Как вас зовут? — поинтересовался Руслан.

— Надежда, — безучастно ответила она.

— Надя, значит. А меня Руслан.

— Меня зовут Надежда, — тихо, но твердо заявила девушка.

Желание разговорить ее, как-то утешить прошло. Но все же он не мог не предложить ей помощь, чтобы не показаться невежливым.

— Чего они от вас хотели? Я заметил вас еще в ресторане. Вы сидели неподалеку, у стеклянной пальмы.

— Это личное, — тем же тоном отозвалась Надежда.

— Может быть, я могу вам помочь? Я мог бы проводить вас до дому...

— Спасибо, я сама. — Девушка очнулась, огляделась, в глазах ее зажглись иронические огоньки. — Вы чрезвычайно любезны. Высадите меня у аптеки, пожалуйста.

— Но мы не доехали.

— Я выйду.

Руслан остановил машину за светофором, девушка открыла дверцу и выскользнула из кабины.

— Может быть, дадите свой телефон? — неуверенно спросил он.

— Это не к чему.

— Тогда запомните мой на всякий случай. — Он назвал номер: три девятки, три шестерки и семерка. — Вдруг пригодится.

Надежда молча захлопнула дверцу, двинулась по тротуару в обратную сторону, но потом вдруг вернулась и быстро выговорила:

— Извините, что я так себя веду, вы ни в чем не виноваты. Обещаю: если понадобится ваша помощь, я позвоню.

Повернувшись, она быстро перешла на другую сторону улицы. Руслан, обрадованный таким поворотом событий, проводил ее взглядом и поехал домой. Затем внезапно вспомнил встречу со странным человеком по имени Мимо и решил немедленно встретиться с отцом. Сидеть весь вечер дома одному не улыбалось никак.

Глава 2

Отец и мама были дома: пили чай на просторной кухне в компании с незнакомым мужчиной с сединой в волосах и с умными цепкими серыми глазами. Одет он был, несмотря на лето, в блестящую серую водолазку и такие же брюки с серебряным отливом.

— Ты вовремя, — сказал Иван Петрович, обнимая сына. — Мама торг испекла, твой любимый — медовый. Познакомься — это Игнат Ромашин. Игнат... э-э....

— Филиппович, — подсказал гость, вставая из-за стола и протягивая Руслану крепкую руку.

Руслан задержал на нем взгляд, вспоминая фамилию гостя: где-то он ее уже слышал, — и отвел отца в прихожую.

— Папа, есть разговор.

— Срочный и секретный?

— Не очень срочный, но при твоём госте говорить не удобно. Я сегодня был в ресторане....

— Поздравляю.

— И встретил там интересного человека, — не отреагировал на тон отца Руслан. — Он отрекомендовался, что знает тебя, и передал привет.

— Представился?

— Он назвал себя Мимо.

— Как-как? — Иван Петрович изумленно поднял брови. —

Повтори.

— Мимо.

Костров-старший несколько мгновений смотрел на сына как на вестника потрясений и перемен, затем быстро вернулся на кухню. Там заговорили, мама тихо вскрикнула, затем послышался голос отца:

— Руслан, найди.

Сбитый с толку капитан повиновался. Его встретили три заинтересованных и взволнованных — каждый по-своему — взгляда.

— Как выглядел этот господин Мимо? — спросил Ромашин.

Руслан коротко и точно описал внешность и костюм незнакомца.

— Это он, — тихо сказала Тая, с каким-то страхом переглядываясь с мужем. — Неужели нам снова... — Она передернула плечами, посмотрела на сына и замолчала.

— Что происходит? — нахмурился Руслан. — Вы сидите, как заговорщики, и говорите загадками.

— Мы и есть заговорщики, — мягко улыбнулся Ромашин.

— Ты не помнишь его? — кивнул на гостя отец.

— Вряд ли он меня запомнил, ему тогда шел четвертый год, когда я был у вас в последний раз.

Руслан покачал головой.

— К сожалению, действительно не помню, хотя фамилия знакома...

— Игнат — комиссар службы общественной безопасности Земли двадцать четвертого века, — сказал Иван Петрович. — Естественно, Земли из другой Ветви Времен. Я тебе рассказывал.

Руслан наконец вспомнил фамилию Ромашина и те обстоятельства, с какими она была связана, по-новому взглянул на гостя.

— Вы в самом деле тот самый Ромашин... из другой Ветви?!

— Можешь потрогать и убедиться, — засмеялся Игнат. — Садись, поговорим, коль уж на тебя вышел сам бродяга по Ветвям. Что ты знаешь о Стволе?

— О чем? Ах, да... Извините, у нас ваш Ствол называют Башней, я не сразу вспомнил.

— Может быть, не стоит его вовлекать во все это? — робко проговорила Тая.

— Рано или поздно ему все равно пришлось бы принять участие в Игре, — покачал головой Ромашин. — Да и парень он крепкий, бывалый и неженатый к тому же.

Руслан промолчал, не желая рассказывать о своем недавнем знакомстве с красивой брюнеткой по имени Надежда.

— Я знаю о Башне со слов отца. В нашей прессе о ней материалов не встретишь, все засекречены. Насколько мне помнится, Башня представляет собой кусок хронобура, выпавший в наше время. Так?

— Кусок — это сказано сильно, — хмыкнул Костров-старший.

Руслан покраснел.

— Ну, не кусок — часть хронобура, вернее, копия...

— Хроноквантовая копия, — уточнил Ромашин. — Еще Ствол... э-э... Башню можно назвать трактрисой времен, пространственноподобной «сверхструной» или многомерным пространственно-временным многообразием, а также надвременным топологическим тоннелем с квантованным выходом, соединившим множество Метавселенных — Ветвей Дендроконтинуума, то есть потенциально равноценных копий вселенной. При материальном вытаивании Ствол... м-м... Башня соединила около двух триллионов Ветвей. Я живу в одной из «соседних» Ветвей, отделенной от вашей примерно тремя десятками выходов Ствола. Кстати, ближайšie к вашей Ветви мертвы.

Костров-старший посмотрел на Ромашина озабоченно.

— Я этого не знал. Почему мертвы? Из-за вмешательства прежних Игроков?

— Уточняю: жизнь в этих Ветвях имеется, в том числе и разумная, но Земля мертва. Копия вашей Земли, разумеется.

— Ядерная война? — догадался Руслан.

— По разным причинам. Где-то прошла ядерная война, где-то бактериологическая, а кое-где сработали «мины замедленного действия» типа эпидемий, вырвавшихся из военных лабораторий, либо всплески генетических изменений вследствие применения трансгенных продуктов.

— У нас тоже все шире используются такие продукты, — произнесла Тая. — Неужели последствия так ужасны?

— Дело в том, что генная инженерия относится к так называемым «божественным промыслам», или интеллигибельным технологиям, применение которых имеет непредсказуемые последствия. Жизнь на нашей Земле устояла лишь потому, что мы еще две сотни лет назад отказались от экспериментов на генах. Но не будем о грустном, возможно, ваши правители в скором времени запретят опасные технологии, отражающиеся на потомстве.

— Пока же статистика такова, — хмуро сказал Иван Петрович, — что во всем мире болен *каждый второй* человек! И тенденция эта увеличивается. Может быть, это следствие новой Игры?

— Не исключено, — кивнул Ромашин. — Я посетил уже около сотни кванк-Земель, и везде картина весьма неприглядна. У вас в особенности, если проанализировать факты. То, что все страны планеты без исключения охватил терроризм, прямое доказательство агрессии Игрока.

— Вы сказали «кванк-Земель»? — заинтересовался Руслан, взглядом благодаря мать, которая налила ему чаю и придвинула тарелку с бутербродами.

— Кванк — это сокращенное от «квантовая копия». Каждый предмет, объект, существо, даже каждый атом Земли и всей вашей Мета вселенной имеет квантовую копию. Я лично знаком с полусотней моих кванков и двумя кванками твоего отца. Правда, твоих кванков пока не встречал. Но иногда бывают исключения. К примеру, я знаю человека, не имеющего своего кванка.

— Ясена? — прищурился Костров-старший.

— Совершенно точно, Ясена Жданова. Она родилась на планете Гезем, расположенной в своеобразном хронокармане, который не имеет квантовых продолжений. Да и сын Ясены и Павла почему-то существует в одном экземпляре, хотя, возможно, я просто не попадал в Ветви, где есть его кванки. Ствол ведь не трансгресс, он соединил не все Ветви Древа Времен.

— Почему? — спросил Руслан.

— Потому что принцип Паули действовал и во время его запуска, разрешая выходы хронобура только в миры с определенной плотностью вакуума.

— Разве вакуум имеет плотность? Это же пустота...

— Пустота, да не та, — усмехнулся Костров-старший. — Как говорил наш общий знакомый Атанас Златков, вакуум — это квантовая жидкость с ненулевой плотностью энергии. Есть даже гипотеза, что весь наш мир представляет собой многовариантное возбуждение вакуума типа вихрей, волн и узлов.

— Это не гипотеза, — покачал головой Ромашин. — В некоторых Ветвях Древа все именно так и обстоит. Но это тема отдельного разговора. Вернемся к вашей встрече с бровеем Мимо. Его появление здесь весьма символично и едва ли случайно. А выход на твоего сына, — Игнат посмотрел на Ивана Петровича, — означает одно: он явно ищет новых участников Игры.

— Наверняка мы утверждать этого не можем, — проворчал Костров. — Пока сам бровей не скажет, чего хочет.

Все трое оценивающе — Тая еще и печально — посмотрели на Руслана.

— Что вы на меня так смотрите? — криво улыбнулся капитан.

— Будь осторожен, сынок, — серьезно покачал головой Иван Петрович. — Возможно, ты знаешь то, чего не знаем мы, поэтому Мимо и объявился. Какие новости у тебя на работе?

— Все как всегда, — помрачнел Руслан. — Расследуем причину взрыва в ресторане «Богема»... — Он вдруг замолчал, глядя перед собой остановившимися глазами. — Господи! Кажется, я действительно влип с этим расследованием...

Руслан поймал взгляд матери, очнулся, залпом допил чай.

— Знаете, что мне сказал эксперт-криминалист Управления? Что взорвался микрочип, а не спецустройство с обычным взрывчатым веществом. Мы этого вещества и не нашли ни грамма. Полковник Полторацкий считает, что либо нарушена симметрия вакуума, либо изменились физические константы типа массы электрона, либо вообще произошел спонтанный фазовый переход в кристаллах с нарушенной симметрией. Это его слова. И таких взрывов, между прочим, зарегистрировано уже достаточно.

Костров и Ромашин переглянулись.

— Я предполагал нечто в этом роде, — кивнул комиссар из другой Вселенной. — Еще одно свидетельство того, что ваша Ветвь затронута «вирусом» воли Игрока. Пора что-то предпринимать.

— Что?

— Встретимся с Игорем Васильевичем и обсудим. А пока я с вашего разрешения откланяюсь.

Игнат встал из-за стола. Поднялись и Костровы, провожая гостя к выходу. Ромашин пожал руку Руслану, поцеловал пальцы Таи и вышел вместе с Иваном Петровичем на лестничную площадку.

Тая обняла сына.

— Ты знаешь, я не трусиха, но мне почему-то страшно. — Она зябко вздрогнула. — Особенно за тебя. Уж очень ты любишь рисковать.

— Ничего, мам, все будет хорошо, — успокоил ее Руслан, думая о своем. — Вы же в свое время, когда были молодыми, выдержали испытание? Теперь наша очередь. Я считаю, дети должны идти дальше родителей. Да и не такой уж я рискованный, как тебе кажется.

Тая грустно улыбнулась.

— Думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься на работе? Кто брал чеченца-смертника в Рязани? А кто весной пересек реку по тонкому льду под Пензой, чтобы зайти в тыл бандитам?

— Откуда ты знаешь? — хмуро удивился Руслан.

— Знаю и всегда переживаю за тебя. Да и не один ты такой, все твоё поколение такое: чем тоньше лёд, тем больше вам хочется проверить, выдержит ли он.

— Я больше не буду.

— Так я тебе и поверила. — Тая засмеялась, возвращаясь на кухню. — Ещё чай будешь?

— Нет, спасибо, домой поеду. У меня сегодня был хлопотливый день, отдохнуть надобно.

Вернулся Иван Петрович.

— Уже уходишь?

— Да вот не уговорила остаться, — грустно вздохнула Тая. — Уж не ждёт ли тебя там кто, капитан?

Руслан вспомнил знакомство с девушкой Надей, покачал головой.

— К сожалению, не ждёт. А хотелось бы.

— О визите к нам Игната — никому ни слова! — понизил голос отец.

— Само собой. Зачем он вообще сюда прибыл? Я имею в виду Землю. И как он вышел из Криптозоны?

— У него свои секреты. А прибыл он для оценки ситуации и зондирования социума на предмет наличия эмиссаров Игрока. Ты правильно догадался: началась *новая* Игра, и один из Игроков, похоже, не слишком озабочен соблюдением игровых правил.

— Но, насколько я понимаю, масштаб Игры намного превышает возможности отдельно взятого человека и цивилизации в целом. Или я чего-то не учитываю?

— Игра ведется на многих уровнях, в том числе на уровне человеческих, да и нечеловеческих, сообществ, не прошедших социальную стадию эволюции, хотя большинство людей воспринимает ее через призму общепринятых концепций, через кривые зеркала политики и экономики либо обычного мещанского подхода типа «моя хата с краю», «лишь бы меня не трогали» или «бери от жизни все!». К сожалению, подход властей к проблеме не намного отличается от мещанского. Им важно удержаться в кресле какое-то время, чтобы обеспечить себя и родственников на много лет вперед, а не изучать явление и принимать меры к его устранению. Их кредо: «После нас — хоть потоп!»

— Разве наши руководители не принимают никаких мер?

Костров-старший пренебрежительно отмахнулся.

— Сомневаюсь, что они знают истинную цену Башни. Вокруг нее всем сейчас заправляют силовики, это их золотая жила, приносящая колоссальный доход. Ты думаешь, к Башне подойти невозможно, все подступы перекрыты? Да, перекрыты, а пройти в Криптозону может каждый, способный за это заплатить.

— Не может быть!

— Может, сынок. Просто ты не копался в этом дерьме и не знаешь людей. Идеалистом я тебя воспитал. Хотя не думаю, что это плохо. Приходи к нам завтра вечером, может быть, появится новая информация.

— Обязательно.

Руслан попрощался с родителями и поехал домой, пребывая в состоянии какого-то необычного возбуждения. Интуиция подсказывала, что впереди его ждут интересные открытия и волнующие встречи.

Следующий день выдался не менее хлопотливым, чем предыдущий.

Руслан встретился с дюжиной людей, кто мог бы хоть в малой степени поспособствовать поиску «террористов», в том числе с Полторацким и с его другом — специалистом-физиком, работающим в одной из лабораторий Физико-энергетического института в Дубне и занимающимся теорией полевых взаимодействий. Физик подтвердил гипотезу Полторацкого о самопроизвольной инициации нового типа цепных реакций в полупроводниковых кристаллах, но помочь следствию советом — где искать виновника взрыва (не считать же таковым расшавившийся вакуум?) — не смог. Кроме того, Руслан провел информационный поиск по Интернету и секретным сетям спецслужб в надежде наткнуться на более реальные идеи, объясняющие взрыв в ресторане, чем гипотеза Полторацкого, однако в этой деятельности не преуспел. Лишь подтвердились данные, приведенные Полторацким, о нарастании случаев со взрывами компьютерной техники. В России их набралось уже полтора десятка (многие расследовались на местах, без привлечения специалистов из Москвы), в Европе — более полусотни, в Америке — около двух сотен.

Зато в результате копания в «паутине» вскрылся еще один любопытный факт: за последние два года участились сбои в компьютерных сетях, приводящие иногда к серьезным последствиям. И каждый день добавлял к статистическим сводкам по сбоям по два–три случая. Однако стоило Руслану попросить допуск в лаборатории Министерства обороны, занимавшейся изучением и разработкой антихакерных технологий, как тут же последовал окрик «не мешать», и допуск ему, естественно, не дали. В результате капитан понял, что в недрах оборонки существует ряд закрытых лабораторий, тематика которых касается всех без исключения научных направлений, в том числе аспектов психотронного управления людьми, кодирования психики и усиления интеллекта, а также создания оружия на основе новейших открытий, таких как теория спинторсионного поля, теория энергоинформационного обмена или процессы дистанционного влияния на компьютерные сети.

Второй вывод Руслан сделал позже, к вечеру, еще раз побеседовав с Полторацким. Технологии, с помощью которых можно было бы выводить из строя хорошо защищенные сети и базы данных, начали разрабатываться давно, еще в двадцатом веке, а их экспериментальная реализация в нынешние времена

лишь подтверждала слова Ромашина о выходе в реальность Земли (и Ветви) «потока внимания» какого-то мощного Игрока, задумавшего подправить некоторые законы бытия Ветви или вообще ее «отсечь».

О своих выводах — с некоторыми сокращениями, разумеется, — Руслан доложил вечером полковнику Варавве, когда тот вызвал его в Управление. К удивлению Кострова-младшего, на сей раз полковник не стал обвинять подчиненного в беспочвенном фантазировании, молча выслушал и буркнул лишь, чтобы капитан поменьше болтал о своих открытиях с кем попало. В этот вечер был полковник хмур и озабочен, говорил мало, и Руслан спросил на всякий случай, не заболел ли он часом.

— Не бойся, капитан, моя болезнь не заразная, — ухмыльнулся Варавва, — старость называется.

Руслан внимательно посмотрел на полковника, которому недавно исполнилось пятьдесят четыре года, покачал головой.

— До старости еще дожить надо, Владимир Кириллович. Что случилось все-таки?

— Пока ничего. — Варавва, морщась, проглотил таблетку анальгина, запил водой, помассировал ладонью шею. — Но если мы будем продолжать копать дело о взрыве в прежнем темпе, что-нибудь непременно случится. Напрасно ты засветился с этим физиком из ФЭИ. На кой это тебе понадобилось? Знаешь, чем он занимается?

— Нет. Чем?

— Разве Полторацкий тебе не говорил?

— Нет.

— Раздолбай! Этот физик уже пять лет сидит в Криптозоне, изучает Башню и ее эффекты. Он редко появляется на свободе, а ты взял его и достал.

— Ну и что? Что тут такого криминального? Мы говорили о физических явлениях...

— Да о чем бы вы ни говорили, он — закрытый специалист! И мне уже звонили *сверху*, — Варавва поднял глаза к потолку, — интересовались, что ты за человек и зачем влез в доверие к спецу из Криптозоны.

— Чепуха какая-то! Мы действительно говорили о разных физических теориях и эффектах. К тому же меня познакомил

Полторацкий, я не сам на физика вышел. Что же получается, я не имею права контактировать с нужными следствию специалистами?

— Имеешь, но не со всеми и только по согласованию. Короче, мне дали понять, что расследование взрыва в ресторане надо закрыть. Улавливаешь?

— Велики чудеси твоя, Господи! — усмехнулся Руслан. — Вся эта мышинная возня начальства только подтверждает мою уверенность в том, что причина взрывов компьютеров нетривиальна, что в нашем мире что-то происходит на тонком уровне, а если кто-то это замечает, его начинают бить по рукам и отстранять от дела. Разве не так?

— Может, и так. Умный ты больно, капитан, весь в отца пошел, даром, что не рыжий, как он. — Варавва поморщился еще раз, достал из сейфа плоскую металлическую флягу, налил в колпачок прозрачной коричневой жидкости, выпил.

— Хочешь глоток? Коньяк. Молдавский.

Руслан отрицательно качнул головой.

— Тогда иди работай.

— То есть иди и сочини отчет об отсутствии состава преступления?

— Как раз наоборот: ты должен найти преступника, террориста или конкурента хозяина ресторана, которому была выгодна его смерть. Улавливаешь?

Руслан с изумлением посмотрел на полковника.

— Но ведь никакого конкурента не было, в телевизоре сам собой взорвался микрочип...

— Начальству нужен преступник — найди его! В противном случае нас с тобой уволят к чертовой матери за служебное несоответствие. Ты этого хочешь?

— Нет. Но и готовить «липу», искать несуществующего преступника не хочу и не буду.

— Я все сказал. — Варавва движением бровей показал Кострову на выход, снова налил себе коньяку. — Иди.

Костров направился к двери.

— Стой!

Капитан остановился, оборачиваясь.

— Ты прав, — сказал Варавва трезвым голосом. — Нельзя подставлять ни в чем не повинного человека. Мы призваны защищать народ от террористов, а не спасать собственные

задницы от гнева начальства. Делай то, что считаешь нужным, я подпишу твой отчет. Теперь иди.

— Спасибо, Владимир Кириллович.

Руслан щелкнул каблуками и вышел из кабинета в смятении чувств, унося в душе тоскливый взгляд Вараввы, понимавшего, чем он рискует. Поужинал в столовой Управления, еще раз встретился со своим замом старлеем Маркиным и поехал домой.

Вечер прошел в каком-то безрадостно возбужденном состоянии. Руслан не понимал, чего хочет душа, пока не сообразил — общения с женщиной! И тут же зазвонил телефон.

— Руслан? Извините, что я так поздно... Вы меня вчера подвозили, помните?

— Надежда?! — не поверил ушам Костров. — А я только что подумал о вас! Прямо наваждение какое-то! Где вы?

— Дома. Не хочется проводить время в одиночестве. Не желаете составить мне компанию?

— Диктуйте адрес.

— Лучше давайте погуляем по берегу водохранилища, вечер такой чудесный.

— Давайте, — легко согласился Руслан, начиная лихорадочно соображать, что надеть на себя. — Где вас ждать?

— Напротив дома, на углу, где начинается асфальтовая дорожка на берег. Через десять минут.

Руслан несколько мгновений вслушивался в зачастившие в трубке гудки, не веря безусловной удаче, потом опомнился и помчался переодеваться.

Глава 3

Надежда появилась из подъезда в бело-голубом платье и босоножках на модном каблуке — ложечкой. Руслан галантно поклонился, поцеловал ей пальцы, и они направились по дорожке к берегу водохранилища, освещенному редкими фонарями.

Настроение у девушки действительно оказалось минорным, хотя она и пыталась бодриться, и Руслан, поощренный улыбкой фортуны, постарался его улучшить, превзойдя себя по части шуток и веселых историй, половину которых он вы-

думал на ходу. В конце концов его усилия не пропали даром, Надежда развеселилась, и вечер прошел весьма мило и непосредственно, как в юности, когда молодому Кострову очень хотелось произвести впечатление на одноклассницу, влюбленную, как было известно всей школе, в другого парня.

Они гуляли по набережной, спускались к воде, бросали камешки, потом сидели в кафе на улице Свободы, танцевали и снова гуляли по тихим и немногочисленным в это время улочкам Тушина, находя массу тем для разговоров.

В час ночи простились у дома номер семь на Лодочной улице. Руслан побоялся нарушить хрупкий мостик взаимопонимания и доверия, соединивший их, и не стал обнимать и целовать девушку, оценившую его сдержанность. Поцеловал ей руку, подождал, пока она войдет в подъезд, капельку разочарованный, что его не пригласили в гости. Спohватившись, что снова не взял номера телефона Надежды, кинулся в подъезд, вспомнив цифры кода домофона, которые набирала девушка, и остановился, словно наткнувшись грудью на стену.

Она уже входила в лифт, покорно склонив голову, а молодой бугай в черном костюме, тот самый, с которым она была в ресторане, подталкивал ее в спину. Вошел туда сам, оглянулся с непонятной усмешкой на Кострова, и двери лифта закрылись.

Оглушенный сюрпризом, Руслан повернулся к выходу и наткнулся на двух парней в черных костюмах, вошедших в подъезд с улицы. Один из них, с чубчиком на бритой голове, был Руслану знаком по инциденту возле ресторана: он помогал кавалеру Надежды запикивать ее в машину.

— Тебя разве не учили в школе, козел, не гулять с чужими девками? — осведомился верзила с чубчиком.

Его партнер, низкорослый, но широкий, как асфальтовый каток, с квадратным лицом, на котором лежала печать инфантилизма, хихикнул. Короткая стрижка и тяжелая челюсть превращали его в стандартного бандита, «шестерку» на побегушках у пахана.

«Чубчик» достал нож, поиграл им, вращая пальцами.

— Ну?

Руслан молча двинулся на парней, озадаченных его поведением. Парень с чубчиком даже выставил вперед нож, а его квадратнолицый приятель сунул руку под мышку. Воспользо-

вавшись их коротким замешательством, Руслан уложил квадратного ударом торцом ладони снизу вверх в нос, а «чубчику» вывернул руку с ножом, так что тот взвыл тонким голосом и согнулся, поскуливая.

— Разве тебе со школы не известна формула: за козла отведишь? Сколько раз ты меня обозвал козлом?

— Н-не помню... — взмок «чубчик».

— Зато я помню. — Руслан отвесил парню оплеуху, нажал на его локоть, заставляя согнуться в три погибели. — Кто вы такие?

— Отпусти!.. Больно же, коз!.. Мы же тебя изувечим!..

— Это я уже слышал. — Руслан нажал на предплечье парня сильнее, тот упал на колени, снова взвыл. — Спрашиваю в последний раз: кто вы? Почему преследуете Надежду? Кто тот белобрысый боксер, что ждал ее у лифта?

— Надькин... телохранитель... мы тоже... Отпусти, дурак! Мы работаем в охране... Тебе хана, если будешь пялить на нее глаза! Босс из тебя кишки выпустит!

— Ну, это мы еще посмотрим. От кого вы охраняете Надежду?

— Отпусти руку, с-сука!

Руслан хладнокровно качнул парня вперед. Тот врезался головой в бетонную ступеньку лестницы, охнул, снова заскулил.

— Я задал вопрос!

— Мы из охранного агентства «Бэтмен». Ты не представляешь, на кого наехал, хмырь! Надя — девушка босса, он тебя завтра же найдет и в канализацию спустит...

Руслан коротко врезал ребром ладони по складчато-мясистому загривку парня, отпустил его руку, попробовал ногтем острие ножа, глядя, как «чубчик» копошится на полу подъезда, постепенно оживая. Его приятель тоже начал подавать признаки жизни, сопеть и сморкаться.

— Передайте своему поганому патрону, что девушка сама должна решать, с кем ей быть и где гулять. Если он и дальше будет ограничивать ее свободу, я займусь им вплотную.

— Он из тебя кишки выпустит и на яйца наматает! — прохрипел «чубчик», поднимаясь и выхватывая пистолет. — Лечь! На пол!

Руслан перешел в *темп*, легко вывернул оружие из руки мордворота, закрутил спираль приема и всадил ему локоть в

область ключицы. «Чубчик» отлетел под батарею почтовых ящиков и затих. Руслан сплюнул, спрятал в карман пистолет и вышел, провожаемый ошеломленным взглядом зашедшего с улицы мужчины.

На улице было темно, накрапывал дождик, фонарь в двадцати шагах в ореоле туманных капель не разгонял мрак в глубине двора, но капитан сразу почуял человека за будкой электротрансформатора. Взялся за рукоять пистолета, двинулся к будке, намереваясь выяснить отношения еще с одним представителем охранного агентства «Бэтмен», но человек в прозрачной накидке сам вышел к нему и оказался оперативником Маркина.

— Мы вас ищем везде, товарищ капитан, — прошептал он, пряча под полу куртки мобильник. — Вы не отвечали...

Руслан вспомнил, что не взял с собой сотовый телефон.

— Что случилось?

— Полковник Варавва ждет вас в Управлении. Убит полковник Полторацкий.

— Что?! — Руслан потрясенно уставился на мокрое лицо парня. — Как убит?! Когда?!

— В одиннадцать часов вечера, прямо в Управлении. Полковник Варавва вызвал его к себе, не дождался, вышел в коридор, а он лежит... с пулей в затылке.

Руслан несколько секунд хватал ртом ставший плотным воздух и стремительно зашагал к гаражам.

— Едем!

— Я на машине, товарищ капитан, могу подвезти.

— Хорошо. — Руслан свернул к своему дому. — Подожди немного, я переоденусь.

Через несколько минут он выбежал во двор в своей обычной рабочей одежде и нырнул в кабину подъехавшей «Волги».

Ночь не принесла никаких результатов и открытий.

Полковник Полторацкий, главный эксперт Управления антитеррора ФСБ, был убит из пистолета «пернач» калибра девять миллиметров, штатного оружия почти всех оперативников Управления, и отыскать киллера, естественно, не удалось. Ни охрана здания, ни задержавшиеся в своих кабинетах работники, в том числе и Варавва, выстрела не слышали. Убийца сделал свое дело и спокойно удалился, чтобы почистить пис-

толет и сделать вид, что он тоже поражен случившейся бедой. Из чего можно было сделать вывод: Полторацкий знал этого человека. Иначе не был бы так беспечен.

Всего в Управлении на момент убийства находилось одиннадцать сотрудников: майоры, подполковники, полковники и генерал, начальник Управления, но кто из них решил ликвидировать Полторацкого, сказать было нельзя. Все они на первый взгляд не имели причин убивать криминалиста, пользующегося всеобщим уважением.

«Ствол», из которого стреляли, найти не удалось. Все изъятые у сотрудников пистолеты оказались чистыми, без следов пороховой гари. У восьмерых они вообще лежали в сейфах запыленными, у троих сверкали первозданной чистотой, будто были вычищены недавно. Однако эти трое как раз и были вне подозрений, потому что возглавляли целые отделы и подразделения: полковник Бурыга, подполковники Эйникис и Молчанов.

Утомленный бессонной и нервной ночью, Руслан поехал домой лишь в начале одиннадцатого утра, чтобы привести себя в порядок и позавтракать. Об отдыхе, естественно, не могло быть и речи, убийство Полторацкого потрясло и заставило работать интуицию и фантазию. Руслан был почти уверен, что эксперта убрали эмиссары Игрока, так как он ближе всех подобрался к разгадке причин происходящих событий. О том, что опасность теперь грозит и ему самому, не раз встречавшемуся с Полторацким, Руслан не подумал.

К вечеру окончательно стало ясно, что расследование взрыва в ресторане «Богема» зашло в тупик и его придется прекратить за «отсутствием состава преступления».

С одной стороны, это облегчало жизнь группы Кострова, с другой — вызывала подозрение торопливость, с какой высшее начальство в лице генерала Кирсанова отзывало лучшую группу в Управлении «для получения нового задания».

Сначала Руслан был уверен, что его привлекут к расследованию убийства Полторацкого, однако этого не произошло. Расследованием занялись волкодавы особой бригады собственной безопасности ФСБ, допросили капитана, интересуясь его контактами с Полторацким, после чего полковник Варавва посоветовал Руслану не вертеться на глазах у начальства и продолжать воспитание личного состава. Что имелось в виду,

догадаться было трудно. Тогда Руслан плюнул на все интриги в недрах Управления и решил выяснить, что такое охранная контора «Бэтмен» и чем она занимается.

Вскоре обнаружили интересные факты.

Охранное агентство «Бэтмен» было создано около двух лет назад и занималось в основном охраной частных лиц. Но были среди его клиентов и кое-какие организации вроде частного фонда «Интерпресскон» и приборостроительный институт «Новая механика». Покопавшись в базах данных этих организаций, Руслан увидел знакомую фамилию и присвистнул про себя: директором института «Новая механика» был доктор энергоинформационных наук профессор Н. Н. Докучаев. Удивление же капитана вызвало совпадение фамилий: Надежда тоже носила фамилию Докучаева. Теперь становилось понятным наличие у нее телохранителей: охраняли не только самого Докучаева, но и членов его семьи, — а также слишком настойчивое их присутствие. Директор «Бэтмена» явно имел виды на дочь охраняемого объекта, и его клеветы не давали ей ни малейшей возможности чувствовать себя свободной.

Чем занимался институт, руководимый отцом Надежды, понять было трудно. В досье на институт, хранящемся в банках данных Управления, говорилось лишь, что работники института «проводят исследования в области энергоинформационных взаимодействий». Тогда Руслан встретился с хакером из отдела компьютерных разработок Жорой Кучковым, с которым был дружен, и тот по его просьбе взломал секретные файлы Министерства обороны. Так у Кострова появились данные по работе «приборостроительного» института «Новая механика» и досье на Николая Николаевича Докучаева, отца Надежды. В частности, в материале указывалась тема, над которой уже пять лет работал Докучаев: «Применение некоторых нелинейных процессов Башни в создании ракетного оружия нового поколения».

И еще: фирма «Бэтмен» никоим образом не была частной охранной конторой, как, впрочем, и сам институт. Обе организации принадлежали сверхсекретной сети государственных служб Министерства обороны.

Руслан понял, что влез не в свои сани и что стоит немедленно из них выпрыгнуть, пока не сломал себе шею. Он знал, что случается с человеком, проникшим в секреты спецслужб,

даже если этот человек — работник одной из них. Но душа жаждала встреч с дочерью Докучаева, умной, безусловно красивой и, судя по всему, не слишком счастливой, и Руслан решил посмотреть, что будет дальше.

Копаться в тайнах лабораторий Минобороны, занимавшихся Криптозоной, не стоило, но отказываться от продолжения знакомства с Надеждой не хотелось. Хотя занозой в памяти торчало видение закрывающейся двери лифта, нахально торжествующая физиономия охранника и тихая, съежившаяся Надя.

К вечеру этого напряженного, насыщенного событиями дня Руслан устал настолько, что мечтал лишь добраться до кровати и лечь спать. Но тревожное ощущение чего-то забытого, недосказанного мешало сделать это. Понасиловав память, он очистил себя от шелухи эмоций и переживаний по поводу убийства Полторацкого, помедитировал и поймалтаки причину срабатывания «ложной памяти». Она была проста и незатейлива, как кукиш в кармане: Надежда так и не сказала ни слова о причинах конфликта со своими телохранителями в ресторане, хотя Руслан спрашивал ее об этом дважды. Вероятно, она не хотела встречаться с боссом «Бэтмена», и ее пытались уговорить. Так, во всяком случае, представил себе эту ситуацию Костров. Однако сама Надя ничего говорить не стала, сделала вид, что не расслышала вопроса.

В десять Руслан наконец добрался до дома, умылся, хотел сварить кофе, и в это время зазвонил телефон. В трубке раздался знакомый мелодичный голосок Надежды:

— Привет чекистам. Ты чем занят, Руслан Иванович?

— Ничем, — ответил Руслан честно, с одной стороны, обрадованный звонком, с другой — переживая укол ревности.

— Тогда, может быть, зайдешь в гости? Сегодня я одна. Мама на даче, папа поехал в командировку.

— А церберы твои с тобой? — вырвалось у капитана.

Молчание. Потом тихий надтреснутый голос:

— Если тебе больше нечего...

— Прости! — быстро перебил девушку Руслан. — Я не хотел тебя обидеть! Просто бешусь от ревности, и все. Мчусь к тебе, говори адрес.

Голос Надежды слегка повеселел. Она продиктовала номер квартиры, и Костров кинулся переодеваться, забыв об усталости, сдерживая нетерпение, волнение и фантазии. Очень не хотелось ударить лицом в грязь, показать себя с худшей стороны, очень не хотелось ошибиться в своих мечтах, но еще больше не хотелось играть на чувствах девушки ради получения информации об отце.

Он надел все белое — брюки, рубашку, туфли, захватил коробку конфет, купленную по случаю еще вчера (как в воду глядел, что понадобится!), бутылку шампанского и поспешил к соседнему дому, привычно отмечая глазом любое движение вокруг. Нервная система, специально тренированная для специфических нагрузок мастера перехвата, давно научилась прислушиваться к подсказкам подсознания, что не раз спасало Руслану жизнь во время задержания террористов. Не сработала она только в этот вечер, голова была занята предстоящей встречей с понравившейся девушкой. Лишь войдя в подъезд, Костров ощутил дуновение холодного ветра, но не обратил на него внимания, хотя идти дальше расхотелось.

Обычно в таких случаях Руслан сразу начинал анализировать ситуацию и искать виновника беспокойства. В данном случае он был не на работе и встреч с террористами не планировал. Его могли ждать только телохранители Надежды, а их он не боялся. Если бы понадобилось, он мог предъявить свое офицерское удостоверение сотрудника ФСБ.

Поднявшись на пятый этаж и никого не встретив, он нажал кнопку звонка Надиной квартиры. Дверь открылась. Он шагнул вперед, и тотчас же сработала сторожевая система организма, уловившая дуновение угрозы или «ветра смерти», как говорили японские мастера единоборств.

Надежда стояла в глубине прихожей с прикушенной губой и смотрела на гостя, откинув назад голову, с ясно читаемым испугом в глазах. Она не могла открыть дверь сама, это сделал кто-то другой, но отступать было поздно, и Руслан метнулся вперед, нырнул на пол, перекувырнулся через голову, оглядываясь в падении и видя две мужские фигуры — за дверью прихожей и за спиной Надежды, вскочил... и все поплыло у него перед глазами от тяжелого и странного, *мягкого* удара по голове, нанесенного не столько извне, сколько изнутри. Проваливаясь в беспмятство, капитан услышал полный боли крик девушки:

— Они меня заставили! Я не хотела! Не бейте его!..
После этого он потерял сознание окончательно.

Туман был белым и плотным, как молоко, таким густым и белым, что, казалось, его можно пить и даже резать ножом. Костров попытался облизнуть пересохшие губы, не чувствуя их, так ему вдруг захотелось пить, вознамерился было позвать кого-нибудь на помощь, чтобы ему принесли стакан воды или молока, но обнаружил, что не в состоянии сделать ни одного движения.

Попробовал пошевелиться — с тем же результатом. Зато стал рассеиваться туман перед глазами, в нем протаял розоватый светящийся овал, приблизился и превратился в размытое человеческое лицо с черными провалами глаз.

— Кто вы? — вяло поинтересовался Руслан, не слыша своего голоса.

— Гляди-ка, очухался ханурик, — донесся как сквозь вату чей-то тихий озадаченный голос. — Силен мужик, всего-то три часа и провалялся. Другие на его месте проспали бы сутки.

— Приведите его в сознание...

Костров почувствовал укол в грудь, и сразу вокруг все волшебным образом переменялось. Туман рассеялся, появилась обстановка спальни: трюмо, шкаф для одежды, люстра над головой, единственная, но очень широкая кровать, на которой лежал сам Руслан со связанными за спиной руками и стянутыми липкой лентой ногами.

В комнате находилось двое мужчин. Один сидел рядом на кровати, смуглолицый, с заметной сединой в красивых волнистых черных волосах, со слегка раскосыми глазами и чувственным ртом. Он сильно походил на Надежду. По-видимому, это и был ее отец, засекаченный ученый, имеющий отношение к исследованию Криптозоны и Башни.

Второй мужчина оказался «боксером», спутником Надежды, который ее опекал.

— Здравствуйте, Руслан Иванович, — сказал Докучаев. — Книжечку вашу мы нашли с фэйсом и фамилией, так что знаем, с кем имеем дело. Как вы себя чувствуете?

— В общем и целом неплохо, Николай Николаевич, — попытался усмехнуться Руслан онемевшими губами.

Мужчины переглянулись. Молодой покачал головой, злобно поджал свои тонкие бледные губы.

— Я же говорил, что он знает больше, чем вы думаете.

— Рассказывайте, капитан, — проговорил Докучаев. — Зачем вам, сотруднику группы антитеррора «Антей», понадобилось следить за нами?

— Ни за кем я не следил, — скривился Руслан. — Все получилось случайно. Увидел вашу дочь в ресторане с этим хамоватым мудаком....

«Боксер» шагнул к кровати и ударил Руслана по лицу.

— Остынь, Михаил, — отстранил телохранителя Николай Николаевич. — Продолжайте, Руслан Иванович.

— Еще раз ударишь — убью! — глухо пообещал Руслан, слизывая с разбитых губ кровь.

«Боксер» снова замахнулся, но его остановил отец Надежды, недовольно проговорил:

— Дай побеседовать спокойно с человеком. Выйди на минуту.

— Но он очень опасен!

— Он связан и слаб после укола. Выйди.

Михаил бросил на Руслана злобно-предупреждающий взгляд и вышел.

— Он хороший телохранитель, — посмотрел ему вслед Николай Николаевич, — но иногда переходит все границы. К тому же ревнив.

— Собственно, из-за этого я и вмешался тогда, увидев, как он ведет себя с вашей дочерью. В тот момент я не знал, что Надя — ваша дочь.

Докучаев нахмурился.

— Он себе что-нибудь... позволил? По отношению к Наде?

— Не знаю их отношений, но вел он себя совершенно похамски. Пришлось вмешаться и отвезти вашу дочь домой, благо мы соседи. С этого все и началось. О том, что вы работаете в лаборатории и на оборонку, я узнал только сегодня... вернее, вчера. Развяжите меня.

Докучаев покачал головой.

— Вы становитесь опасным свидетелем, капитан. Боюсь, вас не спасет ни ваш непосредственный начальник полковник Варавва, ни руководитель Управления генерал Кирсанов. Уж очень глубоко вы нырнули в наше ведомственное болото. Небось, проверили, чем мы занимаемся?

— Не успел, — пошевелился, меня позу, Руслан. — Знаю только, что вы работаете в Криптозоне и занимаетесь исследованием энергоинформационных процессов.

— Это все?

— Все!

Докучаев с сомнением пригладил пальцем бровь.

— Хотелось бы верить... хотя это все равно проблемы не решает. Вы не должны были вмешиваться в наши дела.

— Я же говорю, что не вмешивался! — разозлился Руслан. — Ну, побил ваших «шестерок», так они того заслуживали!

В комнату заглянул Михаил.

— Пациент плохо себя ведет, Николай Николаевич?

— По его словам, ты ведешь себя не лучше. Что же с ним делать?

— Отдайте его нам! Он тихо исчезнет, никто никогда не найдет.

— Ты не знаешь его отца. Тот докопается. Надо сделать так, чтобы он все забыл, а Наде сделать внушение, чтобы случайно не проболталась.

— Сделаем.

— Надя тоже в вашей компании? — горько усмехнулся Руслан.

— В каком смысле? Она моя дочь, но, конечно же, к моей работе никакого отношения не имеет. А так как она очень самостоятельна, ее свободу приходится ограничивать. Но не так, как ты это делал. — Докучаев с мрачной иронией посмотрел на телохранителя. — С этого момента ее будет сопровождать другая тройка.

— Но я же...

— Ты понял?

— Понял, — сник Михаил, одарив Руслана таким взглядом, что тот невольно напряг мышцы, пытаясь разорвать путы на руках.

— К сожалению, — продолжал Николай Николаевич, — Надя в последнее время совсем отбилась от рук, не слушается, самовольничает, знакомится с кем попало и так же, как и вы, становится непредсказуемо опасным свидетелем. Мне, очевидно, к глубокому прискорбию, придется принимать адекватные меры.

— Случайно не такие, какие были применены к полковнику Полторацкому?

Докучаев озабоченно нахмурился.

— Почему вы решили, что полковника убрали мы? Ведь он ваш работник. И убили его прямо в Управлении.

— Я не решил, просто фантазия разыгралась.

— М-да... — Николай Николаевич пожевал губами, встал, походил по комнате. — Может быть, завербовать его в нашу контору?

— Да на хрен он нам сдался? — оскалился «боксер». — Своих лохов хватает.

Докучаев улыбнулся.

— Да уж, соперник он сильный. Руслан Иванович, вы действительно не знаете, чем мы занимаемся?

— Не люблю повторяться.

Докучаев снова пригладил бровь, дернул себя за нос, решая какую-то проблему, прошелся вокруг кровати.

— Есть одна идея... — Он посмотрел на телохранителя. — Принеси мой кейс.

Михаил вышел и через минуту принес малиновой кожи «дипломат» с электронным замком. Николай Николаевич открыл его и достал необычной формы огромный пистолет с коротким и толстым, но без отверстий, коричневым дулом.

— Знаете, что это такое?

Руслан отрицательно покачал головой.

— Эту машинку мы обнаружили в Башне около двадцати лет назад, когда она еще была доступна. Долго ломали голову, что это такое, пока не разобрались. Так вот перед вами очень мощный универсальный психотронный генератор, способный запрограммировать любое живое существо. Я подключился к проблеме всего пять лет назад и решил ее. — Докучаев усмехнулся. — Честно говоря, мне хотелось перед кем-нибудь похвастаться, так уж вышло, что это оказались вы. Разумеется, со всеми вытекающими последствиями.

Руслан встретил взгляд ученого и понял, что тот имел в виду.

— Вы хотите с помощью этого... программатора... закодировать меня?

— Моя дочь редко ошибается в людях, — вздохнул Докучаев. — Вот и вас она оценила правильно. Вы слишком ум-

ный, сильный и романтичный мужчина, капитан. А это, как вы понимаете, перебор. Придется вас действительно закодировать, хотя и не с помощью этого страшилища. Оно создано, по словам Игоря Васильевича Ивашуры, не на Земле и не людьми. А мы на его основе создали свой генератор.

Докучаев уложил тяжелый с виду пистолет в кейс, закрыл, перевернул и открыл. В отделении с другой стороны «дипломата» лежал сверкающий хромированными деталями еще один пистолет, более изящный, с длинным гофрированным дулом красного цвета.

— Знакомьтесь, Руслан Иванович, это наш опытный образец пси-генератора «кобра». — Докучаев достал свое детище и трепетно погладил его ствол. — Он намного легче прототипа и, хотя работает пока неустойчиво, скоро пойдет в серию. А до ума мы его доведем.

Руслан посмотрел на восторженно-увлеченное лицо ученого с горящими глазами, лицо фанатика своего дела. Отцу Надежды было плевать на весь мир, лишь бы ему не мешали. О последствиях применения своих разработок он не задумывался.

Глава 4

Они собрались в квартире Ивана Кострова в девять часов утра: бывшие «хронодесантники» Игорь Васильевич Ивашура, слегка располневший, но сохранивший живость ума и присущую ему решительность, жена Ивашуры Вероника Даниловна, сам Иван Петрович, Тая (Таисией Николаевной ее никто не называл, выглядела она всего на тридцать) и бывший полковник военной контрразведки Олег Борисович Гаранин. Он облысел, но держался бодро и часто шутил, повторяя: из двух совершенно одинаково умных людей лысый умнее.

Помянули погибших в походе Мишу Рузаева и Сурена Гаспаряна. Помолчали. Потом вспомнили свои приключения и разговорились. А в самый разгар воспоминаний появился еще один гость — Игнат Ромашин, бывший Судья уровня социума в прошлой Игре. Гаранин был единственным, кто его еще не знал.

Их представили друг другу, и беседа возобновилась.

— Ну, и как вам там живется, в параллельных измерениях? — поинтересовался бывший полковник. — Хуже или лучше, чем у нас?

— Смотря по каким параметрам сравнивать, — усмехнулся Ромашин, накрывая рюмку ладонью: алкоголя он не употреблял. — Дело в том, что в нашей Ветви развитие социума пошло несколько иным путем. У нас на всей Земле победил коммунизм.

— Завидно! — крикнул Гаранин, с силой приглаживая голый череп. — Хотел бы я пожить у вас какое-то время, посмотреть, чем вы дышите. Небось техника у вас на высоте?

— Куда ж без нее? Разумеется, уровень техники высок, хотя и не максимален. Мой кванк из «опередившей» нас Ветви утверждал, что их техника слилась с природой и подчиняется мысли человека. Земля у них представляет одну колоссальную зону работы-отдыха, изменяющуюся в соответствии с желаниями жителей.

— А разве ваша техника не поддается мысленному контролю?

— Скажем так: не вся, в разумных пределах. Мои соотечественники не все обладают необходимой сдержанностью и точностью мысли. К сожалению, и при коммунизме социум рождает людей с извращенной психикой, властолюбцев, агрессоров и даже отморозков, если пользоваться вашими терминами.

— Даже так?!

— Это объективное явление. Социальная стадия эволюции разума во Вселенной — самая низкая из всех. Древо Времен же реализует все стадии без исключения, на то оно и Древо Воли Творца.

— Разве бывают еще какие-то стадии?

— У самого социального уровня насчитывается множество подуровней. Вспомните квисторию: каменный век, бронзовый, железный, этнокультурный...

— Что еще за квистория?

— Ах да, — спохватился Ромашин, — у вас же еще нет этой науки. Квистория — квантовая история, наука, изучающая вероятностные модели исторического развития цивилизации Земли на всех ее копиях. У нас эта наука появилась почти сразу вслед за созданием и запуском хронобура. Так вот, отвечаю

на ваш вопрос о стадиях развития цивилизаций. Лично я знаю четыре стадии: социальную, толерантную, духовной интеграции и энергоинформационной интеграции. Самая длительная из всех — социальная, и она же — самая ранимая и непредсказуемая. Чаще всего цивилизации биологического цикла гибнут именно на этой стадии. Вообще цивилизаций, переживших социальную стадию, мало, зато они потом идут по пути развития достаточно стабильно.

— А есть цивилизации небиологического цикла?

— Сколько угодно.

— Однако на эту тему можно говорить долго, — прервал Иван Петрович поток вопросов Гаранина. — Давайте вернемся к нашим проблемам.

— Я еще не все выяснил, — с сожалением проговорил Олег Борисович. — Вряд ли потом удастся поговорить свободно. Последний вопрос можно?

— Валяйте, — с улыбкой в глазах кивнул Ромашин.

— Как у вас с модой?

Мужчины переглянулись. Женщины, прислушивающиеся к разговору, тоже переглянулись и засмеялись. Гаранина это не смутило.

— Это я к тому, что у нас начали носить нечто невообразимое и безобразное, глядеть тошно. Мало того, что почти перестали носить пиджаки и галстуки, так все норовят нарядиться в спортивные костюмы, колготки, кепи, шорты и майки. Даже на официальных приемах мужики стали появляться в свитерах и безрукавках! А вы прибыли в нормальном цивильном костюме.

— Спортивная одежда удобна, — пожал плечами Ромашин, — вот и носят. Просто мода в компьютерном веке стала более прагматичной. Дома перед монитором гораздо удобнее сидеть в халате, пижаме или в трусах и майке, а не в приталенном костюме. И еще большую роль играет технология изготовления одежды. У вас до сих пор используются естественные материалы на основе льна, хлопка и шелка, а наши уники — многодиапазонные костюмы из жидкокристаллических материалов с трансформацией формы, они могут изменяться в широком спектре существующих стилей. Например, я могу ходить вот так.

Ромашин что-то сделал, и на глазах изумленных зрителей его блестящий пуловер и брюки с искрой превратились в рос-

кошный белый костюм со множеством деталей, поднятыми плечами, рюшами, воланами и стоячим воротником.

— Нравится?

— Бесподобно! — проворчал Гаранин.

Все засмеялись.

— Как называется это безобразие? — поинтересовалась Вероника.

— Джансин, костюм для торжеств. Вы удовлетворены, Олег Борисович?

— О да! — с чувством сказал Гаранин.

Все снова засмеялись.

Ромашин шевельнул рукой, и белый костюм превратился в обтягивающую торс водолазку и брюки.

— Итак, на чем мы остановились?

— А как у вас шло развитие науки и техники? — Олег Борисович виновато посмотрел на остальных, но не увидел на лицах осуждения, все заинтересовались ответом.

— Примерно так же, как и у вас. В две тысячи первом году, если память мне не изменяет, организовалась глобальная сеть мобильных телефонов с выходом на спутники. В две тысячи втором нашли прививку от аунримы — это аналог вашего СПИДа. Разработали всемирную сеть видеотелефонов. В две тысячи пятом, — Ромашин с улыбкой в глазах посмотрел на Гаранина, — открыли эффективное средство против облысения.

— Да я уже привык, — под общий смех сказал Олег Борисович, погладив лысину.

— На Марс первая пилотируемая экспедиция отправилась у нас в две тысячи восемнадцатом году, на Венеру — в две тысячи двадцатом. В две тысячи пятидесятом заработал первый термоядерный реактор. В две тысячи сотом ученые научились «доить» вакуум и делать «энергоконсервы» на основе МК — мини-коллапсаров, что сразу подтолкнуло выход в Галактику космической индустрии. Заработали первые станции метро. Ну, и так далее.

— Ясно, — хлопнул ладонью по столу Костров. — Теперь поговорим о том, ради чего мы собрались. Что вам удалось выяснить, Игнат?

Ромашин посерьезнел.

— Положение хуже, чем я ожидал. Подступы к Стволу охраняет армия, но руководит всей Криптозоной эмиссар Игрока

Леонид Данилович Козюля, бывший генерал, бывший советник президента, а ныне — зампредседателя Совета безопасности. Ему помогает еще один тип — доктор наук Тьмаревский, и я подозреваю, что он запрограммирован на определенного рода деятельность. Мало того, военспецы двух десятков лабораторий, работающих в Криптозоне, заняты не столько изучением феноменов Башни, сколько разработкой новых видов оружия, и некоторые из них весьма сильно продвинулись в своих областях. Особенно лаборатория Докучаева: эти ребята работали с программатором...

— Где они его нашли? — удивился Ивашура. — При мне никто таких вещей не находил.

— Где они раздобыли программатор «хронохирургов», я не знаю, но факт остается фактом. Докучаев докопался до принципа работы программатора и создал свой суггестор «кобра». Вряд ли об этом не знает эмиссар. Думаю, как раз с его подачи и началась разработка психотронных супергенераторов, способных воздействовать на всех существ биологического цикла.

В гостиной Костровых стало тихо. Потом шевельнулся Олег Борисович, с прищуром глянул на Ромашина.

— Откуда у вас эти сведения, комиссар?

— От верблюда, — с иронической усмешкой ответил Игнат.

— Ты забываешь, что он — бывший Судья, — сказал Ивашура. — У него должны были остаться технические средства съема информации из любых источников. Не правда ли, Игнат?

— Совершенно верно, Игорь Васильевич. Кое-что в моем распоряжении оставили после окончания Игры. Не технику — знание приемов и методов управления пространством и временем. Хотя многое пришлось забыть. Но путешествовать по Ветвям я могу почти свободно. Через Ствол, конечно, хотя тут уж ничего не поделаешь. Трансгресс мне, к сожалению, неподвластен.

— Так вы уже заделались бровеем? — мягко пошутила Вероника.

— Ну что вы, Верочка, до бровей мне далеко. Это уже совсем другой уровень реализации возможностей. Бровей могут выходить из потока времени и сопротивляться необходимому действию.

— Что это значит?

— Это значит, что они независимы от условий Древа Вре-
мен. У меня даже есть подозрение, что бродяги по Ветвям —
единственные зрители Игр. И заказчики.

— Мы снова отвлеклись, — недовольно сказал Костров. —
Игнат, Олег Борисович не в курсе событий, можно, я в двух
словах обрисую ситуацию?

— Разумеется, какие могут быть возражения?

Иван Петрович поставил на стол бокал с шампанским, по-
смотрел на Гаранина, сдвинув брови, и рассказал ему все, что
знал сам. Молчание на сей раз длилось дольше, несколько ми-
нут. Опытные профессионалы-«хронодесантники» спокойно
продолжали завтракать, пить чай и кофе, поглядывая на за-
молчавшего Гаранина, и думать о своем. Наконец бывший
полковник военной контрразведки привычно пригладил лыси-
ну и медленно проговорил:

— Я не понимаю, что можем в этой ситуации сделать
мы — люди. По-моему, ни один уровень Игры нам сейчас не
доступен.

— Ошибаетесь, — тихо возразил Ромашин. — Мы не мо-
жем повлиять непосредственно на Игрока или отменить его
ход, но мы можем — и обязаны! — помочь тем, кто *может*
это сделать.

— И что, уже есть такие гиганты? — иронически хмыкнул
Гаранин.

— Да, это наш знакомый Павел Жданов. Точнее, разумно-
исполнительная система кванков Жданова. В настоящее время
многие из них застряли в «засыхающих» Ветвях, попали в за-
сады и ловушки по воле эмиссаров Игрока и не могут вы-
браться самостоятельно. Им надо помочь освободиться и со-
брать всех вместе, чтобы образовалась *стая* единого духовно-
го наполнения и воли. Возможно, это заставит Игрока, начав-
шего Игру на свертывание наших Ветвей-Метавселенных,
прекратить играть не по правилам.

— Но вы не уверены в том, что это возможно?

— Не уверен, — не отвел взгляда Игнат. — Однако у нас
нет иного выхода! Необходимо создать команду, которая ни-
кем не контролируется и никому не известна. Для чего надо
действовать тихо и аккуратно, чтобы не насторожить местных
эмиссаров.

— Кто возглавит эту команду? Вы?

— Нет, я слишком заметная фигура, меня не пропустят так далеко, как надо пройти. Руководителем избран молодой человек, квистор с задатками оператора, сын Павла Жданова и Ясены, аборигенки из «тупиковой» Ветви. Хотя сам он еще не знает об этом. Его зовут Ивор, и он будет ждать отряд на родине матери.

— С задатками кого? Вы сказали — оператора...

Ромашин привычно наметил улыбку.

— В понятии ваших соотечественников термин «оператор реальности» соответствует термину «волшебник». Или маг.

— Понятно... — Гаранин озадаченно оттянул губу, спохватился. — Хотя что я говорю?! Ничего мне не понятно! Маги — это ведь из фольклора, сказочные персонажи, а я человек сугубо материальный и простой.

— Поверили же вы в Древо Времен, поверите и в людей, обладающих магическими способностями.

— А что такое «тупиковая» Ветвь? Как Вселенная может быть «тупиковой»?

— Некоторые Ветви дальше не ветвятся, не разделяются на квантовые копии в силу каких-то неведомых нам запретов. Еще загадка, почему наш Ствол-Башня вышел в реальность этой Ветви.

— Но я все же не вижу, кто может возглавить команду здесь, у нас, — проговорил Ивашура. — Нам всем за шестьдесят, воинские нагрузки уже не каждому по плечу.

— Надо искать людей, единомышленников, — сказал Гаранин. — Я попробую отыскать парочку подходящих ребят.

— В принципе я знаю Ветвь, где на ее Земле живут очень интересные люди, — сказал Ромашин. — Железовский, Берестов, Панкратов... очень мощные личности. Особенно Железовский. Весьма колоритная интеллектуальная фигура. Можно было бы предложить им присоединиться к команде. Но у них своих проблем полон рот: сложные контакты с негуманами, встреча со сверхоборотнем — реликтовой формой жизни, сформировавшей миллиарды лет назад законы физических взаимодействий их метagalacticкого домена — Ветви. Они назвали это сверхсущество Конструктором. Кстати, их Ветвь тоже «тупиковая» и на кванки не делится.

— Нет, если уж браться за дело, посылать отряд, то со своим командиром, — твердо сказал Костров. — Предлагаю на

этот пост своего сына. Он в курсе всех событий, мастер боя и ответственный человек.

По гостиной поплыло молчание. Все почему-то посмотрели на Таю. Мать Руслана слабо улыбнулась.

— Я не возражаю... хотя и боюсь за него. Но наш мальчик справится, я уверена.

— Он не мальчик, но мужчина, — проговорил Ивашура. — Пожалуй, лучшей кандидатуры не найти. Но согласится ли он?

— Позвони ему, — посмотрел на жену Иван Петрович, — пусть подъедет. Хотя вырваться ему с работы будет трудно, у них там ЧП: убит главный эксперт Управления полковник Полторацкий.

Гаранин крякнул:

— Эт-то еще что такое?!

— Подробностей пока не знаю, но Руслан расскажет.

В дверь вдруг позвонили.

Костровы переглянулись.

— Ты кого-нибудь ждешь? — глянул на Ивана Петровича Ивашура.

— Как будто нет...

Костров вышел в прихожую, открыл дверь, послышались голоса, и в гостиную вошел Руслан. Но в каком виде! Лицо разбито, над бровью ссадина, губы и нос распухли, рубашка вся в крови и разорвана, белые брюки тоже в пятнах крови. Но в глазах — ни тени страха, спокойная уверенность в себе и виноватая озабоченность, будто он заранее извинялся за появление в таком виде перед честной компанией.

Вскрикнула Тая, бросаясь к сыну. Мужчины встали.

— Что случилось?! — осведомился Костров-старший, входя вслед за сыном. — Ты с кем-то подрался? На тебя напали?

— Кошки, — растянул губы в кривой улыбке Руслан, успокаивающе погладил по руке подбежавшую к нему мать. — Все в порядке, я жив и здоров. Сейчас умоюсь, приду в норму и все расскажу.

Он вышел, сбрасывая на ходу рубашку, заперся в ванной. Тая, потрясенная и бледная, вернулась в гостиную.

— Ничего, не в первый раз, — проворчал Иван Петрович, обнимая жену. — Работа у него такая нервная. Наверное, участвовал в какой-нибудь операции по задержанию бандитов. Пора бы уж привыкнуть.

— Никогда не привыкну! — вскрикнула Тая. — Он такой бедовый! Везде первым норовит бгть, особенно там, где опасно.

Четверть часа прошло в молчании, лишь звякали ложки о края чашек — мужчины нервно пили чай, женщины вздыхали, да шелестела одежда. Наконец Руслан вышел из ванной комнаты в полосатом халате, вытирая волосы полотенцем. Кровь с лица он смыл, и, хотя синяки и ссадины остались, а губы наминали олады, выглядел он уже не таким страшным, как прежде.

— Рассказывай, не тяни душу, — бросил Иван Петрович, сдерживаясь.

Руслан сел за стол, налил стопку рома и выпил. Морщась, сунул в рот дольку лимона, потом прожевал кусок буженины и начал рассказ...

— Полежите немного, — сказал Докучаев, направляясь к двери, — я сейчас составлю программу и вернусь.

Руслан дернулся, напрягаясь до боли в предплечьях, так что ремень врезался в кожу рук, но ослабить путы не смог.

— Да не переживайте вы так, — оглянулся Николай Николаевич. — Кодирование — безболезненная операция, вы ровным счетом ничего не почувствуете, разве что уснете, а когда проснетесь, будете послушным и начнете сотрудничать с нами.

Он вышел.

В комнате остался закуривший телохранитель. Воровато оглянувшись на дверь, он подошел к кровати и ударил Руслана по лицу.

— Это тебе за откровенность, козел!

В то же мгновение Руслан, изогнувшись, нанес ему удар ногами в челюсть. Михаил едва не проглотил сигарету, взмахнул руками, отлетая в угол, с грохотом разбил трюмо.

— Ах ты, б...! — Он выплюнул сигарету, схватился за пистолет, и в это время в спальню заглянул Докучаев. Кинул взгляд на разбитое зеркало, на Руслана с поджатыми к груди коленями, поманил пальцем Михаила:

— Выйди!

Телохранитель спрятал оружие под мышку, шагнул из комнаты, прохрипел, оглянувшись:

— Мы еще договорим!

Дверь закрылась.

Руслан расслабился. Откинулся на подушку, опустил ноги, отдыхая. Потом начал изучать интерьер, пытаясь найти выход из положения. Взгляд упал на осколки зеркала.

Решение созрело мгновенно.

Руслан спустил ноги на пол, потом вообще сполз на паркет и подкатился к трюму, выбирая осколок поострее. И в этот момент в комнате появился человек. Руслан замер, не веря глазам. На него с непонятной полуусмешечкой смотрел тот, кто назвал себя Мимо. По словам отца — бродяга по Ветвям Древа Времен.

— Положение ваше, однако, незавидное, — промолвил бровей Мимо, оглядывая спальню. — Как вас угораздило так опростоволоситься, капитан?

— И на старуху бывает проруха, — буркнул Руслан. — Лучше помогите освободиться.

— Это не входит в мои обязанности. Вы должны выпутываться из таких положений самолично, а лучше не попадать в подобные ситуации.

— Спасибо за совет, я его уже где-то слышал. Это все, что вы можете себе позволить?

— Могу немного придержать время, — показал бледную улыбку бровей; зубы у него имели зеленоватый оттенок. — Если это вас устроит.

— Вполне. — Руслан с трудом пристроил осколок зеркала между рук, порезавшись не один раз, начал тереть им ремень, стягивающий запястья. — Как вы здесь оказались?

— Случайно проходил мимо, — с иронией сказал бровей.

Руслан скривил губы.

— Ваше имя случайно не отражает суть характера, если вы всегда проходите мимо?

— Подмечено верно, — кивнул без улыбки Мимо, останавливаясь напротив сидевшего на полу Кострова. — Это характерная особенность всех бровеев. Вы уверены, что справитесь с возникшей проблемой?

— Справлюсь, — пообещал Руслан. — Хотя вам-то что за дело? Вы же бродяга, зритель, так сказать. Какая вам разница, что будет со мной, если вы даже помочь не хотите?

— Я могу помочь, но тогда это будет означать ваш проигрыш. Вы выбываете из Игры. Для меня же это не слишком

приятный вариант, я поставил на вас. Если выберетесь — шанс поднять свой уровень у вас сохранится.

— Но я не играю....

— Уже играете, хотя еще не знаете об этом.

— Понятно. — Руслан закусил губу, порезавшись еще раз, и в это время ремень лопнул. — Значит, вы хотите меня завербовать в команду одного из Игроков? Так?

Он начал массировать затекшие руки, не обращая внимания на сочившуюся из порезов кровь, потом тем же осколком стекла, похожим на ятаган, разрезал ленту на ногах, встал.

— Вы неправильно меня поняли, Руслан Иванович, — сказал бровей Мимо, с любопытством разглядывая лицо Кострова. — Я не вербовщик, я действительно зритель, поставивший определенную сумму — речь не идет о деньгах — на понравившегося спортсмена.

— Бровей участвуют в тотализаторе?

— Что-то вроде этого.

— Я не спортсмен.

— Вы любите азарт и риск, этого достаточно. Прощайте.

— Вы уже уходите?

— Да, мой запас интереса к вам подошел к концу. Да и в других районах вашего мира тоже происходят интересные события, боюсь пропустить.

— Но там вас задержит охрана...

— Где?.. Ах, здесь... Не волнуйтесь, местная охрана не может задержать того, кто абсолютно свободен в пределах Древа Времен. Желаю удачи, капитан.

— Подождите! — вспомнил Руслан. — Подскажите, где сейчас находится Надежда... э-э... дочь хозяина этой квартиры.

— Она отправлена в Криптозону, как вы называете территорию вокруг кванка хронобура, — не удивился вопросу Мимо. — Зачем она вам? Она же вас, по сути, подставила, предала. Очень неэтичный поступок.

— Ее заставили! К тому же только по-настоящему хорошая женщина может совершить по-настоящему глупый поступок.

— Какое необычное утверждение. Ваше?

— Оскара Уайльда.

— Неужели вы броситесь за ней, начнете спасать, рискуя жизнью и карьерой?

— Еще как начну!

— Тогда вы глупее, чем я думал.

— Полегче, господин бровей! — с угрозой проговорил Руслан. — Я ведь тоже невысокого мнения о вас и вашей нравственной позиции. Идите своей дорогой и предоставьте мне мою.

Бровей Мимо пожал плечами и исчез.

Руслан унял дрожь в коленях, глубоко вздохнул и рванул дверь спальни на себя....

В гостиной никто не проронил ни звука, все ждали продолжения рассказа. Лишь Тая, прижавшая кулачки к груди, прерывисто вздохнула.

— Что было дальше? — очнулся Иван Петрович.

— Остальное было делом техники, — небрежно отмахнулся Руслан. — Они не ждали, что я освобожусь и выйду.

— Надеюсь, ты никого не...

— Папа, я воспитан тобой и обучен убивать лишь в смертельной ситуации, когда или ты — или тебя. Конечно, кое-кому из них досталось, — Руслан виновато посмотрел на мать, — но ведь и они меня не жалели.

Костров-старший посмотрел на Ромашина.

— Оставляю предложение в силе.

— Насчет командира группы?

— Да.

— Но он наверняка захочет повидаться с этой девушкой... К тому же он влез в осиное гнездо спецслужб и будь здоров как расшевелил его. Парня начнут искать....

— Это вы обо мне? — поинтересовался Руслан. — Может, объясните, что имеется в виду? Кстати, я ведь тоже не беззащитен и тоже работаю в спецслужбе. Отобьемся.

— Один ваш сотрудник не отбил, — мрачно проговорил Гаранин.

— Вы имеете в виду Полторацкого? Уверен, его убрали агенты эмиссара Игрока, а не люди Докучаева. Я уже думал над этим и постараюсь выйти на киллера.

— Ну? — оглядел лица мужчин Иван Петрович.

— Я — за, — сказал Ивашура спокойно.

— Можно попробовать, — буркнул Гаранин. — Но тогда и я пойду с ними — в качестве советника. Одна лысая, но опытная голова не помешает.

— Пожалуй, — с легким сомнением кивнул Ромашин, отвечая одновременно Олегу Борисовичу и Кострову. — Надеюсь, бровею Мимо не придется разочаровываться в его и нашем выборе.

— Па, объясни! — потребовал Руслан, сдвинув брови.

Иван Петрович вздохнул.

— Мы хотели бы, чтобы ты возглавил спецгруппу для освобождения кванков Павла Жданова. Пойдешь?

Руслан прищурился, оглядел ждущие лица присутствующих, помолчал: внутренний голос давно уже сказал «да» — и медленно проговорил:

— Я согласен.

Глава 5

В Брянске Руслан задерживаться не стал. Заехал в местное Управление ФСБ, поговорил с подполковником Курницким, приятелем и однокашником Вараввы, который посоветовал Кострову сначала разузнать все новости от коллеги, и поехал дальше, в Жуковку. Башня располагалась в четырех километрах от этого небольшого провинциального городка, часть жителей которого так и не вернулась на родную землю, когда почти тридцать лет назад Башня после очередной пульсации начала угрожать окраинам райцентра. По словам Курницкого, около сотни частных домов, деревянных и кирпичных, располагавшихся на восточной окраине Жуковки, так и оставались пустыми по сей день. В некоторых из них еще можно было жить.

Конечно, Руслан не сказал Варавве, что у него, помимо официального задания раздобыть в Криптозоне образец суггестора «кобра», есть еще личные планы. О том, что дочь военспеца Докучаева отправлена туда отцом, полковник не знал. Но обо всем остальном, что с ним приключилось в доме Николая Николаевича, Руслан доложил начальству в подробностях — сначала Варавве, потом начальнику Управления генералу Кирсанову.

Их реакция его не удивила. Оба не слишком любили параллельные структуры и ревниво следили за успехами коллег во всех областях сотрудничества и соперничества. В данном же случае речь шла о возможности получения доступа к раз-

работкам психотронного оружия, чем занималась лаборатория Докучаева, и Руслану была дана команда найти ключик к лаборатории: либо через самого профессора, либо через его родных и близких, либо через охрану и рабочее окружение.

Смерть Полторацкого напрямую с разработками лаборатории суггестора «кобра» никто не связывал, но Варавва в конфиденциальном разговоре с Русланом дал понять, что у них теперь очень удобная позиция и что вполне можно будет сослаться на этот случай как на факт связи Полторацкого с обороной.

— Полторацкого могли убрать за то, что он через свои связи узнал о разработке «кобры», — сказал Варавва. — Кстати, учти, если это соответствует действительности, ты на очереди следующий. Поскольку ты ценный опер нашей конторы, официального обвинения тебе предъявлять на станут, но попытаются убрать как эксперта.

— Учту, — пообещал Руслан.

Теперь он ехал в Криптозону в командировку, и не один, а с группой, что намного увеличивало шанс заполучить необходимую информацию, а заодно увидиться с Надеждой и уговорить ее уйти от отца. Почему-то Руслан был уверен, что она согласится.

Его идея спасти девушку не встретила особого понимания среди друзей отца, но возражать никто не стал, даже мама, знавшая упрямый и твердый характер сына. А Ромашин в напутственном слове добавил, что будет неподалеку от Криптозоны и в случае чего поможет «советом и делом». Это заявление окончательно развеяло сомнения в правильности решения Кострова-младшего, и команда отца дала «добро» на его «освободительный поход». Одновременно ему дали задание подыскать несколько кандидатур для спецгруппы, которая должна была уйти в Башню ради спасения вселенной (никто даже не улыбнулся, когда Ивашура произнес эту фразу). Руслан согласился. У него уже родились кое-какие идеи, но озвучивать их он не стал. Ему казалось, что времени для формирования десанта еще достаточно.

В Жуковку он приехал к обеду, перекусил в кафе «Десна» возле железнодорожного вокзала и дождался квартирьера — старшего лейтенанта Маркина, который отправился к месту назначения на день раньше.

Старлей Гена Маркин был небольшого росточка — метр семьдесят «с кепкой», кругленький, светловолосый, веснушчатый, тихий с виду человек, не способный обидеть даже муху. Но оперативником он показал себя классным, владел всеми видами оружия (метал ножи, как циркач, попадая с двадцати пяти метров в шляпку гвоздя), прекрасно готовил (с ним хорошо было выезжать на природу), разбирался в людях и везде имел приятелей, знакомых и просто нужных людей. Посылая его в Жуковку квартирьером, Руслан не сомневался, что вопрос размещения группы будет решен оптимально.

Гена Маркин возник у машины Кострова (поехал он не на своей «Мазде», а на служебной «Волге») точно в назначенное время, сел рядом с водителем и пожал ему руку.

— Привет, командир. Нормально добрался?

— Вопрос уже предполагает ответ, коль я здесь, — хмыкнул Руслан. — Докладывай.

— Рассматривались три стандартных варианта размещения ребят: местная гостиница на тридцать мест, частный сектор и негласное поселение в заброшенных домах на окраине города. Остановились на последних двух. Первый, к сожалению, отпал сразу, так как гостиница контролируется нашими же парнями из конторы и контрразведчиками оборонки. Кстати, здесь по улицам часто шастают патрули в форме и без, проверяют документы.

— Что ж поделаешь — Криптозона рядом.

— В общем, Витек, Лева и Вовчик поселились в одном из брошенных домов Жуковки, за бывшим противотанковым рвом. Место очень удобное, рядом с лесочком, почти не просматривается со стороны, разве что с улицы. Рядом живет компания каких-то неопрятных личностей, вероятно, бомжи, человек восемь. Так что в крайнем случае можно замаскироваться под них. Керим и Жора устроились в частном секторе на улице Учительской, недалеко от зоны. Сашу пришлось размещать через моих родственников в деревне Латыши, хотя она заслуживает большего комфорта. Зато у нее удобный наблюдательный пункт: один из КПП в Криптозону — буквально под носом, в трехстах метрах от деревни. Паша-летчик поселится в Сидоровке, недалеко от второго КПП.

— Понятно. Мне бы желательно расположиться возле главного входа в зону.

— Все продумано, — ухмыльнулся старлей. — Мы с тобой будем жить у моей тетки Домны Федоровны на хуторе, недалеко от того места, где когда-то располагалась деревня Скрабовка и где теперь торчит Башня.

Руслан удивленно воззрился на Маркина.

— Но ведь это уже на территории Криптозоны!

— Именно, — невозмутимо кивнул старший лейтенант. — Тетка у меня заболела, в натуре, у нее астма, но покидать хутор не желает, поэтому к ней часто навещают родственники. Охрана зоны уже привыкла к этому за последние месяцы и проверяет документы спустя рукава. Я же действительно являюсь племяншем Домны Федоровны, даже фамилия та же, а ты сыграешь роль доктора. Документы можно сделать за полдня, а с руководством Жуковской райбольницы мы договоримся, чтобы в случае проверки там подтвердили наличие в штате терапевта с фамилией Костров.

Руслан не выдержал и засмеялся.

— Ты псих, Гена! Это самый наглый и самый экстравагантный из способов проникновения на чужую территорию, которые я когда-либо слышал от тебя.

— Не нравится — поищем другой вариант, — не смутился Маркин.

— В том-то и дело, что нравится. Но я не хотел бы раньше времени залезать в зону, где за нами будут следить в тридцать три глаза и три телекамеры. Знать бы, куда господин Докучаев упрятал свою дочь...

— Уже известно, — скромно признался старлей. — Она в Криптозоне, а не в Жуковке, в городке исследователей Башни, живет в коттедже номер три, где останавливается и сам Докучаев. Там же в подвале у него лаборатория. Охраняют коттедж шесть здоровенных жлобов в камуфляже и три в штатском, а также женщина, которая играет роль домохозяйки.

— Откуда ты это узнал?

— Напоил одного из офицериков зоны, он все и выложил.

Руслан несколько мгновений смотрел на простодушное с виду лицо старшего лейтенанта, покачал головой и от избытка чувств хлопнул его по плечу так, что тот сунулся носом в переднюю панель машины.

— Бесценный ты кадр, Гена!

— Осторожнее, товарищ капитан, я человек хрупкий, слабый, практически беззащитный, еще сломаете нужный орган, что я буду делать?

— С меня литр самогона!

— Вы же знаете, мы не пьем, — с достоинством отказался старлей.

— Тогда куплю тебе штаны с лампасами.

— Рад стараться, вашбродь! — вытянулся Маркин.

Руслан показал ему кулак. Тот взял под козырек. Оба рассмеялись. Потом Костров сделался серьезным.

— В таком случае поехали решать вопрос моего трудоустройства в Жуковской больнице. С чего начнем?

— Паша еще в Москве, позвоним ему, он привезет корочки врача. Вечером будем уже в зоне.

— Ребята сейчас где? Устраиваются, отдыхают?

— Обижаешь, командир, — с укором посмотрел на Руслана Маркин. — Они уже вовсю работают. В семь часов назначен общий сбор, каждый отчитается, что видел и слышал.

— Молодцы, не зря я вас муштровал два года.

Руслан посмотрел в окошко на вершину Башни, тронул машину с места, отметив внимательные взгляды двух мужчин в рубашках и джинсах, вышедших из кафе вслед за ним. Возможно, это были негласные наблюдатели ФСБ, патрулирующие улицы Жуковки. Удивляться не приходилось, весь городок, по сути, относился к Криптозоне, где царили порядки военных поселений и лагерей.

Проникнуть в святая святых спецслужб России (и мира в целом) на протяжении последних тридцати лет — на территорию Криптозоны — оказалось не так уж и сложно для таких специалистов, какими были оперативники бригады антитеррора ФСБ. Хотя охраняли эту зону их же коллеги, разве что из другого подразделения Федеральной службы безопасности.

Маркина и Руслана пропустили за пятиметровой высоты бетонную стену, окружавшую Башню по периметру в радиусе трех километров от нее, практически без проволочек. Прямо при них дежурный на КПП позвонил куда-то, продиктовал фамилии Маркина и Кострова, подождал ответа десять минут и вернул гражданские паспорта обоим. Естественно,

свои офицерские удостоверения сотрудников группы «Антей» Управления антитеррора ни тот, ни другой предъявлять не стали.

Затем их обыскали, отобрали у Маркина сотовый телефон, проверили у Руслана чемоданчик «врача» и пропустили.

Так Руслан оказался на хуторе Култыга, состоящем из пяти дворов, в километре от мрачной, коричнево-серой, испещренной шрамами и буграми стены Башни и в полутора километрах от городка исследователей, где, по словам старлея, обитала в настоящий момент Надежда Докучаева.

Тетка старлея Домна Федоровна была еще нестарой женщиной, но болезнь подкосила ее, заставила страдать, нервничать и отняла много сил, поэтому выглядела она лет на двадцать старше — седая, рыхлая, малоподвижная, полная, с бледным отечным лицом и седыми волосами. Приезду племянника и «врача» она обрадовалась и, несмотря на позднее время, принялась хлопотать на кухне, собирать на стол. Пришлось съесть отварную картошку с селедкой, по рябчику в виноградных листьях (сосед на охоту ходил) и выпить по чашке чая с мятой.

После этого «врач» Руслан осмотрел больную и порекомендовал ей, во-первых, поменьше заготавливать и хранить в доме сушеные травы, во-вторых, делать специальную дыхательную гимнастику, а в-третьих, пользоваться для профилактики новейшим препаратом астматин, снимающим синдромы астмы. Все эти премудрости Руслану сообщили в Жуковской районной больнице, где работал дальний родич Маркина, и, в общем-то, давая рекомендации женщине, он не выглядел дилетантом.

Уже поздно ночью, стоя на крыльце хаты, капитан и старлей наконец вздохнули спокойно и перекинулись парой слов, глядя то на черную громаду Башни, закрывающую полнеба, то на звезды.

— Нам бы еще сюда пару ребят, — сказал Геннадий, закуривая.

— Да, не помешало бы, — согласился Руслан, отгоняя дым; он не курил. — Но вряд ли это осуществимо. Нас хоть и пропустили в зону, однако наверняка будут держать под несыпным надзором. Придется справляться одним.

— Больше двух дней задерживаться здесь нельзя.

— Больше и не потребуется. Твоя задача — выяснить завтра все подходы к городку военспецов и выявить средства наблюдения за территорией зоны. Я врач, и мне нельзя высовываться лишний раз.

Маркин кивнул.

В их распоряжении был электронный сканер СЭР, определяющий в радиусе двухсот метров любое оптическое или электромагнитное устройство, а также оружие. Сканер был замаскирован под аппарат для измерения давления, и его привез из Москвы и передал командиру Паша-летчик, получивший прозвище за умение летать практически на всех видах самолетов и вертолетов.

— Вечером ребята перебросят нам через заграждение все, что нужно, и мы пойдем в городок, в гости к господину Докучаеву.

— Надо бы подумать об отходе.

— Подумаем. У нас всего два варианта: с шумом и без. С шумом — это прорываться через один из КПП и уходить в леса и болота. Без шума — я еще не знаю как.

— Через КПП можно пройти и тихо.

— Каким образом?

— Либо помогут ребята, снимут часовых — без мокрухи, понятное дело, либо это сделаем мы. Внаглуую.

— Внаглуую, говоришь? Хорошая идея. Попробуем.

— Я пошутил.

— А я нет. Если та штучка, за которой мы идем к Докучаеву, — суггестор «кобра» — работает, то она же и поможет нам выбраться. Все, идем спать, глаза слипаются.

— Я еще постою минутку, на звезды полюбуюсь. — Маркин втянул дым, и кончик сигареты разгорелся сильнее. — В столице таких не увидишь. Командир, ты так и не рассказал, кто тебя разукрасил так артистично.

— Я в долгу не остался, — ухмыльнулся Руслан. — Возможно, с этими парнями нам еще придется столкнуться.

Он ушел в дом, разделся в спальне за печкой, где ему отвели спальное место, упал на кровать и провалился в сон, как в омут.

Весь день ушел на сбор информации и подготовку операции по изъятию у Докучаева суггестора «кобра». О том, что Руслан собирается при этом освободить Надежду, из всей груп-

пы знал только Маркин, показавший себя с самой лучшей стороны. Старший лейтенант не только проник в городок, где жили военные специалисты, исследователи Башни и офицеры полка охраны, под видом родственника Домны Федоровны, которому понадобилось купить провизии и кое-какие вещи (в городке работал магазин), но и уточнил местонахождение дочери Докучаева. Девушку выводили на прогулку, и Гена полчаса наблюдал за ней, примечая, кто ее сопровождает, сколько их и как они себя ведут. Охранников было двое — «боксер» Михаил, которому Руслан посадил хороший фингал под глазом и едва не снес ухо напрочь, и его чубатый напарник с перевязанной ладонью. Амбал попытался выстрелить в Руслана во время его бегства из квартиры Докучаева, и капитану пришлось действовать быстро и грубо, то есть ломать пальцы, выкручивая пистолет.

В зону решили бойцов группы не вводить, кроме Александры, во избежание подозрений. Охрану Криптозоны могло насторожить появление на охраняемой территории полдюжины здоровых мужиков одновременно. О том, что Саша была не просто милостивой молодой женщиной, но и сотрудником группы антитеррора, владеющим рукопашкой и навыками сапера, догадаться по ее виду не представлялось возможным. Она спокойно прошла на территорию зоны через главный КПП как армейский медработник, имея на руках соответствующее удостоверение.

К семи часам вечера у Руслана окончательно созрел план действий, и он начал претворять его в жизнь.

Из наблюдений Маркина и ребят за пределами Криптозоны удалось составить схему работы часовых по ее периметру, уточнить деятельность транспортных систем, снабжающих людей внутри всем необходимым и вывозящих отходы, оборудование ученых и дежурные смены. Мусорщики и автобусы с людьми, естественно, досматривались на КПП, а вот машины военных и спецслужб с карт-пропусками под лобовым стеклом проезжали беспрепятственно. Поэтому Костров решил воспользоваться случаем и выехать за пределы Криптозоны на одном из таких автомобилей. Выбор пал на мини-вэн «Шевроле», принадлежащий лаборатории Докучаева. Эту машину выпускали и впускали практически мгновенно, стоило ей только появиться у ворот.

В половине десятого солнце скрылось за надвигающейся пеленой облаков. Стемнело. Маркин вышел из хаты Домны

Федоровны и нырнул в лес, держа с членами группы связь по радиации. Зная, где за стеной наблюдают зрочки телекамер, он должен был выйти к месту напротив деревни Латыши, куда Вовчик (лейтенант Владимир Васекин) и Леха (лейтенант Шилов) наметили перебросить тюк со спецснаряжением.

Через полчаса Маркин возник во дворе тетки с рюкзаком за плечами. На вопрос Руслана: «Ничего подозрительного не заметил?» — он ответил кратко: «Все тихо».

Они переоделись в камуфляжные комбинезоны «ратник-3» со встроенными рациями, приборами ночного видения и компьютерными органайзерами, рассовали по карманам боезапас, укрепили под мышками оружие — пистолеты «укол», стреляющие усыпляющими иглами, и помощней — бесшумные «дротики», сделали перекличку всех участников операции и выступили в поход.

В начале двенадцатого, обойдя внутренние лесные посты и телекамеры по сложному зигзагу, капитан и старлей подошли к городку исследователей, состоящему из пятнадцати одноэтажных деревянных домиков и трех коттеджей для особо важных персон, в которые входил и военспец Николай Николаевич Докучаев. Городок освещался пятью фонарями и просматривался телекамерами, поэтому идти прямо к коттеджу Докучаева было нельзя.

Дождались условленного момента, благодаря Господа, что послал тучи на небо, усугубившие темноту ночи. В половине двенадцатого в городке внезапно погас свет. Это сработало спецустройство в трансформаторной будке, предназначенное для вывода из строя подстанции и создания мощного электромагнитного импульса, отключающего компьютеры. На городок и пространство вокруг рухнула тьма. Лишь над зубчатой линией леса в километре отсюда вставало розоватое зарево — там располагались казармы, где жили солдаты охранного полка, — слегка освещавшее Башню.

Руслан выпрыгнул из отводной канавы за пределами городка (места здесь были болотистые и канавы предохраняли поселение от подтопления) и устремился к крайнему коттеджу, к которому в этот миг уже подходила «медработница» Саша. Нашлемная пластина прибора ночного видения позволяла видеть все вокруг почти как днем, разве что в другой расцветке.

На звонок Саши из коттеджа выглянул угловатый и здоровый, как бетономешалка, охранник, осветил девушку фонарем. Послышались голоса: охранник выяснял, что нужно госте. Понять, что происходит, он не успел. Саша выстрелила в него из авторучки усыпляющей иглой, а возникший рядом Руслан успел подхватить обмякшее тело и без шума опустил на доски крыльца. Весил охранник не меньше ста десяти килограммов, и удержать его было очень трудно.

Появился приотставший от длинноногого командира Маркин, поднял выпавший из руки верзилы фонарь и первым вошел в холл коттеджа. Его встретил второй охранник, не уступавший габаритами первому. Получив в грудь иглу сна, он рухнул на пол с такой силой, что, казалось, вздрогнул весь дом. Откуда-то сверху, с галереи, опоясывающей холл, раздался недовольный мужской голос:

— Что вы там уронили, Панаско?

Сверкнул луч фонаря, выхватывая из темноты тело охранника на полу холла.

Руслан выстрелил.

Третий детина — в темно-зеленой форме офицера — удивленно охнул и опустился на доски галереи. Стало тихо.

— Я налево, ты направо! — бросил в усик рации Руслан. — Обходим первый этаж, потом второй и подвал. Саша, ты ждешь нас здесь.

Маркин, слабо видимый даже аппаратурой «ратника» — комбинезон не пропускал тепло, — исчез в коридорчике справа. Руслан двинулся в другую сторону, пробуя двери. На первом этаже их оказалось три. Одна вела на кухню и в столовую, вторая — в подсобное помещение с грудями коробок и ящиков, третья — в бильярдную комнату, где двое парней в военной форме увлеченно гоняли шары по столу, освещенному фонарем. На звук открываемой двери они отреагировали поздно и уснули, не успев поднять шума.

Руслан поднялся на второй этаж, подождал Маркина.

— Две комнаты пустые, — выдохнул тот. — В третьей кто-то спит.

— Подстрахуй, здесь пойдем вдвоем.

Они бесшумно двинулись дальше, прислушиваясь к тихим звукам, просачивающимся из-за дверей. Всего комнат на втором этаже коттеджа было четыре. Первая оказалась кабинетом

Докучаева, судя по компьютеру на столе, комплексу спутниковой связи, огромному телевизору и двум шкафам, в одном из которых за стеклянными дверцами хранилась какая-то аппаратура, а в другом — книги.

— Поищи в столе, — сказал Руслан. — Потом догонишь. Суггестор похож на пистолет с длинным коричневым дулом.

Выскользнув в коридор, он открыл соседнюю дверь и оказался в спальне хозяина, судя по запаху дорогого одеколона и разбросанной мужской одежде. Докучаева здесь не было.

Следующая комната тоже оказалась спальней, и в ней двое занимались любовью, очевидно, охранник и женщина-домохозяйка, о которой говорил Маркин. Гостей они не ждали и осознать, что происходит, не успели.

В коридоре что-то стукнуло.

Руслан выглянул и увидел лежащего под огромной неподвижной тушей старлея. Прислушался, но все было тихо, лишь из-под двери последней комнаты доносились голоса разговаривающих людей.

— Помоги, — просипел Маркин. — Эта скотина вышла из туалета, когда я закрывал дверь...

Руслан стащил уснувшего гиганта с Геннадия, тот с трудом встал.

— Ну и боров! Он же меня едва не расплющил!

Руслан жестом оставил старлея в коридоре, рванул дверь, за которой на повышенных тонах разговаривали двое, и ворвался в комнату, освещенную двумя горящими свечами.

Это была спальня.

На высокой кровати поверх одеяла лежала Надежда в халатике и в наручниках, откинувшись к спинке кровати. Над ней склонился незнакомый Руслану мужчина в спортивном костюме, сухопарый, с длинным костистым лицом, широкоскулый, с черными зализанными волосами. На звук открываемой двери он удивленно оглянулся.

Кроме него, посреди спальни стоял, засунув руки в карманы брюк, Николай Николаевич Докучаев собственной персоной. В углу прислонился к шкафчику для одежды «боксер» Миша с двумя синяками — под глазом и сбоку на подбородке. Реакция у него была хорошая, он сразу схватился за оружие, но Костров выстрелил первым, и охранник уснул мгновенно, сползая на пол.

Мужчина в спортивном костюме вскочил, встал в позу каратка: руки перед грудью, пальцы вытянуты, ноги полусогнуты.

— Стоять! — глухо приказал Руслан, направляя ствол метателя игл в лицо «спортсмену».

— Кто вы?! — опомнился Докучаев. — По какому праву?!
Руслан покачал пальцем.

— По праву сильного, господин ученый. Вам знакомо это положение, судя по тому, как вы обращаетесь со своей дочерью.

Надежда тихо вскрикнула. Она узнала голос Кострова.

В спальню бесшумной тенью проскользнул Маркин.

— Уведи его, — кивнул на Докучаева Руслан. — Надеюсь, он покажет, где хранится «кобра».

— Как вы смеете?! — начал было Николай Николаевич и умолк, увидев направленный на него ствол пистолета.

— Шагай, — повел стволом Маркин.

Они вышли.

— Кто вы? — осведомился мужчина в спортивном костюме.

Руслан снял шлем, усмехнулся.

— Коллега в некотором роде. А ты случайно не директор фирмы «Бэтмен»?

— Да, я руковожу охранным агентством...

— Так это для тебя твои «шестерки» берегли дочь босса?

«Спортсмен» нахмурился, глаза его сверкнули.

— А это не ты тот самый опер ФСБ, изо всех сил рвущийся в ее защитники?

— Угадал. Сними с нее наручники.

Рука мужчины дернулась к карману и остановилась.

— Я бы тебе снял, будь ты без пушки!

— Так в чем дело? — Руслан бросил на пол пистолет, поднял ладони. — Ну давай, живчик.

«Спортсмен» прыгнул без подготовки, демонстрируя отличную физическую форму, замахал руками в приемах карате, но нарвался на встречный удар из арсенала да-цзе-шу* и согнулся с выпученными глазами, хватая ртом воздух, держась за живот. Руслан повернул его к себе, достал из кармана ключ

---

* Искусство пресечения боя.

от наручников, отомкнул их, снял с рук Надежды и бросил на пол.

— Собирайся, заключенная, уходим.

— Куда? — прошептала девушка, глядя на него полными слез глазами.

— Ты собираешься оставаться с этими бандитами? Жить с этим садистом и свиньей?

— Нет! Но ведь я... тебя...

— Ты не виновата.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую. Собирайся, у нас мало времени.

Руслан открыл шкаф, нашел брючный костюм, бросил Наде. Она, как во сне, спустила на пол ноги, встала, не сводя с него глаз.

— Папу жалко...

— Он тебя не пожалел, скотина!

— Вы... его?..

— Никто никого убивать не собирается, мы не террористы. Но и измываться над людьми я ему не дам!

Надежда наконец очнулась, начала лихорадочно одеваться, не стесняясь взглядов Кострова, запихала в сумку какие-то платья и костюмы, выпрямилась.

— Я готова.

— Саша, — позвал Руслан по рации напарницу, — мы выходим.

— Ах ты паскуда! — бросился на него начальник «бэтменов».

Руслан, готовый к атаке, ответил поворотом и ударом сверху вниз по закрику противника, тот по инерции пролетел вперед еще два метра, врезался лбом в угол кровати и обмяк.

В коридоре Кострова и Надю встретил Маркин.

— Все в порядке, образец у меня.

— Дискету с программой не забыл?

— Нет.

— Уходим!

Вдруг пискнула рация.

— Помощь нужна?

Руслан не сразу узнал голос Ромашина, спросил с удивлением:

— Как вы нашли нашу волну?

— С помощью обычного сканера. Как успехи?

— Все нормально, начинаем отступление.

— Если понадобится помощь, позовите, я буду неподалеку.

— Спасибо, но вряд ли.

— Удачи вам!

— Вам тоже.

Из коттеджа выбрались без осложнений. С момента начала операции прошло всего двенадцать минут, и на подстанции еще не справились с аварией. Света не было на всей территории городка и на соседних объектах: военном складе, автобазе и стоянке машин. Маркин исчез в темноте, направляясь вслед за Сашей к автостоянке. Вскоре к коттеджу подъехал «Шевроле» Докучаева, за рулем которого сидел старлей.

— Прошу устраиваться.

Руслан усадил дрожащую не столько от холода, сколько от переживаний Надежду в салон мини-вэна, где уже сидела Саша, прыгнул на сиденье рядом с Маркиным, и машина устремилась к главному КПП Криптозоны.

Отряд был готов к прорыву с боем: с той стороны машину ждали остальные члены группы, экипированные не хуже, — но, к счастью, шума не возникло. Полусонный часовой вышел из будки поста, глянул на «Шевроле» и без единого слова открыл ворота. Видимо, машину Докучаева знали и привыкли к его частым отлучкам и возвращениям.

Через полчаса «Шевроле» со всеми бойцами группы «Антей» оставил позади Жуковку и выехал на трассу Брянск—Смоленск.

Глава 6

Несмотря на успешное окончание операции и быстрое возвращение, триумфатором Руслан себя почему-то не ощущал. Его все больше грызла мысль, что он упустил из виду нечто важное, какую-то деталь, и, даже докладывая об успехе начальству в лице Вараввы и Кирсанова, не мог освободиться от этого неприятного ощущения.

Генерал выслушал его с недовольным выражением лица, повертел в руках суггестор «кобра», разработанный в лаборатории Докучаева, затем дискету с программой и инструкцией,

как этот самый суггестор заряжать и использовать по назначению, и сунул обе вещи в сейф.

— Вас будут искать, капитан, — сказал он, не глядя на Руслана. — Продумайте с Владимиром Кирилловичем легенду, где вы были в период с пятнадцатого по двадцатое августа, и уезжайте в отпуск. Приказ на ваш отпуск с четырнадцатого августа уже подписан. Лучше всего было бы уехать куда-нибудь подальше от Москвы, например, к родственникам в Сибирь.

— У меня нет родственников в Сибири, — пожал плечами Руслан.

— Ну, на Дальний Восток, на Камчатку, еще куда-нибудь. Главное, переждать какое-то время, пока контрразведка будет шмонать наше Управление. Мы должны успеть... — Генерал замолчал, пожевал губами и махнул рукой. — Идите.

— Но я хотел бы остаться в Москве... — заикнулся Руслан.

— Выполняйте приказ, капитан! — Кирсанов бросил на Руслана недовольный взгляд. — Погоны не жмут? Могу снять!

Варавва подтолкнул Руслана к выходу.

— Мы уже уходим, Казбек Илюмжинович. Все будет сделано, как надо.

В коридоре полковник остановил Кострова и мрачно произнес:

— Что с тобой, Костров? Ты как будто не знаешь двух главных пунктов Устава. Пункт первый: командир всегда прав. Пункт второй: если командир не прав — смотри пункт первый.

— Мне надо остаться в столице, Владимир Кириллович. Хотя бы на пару дней.

— Ну и оставайся, раз надо, только не суйся начальству под ноги. И еще я хочу тебя предупредить... — Варавва почесал за ухом, формулируя предложение, уловил взгляды проходивших мимо сотрудников Управления и заторопился. — Пошли ко мне, поговорим.

В кабинете он достал из сейфа свою любимую плоскую флягу, налил в колпачок коньяку, глотнул, смакуя, потом сделал еще один большой глоток прямо из горлышка, сморщился и просипел, глядя на Руслана остановившимися глазами:

— Я знаю, кто убил Леву Полторацкого.

— Кто?! — чуть было не подпрыгнул капитан.

— Тебе это знать не положено... очень большой человек... Он ко мне заходил перед тем, как должен был появиться Лева... А больше было некому... Так вот, капитан, дело серьезнее, чем ты думаешь. Этот гад приходил ко мне, чтобы поинтересоваться, что ты за человек. Можно ли с тобой договориться. Я не понял, что он имеет в виду, и дал характеристику: честен и неподкупен. А теперь вот сомневаюсь... — Голос полковника сел. — Не подложил ли я тебе свинью?

— Почему вы так решили? — не понял Руслан.

— Потому что Леву замочили за длинный язык, а ты с ним якшался. Во всяком случае, беседовал, и не один раз. Улавливаешь?

— Вы хотите сказать... меня тоже могут убрать? За что? Полторацкий ничего особенного мне не... — Руслан замолчал, вспомнив предположения эксперта о причинах взрывов процессорных микрочипов.

— Вот, ты сам знаешь! — поднял вверх палец Варавва. — Иди и остерегайся всех, даже знакомых, даже друзей! А лучше тебе действительно уехать куда-нибудь подальше, глядишь — и уцелеет голова. Старик знает толк в таких вещах.

Полковник имел в виду генерала Кирсанова, хотя тот стариком и не был.

— Хорошо, я подумаю, — пообещал Руслан. — Завтра-послезавтра исчезну, в деревню к дедам поеду, на Вологодчину. Но ответьте на вопрос, Владимир Кириллович. Зачем понадобилось красть этот психогенератор у оборонщиков? Ради чего? У нас своих разработок не хватает?

— Не твоего ума дело, — буркнул Варавва. — Если хочешь знать, этот прототип, что сейчас находится у Докучаева, был сначала у нас, а потом его передали оборонке.

— А если они поднимут шум?

— Пусть поднимают. Это не в их интересах. За то, что они не смогли уберечь свою суперсекретную технику, с них головы снимают. Нет, уверен, они будут молчать и тихо искать пропажу. Надеюсь, ты не засветился?

— Нет, — после паузы соврал Руслан. О дочери Докучаева он, естественно, докладывать никому не стал.

— Все, иди.

Руслан пошел к двери и остановился, осененный внезапной догадкой.

— Владимир Кириллович, кто отдал приказ похитить суггестор у Докучаева? Ведь не Кирсанов же? Ему-то он и на фиг не нужен?

— Тебе что за дело?

— Хочу разобраться, кому выгодно, чтобы почти готовое к серийному производству оружие ушло из рук разработчиков.

— Этого нам знать не положено.

— А Козюля имеет доступ к секретам оборонки?

Варавва хмыкнул, с интересом окинул Кострова прояснившимся взглядом.

— Что ты хочешь сказать?

— Ответьте прежде на вопрос.

— Нет, начальник Криптозоны, несмотря на свой статус, вряд ли допущен к тайнам наших военных лабораторий, работающих в зоне.

— Еще вопрос. С неделю назад господин Козюля был в Москве, в нашем Управлении он тоже появлялся. Так вот, с Кирсановым он общался?

— Ну общался. И что?

— Вот и ответ. Могу даже сказать, кто был у вас за час до гибели Полторацкого: подполковник Эйникис. Ни для кого не секрет, что он — зять Козюли, женат на его младшей дочери.

Варавва вытер вспотевший лоб платком.

— Страшный ты человек, Костров. Умный. И глупый одновременно. Держи свои предположения при себе, понял? Не то язык может повредить шее. И чтоб духу твоего в Управлении не было в течение месяца!

Руслан вытянулся, козырнул и вышел. Он *знал*, был совершенно уверен, что его догадка правильна.

Надежда ждала его в квартире отца, опекаемая мамой. Неизвестно, о чем говорили женщины в отсутствие мужчин, однако они прекрасно поладили и уже называли друг дружку на «ты». Дочь профессора Докучаева успокоилась, привела себя в порядок и выглядела просто фантастически прекрасно, так что Руслан, увидев ее, с испугом подумал, что мог бы пройти мимо, не вмешаться в сцену у ресторана и теперь не имел бы возможности встретиться с этой красивой, умной и слегка печальной женщиной.

— Что собираешься делать? — спросила мама, когда он вошел в дом.

— Завтра мы уедем, — сообщил Руслан.

Надя с удивлением посмотрела на него. В халатике мамы она была очень на нее похожа — такая же стройная, высокая и тонкая.

— Куда, если не секрет?

— Ее надо на время спрятать, — кивнул он на девушку. — Отвезу ее к деду Проклу под Вологду. Не возражаете?

— С чего бы я возражала? — улыбнулась Тая. — Сам потом вернешься?

— Побуду в деревне вместе с ней пару дней и вернусь... по тем делам, что мы обсуждали. Потом снова поеду к деду. Мой начальник дал мне месячный отпуск.

— Правда? — обрадовалась Надежда. — Я недолго буду одна?

— Дня три, не больше.

— А почему Варавва дал тебе отпуск, когда у вас там такое ЧП? — поинтересовалась Тая.

— Ему видней, — пожал плечами Руслан, не желая говорить правду и волновать женщин. — В Управлении и без меня оперов хватает, разберутся. Ну что, Надежда Николаевна, будем собираться?

— Мне надо забрать свои вещи...

— Обойдемся, в крайнем случае купим новые. В квартиру тебе возвращаться нельзя, папенька наверняка послал на твои розыски своих «бэтменчиков».

— Тогда я ему письмо напишу.

— Это можно, бросим в ящик где-нибудь по дороге. Собирайся пока, я на часок к отцу заскочу.

Руслан переоделся, чмокнул в щеку Надежду, потом мать и поехал к отцу на работу.

Костров-старший встретил его на пороге приемной кабинета декана факультета промышленной экологии Московского университета, где он преподавал курс энтропии закрытых экосистем.

— Ты ко мне?

— Ехал к тебе.

— Хорошо, что успел, я собирался уезжать на встречу. Заходи, поговорим, пока Василь Савельевича нет.

Они вернулись в приемную, Руслан поздоровался с секретаршей отца Любовью Валерьевной, отец попросил кофе, и оба проследовали в кабинет декана.

— Что случилось?

Руслан пересказал Ивану Петровичу свою беседу с Вараввой.

Секретарша принесла кофе и конфеты. Костров-старший подождал, пока за ней закроется дверь, сказал бесстрастно:

— Он прав.

— Но я подчинялся приказу!

— Все равно. Теперь ты не только исполнитель преступного по своей сути приказа, но и опасный свидетель. Профи оборонки вполне могут начать за тобой охоту. Зря я тебя выдвинул в командиры спецгруппы.

Руслан виновато опустил голову.

— Ты думаешь, я не справлюсь?

— Может быть, и справишься... если доживешь до момента похода в Башню. Ладно, что-нибудь придумаем. Мы сами виноваты, что разрешили тебе ехать в Жуковку и вызволять из Криптозоны твою пассию. Кстати, как там она?

— Уже оклемалась, подружилась с мамой, собирается ехать со мной в деревню к деду Проклу. К вечеру мы будем там. Между прочим, я ее действительно спас. Когда мы с Геной проникли в коттедж, она была прикована наручниками к кровати и начальник охраны Докучаева ее допрашивал. При отце!

— Понятно. Хорош гусь ее папаша! Представляю, что ты сделал с охранником.

— Да ничего особенного, стукнул только пару раз... по слепухе....

Иван Петрович нахмурился.

— Надеюсь, не до смерти?

— Выживет, но на баб смотреть, скорее всего, перестанет. Надя призналась мне, что он заставлял ее спать с ним.

— Ладно, забирай ее и уезжай. Видимо, придется назначать другого командира группы.

— Не придется, — буркнул Руслан. — Я вернусь через день-два и начну собирать группу. Два кандидата у меня уже есть: Гена Маркин и Паша-летчик.

— Ты их хорошо знаешь?

— Достаточно для того, чтобы не сомневаться. Надежные и опытные мужики, профессионалы до мозга костей, трепаться не любят, оба не женаты.

— Ты с ними уже разговаривал?

— Еще нет, но могу поручиться, что они согласятся.

— Хорошо, скажешь потом, как прошла беседа. Я буду дома после пяти.

Руслан кивнул, допил кофе, и они вышли из кабинета.

В машине капитан посидел с минуту, размышляя над словами отца, включил зажигание, и в это время зазвонил мобильник. В трубке раздался голос Маркина:

— Командир, убит Варавва. Тебя ищут.

— Что?! — не поверил Руслан. — Как убит?! Я же с ним полтора часа назад разговаривал!

— Подробностей не знаю. Тебя ищет дежурный по Управлению. Я тебе нужен?

Руслан не сразу собрался с мыслями, оглушенный известием.

— Не нужен... впрочем, да! Возьми Пашу-летчика и лети с ним в Управление. Ждите в нашем автопарке, подготовьте к выезду одну из машин, лучше серую «Волгу» с форсированным движком.

— Понял, еду.

Связь прекратилась.

Руслан выругался и рванул «Мазду» с места так, будто участвовал в гонках.

В Управление он прибыл в начале второго. Взбежал на второй этаж, где находился кабинет Вараввы. Коридор был перекрыт рослыми спецназовцами из отдела внутренних расследований, которыми командовал хмурый майор Калугин. Увидев Руслана, он махнул рукой, и Кострова пропустили.

— Где он?! — выдохнул капитан.

— В кабинете. Посмотри, и поговорим.

Руслан ворвался в приемную, где работали эксперты в штатском, оттолкнул парня в камуфляже и вошел в кабинет Вараввы.

Полковник лежал в кресле, откинувшись на спинку, со вздутым синим лицом и выкатившимися глазами. Руслан сначала не понял, что у него на шее, показалось — кусок шланга красно-фиолетового цвета. Но, подойдя ближе, он увидел, что глубоко врезавшийся в шею, передавивший горло и мышцы

шей «шланг» на самом деле представляет собой толстое кольцо — не то резиновое, не то каучуковое. Как оно оказалось на шее полковника, будучи вдвое меньше диаметром, чем голова, представить было трудно.

В кабинете тоже работали эксперты-криминалисты, тихо переговариваясь между собой. Один из них осторожно взял со стола рукой в прозрачной перчатке флягу с коньяком, и Руслан вспомнил, как Варавва пил этот коньяк, не боясь, что подчиненные учуют запах. Постояв еще немного с тихим гулом в голове, он вышел из кабинета.

— Пошли, — сказал майор Калугин.

Они направились по коридору к приемной начальника Управления, свернули в небольшой холл с кожаными креслами и кадками с фикусами. Сели.

— По моим сведениям, ты был предпоследним, кто видел Владимира Кирилловича живым. О чем вы говорили?

— О работе, — глухо сказал Руслан, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладонь; в душе родилось желание пойти к подполковнику Эйникису и вытрясти из него душу.

— Точнее.

— Это служебная информация, товарищ майор. Мы говорили о моих планах и об отпуске. Кстати, вы сказали, что я был предпоследний, кто видел Владимира Кирилловича. А кто был последний?

— Подполковник Эйникис.

Руслан вздрогнул, впился глазами в недовольно-хмурое лицо собеседника, хотел было сообщить, что Эйникис и есть убийца, но передумал. Калугин бы не поверил, к тому же он мог быть одним из агентов эмиссара Игрока. Косвенное подтверждение этому Руслан уже имел: майор начинал и расследование убийства Полторацкого, но до сих пор не продвинулся вперед ни на шаг.

Впрочем, подумал Руслан трезво, я теперь в каждом вижу врага. Майор просто делает свое дело как умеет.

— О чем вы беседовали еще? — продолжал Калугин.

— О задании, которое нам дал генерал Кирсанов. Подробности можете узнать от него, я говорить об этом не имею права.

— Да-да, разумеется. Но вы не заметили в поведении полковника чего-нибудь необычного? Он не называл каких-либо известных фамилий?

— Не помню, — после паузы проговорил Руслан, понимая, что не должен повторять слова Вараввы. — Разве что фамилию начальника Управления..

— Постарайтесь вспомнить, капитан, — настойчиво, с нажимом сказал Калугин. — Это очень важно.

— Нет, больше мы никого не вспоминали, — твердо заявил Руслан.

— Жаль, — кисло вздохнул майор. — Я надеялся, что вы поможете следствию. Если что-нибудь вспомните — позвоните мне.

— Непременно, — вежливо пообещал Руслан. — Я могу идти?

— Да, идите.

Костров встал, кинул подбородок к груди и отошел, провожаемый задумчиво-рассеянным взглядом начальника отдела внутренних расследований.

Не менее задумчивым выглядел и сам Руслан, спускаясь во двор, на стоянку автотранспорта, принадлежащего Управлению. Он прикидывал план, как выйти на подполковника Эйникиса и предъявить ему счет за два убийства — Полторацкого и Вараввы. Сомнений в том, что именно Эйникис был ликвидатором, у Кострова не было.

Уже подходя к «Волге» отдела, в которой его ждали Маркин и Паша-летчик, Руслан услышал свою фамилию и оглянулся. Его догоняли двое: громадный, глыбистый, как отколовшийся утес, молодец в черной кожаной куртке, с каменным лицом и особой стрижкой «а-ля киборг», и мужчина в форме подполковника с темным узким лицом, на котором выделялись черные, глубоко посаженные глаза и хищный нос. Это был подполковник Эйникис, зять начальника Криптозоны и командир особого подразделения ФСБ по связям с общественностью.

— Подождите, капитан.

Руслан косо глянул на своих подчиненных, готовых вылезти из машины и прийти на помощь, незаметно качнул пальцем, останавливая их.

— Я вас внимательно слушаю, — сказал он, поворачиваясь лицом к человеку, с которым он хотел встретиться тет-а-тет.

— Мне говорили, что вы недавно вернулись из командировки, — остановился Эйникис напротив Кострова, в то время

как его глыбистый сопровождающий занял позицию чуть сзади, не сводя ничего не выражающих светлых глаз с капитана.

Руслан понял, что подполковник *знает*, где он был и что делал.

— Что молчите?

— Жду вопроса, — невозмутимо сказал Руслан.

Эйникис нахмурился. Его телохранитель шагнул было вперед, но подполковник остановил его рукой.

— Вопросы не будет, — хмыкнул он. — Я просто хотел предупредить, чтобы вы поменьше вертелись перед начальством и делились с ним своими умными соображениями. Это может повредить не только карьере, но и жизни.

— У вас все? — с тем же невозмутимо-корректным видом спросил Руслан.

Подполковник сдвинул брови, и его мощный спутник снова шагнул вперед, надвигаясь на Руслана, как танк. В тот же момент из «Волги» вышли Маркин и Паша, встали рядом с командиром. Гигант остановился, оценивающе глянув на членов группы «Антей».

— Если у вас все, товарищ подполковник, — продолжал Руслан с ледяной иронией, — то с вашего позволения я избавлю вас от своего присутствия.

— Ты играешь с огнем, капитан, — проскрипел Эйникис. — Надеешься на кого-нибудь? На отца? Или кого повыше?

— На себя, — усмехнулся Руслан. — И я люблю играть... с огнем.

— Тогда мы еще встретимся.

— Очень на это рассчитываю.

— Разрешите, товарищ подполковник? — оглянулся на патрона каменнолицый телохранитель.

— В другой раз, малыш, — подарил Руслану обещающую улыбку Эйникис, поворачиваясь к антеевцам спиной. — Нам еще надо успеть зайти к генералу.

— Иди, иди, бронетранспортер, — пренебрежительно сказал Паша-летчик, — а то, не ровен час, боссу понадобится туалетная бумага.

— Я тебе хайло еще заткну! — пообещал здоровяк и бросился догонять подполковника.

— Чего они от тебя добивались, командир? — поинтересовался Маркин.

— Меня предупредили, — сказал Руслан, глядя вслед зятю начальника Криптозоны.

— О чем?

— Им не нравится, что я догадываюсь кое о чем.

— Нам это знать не положено?

— Боюсь, вы не поверите. Хотя, с другой стороны, обратиться за помощью мне все равно не к кому.

— Мы готовы.

— Пошли в машину.

Руслан сел в кабину «Волги», подождал подчиненных и сжато поведал историю о значении Башни в истории Древа Времен и о замысле спасения родной Метавселенной. Тишина в кабине после этого длилась долго. Старшие лейтенанты переглядывались, размышляли и не спешили высказывать свое мнение вслух. Тогда Руслан поделился с ними своими догадками о роли господина Козюли и его зятя-подполковника в последних событиях, связанных с убийством Полторацкого и Вараввы.

— В это поверить легче, — оживился Паша-летчик. — Хотя, если честно, я готов войти в вашу команду. Интересно поглядеть, как там живут люди в будущем. Что будем делать?

— А ты? — посмотрел на Маркина Костров.

Старлей достал платок, высморкался, аккуратно сложил и сказал невинным тоном:

— Вы же без меня пропадете, товарищ капитан.

Руслан засмеялся.

— Волк тамбовский! Любишь сермягу из себя лепить. Верю, что не подведешь.

— Рад стараться, вашбродь!

— В таком случае слушайте мой план...

Руслан перешел на полусшепот. Последняя фраза Эйникиса, которую он обронил, уходя, — о визите к генералу — подсказала Кострову, что надо делать. Моментом необходимо было пользоваться незамедлительно, более удобный мог уже не представиться.

Глава 7

Кабинет начальника антитеррористического Управления генерала Кирсанова располагался на третьем этаже семиэтажного корпуса сталинской эпохи. Обычно коридор этой части

здания был тих и безлюден, однако в связи с последними событиями в настоящее время по нему то и дело пробегали озбоченные сотрудники Управления, прогуливались по двое рослые парни из особого подразделения охраны VIP-персон, подозрительно вглядываясь в каждого человека, и создавалось впечатление, что то ли началась эвакуация, то ли, наоборот, заселение кабинетов новыми хозяевами.

Чтобы не заострять внимания охранников, к кабинету Кирсанова Руслан и оба старших лейтенанта подошли по одному. В приемной начальника Управления их встретили двое: секретарь-адъютант генерала капитан Киржниц, вежливый, немногословный, всегда чем-то занятый, и громадный, как шкаф, молодой человек в кожаной куртке, похожий на того мордоворота, с каким во дворе Управления появился подполковник Эйникис.

— Слушаю, капитан, — сказал адъютант, мельком глянув на Кострова, заглянувшего в приемную.

— Я ищу подполковника Эйникиса, — сказал Руслан. — Важное дело.

— Он у генерала.

— Очень хорошо. — Руслан внешне неторопливо пересек приемную, взялся за ручку двери. — Мне как раз нужен и сам Казбек Илюмжинович.

— К сожалению, мне велено никого не впускать, — поднялся Киржниц. — Выйдет подполковник, я доложу о вас.

— К сожалению, нельзя терять ни минуты. — Руслан открыл дверь, краем глаза отмечая появление в приемной Маркина и Паши.

— Эй, торопыга, куда собрался? — рванулся к нему «шкаф» в куртке. — Тебе же сказано — генерал занят!

Дверь закрылась за Русланом, но он был уверен, что ребята справятся с телохранителем Эйникиса без шума.

В кабинете Кирсанова, как и ожидалось, посетителей было двое: подполковник и его каменнолицый качок-охранник в кожанке. Он сразу двинулся навстречу Кострову, сжимая гигантские кулаки, способные, наверное, крошить кирпичи.

— Кто вас впустил, капитан? — оглянувшись на гостя Кирсанов; он стоял у стола, в то время как Эйникис разглядывал что-то лежащее на столе.

Вместо ответа Руслан в *темне* рванулся вперед и в прыжке нанес верзиле в куртке удар ногой в грудь. Гигант хекнул, отлетая назад, и упал на второй столик — для переговоров с посетителями, разламывая его на части. Короткий грохот, звон разбитого графина с водой, тишина.

Под изумленными взглядами оторопевших генерала и подполковника Руслан подошел к столу хозяина и увидел знакомый силуэт суггестора «кобры» с коричневым дулом. Рядом лежала дискета с инструкцией по применению генератора. Костров спрятал дискету в карман костюма, взял суггестор и направил ствол на Эйникиса.

— Вы хотели со мной встретиться, господин киллер. Я решил не откладывать рандеву. А теперь, может быть, поделитесь своими планами с генералом? Ведь суггестор понадобился не вам лично, а вашему тестю, не так ли? Он начал терять контроль над ситуацией и забеспокоился, решил завладеть разработкой Докучаева. Ведь проще не убивать людей, а кодировать, не так ли?

Подполковник сунул руку под полу пиджака, и Руслан выхватил свой пистолет.

— Не балуйте, господин убийца! Бросьте свою пушку на пол!

— Я не боюсь смерти, капитан, — усмехнулся Эйникис, но тем не менее руку послушно убрал.

— А я и не собираюсь вас убивать, — усмехнулся в ответ Руслан. — Насколько я знаю, эта штука заряжена и готова к действию. Что, если я испытаю ее на вас?

Лоб Эйникиса покрылся испариной.

— Чего вы хотите?

— Э-э... а-а... что здесь происходит?! — опомнился Кирсанов. — Вы что себе позволяете, капитан?!

Руслан, не сводя глаз с подполковника, отступил к телу его бугая-телохранителя, пошарил в карманах и вытащил толстое кольцо синеватого цвета, похожее на каучуковый ручной эспандер.

— Знаете, что это такое, генерал?

— Ну?

— Таким колечком два часа назад был убит полковник Варавва. Думаю, вас ждала та же участь. Эмиссару... э-э... начальнику Криптозоны Козюле вы уже не нужны, после того как успешно добыли суггестор.

— Какая чушь! — взорвался Кирсанов, наливаясь кровью. — А ну вон отсюда! Я сейчас вызову охрану и...

Эйникис внезапно прыгнул к двери, доставая из подмышки еще один пистолет. Дверь открылась, на пороге вырос Гена Маркин и встретил подполковника ударом в голову. Эйникис грохнулся навзничь, роняя пистолет, обмяк, но тут же тряхнул головой и сел, держась за челюсть.

— Не надо суетиться, господин подручный эмиссара, — спокойно сказал Руслан. — Вы сделали ошибку, выбрав не ту цель. Врагов надо выбирать тщательнее. Садитесь, поговорим.

— Я бы попросил!.. — опомнился ничего не соображавший Кирсанов.

— И вы сядьте, Казбек Илюмжинович! Успокойтесь и слушайте, может быть, что-нибудь поймете. По крайней мере — что вас подставили.

Эйникис покосился на тушу своего телохранителя, не подающего признаков жизни, поколебался и сел на уцелевший стул.

— Вы напрасно теряете время. Я ничего не скажу.

— Тогда я вас просто убью! Терять мне, как вы понимаете, нечего. Я ведь был на очереди, не так ли? Итак, вопрос первый: зачем вы убили Полторацкого и Варавву? Зачем понадобилась такая экстраординарная операция? Ведь вы должны были понимать, что убиваете не простых смертных, а важных сотрудников спецслужб, коллеги которых начнут усиленно искать убийц и наверняка найдут.

Эйникис сверкнул волчьими глазами, отвернулся.

— Хорошо, я отвечу за вас. Произошла утечка информации о прорыве в нашу Ветвь воли Игрока, и вы решили перестраховаться, начали спешить и ошибаться, пока не засветились. Тогда второй вопрос: какова стратегия? На чем строится расчет эмиссара в нашей Ветви? Ведь всех людей, начинающих понимать, что в мире происходит что-то странное, не перебеешь.

— Ну, это вопрос времени, — скривил губы Эйникис.

— Уверен, что вы и в этом вопросе ошибаетесь. Игрок ваш, может быть, очень крутой, но, используя таких помощников, как вы, едва ли выиграет. Отвечайте на вопросы, подполковник, мое терпение не вечно.

— Идите к дьяволу!

Руслан хладнокровно выстрелил в Эйникиса из суггестора.

Разряд пси-излучателя, естественно, не был виден, однако, судя по внезапной бледности, разлившейся по лицу подполковника, невидимый поток энергии на него подействовал.

— Отвечайте на вопрос! Что вы собираетесь делать?! Какова задача, которую решает здесь эмиссар?!

— Мы... должны... задержать... — начал Эйникис. Было видно, что каждое слово дается ему с великим трудом. Он вспотел, побледнел еще больше, начал дрожать. Затем глаза подполковника закатились, и он безвольно обмяк на стуле, откинув на спинку голову.

Маркин подошел к нему, поднял веко, подержал палец на шее и покачал головой.

— Однако, кранты подполковнику, не дышит совсем. Что будем делать, командир?

— Вы... убили его?! — прошептал Кирсанов, вытягивая шею. — Как это все понимать?! Вы представляете, что будет, капитан?!

Руслан с жалостью посмотрел на генерала.

— Вы же видели, что произошло. Мы его не убивали, у Эйникиса, очевидно, сработала программа самоликвидации. Неужели вы так ничего и не поняли? Не поняли, что подполковник — агент Игрока, убивший Полторацкого и Владимира Кирилловича? И что если бы не мы, следующим в этой цепочке стали бы вы?

Заворочался на полу среди обломков стола телохранитель Эйникиса.

— Пора уходить, — сказал Маркин.

Руслан выстрелил в парня из «кобры» и медленно, с нажимом, проговорил:

— Когда тебя начнут допрашивать, расскажешь все, что знаешь, всю правду! — Капитан посмотрел на колеблющегося, не знающего, что делать, Кирсанова. — Мы уходим, товарищ генерал. Появились кое-какие проблемы, которые надо срочно решать. Все, что вы слышали, имеет место быть, как бы вы к этому ни относились. Поэтому у меня просьба: дайте нам время на решение наших проблем, не спешите поднимать тревогу по Управлению и объявлять нас во всероссийский розыск. Не я убил Владимира Кирилловича, а вот этот мерзавец, являющийся зятем Козюли и его же агентом. Обещаете?

Кирсанов окинул мутноватым взглядом Руслана и Маркина, покосился на Эйникиса и его телохранителя, сидевшего с тупым лицом на полу, нерешительно качнул головой:

— Я... не знаю... кому верить...

— Попробуйте поверить мне. Я забираю эту машинку. — Руслан взвесил в руке докучаевский пси-генератор и спрятал в карман. — Она опасна прежде всего для вас. Когда зайдет разговор о суггесторе, — а Козюля непременно придет сюда и поинтересуется его судьбой, так как именно он давал задание выкрасть «кобру» у Докучаева, — скажете, что нашей группе не удалось его похитить. Это на какое-то время снимет с вас подозрения и даст возможность тихо уйти в отставку по состоянию здоровья. Начнете говорить лишнее — вас уберут так же, как и Варавву.

Руслан пошел к двери. Маркин скользнул в нее первым. Руслан оглянулся и встретил остекленевший взгляд генерала, в котором сомнения боролись с желанием вызвать охрану. Однако начинать новый убедительный разговор с генералом было не к чему. Кирсанов был человеком определенной идеологической системы, взрастившей всех руководителей ФСБ его ранга, и если уж принимался действовать, то заставить его изменить решение было невозможно. Оставалось только верить, что разумное начало победит.

В приемной Руслан задержался на несколько секунд.

Второй телохранитель Эйникиса и адъютант Кирсанова лежали на полу связанные, с заклеенными скотчем ртами. Но если взгляд Киржница выражал недоумение и страх, то в глазах шкафообразного парня тлели ненависть и угроза. Вряд ли он был способен думать. Вызывал удивление выбор Эйникиса, окружившего себя столь неповоротливыми и тупыми исполнителями, понадеявшегося на их размеры и силу.

— Развяжи его, — кивнул на адъютанта Руслан.

Паша-летчик быстро разрезал на руках и ногах Киржница ленту скотча. Адъютант сел, потянул полоску скотча с губ.

— Нас здесь не было, капитан, — сказал Костров. — Зайди к генералу, он все объяснит. Этого бугая не трогай, пусть майор Калугин решит, что с ним делать.

— Вы с ума сошли! — тонким голосом проговорил Киржниц. — Вам это просто так с рук не сойдет!

Руслан улыбнулся.

— Еще благодарить будешь, что жив остался.

Маркин и Паша скрылись в коридоре. За ними вышел Руслан и, не оглядываясь, поспешил к лестнице. В душе росла уверенность, что в Управление он уже не вернется.

Экстренное совещание длилось около часа.

Собрались не у Костровых, как всегда, а на квартире Гаранина в Первом Миусском переулке. Присутствовали только мужчины: Костровы — старший и младший, сам Олег Борисович, Ивашура и Ромашин. Руслан сообщил последние новости, показал всем суггестор «кобру», и все долго и сосредоточенно рассматривали оружие, предназначенное для превращения человека в безвольное существо, в послушного чужой воле робота.

— Сколько у нас времени? — нарушил молчание Гаранин.

— Боюсь, его у нас нет, — угрюмо проворчал Костров. — Инициатива моего сына практически перечеркнула наши планы по созданию группы десанта.

— Он не виноват, — мягко возразил Ромашин, с участием глянув на не поднимавшего глаз Руслана. — Так сложились обстоятельства. Не все можно предусмотреть, когда не знаешь врага в лицо. Но шанс у нас еще есть. Руслан, сколько у вас людей?

— Двое, Маркин и Паша... э-э... Павел Строев.

— Плюс я, — непреклонным тоном добавил Гаранин. — Кроме того, у меня есть надежный человек, чемпион России по стрельбе из лука, великолепный шахматист и вообще отличный мужик.

— Надеюсь, он не твой ровесник? — прищурился Ивашура.

— Ему всего сорок два года.

— Хорошо, подойдет. Итого, у нас пятеро...

— Шестеро, — тихо поправил Руслан.

— Кто шестой?

— Я возьму с собой Надежду, дочку Докучаева. Ей оставаться здесь нельзя.

Мужчины переглянулись.

— Это безумие! — с досадой сказал Иван Петрович. — Ты не представляешь, с чем вам придется столкнуться в походе. Рисковать своей жизнью — одно, чужой — другое.

— Ты же участвовал в десанте вместе с мамой.

— Она оказалась в Башне случайно.

— И тем не менее вы прошли все испытания и вернулись целыми и невредимыми.

— У нас не было выбора, у тебя он есть. Оставь эту девочку здесь, я за ней пригляжу.

— Не думаю, что ей будет здесь лучше. Контрразведка всех на уши поставит, чтобы найти ее и вернуть отцу. А он... фанат и отморозок, равнодушный ко всему, что мешает ему работать.

— Однако ты не подумал...

— Не спорьте, — перебил Ивана Петровича Ивашура. — В конце концов, как говорят индийские мудрецы, врач не может стать по-настоящему хорошим врачом, пока не убьет одного или двух пациентов. Это примерно тот же случай. Но, с другой стороны, твой сын прав: в нынешнем положении, оставаясь здесь, девочка рискует не меньше, чем если пойдет с ним. Да и вспомни наши походы. Ни Тая, ни Вероника не были нам обузой.

Костров-старший отвернулся.

— Я тоже возражаю, — сказал Гаранин. — Она ограничит нам свободу маневра. Придется все время отвлекаться на ее защиту...

— Пусть идет, — вмешался в спор Игнат. — Иногда совет умной женщины в критической ситуации стоит больше всех мужских разглагольствований.

— Да, в общем, я просто размышляю вслух, — сказал Иван Петрович. — Кто знает, с чем или с кем им придется иметь дело. Но вот без оружия им не обойтись. Был бы у нас дриммер....

— Дриммер сделан не людьми и не для людей и вообще не является оружием. Это «жезл силы», магический манипулятор, если хотите, орудие судебных исполнителей. Он может быть и оружием, но это не главное его достоинство и предназначение.

— И все же он не помешал бы.

— Согласен. Но у нас дриммера нет. Придется искать ему замену. Так как отсюда мы пойдем все вместе, я проведу вас по тем Ветвям, где я уже был, а дальше вы пойдете самостоятельно. В одной из соседних Ветвей земляне изобрели весьма интересный дезинтегратор под названием «скорпион». В луче

этого дезинтегратора начинается самопроизвольная цепная реакция распада любого химического элемента, надо лишь соответствующим образом настроить генератор. На Земле другой Ветви тоже разработали кое-что любопытное — «двигатель атомов». Его еще называют «копьем» или «кием».

— Как?

— «Кий». Такая длинная палка для игры в бильярд.

— У вас тоже играют в бильярд?

— Играют.

— Понял.

— Так вот, в луче этого «кия» происходит мгновенный векторный скачок всех атомов и молекул любого вещества и материала, сквозь который луч проходит. Амплитуда скачка невелика, всего около сантиметра, но последствия представить нетрудно.

— Да уж, — проворчал заинтересованный Гаранин. — Попади такой «кий» в голову — и хана! Кровоизлияние обеспечено.

— Не только в голову, человеческое тело вообще не защищено от луча «кия», смертельным будет почти любое попадание. Но и технику таким лучом тоже можно выводить из строя.

Мужчины оживились. Лишь Ивашура остался рассеянно-равнодушным, постукивая пальцами по столу.

— Стоит ли рисковать, добывая эти экзотические виды оружия? — спросил он, когда разговоры стихли. — У отряда уже есть «кобра», Олег Борисович снабдит всех пистолетами, да и у вас ведь наверняка имеется «универсал» или кое-что помощней.

— «Глюк». Согласен. Можно было бы и не рисковать, — кивнул Ромашин. — Однако существует один нюанс. Обладание необычными видами защиты и нападения *суущественно* увеличивает потенциал оператора и повышает уровень Игрока. Даже если это оружие никогда не будет применено.

— При чем тут какой-то оператор? — не понял Гаранин.

— Наш отряд, по сути, является оператором воздействия на Игру. Еще не судебный исполнитель, но уже потенциальный регулятор. Конечно, его стоило бы доукомплектовать, усилить, проинструктировать, но времени нет, учиться придется на ходу, и мы пойдем в этом составе.

— Вы говорили о каких-то своих знакомых в других Ветвях, очень сильных личностях...

— Да, я знаю Мальгина, Берестова, Железовского...

— Можно попросить их присоединиться к нам?

Ромашин ответил не сразу:

— За каждого из них я готов поручиться, как за самого себя, но не уверен, что они согласятся войти в команду. Проблемы, которые они решают у себя дома, требуют их личного участия. Но попытаться можно. Если кто-нибудь из них согласится, это почти гарантия успеха.

Костров-старший скептически поднял бровь:

— Что-то в прошлой Игре мы никого из них в деле не видели.

— Вы забываете, что их Ветвь — «тупиковая», а Ствол у них вышел не на поверхности Земли, как в остальных Ветвях, а в подземных пустотах на глубине около километра. Никто из них не знал, что наш хронобур соединил их Землю с другими Землями в триллионах Ветвей. О том, что Ствол вышел в их мире, знали только бровеи... и Судьи Игры. Я, например, получил сведения о выходе хронобура в Метавселенной, созданной Конструкторами, совершенно случайно и вспомнил о них только теперь.

— Понятно. Что ж, если вы проведете отряд туда...

— Отряд должен будет сделать это сам. Я лишь помогу ему пройти в Ствол... то есть в Башню. Дальше наши пути разойдутся.

— Этого достаточно, — сказал Руслан тихо, но твердо.

Все посмотрели на него.

— Может быть, я тоже пойду с тобой? — предложил Иван Петрович.

— Тебе и так достанется крепко. Придется объясняться и с органами правопорядка, и со слугами эмиссара, и с ним самим — чтобы отвлечь его внимание. Да и маме нельзя одной оставаться в такой ситуации.

— Резонно.

Руслан посмотрел на Ромашина.

— Каким образом мы попадем в Башню?

— Сначала надо пройти в Криптозону, — проворчал Гаранин.

— С пси-генератором это несложно, — кивнул на «кобру» Игнат. — Детали обдумаем на месте. Чем раньше выедем, тем лучше. У меня есть средство передвижения.

— Какое?

— Микроавтобус пожарной службы.

— Где встречаемся?

— Здесь же, у Олега Борисовича, его квартира пока не засвечена. Давайте определимся по времени: часа вам хватит на сборы?

— Лучше два, мне надо утрясти кое-какие проблемы, которые требуют моего присутствия.

— Учти, тебя наверняка ищут, — предупредил Костров сына. — Дома тебе лучше не появляться. Если хочешь, я привезу твою Надежду сюда сам.

— Спасибо, папа, — взглянул на отца Руслан с благодарностью. — Это было бы неплохо. До встречи.

Он кивнул и вышел из квартиры первым. За ним заторопились остальные, погруженные в свои мысли. Не спешил только Игорь Васильевич Ивашура, оставшийся не у дел и поэтому чувствовавший себя неудобно.

Глава 8

Интуиция сработала, когда он выходил из машины во дворе дома, где жил Гаранин. Руслан замер, прислушиваясь не столько к шуму вокруг, сколько к своим ощущениям, залез обратно в машину, подумав, что напрасно отпустил отца. Затем по рации вызвал Маркина, который должен был порыться в своих арсеналах и подъехать к Гаранину с оружием:

— Гена, ты где?

— Все в порядке, направляемся с Пашей к тебе.

— Во двор не заезжайте, что-то мне здесь не нравится. Оставьте машину на улице и подстрахуйте меня по варианту «тень».

— Принял.

Руслан выключил рацию, посмотрел на спутницу.

— Что-то случилось? — тихо спросила Надежда, сидевшая на заднем сиденье «Мазды».

— Пока нет, но мне активно не нравится здешняя атмосфера. Подождем ребят и поднимемся к Олегу Борисовичу.

— Кто это?

— Друг отца, бывший полковник контрразведки, они вместе когда-то воевали с «хронохирургами» и их эмиссарами.

— Ты мне так и не объяснил ничего толком. Куда мы едем, зачем, что будем делать в этой твоей Башне?..

— Объясню все позже. Главное — добраться до Башни и незаметно просочиться внутрь. Тогда мы будем в безопасности... относительной, конечно.

Пискнула рация.

— Мы на месте, — сообщил старлей. — Видим твою тачку.

— Я выхожу с дамой, двигайтесь за мной в кильватере и смотрите в оба. Приготовились!

— Давно готовы!

— Пошли!

Руслан вышел из машины, подал руку Наде и повел ее через двор к девятиэтажке, где на пятом этаже располагалась квартира Гаранина. Одеты они были по-походному в джинсовые костюмы и куртки, в карманах которых можно было спрятать много разных полезных вещей. Особенно оружие. В карманах куртки Руслана лежал суггестор «кобра», набор метательных стрелок и сюрикэнов, а на поясе в чехле висел десантный нож. У Нади из оружия имелся только пистолет «ТТ», принадлежащий Кострову-старшему. Провожая сына, Иван Петрович без колебаний отдал ему свой старый пистолет, принадлежавший еще деду, но вполне дееспособный и пристрелянный.

Интуиция Руслана не подвела.

Движение во дворе началось, когда он с Надей уже подходил к подъезду гаранинского дома, дверь которого не имела домофона и была открыта настежь.

Сначала к подъезду двинулась сидевшая на скамеечке молодая пара: коротко стриженный молодой человек спортивного вида в светлом костюме и такая же девушка с упругим гимнастическим шагом. Затем хлопнули дверцы микроавтобуса «Соболь» возле металлических гаражей, и вылезшие из него два молодых парня весьма специфического облика вразвалочку зашагали вслед за парой «спортсменов». Так работали почти все спецслужбы, планирующие операцию захвата, и Руслан опытным глазом отметил злую целенаправленность группы спецназа. Многих оперативников других подразделений конторы, как называли ФСБ ее сотрудники, он знал в лицо, но в данном случае работали не федералы, а, скорее всего, оперы Главного управления по борьбе с организованной преступнос-

тью. А это, в свою очередь, говорило о том, что Козюля имел выход на верхи ГУБОПа и принял все меры для пресечения утечки информации и ликвидации опасных свидетелей. А именно — Руслана Кострова и Надежды Докучаевой.

В подъезде никого не оказалось.

— Спрячься здесь! — быстро сказал Руслан, подтолкнув Надежду к нише с панелью почтовых ящиков. — Не высовывайся, что бы ни происходило!

Сам же встал за дверь и приготовился встретить гостей. Он не знал, задержан Гаранин или нет, но надеялся, что все закончится благополучно.

Раздались шаги, в подъезд вошла пара молодых людей, прислушалась к тишине дома, и тотчас же парень вытащил из подмышки пистолет и метнулся к лестнице. Девушка тоже выхватила пистолет (оба имели бесшумные двадцатичетырехзарядные «дротики») и приблизилась к лифту.

В то же мгновение Руслан выпрыгнул из-за двери, взлетел по ступенькам вверх и безжалостно толкнул девицу в спину, так что она ударилась всем телом о дверь лифта, вскрикнула и выронила пистолет. Ее партнер метнулся назад, и Руслан выстрелил в него из «кобры», не вынимая пси-излучатель из кармана. Парень споткнулся, кубарем скатился по ступенькам лестницы вниз до лестничной площадки первого этажа и остался лежать без движения.

Его напарница пришла в себя, потянулась за пистолетом, но Руслан отбросил «дротик» ногой, шагнул к ней и остановился, услышав за спиной резкий окрик:

— Стоять! Руки за голову!

Костров послушно прижал к затылку ладони, повернулся лицом к входной двери.

На него смотрели две пары глаз и два пистолетных дула.

— Я капитан Костров, — сказал Руслан спокойно, взмолившись в душе, чтобы Надя не запаниковала и не выскочила из своего убежища. — Федеральная служба безопасности, подразделение «Антей».

— Нам-то тебя и нужно, капитан, — осклабился один из парней, чуть повыше ростом, с кривым носом. — Не делай резких движений, не то придется вертеть в тебе дырки.

— Не буду, скажите только, откуда вы. По почерку вроде бы волкодавы из ГУБОПа. Нет?

— Догадливый ты, однако, капитан Костров. Недаром, наверное, мы за тобой охотились. Лёха, обыщи его. Кстати, где его девчонка? Он же с ней выходил.

— Да здесь где-нибудь, сейчас найдем.

Руслан напрягся, готовясь к прыжку. Но в этот момент за спинами двух оперативников из ГУБОПа возникли Гена Маркин с Пашей-летчиком, и ситуация резко изменилась.

— Не двигаться! — тихо, но четко скомандовал старлей. — Бросайте оружие!

Парни мгновенно обернулись, обученные отвечать выстрелом на угрозу, однако оперативники «Антея» действовали быстрее.

Паша-летчик просто вырубил своего противника ударом пистолета в челюсть, а Маркин выстрелил, выбивая пулей пистолет из руки спецназовца. Затем сделал шаг вперед и применил тот же прием, что и Паша, — врзал рукой с пистолетом по скуле противника.

С криком «Руслан!» из-за почтовых ящиков выбежала Надежда, бросилась к Кострову.

— Тише, все в порядке, — остановил ее Руслан, кивнул Маркину: — Свяжите их всех. Паша пусть останется, а ты потом поднимешься к Олегу Борисовичу вслед за мной.

— Будет сделано.

Руслан посмотрел на дрожащую от переживаний девушку.

— Побудь здесь, я не задержусь.

Не слушая возражений, он поднял один из пистолетов на полу и бесшумно побежал по лестнице вверх, включаясь в боевой режим.

Группа захвата, действующая по приказу какого-то начальника из высшего руководства спецслужб, действовала грамотно, вычислив место появления объекта задержания и устроив там засаду, но она недооценила опыт Руслана, его кондиции и вероятность того, что он будет не один.

Лестница никем не контролировалась вплоть до площадки пятого этажа. Лишь там, у лифта, дежурили двое молодых людей, курившие сигареты «АСТ».

Не останавливаясь ни на мгновение, Руслан выстрелил в одного из них из «кобры», а второго, успевшего развернуться к нему лицом, сбил на пол подсечкой, парализовал руку с пистолетом и ударом колена в подбородок нокаутировал. Замер,

прислушиваясь к звукам, долетавшим на этаж из квартир и с улицы. Прошипел на ухо застывшему истуканом парню, получившему импульс пси-генератора:

— Сядь у окна и отдыхай!

Детина послушно повернулся, сел спиной к стене, откинул голову и расслабился. «Кобра» успешно справлялась со своей задачей полного подавления воли человека.

Появился Маркин с пистолетами в двух руках.

Руслан поднял вверх указательный палец, развернул его к двери в коридорчик с выходящими в него дверями квартир, сделал фигу. Старлей кивнул, спрятал пистолеты под ремень за спиной, шмыгнул в коридор.

Квартира Гаранина не охранялась, хотя это еще ни о чем не говорило. Засада наверняка ждала гостей внутри. Из ее обитой коричневым дерматином двери торчал глазок для контроля коридора. Одетый в обыкновенный летний костюм: серые брюки, клетчатая рубашка, легкая велюровая курточка, — маленький и скромный с виду Маркин больше всего походил на студента из фильма «Операция “ЪГ”» и вряд ли был способен вызвать подозрения у засадников. Он неторопливо подошел к двери квартиры Гаранина и позвонил.

Дверь тут же открылась.

— Вам кого? — спросила выглянувшая из прихожей широкоплечая девица с короткой стрижкой.

— Олега Борисовича, — тонким голоском отозвался Маркин. — Мне надо ему кое-что передать.

— Заходите.

Дверь распахнулась шире. Старлей шагнул вперед, и тотчас же открывшая ему девушка схватила Геннадия за руку и рванула на себя. Однако вряд ли она ожидала того, что произошло в следующее мгновение.

Маркин сам прыгнул к ней навстречу, увеличивая импульс движения, врезался головой в подбородок и одновременно выхватил из-под полы вельветовой безрукавки девицы пистолет. Прятавшийся за дверью еще один участник засады не сразу отреагировал на этот прием, и Маркин схватился с ним в рукопашной, не давая парню возможности применить оружие. А потом в схватку вмешался Руслан, действовавший в режиме скоростного реагирования, который профессионалы боя называли *темпом*.

Третьего члена засадной группы, выглянувшего из гостиной на шум в прихожей, удалось обезвредить с помощью «кобры», и стрельбу открыть он не успел. Руслан ворвался в гостиную, выстрелил в человека у окна, достающего из-под отверстия черной кожаной куртки пистолет-автомат, заглянул в спальню, никого больше не обнаружил и вернулся в гостиную.

Гаранин сидел на стуле, связанный по рукам и ногам, посреди комнаты и угрюмо взирал на происходящее, подрагивая ноздрями. Рот у него был заклеен скотчем, бывший полковник контрразведки не мог говорить и находился в ярости. Руслан быстро разрезал шнур, стягивающий лодыжки и запястья рук Олега Борисовича, тот сам отклеил ленту со рта и сплюнул.

— Вот сволочь!

— Полностью с вами согласен, Олег Борисович, — кивнул Руслан. — Вязал вас профессионал.

— Еще бы, — скривился Гаранин, подходя к мужчине, безвольно застывшему у окна. — Я сам его учил. Знакомьтесь: это и есть тот самый спец, которого я хотел взять с собой. Майор Рудольф Кантемирович Сорокин. Он и привел команду захвата. Неужели его завербовали эти ваши... эмиссары Игрока?

— Вне всяких сомнений. — Руслан покачал головой. — Ну и ну! Это действительно сюрприз! Собирайтесь и уходим, времени у нас кот наплакал.

— Да, ты прав, — заторопился Олег Борисович, почесал затылок, оглядывая своего приятеля-майора, на которого рассчитывал и которого прочил в члены отряда. — Как же мы иногда ошибаемся в людях!.. — Гаранин с уважением глянул на суггестор в руке Кострова. — А неплохо работает эта штука! Нам бы такие...

— У нее маленький радиус действия — до десяти метров. К тому же ее аккумулятор рассчитан всего на полчаса непрерывной работы, потом его надо заряжать. Да и модулирование импульса не автоматическое, тоже требует смены программ.

— Все равно полезная вещь, позволяет обойтись без шума.

Гаранин начал переодеваться и собирать вещи в сумку. Через минуту он был готов.

Руслан вызвал Пашу:

— Что у тебя?

— Пока все тихо, только один жилец зашел, но ощущение пакостное. Надо улепетывать.

У Руслана тоже появилось неприятное чувство приближающейся снежной лавины, что объяснялось изменением обстановки: «датчик» интуиции снова уловил сдвиг тонких полей вокруг.

— Выходим.

Один за другим они выскользнули из квартиры Гаранина, оставляя бесчувственные тела спецназовцев (Маркин обыскал мужчин и обнаружил удостоверение на имя старшего лейтенанта ГУБОПа; засада состояла из сотрудников МВД, как и определил Руслан), спустились на первый этаж, и Маркин с Пашей первыми вышли из подъезда. За ними последовали Олег Борисович, Руслан и Надежда, с трудом сдерживающая нервную дрожь. Подошли к «Мазде» Кострова, держа под контролем всех прохожих и стоящие во дворе автомобиля. Руслан отключил противоугонку, открыл дверцу машины, и в это время во двор с улицы с ревом влетел джип «Шевроле Блейзер» с темными стеклами, напоминающий бронетранспортер. Все остальное произошло в течение нескольких секунд.

Опытные оперативники «Антея» отреагировали на появление джипа мгновенно, не сговариваясь и не спрашивая, что делать.

Руслан толкнул Надежду в кабину «Мазды», нырнул на сиденье водителя и включил двигатель. Гаранин чуть замешкался, сделав два лишних движения: глянул на джип, потом на Кострова, — но успел вскочить в машину, когда Руслан уже трогался с места.

Маркин выстрелил, точно попадая в колесо джипа, затем следующим выстрелом ослепил водителя: пуля из «дротика» попала в бронированное лобовое стекло «Шевроле», не пробила его, но нарисовала пучок трещин. Водитель рванул руль влево, удерживая джип на прямой, когда лопнула шина и его повело в сторону, затем вправо — при ударе пули в стекло, и джип врезался в стоявшую во дворе старенькую «сто одиннадцатую» «Ладу», превратив ее в груды железа.

Пассажиры джипа были, естественно, из того же подразделения, что и парни засады, поэтому выбрались из кабины «Шевроле» в режиме десантирования, однако воевать им было уже не с кем. «Мазда» Руслана миновала шеренгу машин, объехала джип и нырнула в арку, выезжая на улицу. А Гена Мар-

кин с Пашей-летчиком, сделав несколько выстрелов по спецназовцам в камуфляже и уложив их на асфальт, в темпе покинули поле сражения и скрылись в проходе между домами, где оставили свою «Волгу». Спустя минуту после выхода отряда Руслана во двор две машины увозили их по Ленинградскому проспекту по направлению к Кольцевой автодороге.

Однако отцепиться от губоповцев оказалось непросто.

Во-первых, они имели хорошую систему связи и взаимодействия, быстро отрабатывающую изменение ситуации. Во-вторых, на ГУБОП работала и милиция, и ГИБДД, подключаемая по сигналу тревоги. Джип с группой поддержки отстал, зато уже на втором посту дорожной инспекции у развилки Волоколамского и Ленинградского шоссе «Мазду» Руслана пытались остановить инспекторы, пока еще только с помощью полосатых жезлов и свистка.

— Где вы? — включил рацию Руслан, не ответив на жесты инспекторов, свернул на Волоколамку.

— В сотне метров сзади, — ответил Маркин. — За нами хвост: джип с крутыми ребятами и две «лягушки» с мигалками.

— Выйди на волну ГАИ! — быстро сказал Гаранин. — Пока преследователи не опомнились, можно перевернуть ситуацию с ног на голову!

Руслан понял. Олег Борисович предлагал дезориентировать работников ГИБДД, чтобы они не знали, кого именно надо задерживать.

— Гена, дай мне номера джипа!

— У, три двойки, НА.

Руслан передал рацию Гаранину.

— Здесь фиксированные частоты, жмите кнопку, пока не выйдете на диапазон инспекции.

Гаранин пощелкал кнопкой переключений частот, нашел волну ГИБДД и суровым голосом отчеканил:

— Всем постам Северо-Западного округа! Задержать джип «Шевроле Блейзер» с номерами У-222-НА! Пассажиры вооружены! Как поняли?

— Кто говорит? — после короткой паузы прилетел голос дежурного.

— Полковник Гаранин. Машину «Мазда» цвета «серый металл» номер К-227-АТ и «Волгу» С-555-СТ пропускать без остановок!

Олег Борисович выключил рацию, проворчал:

— Надо было раньше догадаться это сделать, хотя, конечно, надежд мало, что финт сработает.

Проскочили развилку на улицу Курчатова. Инспектор у тумбы переключения светофора не обратил на «Мазду» никакого внимания, хотя Руслан гнал под сто тридцать.

Свистнула рация.

Руслан поднес трубку к уху.

— Сворачивайте к Тушинскому аэрополю, — раздался в трубке голос Ромашина. — Я жду вас у ворот.

— Кто? — кивнул на трубку Гаранин. — Отец?

— Комиссар Ромашин. — Руслан перещелкнул диапазон. — Гена, догоняй и делай, как я. У Тушинского аэродрома идем поперек шоссе.

— Понял.

— Держитесь! — Руслан включил фары, вдавил клаксон и с воем рванул через встречную полосу к въезду на Тушинское летное поле прямо перед потоком машин. «Волга» с Пашей за рулем последовала за ним, как приклеенная.

Раздался хор автомобильных сигналов, скрежет тормозов, грохот ударов — несколько машин столкнулось. В боковое крыло «Мазды» врезался какой-то джип, едва не развернув машину беглецов на сто восемьдесят градусов, но все же она протиснулась в щель между автобусом и грузовиком и, помятая, вырвалась из потока перед воротами на Тушинское поле. Почти с таким же успехом это сделала и «Волга» Паши-летчика, получившая вмятину на правой двери.

Игнат Ромашин действительно ждал их возле металлических ворот, держа в одной руке черную сумку. Костюм, который он называл уником, изменил форму и теперь походил на зеленовато-серый армейский комбинезон.

Руслан остановил «Мазду» в метре от него, высунул в окно голову.

— Как вы здесь оказались?

— Потом объясню. — Игнат шевельнул рукой, и над его плечом выросла небольшая турелька с толстым стволом какого-то оружия. Из дула вылетела лиловая молния и, развернувшись в полотнище ослепительного огня, лопнула перед носом джипа «Шевроле», вздумавшего пересечь шоссе. Нос джипа подскочил вверх, и машина перевернулась.

Второе полотнище лилового огня опрокинуло бело-синий «Форд» с мигалкой, принадлежащий инспекции ГИБДД.

— Поехали, — сказал Ромашин будничным тоном, обходя «Мазду» слева, и сел рядом с Гараниным, ошеломленным легкостью, с какой комиссар остановил преследователей.

Руслан кинул взгляд на зеркало заднего вида, отражавшее суматоху на шоссе, и повел машину к воротам. За ним двинулась «Волга» Маркина и Паши.

Ворота открылись, словно Ромашин знал волшебное слово, и закрылись за обеими машинами.

— Направо и вниз, — сказал Игнат. — К последнему вертолету.

Руслан повиновался, направляясь к полю винтокрылых машин. Через минуту они остановились у небольшого вертолета с работающим двигателем. Это был шестиместный «Ка-115» с двумя винтами на одной оси, способный летать со скоростью до трехсот километров в час. Безмолвно вылезли из машин, забрались в кабину вертолета, на месте пилота которого сидел неопределенного возраста круглолицый мужчина в таком же комбинезоне, что был и на Ромашине. Дверцы кабины закрылись. Вертолет поднялся в воздух.

Все смотрели вниз, на сиротливо оставшиеся на поле машины, и молчали. Надежда прерывисто вздохнула. Руслан обнял девушку, прижал к себе, успокаивая, расслабился. Из всех сидящих в вертолете только он да Ромашин понимали, что возврата к прошлому нет. Пути назад были отрезаны, а будущее казалось зыбким и неопределенным, как солнечный блик на воде.

До Башни, возвышающейся над лесами и болотами Брянской губернии, долетели за час. Пилот вел машину низко, над вершинами деревьев, буквально в полуметре, следуя всем изгибам рельефа, и если вертолет искали, то вряд ли локаторы ПВО могли различить его на фоне ландшафта.

— Приготовьтесь, — сказал Ромашин, за все время полета не проронивший ни слова. — Здание хронобура имеет три тамбур-узла для выхода наружу, мы попытаемся воспользоваться верхним, на тридцатом этаже.

— Будем десантироваться прямо из вертолета? — уточнил Гаранин.

— Иного пути нет.

— Если мы замешкаемся хотя бы на пару минут, нас со-
бьют.

— Надеюсь, этого не произойдет.

— А вы как выходили из Башни? Тоже через тридцатый этаж?

— Еще один тамбур находится на втором этаже. Но мне было проще, уник снабжен системой динго-маскировки. Охранники меня просто не заметили, когда я выходил.

Вертолет перескочил через стену с колючей проволокой, окружавшую Криптозону, в течение десяти секунд пересек воздушное пространство до Башни и свечой взмыл в небо, зависнув на высоте ста двадцати метров над землей. Ромашин открыл дверцу салона, вынул из сумки продолговатый предмет длиной с локоть, похожий на коггистую лапу с рукоятью, направил на стену Башни в десяти метрах. Стена внезапно дала трещину, которая зигзагом побежала дальше, замкнулась в многоугольник с неравными сторонами. Этот многоугольник налился розовым сиянием и стал таять, испаряться, образуя уходящий в стену тоннель.

Ромашин пробежался пальцами по рукояти необычного инструмента, укрепил его на полу кабины, самый длинный коготь «лапы» вдруг выстрелил в глубину тоннеля, потащив за собой тонкую белесую нить, вцепился в пол. Затем еще один коготь сорвался с «лапы» инструмента, вонзился в пол тоннеля рядом с первым, за ним второй и третий. Из нитей, соединявших ствол инструмента с когтями в тоннеле, выросли тонкие ворсинки, образуя нечто вроде светящейся паутиной дорожки. Ромашин без колебаний ступил на эту хрупкую с виду дорожку, сделал два шага и оглянулся, протягивая руку.

— Я и девушка пойдем первыми, остальные — за нами.

Надежда нерешительно посмотрела на Руслана. Тот мягко подтолкнул ее к проему двери.

— Не бойся, все будет хорошо. Я пойду сзади.

Надя вцепилась в руку Ромашина, и они засеменяли по странной лучистой дорожке к проходу в Башню. Вертолет стоял в воздухе как вкопанный, подчиняясь мастерству пилота. Что будет с ним, останется ли он в вертолете или последует за беглецами, Ромашин не сказал.

— Вперед! — махнул рукой Руслан.

Гена Маркин, Олег Борисович и Паша быстро перебежали по «струнам» дорожки в пещеру входа. Вертолет вздрогнул.

Снизу донеслись частые хлопки и треск: охрана Башни, опомнившись, открыла по нарушителям огонь.

Руслан заглянул в кабину.

— Вы с нами?

— Уходите, — повернул к нему голову пилот, — я не успею.

Вертолет снова вздрогнул, качнулся.

— Уходите!

Руслан беззвучно выругался и бросился к выходу из кабины, ступил на струны дорожки. Одна из пуль попала в струны снизу, и они засияли сильнее. Руслан перебежал пропасть по этому зыбкому и хрупкому на вид мостику, его подхватили чьи-то сильные руки, он оглянулся и увидел в проеме дверцы вертолета бровей Мимо. Бродяга по мирам Ветвей подмигнул ему, поднял сжатый кулак большим пальцем вверх, как бы одобряя происходящее, и в тот же момент вертолет отвалил в сторону, косо пошел вверх, но тут же задымил и рухнул на лес. Раздался взрыв, внизу вспух клуб пламени и столб дыма. Тихо вскрикнула Надя. Мужчины молча смотрели на горящие обломки вертолета, прощаясь с погибшим пилотом и со всем своим прошлым одновременно.

— Идемте, — окликнул их Ромашин и добавил, понимая чувства спутников: — Это был витс.

— Кто? — не понял Гаранин.

— Нечто вроде робота, — вспомнил Руслан рассказы отца, продолжая смотреть вниз, на подножие Башни.

Ромашин подошел к нему, заглянул в лицо.

— Что-нибудь не так?

— Мне показалось...

— Бровей?

— Так вы тоже его видели?!

— Он провожал нас. Это хороший знак. Видимо, наш отряд действительно кое-что собой представляет — в потенциале, конечно, — если на нас делают ставку.

— Я не понял, о ком вы говорите, — проворчал Олег Борисович, — но, на мой взгляд, мы слишком легко отделались. Почему нас пропустили к Башне почти беспрепятственно?

— Потому что контроль за Игрой на уровне пешек, если брать шахматные термины, ведется слабый. Простите меня за сравнение, но мы пока пешки. Вот когда мы образуем более

серьезную фигуру, тогда за нас возьмутся всерьез. Но давайте поторопимся, тамбур вот-вот закроется.

Руслан посмотрел на девушку.

— Боишься?

— Боюсь!

— Будет еще страшней, выдержишь?

— С тобой — да!

— Тогда в путь.

Отряд двинулся по темному тоннелю в глубь стены Башни. Сзади загудело — это закрылся проход в тамбур-зону. Впереди вспыхнул свет. Все невольно замедлили шаг, даже Ромашин, знавший, что их ждет. А Руслана вдруг охватило чувство распаивающейся под ногами бездны.

В лицо подул ветер тайны, сердце сжалось от предчувствия удивительных событий и встреч, и он понял, что *настоящая* жизнь еще впереди.

Часть III ЧЕЙ ПРОМЫСЕЛ

Глава I

Они стояли на лысой вершине холма, где их высадил трансгресс, и разглядывали пейзаж, удивительно напоминающий пейзажи России с ее лесами, равнинами, лугами и реками. Вокруг холма росли красивейшие леса, изредка расступавшиеся под натиском болот или рек. Ни одно искусственное сооружение не пробивалось из-под темно-зеленой «шкур» леса, ни один дымок не появлялся на этом фоне, и ни один летательный аппарат не прочерчивал в густо-синем небе инверсионного следа. Человеческая цивилизация на планете Гезем — копии Земли в этой Ветви — после Разрыва Бытия, как тут называли катастрофу, связанную с выходом хронобура, так и не смогла подняться до прежнего уровня.

Человеческие племена сохранились, поддерживая едва теплившийся огонек разума на планете, и в будущем могли объединиться в единое сообщество, носящее статус цивилизации, однако и спустя двадцать пять лет после выхода из Ствола отряда Жданова и ухода Ясены, матери Ивора, с Гезема на Землю Павла, в этом мире практически ничего не изменилось. Во всяком случае, по первому впечатлению, возникшему у беглецов с Земли, прибывших на родину их матерей.

Впрочем, это впечатление не обмануло их и подтвердилось впоследствии. В данный же момент молодых людей больше волновало другое — наличие хотя бы одного аборигена, который мог бы подсказать, где, в какой стороне следует искать племя россинов, в котором родилась Ясена и жил мудрый волхв Род. Только он мог дать Ивору и Мириам лонг-меч, как тут называли дриммер, или посоветовать, где его искать.

— Вот он, смотри! — воскликнула Мириам, вытягивая вперед руку.

Но Ивор и сам уже увидел на севере едва видимую на горизонте тонкую былинку, проколовшую небо. Это был Ствол.

— Нам надо идти туда, — сказала Мириам. — Племя твоей и моей мамы селилось недалеко от Ствола.

— Отсюда до Ствола не меньше тридцати километров. Если бы у нас были антигравы...

— Их у нас нет, поэтому придется идти пешком.

— Я пить хочу, — признался Ивор. — В горле пересохло.

— Спустимся и найдем ручей или реку. Только сначала попробуй просканировать окрестности своим сверхчувственным «локатором» и определить, где нас ждет опасность.

Ивор послушно закрыл глаза, настроился на *тишину* и погрузился в не слышимые человеческим ухом звуки и не видимые глазом поля. Тело растворилось в странном призрачном облаке, голова превратилась в огромный расширяющийся шар, пронизанный миллионами лучиков и ниточек света. Ивор вдруг ощутил себя одной из клеток гигантского живого организма под названием Лес и почувствовал все его шевеления, вздрагивания, вздохи, шумы, разговоры мириад существ, живущих в нем, все устремления, желания и мечты.

Озарение длилось недолго, словно сверкнула молния, высветила все мельчайшие детали мира и погасла, но Ивор успел ощутить всю его сложность и красоту, испытать восторг и сожаление, что прикосновение к бескрайней системе иной жизни, чем-то очень знакомой и близкой, закончилось.

— Ты права, — сказал он, отвечая на немой вопрос в глазах спутницы. — Ближайшее селение располагается в двадцати километрах отсюда, недалеко от Ствола. На мой взгляд, оно небольшое, человек на двести. Животных в лесу много, но почти все не опасны. Зато километрах в десяти живут какие-то интересные существа. Очень большие и умные. Вот они — опасны!

— Может быть, это медвяны? Мама тебе не рассказывала о популяции разумных медведей?

— Рассказывала, разумеется, однако медвяны это или нет, я не знаю. Лучше бы их обойти.

— Ничего, отобьемся, если кто-нибудь рискнет на нас напасть. У меня с собой «универсал». Да и ты начал понемножку вспоминать приемы воздействия на реальность.

Ивор промолчал. Не то чтобы он не верил в свои возможности, но говорить о них было рано. Да и признаваться не хо-

телось, что он разговаривает сам с собой, как с чужим человеком, опытным и знающим жизнь. Хотя опыт этот, вероятнее всего, принадлежал не самому Ивору, а всей родовой линии предков.

Они спустились с холма в лес, нашли ручей, умылись, напились, и Мириам первой направилась в ту сторону, где на горизонте росла былинка Ствола, скрытая теперь от взора лесной стеной.

Первые пять километров дались им легко. Увлеченные созерцанием местной природы и выделением из лесных шумов знакомых звуков, путешественники не заметили, как пролетели полтора часа. Деревья в лесу росли почти такие же, что и на Земле: сосны, ели, березы, дубы и лиственницы, хотя встречались и незнакомые разновидности, например, бамбук с черным стволом, хвощевидная трава высотой в рост человека или растения, напоминающие гигантский подсолнечник с канделябровидной верхушкой.

Попадали и звери, в основном мелкие грызуны, белки-летяги, сопровождавшие путешественников долгое время, какие-то буро-желтые и длинные зверьки, напоминающие собак и хорьков одновременно, а также змеежи — колючая помесь ежа и змеи, лягушары — огромные лягушки с почти человеческими головами и печальными глазами утопленниц, и стукалы — нечто среднее между дятлом и сусликом. Но Ивор чувствовал, что за ними наблюдают и более крупные животные, не привыкшие торопиться и оценивающие степень опасности непрошенных гостей.

Мама говорила, что на Геземе водились кролани — кролико-олени с трехлистниковыми рогами, болотамы — бегемоты с крокодилей пастью, живущие в болотах, и тигриды — хищники, от которых убегали даже слоновидные хищные черепахи размером с грузовой драккар. К счастью, в лесах Срединного пояса Россинии эти твари не водились.

Птиц в лесу оказалось множество, и от их трелей звенело в ушах. Все они имели крылья, клювы и лапы, так что ничем не отличались от земных, не считая расцветки. Впрочем, здешняя малиновка практически была идентична земной, сорока тоже, как и длинноногий кулик, а вот вороны здесь были иссиня-фиолетового цвета с красными носами и красными лапами и не каркали, а буквально завывали, как злые

духи. Ивор вспомнил, что соплеменники мамы называли этих птиц каянницами.

Температура воздуха в лесу не превышала восемнадцати градусов, хотя уники на землянах могли регулировать внутренний температурно-влажностный обмен и выдерживали как мороз до пятидесяти градусов по Цельсию, так и жару до шестидесяти. Судя по пышной зелени и разнообразию трав и цветов, прибыли путешественники на Гезем — с учетом места высадки — в разгар весны. Дышалось здесь легко (кислорода в здешнем воздухе было чуть больше, чем на Земле), а от запахов кружилась голова. Особенно сильным был запах меда, собирали который на буйно цветущих лугах гигантские пчелы с палец величиной. Укус такой пчелы наверняка был болезненным, если не смертельным, и Мириам с опаской обходила стороной скопления цветов с жужжащей тучей пчел.

А спустя два часа с начала похода к Стволу земляне неожиданно столкнулись с медвянами.

Перейдя вброд очередной ручей с кристально чистой водой, они взобрались на обрыв, протиснулись сквозь могучие заросли хвощей и крапивы и оказались на очередном лугу, в центре которого возвышались странные круглые домики, сплетенные из прутьев и укрепленные на вершинах высоких столбов. Ивор и Мириам не сразу поняли, что это своеобразные ульи. Но остановились они по другой причине.

В полусотне метров от них у одного из ульев копались в огромной повозке, накрытой колпаком из плетеных прутьев, две могучие косматые фигуры с медвежье-человеческими лицами, одетые в блестящие зеленоватые фартуки. Их шеи были повязаны шарфами, а лапы к плечам обнимали не то браслеты, не то бликующие серебряным шитьем повязки.

— Медвяны! — охнула Мириам.

Существа, заросшие буро-коричневой шерстью, перестали возиться в повозке и уставились на землян светящимися желтыми глазами, в которых отражались ум и любопытство.

Пауза длилась минуту. Потом Ивор сделал шаг вперед и сказал, протягивая вперед руки ладонями вверх:

— Мы пришли с миром и приветствуем хозяев этой земли. Давайте поговорим?

Разумные медведи переглянулись (Ивор не услышал, а почувствовал их ментальный обмен), снова уставились на моло-

дых людей, и на тех вдруг вылилась волна необычных ощущений, переходящих друг в друга, соединяющихся, сплетающихся, создающих удивительный эффект интеграции различных и даже противоположных эмоций: стеснение, сомнение, жажда понять и осмыслить, печаль и радость, страх и отвага, угроза и приветствие. Затем один из медвян поднял лапу над головой и сделал приглашающий жест.

Ивор и Мириам переглянулись.

— Они нас не боятся?

— Это их мир, они в нем хозяева, чего им бояться. Попробуем поговорить, найти общие интересы, может быть, и подружиться.

Они направились к медвянам, разгребая травы, как воду. Остановились в нескольких шагах, вдруг увидев запряженного в повозку зверя, похожего на волка и крокодила одновременно. Медвян, подзававший путешественников, обнажил зубы. Вероятно, это означало улыбку. Ивор улыбнулся в ответ.

— Мы пришли оттуда. — Он указал на небо. — Меня зовут Ивор, ее — Мириам.

Медвян посмотрел на спутницу Жданова, снова показал зубы и медленно, с трудом проговорил:

— М-мы-р-ри-а-амм...

Затем поднял огромную когтистую, но с плоской и голой ладонью лапу, показал на небо, на Ивора со спутницей и сделал отрицательный жест.

— Н-них-х-х... г-хо-р-ра... у-у-у... — Медведь вытянул лапу в ту сторону, где располагался еще невидимый за деревьями Ствол.

Ивор понял, что медвяны *знают*, откуда на самом деле прибыли люди. Ствол здесь представлял собой врата в иные миры, откуда на Гезем изредка высаживались десанты диковинных существ.

— Правильно, — кивнул молодой человек, — мы пришли из далекого мира, куда нельзя добраться даже на космолете. Помогите, мы ищем таких же людей, как и мы. — Он указал на Мириам и себя.

Медвяны посмотрели друг на друга, уставились на Ивора. Тот, кто беседовал с людьми, нерешительно показал на Мириам.

— У-у-у... ма-а?

— Попробуй повторить, что ты сказал, — предложила девушка, — и одновременно продублируй то же самое мысленно. Похоже, они общаются в пси-диапазоне.

Ивор повиновался, четко представив племя родичей мамы, их дома и Ствол неподалеку.

— Гух-ух! — рявкнул медвян, не сводя глаз с лица Ивора. — Ч-ччевекки ф-ф с-с-торрона-а... — Он снова вытянул лапу в направлении на Ствол. При этом Ивору показалось, что он вполне понимает разумного медведя, указавшего, где надо искать людей. Судя по интонации речи, медвян относился к ним вполне доброжелательно.

— Р-р-рак-м-ма, — произнес вдруг второй медвян более высоким и мягким голосом.

Морда у этого медведя была покруглей и понежней, чем у первого, да и фартук облегал фигуру по-иному, и путешественники поняли, что это самка.

Ее напарник, а возможно, и хозяин или муж, что-то прорычал, она влезла по пояс под крышу повозки и вытащила самую настоящую деревянную кружку с крышечкой, затем засеменила к Ивору и протянула ему.

— Спасибо, не надо, — застеснялся Ивор, но Мириам быстро проговорила:

— Бери, это мед! — И он взял.

В кружке, вмещавшей около двух литров, действительно оказался мед. Он был ярко-оранжевый и прозрачный и источал такой упоительный специфичный цветочный запах, что у Ивора потекли слюнки. Не удержавшись, он макнул палец в мед и облизал, прислушиваясь к ощущениям. Но этот мед почти ничем не отличался от пчелиного меда на Земле, разве что был менее густым и тягучим, и его хотелось пить как воду.

— Дай мне, — попросила Мириам.

Ивор протянул ей кружку. Девушка попробовала мед пальчиком, потом сделала несколько глотков и сказала, зажмурившись от удовольствия:

— Кайф!

Медвяны заворчали, скаля зубы, размахивая лапами. Они поняли, что их продукт понравился пришельцам. Самка снова было сунулась в повозку за медом, но Ивор ее остановил, сделав отрицательный жест:

— Спасибо, мы больше не унесем. Если еще свидимся, в долгу не останемся.

— Пусть вам живется легко, — добавила Мириам.

Медвяны, конечно, не поняли их языка, но общий благодарный и дружелюбный тон восприняли и закивали тяжелыми головами, ворча на своем рыкающем языке ответные слова удовлетворения и доброжелательности. Помахав им руками, земляне снова двинулись в путь, пересекли луг и оглянулись. Но медвян с их повозкой уже не было видно. Над морем травы торчали только столбы с ульями, окруженные тучей пчел.

— Нет, все-таки хорошо, что мы направились именно сюда, — сказала Мириам. — Здесь хорошо. Я чувствую себя как дома. А ты?

— Я тоже, — кивнул Ивор, чувствуя жажду. — Не хочешь пить?

— Хочу. Это, наверное, действие меда сказывается. Я бы не прочь и искупаться.

— Река недалеко, я чувствую влагу. И еще что-то....

— Что?

— Не знаю. Ощущение странное, будто впереди лежит нечто большое, чужое и холодное... и опасное!..

Мириам перестала блаженно потягиваться, нахмурилась, вырастила из уника на плече турель и вставила в нее «универсал».

— Не хватало нам только нарваться на выживших «санитаров».

— Медвяны нас предупредили бы.

— Все равно я пойду первой.

Ивор пожал плечами и возражать не стал.

Через полчаса они действительно вышли на берег неширокой спокойной реки и увидели на противоположном, более низком берегу наполовину утонувшую в земле черно-фиолетовую тушу чудовища длиной в добрых полсотни метров и высотой в четыре человеческих роста. Оно напоминало механического «кентавра», упавшего на передние ноги и умершего в таком положении. Конечно, механизм имел еще множество деталей, выступов и отверстий, но обводы корпуса и копыта все же превращали его в «кентавра». Правда, вместо головы на «мускулистом» человеческом торсе выросла членистая рога длиной около шести метров, покрытый сизо-серой окалиной, а

весь корпус монстра лоснился фиолетово-черным «воронением» металла.

— Вот это зверюга! — вполголоса заметила Мириам, готовая выстрелить в любой момент при малейшем движении кентавра. — Ты знаешь, что это такое?

— Похоже, это «лошадь» «хронорыщаря», — пробормотал Ивор. — Отец не раз встречал этих странных существ. Вполне возможно, где-то здесь лежит и всадник.

— Насколько я помню материально-техническое оснащение участников Игры, подобные «кентавры» представляли собой автономные энергосистемы «хронорыщарей».

— Представляли, ну и что? ...

— Мы не сможем воспользоваться такой энергосистемой? Ивор с любопытством посмотрел на спутницу.

— Как ты собираешься ею воспользоваться?

— Еще не знаю, но вдруг придется спасаться от каких-нибудь «санитаров» или «хронохирургов».

— «Санитары» и «хронохирурги» участвовали в прошлой Игре, в нынешней задействованы другие Игроки, с другими возможностями. У них должны быть свои оруженосцы и помощники.

— Не важно, как они будут называться, но я уверена, что в скором времени мы столкнемся с ними. И если нам не удастся добыть дриммер.....

— Ты же уверяла, что он здесь есть!

— Он был у Рода, волхва племени, где родились наши матери, это я знаю точно. Однако прошло уже много лет, и жив ли Род, не известно.

— Понятно, — пробормотал разочарованный Ивор. — Я думал, мы придем и возьмем....

— Есть такая древняя пословица: «Без труда не выгонишь рыбку из пруда». Надо не ждать подарков, а приложить определенные усилия, чтобы достичь цели. Тогда и душа возрадуется.

Ивор промолчал.

Они переплыли реку и обошли чудовищную «лошадь» «хронорыщаря» кругом, разглядывая детали корпуса. Ивор попытался рассмотреть нечто вроде люка на боку крупы механического кентавра, и ему показалось, что внутри него шевельнулось что-то тяжелое и теплое, как будто вздрогнуло сердце исполина. Молодой человек понял, что «кентавр» еще жив или

по крайней мере имеет запас энергии, и его системы в состоянии работать.

— Что ты увидел? — насторожилась Мириам.

Ивор очнулся.

— Он не мертв, просто спит! Или выключен и законсервирован. Возможно, его действительно удастся разбудить, хотя я пока не знаю — как. Да и заставить подчиняться — тоже задача....

Девушка засмеялась.

— Мне нравится твоя обстоятельность. Я только помечтала о возможности покататься на такой «лошади», а ты уже начал искать способы управления. Но было бы здорово заставить это чудище повиноваться. Представляешь, мы заявляемся домой на таком «кентавре»! — Она фыркнула. — Хотела бы я увидеть рожу Полуянова!

Ивор улыбнулся.

— Всегда приятно прийти туда, где тебя не ждут. Пошли, а то солнце садится.

«Кентавр» скрылся за деревьями. Молодые люди снова углубились в лесную чащобу и через час остро пожалели, что у них нет антигравов. Пробираться сквозь густые заросли неухоженного, полного поваленных деревьев, заросшего кустарником и травой леса было нелегко, и не привыкшие к такой ходьбе земляне вскоре устали. Мириам упорно шла вперед, протискиваясь между сучьями елей и сосен, обходя или переползая через метрового диаметра стволы, раздвигая руками стебли метельчатой жгучей травы, похожей на крапиву. Однако стоило Ивору предложить отдых, как она тут же согласилась.

— Пожалуй, к вечеру мы таким темпом к деревне не подойдем, — сказала она, разглядывая старый трещиноватый пень. — По таким лесам я никогда не ходила.

— Потому что у нас на Земле таких и нет, — отозвался Ивор, присев на корточки. — Перекусить бы чего-нибудь.

— К сожалению, у меня с собой ничего нет. Могу подстрелить какую-нибудь зверюшку, разожжем костер и поджарим. Меда хочешь?

— От него пить хочется.

— Это точно. Кстати, посмотри на этот пень.

Ивор повернул голову.

— Вижу.

— Здесь росло дерево.

— Ну и что?

— И его *срубили!* Пень сам по себе не делается.

Ивор встал, оглядел пень со следами топора, хмыкнул.

— Действительно, кто-то срубил сосну.

— Дело не в сосне, а в том, что сквозь такие буреломы далеко ствол не уволокешь. Деревня где-то рядом. Напрягись, посмотри своим третьим глазом.

Ивор вздохнул, преодолевая усталость и лень, выпрямился, закрыл глаза и совершенно без усилий вошел в состояние *внутреннего* резонанса. И сразу же горизонт раздвинулся, стволы деревьев стали бесплотными и прозрачными, Ивор увидел сквозь них холмистую равнину, реки и ручьи, Ствол в десятке километров от этого места, похожий на угрюмую конусовидную скалу с двуглавой вершиной, и всего в километре обнаружил поселок людей из полусотни деревянных изб. Показалось, что поселок этот не жилой, в нем не было движения, но обрадованный Ивор поспешил выйти из сферы озарения и сообщил наблюдавшей за ним Мириам:

— Тут недалеко, в километре, деревня.

— Я же говорила, — обрадовалась девушка. — Теперь мы и отдохнем, и в баньку ходим, и поужинаем. На одном меду далеко не уедешь.

Они снова пустились в дорогу, подстегиваемые желанием встретиться с родными бабушками и дедами, отдохнуть, поговорить о жизни и расслабиться. О встрече с волхвом особенно не думали, само собой разумелось, что это произойдет обязательно.

Вскоре деревья поредели, путешественники наткнулись на хорошо утопанную, хотя и поросшую травой тропинку и вышли к деревне, удивляясь тишине и отсутствию движения.

Деревня была пуста. Судя по заброшенности огородов и обветшалости строений, она была брошена давно, не менее двух десятков лет назад. Точнее, не брошена, а оставлена. Нигде не было видно мусора, разбитой посуды, на улицах и во дворах не валялись вещи или трупы и кости животных.

Ивор и Мириам зашли в один дом, другой, третий и везде видели аккуратно застеленные кровати (все они ориентировались строго в меридиональном направлении: соплеменники Ясены и Ярины спали головой на север), убранные комнаты,

чистые горницы и кухни (если не считать слоя пыли). Люди явно покидали селение без спешки и паники. Но почему-то не вернулись.

— Да, дела-а... — почесал в затылке Ивор. — Неужели медвяны нас обманули? Направили в брошенную деревню?

— Не думаю, — нахмурилась Мириам. — Они просто-душны и вряд ли знают, что такое ложь и обман. Мы, наверное, сами забрели не туда. Вокруг Ствола не одно только наше племя поселилось, были и другие. Можешь еще раз выйти в эфир и посмотреть на этот район сверху?

— Попробую, — пожал плечами Ивор и вдруг насторожился. Показалось, на спину легла чья-то пугливая холодная рука. Включив «третий глаз», он уловил движение в одном из брошенных домов в конце улицы и вытянул вперед руку:

— Там кто-то есть!

Реакция Мириам была мгновенной. Она прыгнула к Ивору, дернула его на себя за руку и выстрелила из «универсала». Они упали на землю, и это спасло жизнь обоим. Пуля, выпущенная из какого-то допотопного карабина или ружья, пролетела над ними, вонзилась в стену избы неподалеку и пробила в ней дыру величиной с кулак.

Но и выстрел Мириам не достиг цели, разве что напугал неведомого стрелка. Тот выстрелил еще раз и затаился.

— Эй, кто вы там, не стреляйте! — крикнула девушка. — Мы мирные люди и никому не желаем зла.

Тишина в ответ.

Затем шевельнулась дверь хаты в сотне метров от лежащих землян, и на пороге появилась тоненькая фигурка в охотничьей парке, сапожках и кожаных штанах с бахромой, с огромным ружьем в руках. Это мог быть кто угодно — старик-охотник, юноша или невысокий мужчина с волосами, собранными в косу на затылке, но Ивор вдруг понял, что перед ним девушка.

Глава 2

Ее звали Яная, и она оказалась дальней родственницей обоих пришельцев с Земли. Колдун Кослвила, отец Ясены, матери Ивора, был дядей Янаи, а ее мать была троюродной сестрой Ярины, матери Мириам.

Все эти подробности земляне выяснили, беседа с аборигенкой в саду возле того самого дома, из которого стреляла Яная. По сути, это был дом ее родичей, и пришла она в брошенную деревню за кое-какой утварью, что случайно совпало с появлением землян.

— Зачем же ты стреляла? — удивилась Мириам, с интересом приглядываясь к наряду юной россинки.

— Страшно же! — ответила Яная простодушно. — Уже два сезона наши охотники стерегут Проклятую Гору Богов, ждут выхода опасных тварей. Я подумала, что эти твари прошли сквозь оцепление, и сильно испугалась.

Ивор и Мириам переглянулись.

Говорила россинка на удивительной смеси русского, украинского, польского, индийского и немецкого языков, но понять ее можно было даже при отсутствии лингвора.

— Что она имеет в виду под Проклятой Горой Богов? — спросил Ивор.

— Ствол, естественно. — Мириам посмотрела на Янаю, прижимавшую к груди уродливой формы ружье с длинным ребристым дулом. — Что за тварей вы ждете из Горы?

— Вождь приказал убивать всех, кто выходит из Горы, даже если они похожи на людей.

— Зачем?

— Я не знаю. — Юная россинка порозовела. — Маmia говорила, что к вождю приходили чужие, все черные, в таких же костюмах, что и на вас, и после этого он сделался костяным.

— Каким?!

— Ну, он как снулая рыба, ни на кого не смотрит, ничего не делает, только кричит и людей бьет.

— Да-а! — покачала головой Мириам. — Это явное кодирование, ты не находишь? — Она посмотрела на Ивора. — Тебе не кажется, что кто-то нас опередил и заставил вождя не выпускать из Ствола никого? То есть нас.

— Может быть, — согласился Ивор. — Слуги здешнего эмиссара, если это не сам вождь, ждали, что мы выйдем из Ствола. Интересно, если мы заявимся в деревню, что нас ждет?

— Теплый прием, — фыркнула Мириам. — Даже горячий. Если бы нам удалось встретиться с Родом или в крайнем случае с дедом Кослвиллой... Яная, старый волхв Род жив?

— У нас нет такого, — с сожалением покачала головой россинка. — Ходит легенда, что много сезонов назад, почти в два раза больше, чем мне, могучий волхв Род ушел в Проклятую Гору Богов и не вернулся.

Ивор и Мириам снова обменялись взглядами.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — задумчиво проговорила девушка. — Похоже, помощи мы не дождемся. Во всяком случае, дриммера нам не видать. А я так надеялась, что мы его здесь получим!

— Ничего, еще не все потеряно. Отец говорил, что Род нашел в Стволе целый склад дриммеров. Возможно, они спокойно лежат где-то и ждут нас. Надо идти в Ствол.

— Но прежде все же не мешало бы расспросить родичей, того же Кослвилу, он колдун и может что-то знать.

— Деда Кослвилу забрали с собой лихие люди, — тихо сказала Яная. — Он тоже ходил в Проклятую Гору Богов и рассказывал чудеса. Три сезона назад за ним пришли черные люди в рыбьих костюмах и увели. С тех пор его никто не видел.

— Оперативно работают, — пробормотал Ивор.

— Кто? — не поняла Мириам.

— «Санитарь», кто же еще. Вернее, агенты нового Игрока. Не допускают ни малейшей утечки информации. Ну, что, ты настаиваешь на походе в деревню?

Мириам прошлась по траве, сбивая рукой метелки.

— И тем не менее я хотела бы встретиться с родственниками... ведь они даже не знают, что у их соплеменницы есть дочь.

— Тогда пошли, Яная нас проводит.

— Вам нельзя идти в деревню, — с виноватым видом покачала головой россинка. — Вождь будет сильно гневаться и кричать.

— Ну, мы его криков не боимся.

— Ты забываешь, что он может отыграться на Янае. Нам он, может быть, и не сделает ничего, но ей испортит жизнь наверняка.

— Что ты предлагаешь?

— Идти в Ствол. Там мы установим контакт со Стасом и попросим его направить нас в Ветвь, где застрял отец.

Мириам подумала немного и согласилась.

— Наверное, это оптимальный вариант в нынешних условиях. Яная, как нам обойти ваших охотников? Они все вооружены такими пищалами?

— Нет, у меня очень старое ружье, — застеснялась россинка. — Его еще мой прадед из Индиконии привез. У охотников метрополийские винтовки с буркалами.

— С чем? — удивилась Мириам.

Яная покраснела.

— Это такие стеклянные штуки для прицеливания.

— Оптические прицелы. — Мириам дотронулась до ружья в руках россинки. — У твоего ружья действительно такого нет. Интересно, а боеприпасы к ружьям где вы достаете? Тоже покупаете?

— Раньше покупали в метрополии, обменивали на шкуры зверей, мясо и мед, а теперь сами делаем. В деревне свою кузню поставили, там волхвы и кузнецы работают. А у тебя на плече тоже ружье?

— Можно сказать и так. Только оно бесшумное и стреляет разными пулями.

— У тех черных чужаков, что приходили к вождю, тоже такие ружья были.

Ивор, почти не принимавший участия в разговоре, почувствовал беспокойство, прислушался к своим ощущениям и пробормотал:

— Пора уходить отсюда. Что-то изменилось вокруг, изменилось в плохую сторону...

— Что ты чувствуешь? — быстро спросила Мириам.

— Странное чувство... будто подул холодный ветер и нас осветил невидимый прожектор...

— Это поток внимания. Возможно, вслед за нами здесь появились плохие парни с хомодетекторами и биопеленгаторами и начали нас искать. Яная, не побоишься отвести нас к Проклятой Горе Богов?

— Не побоюсь, — храбро вскинула голову россинка. — Лишь бы наши охотники пропустили.

— С ними мы уж как-нибудь договоримся. Ты ведь нам поверила? И они поверят. Кстати, а почему ты нам поверила?

— Мед, — показала Яная на деревянную кружку в руке Ивора. — Медвяны подарили вам глечик с медом, а они дружат только с добрыми людьми.

— Что ж, спасибо им.

Они выступили в поход: впереди — Яная со своим тяжелым «пулестрелом», за ней — Ивор, последняя — Мириам. Пересекли деревню, углубились в заросли леса по дороге, ведущей на север. Дорога была на удивление ровная, будто укатанная грейдером, и трава на ней не росла, хотя не ходили и не ездили по этой дороге уже давно. По словам Янаи, жители оставили деревню после того, как в ней поселился злой дух, пугающий домашних животных. Волхвам выгнать его не удалось, и вождь принял решение переселиться подальше от Проклятой Горы Богов. А чтобы дух не преследовал племя, россины оставили не только дома, но и все свои вещи.

— Теперь-то уж можно понемногу забирать кое-какие предметы обихода, — добавила Яная, — дух давно ушел отсюда, это волхв Кирик проверил, но люди все равно боятся сюда ходить.

— А ты?

— А я не боюсь!

— Как ты думаешь, что это за дух у них поселился? — спросила Мириам Ивора. — Уж не видеокамеру ли скрытую установили в деревне агенты здешнего эмиссара? Для наблюдения за всеми жителями и гостями?

— Вполне, — согласился Жданов. — Чьего-то появления они очень боялись, вот и приняли превентивные меры.

— Поищем?

— Некогда.

— Наверняка они ждали нас, — сказала Мириам с великолепной уверенностью. — Бровей назвал тебя оператором не зря, это соответствует действительности. Нам повезло, что трансгресс высадил нас далеко от Ствола.

— Сможем ли мы пробиться к нему с одним «универсалом» — вот вопрос, — проворчал Ивор, стараясь не отстать от гибкой фигурки проводницы, скользящей между деревьями; с дороги они уже свернули и шли теперь по лесу.

— Что-нибудь придумаем, — пообещала Мириам с той же категоричной уверенностью. — Положись на меня.

Благодаря знанию местности и чутью Янаи три с лишним километра они двигались с хорошей скоростью, обходя болотца и буреломы, переправляясь через попадавшиеся ручьи по перекинутым через них бревнам. Затем Ивор снова почувство-

вал знакомое дыхание «холодного ветра» и усилием воли перешел в состояние мгновенного подсознательного ответа на изменение обстановки.

Он увидел пульсирующую светящуюся сеть, пронизывающую пространство леса и соединяющую более яркие лучистые облачка. Эти облачка представляли собой ауры живых существ, населяющих лес. Большинство из них светилось «мирным» зеленовато-желтым светом, но встречались и «опасные» тона — багровые, угрюмо-коричневые и особенно агрессивные — фиолетовые. Два таких фиолетовых пятна ждали путешественников буквально в полусотне метров впереди.

— Стойте! — шепотом крикнул Ивор. — Там кто-то есть! Близко!

Яная замерла, прислушиваясь к лесной тишине. Оглянулась на спутников.

— Ждите меня здесь! Это наверняка наши охотники. Я поговорю с ними, и они вас пропустят.

— Почему ты в этом уверена?

Россинка улыбнулась — смущенно и гордо.

— Я дочь ведича, он командует охотниками. Они почти все хотят взять меня в жены.

Девушка исчезла в зарослях кустарника.

Мириам посмотрела на Ивора оценивающе.

— А ты бы не хотел на ней жениться? Все глаза проглядел!

— Красивая девочка, — отозвался Ивор с рассеянным видом, с удовольствием отмечая изменение ее настроения. — К сожалению, я не охотник, а квестор. Едва ли у них тут ценится способность разбираться в квантовой истории.

— Ах так, значит, к сожалению! — угрожающе проговорила Мириам. — А если бы не это обстоятельство, ты бы остался? Могу посодействовать.

Ивор улыбнулся.

— Я пошутил. Она, конечно, достойна любви и обожания, но мое сердце уже занято.

— Кем же, если не секрет?

— Квесторией, — серьезно сказал Ивор.

Мириам сдвинула брови, но рассердиться не успела.

Послышался легкий треск ветвей, шелест, чьи-то голоса, и к замершим землянам выбежали россины — два парня в охот-

ничьих кафтанах, с винтовками в руках, и Яная. Винтовки у них действительно имели устройства для прицеливания, но было видно, что оружие далеко от совершенства и сделано не на заводах, а в кустарных мастерских. «Впрочем, от этого оно не стало менее опасным», — мимолетно подумал Ивор.

Россины направили стволы своих «пищалей» на землян, Мириам в ответ развернула ствол «универсала» в их сторону. Она могла бы перестрелять охотников в любой миг, но воевать не пришлось. Яная что-то сердито крикнула, и парни опустили винтовки.

— Вам нельзя идти к Проклятой Горе Богов, — сказала россинка. — Кари и Юлиан видели, что из нее выползли злые черепахи с усами и теперь рыскают вокруг.

— Этими усами они срезают деревья, — добавил один из молодых россинов, с голубыми глазами и пушком над губой. — Теперь там широкая полоса лесоповала.

— Вот дьявол! — с досадой проговорила Мириам. — Похоже, нас во что бы то ни стало решили не пускать в Ствол. Может быть, ты еще раз попробуешь позвать бровея Мимо? Пусть вызовет трансгресс.

Ивор покачал головой.

— Мы должны идти дальше без посторонней помощи. Иначе какой я оператор?

— Тогда придется пробиваться с боем. Эти парни с Янаей отвлекут черепах, — а это, скорее всего, знакомые нам герплексы с нейтрализаторами межатомных связей, — а мы попытаемся проскочить к Стволу.

Ивор снова качнул головой.

— Этим парням и так достанется от вождя, что пропустили нас. Нужен какой-то нестандартный прием... — Он замолчал, уставившись в пространство. — М-м-м... почему бы не попробовать?

— Что?

— Оживить «лошадь» «хронорыцаря».

— Ты серьезно?! — удивилась девушка.

— Почему нет? Если нам удастся активировать энергосистему «кентавра», мы прорвемся к Стволу сквозь любое оцепление. Если же не удастся, тогда и будем думать, как это сделать.

— Я думала, только я такая сумасшедшая.

— У нас были общие предки.

Мириам улыбнулась.

— Вы хотите... разбудить... мертвого слугу богов?! — догадалась Яная. — А если он оживет и проглотит вас?!

— Не проглотит, — беспечно махнула рукой Мириам. — У него и рта-то нет. Это всего-навсего механико-энергетическое страшилище, оно не предназначено для охоты и поедания людей живьем. Возвращаемся к «кентавру», оператор. Если тебе удастся запустить его, я покаюсь во всех своих грехах.

— Идет, — сказал Ивор, подставляя ладонь под удар ладони девушки.

— Вы действительно сумасшедшие! — прошептала россинка. — Как бы я хотела пойти с вами!

Ивор и Мириам засмеялись.

— Тебе еще рано, — сказала землянка.

— Мне уже пятнадцать сезонов, — приосанилась Яная, — и мне можно иметь мужа.

— И все же мы не имеем права взять тебя с собой.

— Я понимаю, — сникла россинка, жалобно посмотрела на Ивора. — Но хотя бы одним глазком посмотреть на то, как вы будете оживлять мертвого слугу богов, можно?

— Это пожалуйста. Может быть, у нас ничего и не получится. Ведите нас к нему кратчайшей дорогой.

Россины посмотрели на свою соотечественницу, Яная что-то сказала им не терпящим возражений тоном, и все трое растворились в лесу как тени. Они были детьми своего времени, хозяевами леса, хранителями его первозданной чистоты и умели превращаться в бесплотных духов природы.

— Идите за нами, — прилетел из чащи леса тонкий голосок россинки.

Ивор встретил насмешливо-понимающий взгляд Мириам и поспешил за россинами.

До реки, на берегу которой лежал по брюхо увязший в земле «конь» «хронорыцаря», отряд добрался всего за полтора часа. Россины вообще не выказывали признаков усталости, привыкнув к долгим лесным переходам, а земляне хоть и устали, но держались на самолюбии и темпа не теряли.

Остановились в пределах видимости громадного механизма.

— Дальше мы не пойдем, — заявила Яная. — Может быть, не стоит будить слугу богов?

— Еще как стоит, — не согласилась Мириам и добавила со смешком: — Хотя я сама не знаю, что это нам даст.

— Что делать нам, если он нападет на вас?

— Он не нападет. А если все-таки бросится, вам необязательно ввязываться в драку, уходите домой. — Мириам посмотрела на Ивора, пристально рассматривающего гиганта на берегу. — Подойдем ближе?

— Да, конечно, — очнулся молодой человек. — Впрочем, ты останься здесь на всякий случай. Я не уверен, что справлюсь, и не знаю, опасен ли этот зверь на самом деле.

— Я пойду с тобой.

Ивор нахмурился, твердо сжал губы.

— Ты останешься здесь!

И Мириам проглотила вертящиеся на языке возражения, пораженная тоном, каким были сказаны слова. Такой непоколебимости Ивор еще не демонстрировал.

Он приблизился по берегу реки к мертвому «кентавру», остановился в метре от него, постоял несколько минут, задрал голову, приводя себя в состояние *всевидения*, дотронулся до холодного крупа гиганта. Россины и землянка, затаив дыхание, смотрели на его действия, ожидая чуда. Но прошла минута, другая, третья, ничего не происходило, «кентавр» не шевелился, угрюмый и холодный, как мертвая скала, и Яная прошептала едва слышно:

— Ничего не получится... мертвый слуга богов лежит здесь очень давно, много-много сезонов...

— Ивор, возвращайся, — позвала Мириам. — Мы, наверное, ошиблись, он давно сдох.

Молодой квестор не ответил, продолжая изучать конструкцию «кентавра». Обошел его кругом и вдруг полез на круп, цепляясь за ребра, штыри и чешуи. Взобравшись наверх, он спокойно прошелся по спине исполина, приблизился к «человеческому» торсу, из которого вырастал огромный острый рог, покрытый сизо-сиреневой окалиной, задумчиво уставился на него.

Россины и Мириам снова задержали дыхание, сжимая от волнения кулаки. И вздрогнули от резкого металлического лязга. Это шевельнулся торс исполина, слегка приподнимая рог. Затем с длинным скрипом разогнулась правая передняя нога «кентавра», с грохотом выдернула копыто из почвы. За

ней пошла вверх другая нога. Дрогнули задние ноги, обрушивая пласты земли в реку, и «кентавр» медленно выпрямился, вырастая над лесом, вознося Жданова на тридцатиметровую высоту. Рог исполина налился тусклым лиловым свечением.

Россины попятились, выставив перед собой стволы винтовок.

— Бог ты мой! — прошептала Мириам. — Ты все-таки разбудил это чудовище!

— Эй, там, на берегу! — донесся веселый и довольный голос Ивора. — Присоединяйтесь ко мне. Эта зверюга не опасна.

Мириам опомнилась, оглянулась на россинов.

— Всё, мы уходим, дорогие мои. Спасибо за помощь. Надеюсь, вождь не накажет вас слишком строго. Если же попытается, передайте ему, что вы помогли внуку и внучке деда Кослвилы, ученикам волхва Рода. Пусть призадумается. Прощайте.

— Прощай, — отозвалась Яная с грустью. — Добрых вам встреч! Вы уже не вернетесь?

— Кто знает, может быть, еще и свидимся.

Мириам помахала рукой охотникам, обняла Янаю и помчалась к исполинской горе «слуги богов», которого оживил Ивор.

Вид с высоты спины «кентавра» открывался просто замечательный. Если бы не тревожный подтекст прогулки, связанный с ожиданием схватки с неведомыми врагами, катание на гигантском механическом звере было бы захватывающим. Однако Мириам прекрасно понимала, что их ждет впереди, и пейзажи россинских владений рассматривала лишь с точки зрения оценки опасности.

Что касается Ивора, то он был занят управлением «кентавром» и на созерцание красот природы не отвлекался. На вопрос Мириам, как ему удалось разбудить энергосистему «хронорыцарей», он ответил:

— Я представил себя «хронорыцарем», и этот «конь» тут же проснулся.

Как на самом деле произошел контакт человеческой мысли и желания с мыслесферой чужого киберорганизма, для Мириам осталось тайной. Впрочем, ей было достаточно самого этого факта и осознания удивительных возможностей сына Павла

Жданова, который, похоже, далеко еще не исчерпал себя и потихоньку вскрывал запасы своих способностей.

«Кентавр» перешагнул реку, вернулся обратно, пугая россинов, с благоговейным ужасом разглядывающих ожившего «слугу богов», и направился к обелиску хронобура, торчавшему из леса в десяти километрах отсюда. Двигался он вроде бы и небыстро, почти без раскачки, переставляя ноги практически как земная лошадь, однако до полосы свободного пространства, образованного вывалом леса (герплексы поработали на славу, выкосив около десяти квадратных километров), добрался за полчаса.

Охотников, посланных вождем племени россинов стеречь Проклятую Гору Богов, всадники не увидели. Очевидно, те прятались в зарослях и не хотели попадаться на пути гигантского металлического «кентавра». Зато герплексы, сторожившие Ствол со своей стороны, не заставили себя ждать.

Их оказалось три — чудовищные гороподобные черепахи с пластинчато-сегментными панцирями высотой в десять метров, отливающими перламутром, с двумя длинными, как удилица, красными усами, являвшимися эффекторами особого поля, в котором распадались межатомные и межмолекулярные связи любого вещества. Две черепахи выползли из-под стены Ствола, третья появилась чуть в стороне и сзади. Она, очевидно, пряталась в лесу.

Скорость движения этих странных созданий, по сути таких же автоматов, как и «кентавр», не превышала двадцати километров в час, тем не менее миновать их не представлялось возможным, и Мириам поняла, что боя избежать не удастся.

— Попробуй обойти их слева! — крикнула она Ивору. — Я попытаюсь отстрелить у них усы!

— Держись! — буркнул в ответ Ивор, закусывая губу. — Мы их возьмем на абордаж!

Мириам вцепилась в штырь, торчавший из спины «кентавра» там, где должно было быть седло (таких штырей из спины выросло больше десятка, разного диаметра и длины), и «кентавр» резко ускорил ход, переходя на иноходь. Километровой ширины полосу он преодолел всего за полминуты и с ходу вонзил свой запылавший рог в первую из черепах, не обратив внимания на ее стреляющие, как плеть, усы.

Герплекс успел только сделать два глубоких шрама в мощной груди «кентавра», не остановившие его, когда рог проткнул панцирь черепахи на всю длину. Черепаха окуталась струями белого пара и развалилась на дымящиеся осколки. Ее усы превратились в струйки вспыхнувшей жидкости, вспухли розовым дымком и исчезли.

Второй герплекс кинулся на «кентавра» сбоку, с угрозой поднимая красные, омерзительно живые «удилища», и кто знает, чем бы закончилось сражение, если бы не реакция Мириам. Девушка мгновенно открыла огонь из «универсала», сначала ударно-силовой — гравитационными «пулями», потом сменила вид стрельбы и ударила по черепахе плазменными сгустками, целясь в шишковидные основания усов.

Ее усилия не пропали даром.

Герплекс от неожиданности осел на гармошкообразных ногах, откинул назад усы, как это делает жук-дровосек, когда его тронешь пальцем, и эта секундная задержка позволила «кентавру» повернуться и вонзить рог в панцирь врага.

Раздался взрыв!

Во все стороны полетели обломки панциря герплекса, ударная волна оторвала Мириам от штыря, за который она цеплялась, и сбросила со спины кентавра. Но в самое последнее мгновение перед тем, как ей упасть на стволы поваленных сосен, Ивор крикнул что-то нечленораздельное и яростное, так что «кентавр» под ним вздрогнул, и скорость падения девушки резко замедлилась. Упала она достаточно мягко, словно с высоты двух–трех метров, а не тридцати, как на самом деле. Скрылась в ветвях.

Но анализировать происшедшее было некогда. К месту боя приближался третий герплекс, которого надо было встретить во всеоружии.

— Залезай обратно! — крикнул Ивор, заставляя «лошадь» опуститься на колени.

Мириам выбралась из-под сосновых веток, проворно взлетела на спину «кентавра», цепляясь за грубые ребра и скобы, и тотчас же «конь» «хронорыцаря» бросился бежать к темно-коричневой, конусовидной, двуглавой глыбе Ствола с диаметром основания около трех километров, до которой оставалась всего сотня метров.

— Что ты задумал? — удивилась Мириам.

— Незачем сражаться с этими черепаховидными автоматами, — ответил Ивор. — Главное — пройти в Ствол, а без «кентавра» сделать это будет трудно.

Девушка не нашлась, что возразить.

Герплекс, щелкающий усами, как кнутом, отстал.

«Кентавр» домчался до горы хронобура, некогда разрубленной чуть ли не до основания «палицей» голема, увеличенной эффектом масштабного копирования, и с ходу вонзил пылающий рог в стену Ствола на высоте сорока метров над землей.

Мириам с визгом вцепилась в спасительный штырь, чтобы удержаться на месте от удара инерции, в то время как Ивор стоял в нише «седла», расставив ноги, неподвижно, как скала.

Раздался гулкий треск, словно лопнул огромный резиновый шар. Стена в месте укола рогом пошла трещинами, провалилась куда-то сама в себя, образуя дымящееся жерло пещеры. Что-то вспыхнуло там, в глубине дыры, облако искр вырвалось наружу, образовало кольцо, осыпавшееся вниз с шипением и треском. «Кентавр» выдернул рог из образовавшейся пещеры, попятился. Из пещеры вылетела черная струя, вонзилась в грудь кентавра, облила его передние ноги и рог, и гигант со скрежетом осел на задние ноги, застыл. Рог его медленно погас.

— Сброс хронопотенциала! — проговорил взволнованный и обрадованный Ивор. — Мы попали прямо в узел мембраны! За мной!

Мириам без колебаний схватила его за руку, и они, разогнавшись, прыгнули со спины «кентавра» в зев пещеры, засеребрившейся от металлического налета. Стены пещеры стали сдвигаться, но молодые люди успели преодолеть зону пространственно-временных преобразований и ворвались в зал с «лифтом» хрономембраны до того, как выход из Ствола в мир Гезема закрылся.

Глава 3

Они бродили по коридорам и помещениям Ствола уже более трех часов, пытаясь выйти на связь с инком хронобура Стасом, но цели так и не достигли. Все здесь было им знако-

мо — по рассказам отцов, а также из истории хронобура, которую они изучали в институте, — и одновременно незнакомо — вследствие того, что сами они попали внутрь Ствола, точнее, в одну из его квантовых копий, и познакомились с ним реально впервые.

Зная расположение зон безопасности в теле хронобура и схронов с НЗ на пятнадцатом, тридцатом и сорок пятом этажах здания, молодые люди не поленились проверить их все, но нигде ничего не нашли. Кванк Ствола на Геземе, серьезно разрушенный во время прошлой Игры, был практически разграблен и мертв. Рог кентавра совершенно случайно пронзил защитный кокон одной из уцелевших зон безопасности с шахтой хрономембраны, которая, судя по всему, еще работала, однако была заблокирована. Вызвать Стаса или хотя бы открыть дверь в «лифт» землянам не удалось. Стас их не слышал, а «лифт» открываться не хотел, несмотря на все усилия Ивора воздействовать на автоматику хрономембраны в псидиапазоне. В отличие от «коня» «хронорьшаря» земная автоматика подчиняться молодому квистору не желала.

— Осталась только одна непроверенная зона, — сказал Ивор, когда они расположились на отдых на сорок пятом этаже здания после обследования очередного склада НЗ, также оказавшегося вскрытым и пустым.

— По-моему, мы обошли все, — отозвалась несколько приунывшая Мириам, высовываясь из окна во двор, выглядывший с высоты ста шестидесяти метров чистым и ровным, с редкими трещинами, грудями обломков стен и глубокой воронкой по центру.

Палица голема, разрубившего Ствол, давно исчезла — то ли испарилась, то ли осыпалась на землю в виде порошка, то ли претерпела обратную трансформацию и превратилась в четырехметровый тетраэдр, свалившийся вниз и утонувший в материале двора. Факт оставался фактом — «голема» не было, и теперь стали видны гладкие поверхности стен и перекрытий в том месте, где он когда-то лежал.

— Отец говорил, что кроме штатных ниш безопасности была оборудована еще одна — на сотом этаже.

— Почему я об этом не знаю? — Мириам заинтересовалась бликом в окне нижнего пояса кольцевого здания на противоположной стороне и козырьком приставила ко лбу руку.

— Потому что эту зону создавали в условиях секретности для самого Златкова. Предполагалось, что в момент запуска хронобура он будет управлять процессом оттуда.

— Этого мы не проходили.

Ивор хотел было рассказать девушке о беседе с отцом, но вдруг почувствовал знакомый «холодный ветер» и дернул Мириам за руку, так что она слетела с подоконника на пол. И в ту же секунду в окно снизу влетела огненная стрела и с треском и шипением проделала в потолке комнаты глубокий шрам.

— Ты!.. — вскочила Мириам и присела, мгновенно оценив ситуацию. — О, дьявол! Кажется, нас в покое не оставили! Придется драться.

— Постереги меня, — попросил Ивор сосредоточенно. — Я попробую пощупать пространство в здании. Если здесь есть источники энергии, я их почую. Вообще надо было сделать это раньше, как только мы вошли, а не бродить по Стволу как неприкаянные.

Мириам хотела обидеться, приняв укоризненную сентенцию спутника на свой счет, но Ивор уже *ушел* в себя, и ей ничего не оставалось, как охранять его во время сеанса ясновидения.

Со двора по окнам разграбленного склада НЗ больше не стреляли. Мириам попыталась разглядеть противоположную сторону кольца здания, ничего не увидела, прикинула, сколько времени понадобится преследователям, чтобы добраться до помещения на сорок пятом этаже, и выскользнула в коридор, чтобы подготовиться на всякий случай к бою.

Ждать долго не пришлось. Ивор вышел в коридор через три минуты после начала «беседы с духами Ствола».

— Источников энергии два, — сообщил он, сохраняя сосредоточенный вид. — Оба располагаются гораздо выше нашего уровня, где-то на высоте четырехсот метров. Один в этом крыле, второй на другой стороне. Какой выберем?

— Этот! — быстро сказала Мириам.

— Тогда я выбираю другой.

— Почему? — возмутилась девушка.

— Есть такая пословица: выслушай женщину и поступи наоборот. — Ивор улыбнулся, заметив гневный блеск в ее глазах. — Я пошутил. На самом деле все объяснимо. Те, кто стре-

лял, будут искать нас здесь, а мы в это время будем спокойно подниматься на сотый этаж с другой стороны.

Мириам задумчиво оглядела спокойное лицо Жданова.

— Ты умеешь притворяться противным, я это учту. Но и думать умеешь, что меня радует. Побежали на ту сторону. Я буду прикрывать спину, гляди вперед в три глаза.

Ивор не тронулся с места.

— Что-то не так? — встревожилась девушка.

Он хотел сказать, что она красивая и смелая, но вслух выговорить эти слова не решился. Требовались иная обстановка и иное настроение.

Они помчались по коридору в обход здания, стараясь не поднимать шума. Нашли ближайший холл с лестницей и начали подниматься вверх, считая этажи. На шестьдесят первом снова выбрались в коридор — сухой, чистый, с металлическим полом, на котором не оставалось следов, и пробежали с полкилометра по кругу, пока не уперлись в тупик.

Это явно был схрон или отсек с энергооборудованием хронобура, о чем говорила перегородка с контуром двери: такую перегородку можно было изготовить только в заводских условиях. Ивор попытался открыть дверь мысленным усилием, не смог, затем открыл «третий глаз» и проник в помещение мысленным взором. Он увидел-почувствовал обтекаемо-геометрические громады, решетки и стойки с грибообразными наростами, все мертвое, застывшее, лишённое энергии, и быстро вышел из состояния всевидения.

— Туда нам не пройти.

— Что там? — поинтересовалась Мириам, тревожно оглядываясь.

— Технологический карман. Скорее всего, это отсек питания энергокаркаса хронобура.

— Побежали назад, к холлу с лестницей. Сколько нам этажей осталось?

— Мы на шестьдесят первом, если я не ошибаюсь, еще сорок этажей подниматься.

— Надо было сразу взобраться на сотый и бежать. Как ты себя чувствуешь?

— Ноги гудят, — простодушно признался Ивор.

— У меня тоже, — улынулась Мириам. — А ведь я закаленная, специально тренировалась для... — Она закусила губку

и направилась назад по коридору, оглянулась. — Не спи, оператор, отдыхать некогда.

Ивор послушно затрусил за ней, почти скрывшейся за изгибом коридора, и вдруг ощутил порыв ледяного ветра. Светло мышцы лица.

— Стой! — придушенно крикнул он. — Туда нельзя!

Мириам послушно остановилась, вглядываясь в полумрак коридора, освещенного лишь сочащимся сквозь редкие дыры и щели в стенах светом.

— Беги сюда!

Девушка начала отступать, поскользнулась на гладком полу и едва не упала. И тотчас же из темноты вылетел огненный клинок, вонзился в стену над ее головой и проделал длинную дымящуюся борозду. Мириам ответила очередью из «универсала», опрометью бросилась к Ивору, держащемуся рукой за стену в трех десятках шагов.

Очередь плазменных сгустков унеслась в глубину коридора, послышался низкий рык, от которого задрожал пол, затем треск и шипение. В коридор вдруг выплеснулось целое облако змеящихся электрических разрядов, едва не долетевшее до землян. Мириам еще раз выстрелила в глубь коридора, теперь уже лазерным лучом, перечеркнула его крест-накрест, и стало тихо.

Несколько секунд молодые люди напряженно вглядывались в темноту и вслушивались в тишину здания, не зная, что последует за электрической атакой. Потом Мириам прошептала, кинув на Ивора горящий взгляд:

— Никогда не прощу себе, что не просчитала этого варианта! Хотя бы «глюк» догадалась у Тео попросить!..

В устах студентки эти слова звучали странно, как требование профессионала наказать его за ошибку, но Ивору было не до оценки поведения спутницы. Он понял, что они погибнут, если ничего не предпринимать, и усилием воли включил все свои паранормальные «оболочки».

Оборудование, стоявшее в помещении за дверью, было обесточено, и оживить его не представлялось возможным. Таким же мертвым казался и механизм отпираания двери. Но все же один источник энергии, хотя и весьма незначительный, Ивору отыскать удалось. Этим источником оказался стоящий на полу предмет, явно не имеющий отношения к аппаратам

отсека. Больше всего он напоминал двухметрового диаметра черепаху.

— Герплекс! — прошептал Ивор.

— Что?! — оглянулась на него Мириам. — Где герплекс?!

— Там... внутри...

— Тогда мы пропали!

— Он полудохлый... я попробую его активировать...

— Зачем?!

— Если рядом нет друзей, их надо делать из врагов...

Ивор напрягся, вторгаясь в схему управления неземным автоматом, как сделал это, оживляя «кентавра», и нашел зоны контакта.

Механическая черепаха, пролежавшая здесь неизвестно сколько времени, вздрогнула, вырастила ноги и засемила к двери. Ощупав ее своими усами, она прочертила в двери метровую окружность и осела на задние ноги, застыла. Запас энергии, тлевший в ее аккумуляторах много лет, окончательно растаял.

Ивор подскочил к перегородке, толкнул дверь, и вырезанный усом герплекса круг с грохотом рухнул на лоб черепахи.

— Лезь быстрее! — прошипел Ивор.

Мириам выстрелила в глубь коридора последний раз и ласточкой влетела сквозь круглую дыру в помещение за дверью. За ней последовал Ивор, обрадованный своим успехом. Мириам ойкнула, наткнувшись на остов черепахи: в помещении было абсолютно темно.

— Спокойно, — сказал Ивор, — это сдохший герплекс. Он уже не опасен.

— Я ничего не вижу!

— Цепляйся за меня, я пойду первым.

— Куда?

— Все технологические зоны хронобура располагаются по вертикальным шпангоутам Ствола и имеют свои лестничные колодцы. Вы этого разве не проходили?

— Я вспомнила, проходили, хотя техника Ствола меня мало интересовала. Мне больше по душе устройство хрономембраны.

Мириам нашла Ивора, взяла его за руку. Оглядываясь на отверстие в двери, вырезанное герплексом, из которого сочился серый свет, они двинулись в глубь помещения с темными

гроздами каких-то машин. В центре зала Ивор остановился и уже привычно вызвал состояние всевидения.

Ему понадобилось всего полминуты, чтобы обнаружить в одной из громад у стены помещения характерную полость, уходящую в гладкий монолит пола. Одновременно он определил положение преследователей: их было трое плюс какой-то большой зверь с массивной головой, закованный в броню из костяных пластин и одновременно поросший шерстью. Они уже подкрались ко входу в зал, готовые ворваться в него.

Ивор потянул девушку за собой, остановился у вырастающей из пола установки плавных очертаний, форма которой слегка напоминала раковину. Попытался проникнуть мыслью в ее контуры управления и открыть замки.

В отверстие, через которое они вошли в зал, вдруг влетела ослепительно желтая молния, отразилась от панциря герплекса и погасла в потолке среди черных сталагмитообразных выступов. Мириам тотчас же ответила выстрелом из «универсала», давая понять преследователям, что их здесь ждет горячий прием.

— Помоги! — прохрипел взмокший Ивор. — Вход не открывается, но дверь здесь тонкая, можно попытаться пробить.

— Встань сзади, — скомандовала Мириам.

Вспыхнул фиолетово-сиреневый луч лазера, впиваясь в выпуклый бок «раковины». Послышался треск. По боку побежала трещина. Мириам перенесла луч правее, вслед за трещиной. Весь бок «раковины» пошел трещинами и обрушился на пол грудой осколков. Обнажилось нутро установки с рядами ребер и ниш, множественными наплывами и отверстиями. Одно из отверстий уходило в пол. Это и был вход в колодец, соединявший технозоны на этажах Ствола.

Ивор пощупал рукой небольшой выступ, опоясывающий отверстие люка, затем скобы, уходящие вниз, и прошептал:

— Спускаемся. Иди первой.

— Я за тобой! — ответила Мириам едва слышно.

— Хорошо.

Ивор сел на край люка, нащупал ногой скобы и начал спускаться в колодец.

Раздалось низкое угрюмое рычание, свет в отверстии, пробитом герплексом, померк — это в зал ворвался неведомый зверь, соединявший в себе признаки крокодила и не то волка,

не то медведя. Россины называли этих зверей волкодилами, но земляне этого не знали.

Мириам выстрелила в мелькнувшую тень и нырнула вслед за Ивором в колодец.

Ее выстрел оказался удачным. Послышались рев и скулящий вой, визг когтей по полу. Ворвавшиеся в зал преследователи открыли беспорядочную стрельбу из своих излучателей, но беглецы уже были вне досягаемости.

Колодец вывел их в точно такой же зал с мертвыми машинами, затем в еще один и еще, пока Ивор не почувствовал, что здесь есть жизнь. Оглядевшись в сфере всевидения, он обнаружил теплую — во всех отношениях — установку и, проникнув в ее «мозг», понял, что она является устройством контроля прочности шпангоутов здания. Конечно, в настоящий момент никаким контролем она не занималась, лишенная линий связи со всеми системами датчиков и анализаторов, но двери в зал открыть могла. Ивор быстро нашел необходимый код для этой операции, и дверь в зал свернулась валиком вокруг невидимой оси, открывая проход в коридор.

Молодые люди бросились к прямоугольнику выхода, из которого в зал брызнул тусклый свет коридора. Но уже на пороге Ивор остановился, снова вошел в контур управления установкой и приказал наглухо заблокировать выходы и не открывать.

— Теперь аллур три креста! — выдохнул он.

И они помчались по коридору к лестничной шахте, которая должна была вывести их на сотый этаж здания, где, по расчетам Жданова, располагался узел хрономембраны, превращавшей Ствол в постоянно включенную трактрису времен, в пространственноподобную «струну», соединявшую множество Ветвей бесконечного Древа Времен.

Они не увидели и не почувствовали, как из стены коридора вышел задумчиво-рассеянный бровей Мимо и долго смотрел им вслед.

Зона безопасности с работающей хрономембраной действительно оказалась на сотом этаже Ствола. Искать ее пришлось среди хаоса рухнувших стен и перекрытий — удар «дубины» голема пришелся как раз по этому участку здания и чудом миновал вертикальное ребро жесткости, в теле которого и прятался зал с трубой хронолифта.

Почти бездыханные от гонки по лестничным пролетам — преследователи смогли-таки выбраться в коридор и шли по пятам с вопящим от боли и ярости зверем, — Ивор и Мириам наконец отыскали вход в зал с хрономембраной, Жданов с трудом открыл дверь, и они оказались в зале с чистым блестящим мраморным на вид полом, стенами из ракушечника и серебристым потолком, по которому изредка пробегали ручьи призрачного фиолетово-голубого света. Если бы не погоня, молодые люди, конечно же, обошли бы кольцевой зал, любуясь его интерьером, но теперь им было не до созерцания красот ствола.

Ивор открыл дверь лифта, Мириам дала очередь из «универсала» по двери в зал, расходуя последние запасы энергии, вскочила в решетчатую коробку лифта, Ивор ударил локтем в панель управления мембраной, а когда это не сработало, крикнул *внутри* себя изо всех сил:

«Вези нас вверх!»

Дверца лифта проявилась из воздуха, словно он мгновенно сгустился до консистенции твердого материала (естественно, это было силовое поле с «порошковой намоткой»), свет в кабине погас, ударило в ноги, сердце ушло в пятки, наступила короткая невесомость, сознание померкло... и восстановилось. Тело казалось тяжелым и рыхлым, падающим и падающим вниз, в глубокую пропасть, а не вверх, как приказал Ивор. Затем оно вытянулось в бесконечной длины нить и лопнуло с тихим шелковым треском на множество отдельных кусочков....

Провал в сознании....

Гулкий свист, жжение в кончиках пальцев....

Провал.... Удар и свет....

И наконец он ощутил себя стоящим на полу кабины хронолифта на дрожащих от слабости ногах.

Над головой в потолке мигал оранжевый глазок.

Мириам сидела на полу, сжавшись в комочек.

Ивор испуганно наклонился над ней, тронул за плечо. Девушка вздрогнула, шевельнулась, подняла голову.

— Уже... приехали?

— Как самочувствие?

— Голова кружится... Такое впечатление, что я мчалась по Вселенной целую вечность... Но вообще-то я в норме.

Она встала, поддерживаемая Ивором. На несколько мгновений они оказались лицом к лицу, вплотную друг к другу.

Ивор невольно прижал к себе девушку сильнее, ища в ее глазах ответ. Она потянулась к нему губами. Поцелуй получился робким и нежным, но таким сладким, что у Ивора закружилась голова. Затем Мириам опомнилась, отодвинулась и сказала деловым тоном:

— Ну, куда мы залетели, хотела бы я знать? Почему дверь не открывается?

— Потому что мне хотелось бы выяснить степень вашей защиты, — ответил приятный мужской голос.

Молодые люди вздрогнули, посмотрели друг на друга.

— Кто это говорит?

— Меня зовут Стас, я хозяин данного объекта в данном уголке Вселенной.

— Стас? — обрадовалась Мириам. — Наконец-то мы тебя нашли! Что ты там говорил насчет степени защиты?

— Мир, в котором располагается объект моей заботы, требует дополнительных мер защиты человеческого организма. Ваших костюмов не достаточно.

— Что же нам делать?

— Могу снабдить вас автономными ТК с месячным энергоресурсом.

— Что такое ТК?

— Я знаю, — вмешался Ивор. — Это темпор-кокон, рассчитанный на эксплуатацию в любых условиях.

— Ну, положим, не в любых, однако диапазон его применения широк.

— Давай твои ТК, — решительно потребовала Мириам. — Только я не поняла, почему ты называешь Ствол объектом.

— Потому что вы практически вынеслись за пределы действия трактрисы времен, каковым является Ствол в нижней части Древа Времен. В данной Ветви, принадлежащей так называемой Кроне Древа, Ствол принимает свойства парамоста, универсальной системы пространственно-временных перемещений.

— Трансгресса, что ли?

— Совершенно верно.

Ошеломленные ответом, молодые люди переглянулись.

— Ствол стал... трансгрессом?! — изумленно сказала Мириам.

— Почему это вас удивляет? Ствол — не чисто человеческая затея, это реализация решения Судейской коллегии, нуж-

дающей в системе контроля Игр. Ствол соединил не более двух триллионов Ветвей в том виде, в каком был создан. Затем с помощью этических технологий он был преобразован в трансгресс, замкнувший Корни и Крону Древа, развивающийся по мере роста Древа с учетом всех возможных и невозможных состояний материи.

— Что это значит?

— Известное вам Древо Времен — это Мультиверсум или Фрактал потенциально возможных состояний материи. Но существует еще и Древо невозможных состояний, имеющее свой трансгресс, соединяющийся с нашим в каких-то измерениях, коим в человеческом языке нет названия.

— Колоссально! — глухо проговорил Ивор. — В институте нам этого не давали... Я догадывался, что Древо должно реализовывать абсолютно *все* произведения *всех* писателей-фантастов Земли, но не в таком масштабе....

— Надеюсь, вы не разочарованы, оператор?

— О нет! — искренне воскликнул Ивор.

— Тогда я доволен, что смог вас удовлетворить. Чего изволите?

— Нам бы выйти и осмотреться, — напомнила о себе Мириам.

— Нет ничего проще.

Дверь кабины хронолифта растаяла.

— Но ты обещал дать нам темпор-коконы...

— Они уже инициированы.

— Я ничего не чувствую!

— Защитный ТФЗ, или ТК, создан по дрим-технологии и практически не ощутим. Не волнуйтесь, девушка, как только потребуется, он проявит свои качества.

Мириам посмотрела на Ивора вопросительно, тот пожал плечами, и они одновременно шагнули из кабины лифта наружу.

Глава 4

Неяркий свет струился отовсюду и создавал впечатление объемной структуры, хотя стен у этого, с позволения сказать, помещения, куда вышли путешественники, не было. Оглянувшись, они не увидели и трубы с клеткой лифта. Сзади из

гладкого, розового, с муаровым рисунком пола выростала ажурная серебристая колонна, заполненная искрящимся туманом, исчезающая где-то высоко вверху, как бы растворявшаяся в перламутровом свете.

Сила тяжести в этом странном пространстве, ограниченном облаками света, была чуть выше земной, и когда Ивор обратил на это внимание, Стас, незримо присутствующий рядом, объяснил:

— На самом деле гравитационное поле объекта превосходит земное в тысячи раз. Вас охраняет темпор-кокон. Он же обеспечивает все ваши физиологические потребности.

— А едой он не обеспечивает? — поинтересовалась, озираясь по сторонам, проголодавшаяся Мириам. Кружку с медом они потеряли еще во время боя с преследователями на Геземе.

— Для этого существуют блоки НЗ.

Что-то звякнуло. Из воздуха выпали две продолговатые коробки с вытисненными буквами НЗ и цифрами «2301».

— Этого достаточно?

— Вполне, — обрадовалась Мириам. — А не мог бы ты снабдить нас другими костюмами, более серьезными? К примеру, «кокосами»?

— Пожалуйста, — радушно отозвался Стас.

Рядом с коробками НЗ упали на пол два ртутно бликующих свертка.

— Вот здорово! — захлопала в ладоши девушка. — Это резко меняет наше положение. Еще бы парочку «глюков», а лучше дриммеров, — вообще решились бы все наши проблемы.

— К сожалению, оружие мне не доступно, — виноватым тоном проговорил Стас, — а дриммеры тем более. Это инструмент судебных исполнителей.

— Ну и ладно, сами добудем. Где здесь можно переодеться?

У металлической на вид колонны выросла из пола перламутровая будочка с открытой дверцей.

Мириам взяла один из свертков и смело шагнула внутрь будочки, тут же осветившейся изнутри. Дверца закрылась. Ивор задумчиво посмотрел на будочку, сосредоточился, и стенки ее стали прозрачными.

— Хорошая волевая индукция, — мягко, с легкой иронией сказал Стас.

Ивор покраснел. Стенки капсулы, где переодевалась Мириам, стали непрозрачными. Тогда он тоже стал переодеваться, не заботясь о том, что становится доступен лицезрению со стороны.

«Кокосы» — компенсационные костюмы спасателей — представляли собой защитные скафандровые комплексы с изменяемой геометрией и узлами автоматии со встраиваемой техникой и оружием. Естественно, они были максимально удобны и функциональны, чего нельзя было сказать об обычных униках, предназначенных для повседневного пользования в неэкстремальных условиях. Поэтому, переодевшись, молодые люди почувствовали себя уверенней.

— Жить можно, — весело сказала Мириам, выходя из «кабины для переодевания». — Может быть, посмотрим, куда нас занесло?

— Пожалуй, — согласился молодой человек.

Тотчас же свет вокруг стал меркнуть, тускнеть, горизонт видения начал расширяться по мере того, как отступал световой ореол, пока не стало совсем темно. Лишь пол под ногами продолжал быть видимым, как толстый слой подсвеченного изнутри розового стекла. Прошла минута, другая...

— И как скоро мы увидим здешний мир? — не выдержала Мириам.

— Вы его уже видите, — прилетел вежливый ответ.

— Но вокруг темно, ничего не видно!

— Вы попали в Ветвь, где началась эпоха вечной тьмы. Звезд в этом мире и вообще скоплений материи и светящихся объектов уже не осталось.

— Как мы сюда попали?! Ведь мы стартовали из Ствола Гезема, с тем чтобы выйти в ближайшей Ветви...

— Оператор дал команду: «Вверх!», — и вся линия моих кванков во всех выходах хронобура дала вам «зеленый свет». Поэтому вы оказались здесь, в конце мировой линии Ствола и в начале трансгресса, хотя все эти понятия весьма условны. Я имею в виду начало и конец.

— Это я виноват, — тихо сказал Ивор, чувствуя вздрагивающую от волнения руку девушки. — Я действительно крикнул: «Вверх!», — мысленно, конечно, не зная, к чему это приведет.

— Этого оказалось достаточно, — сказал Стас. — Воля оператора для нас — закон. Хотя вынужден констатировать, что он не всегда точно знает, чего хочет.

— Да уж! — хмыкнула Мириам. — Даже я не всегда его понимаю. Итак, ты утверждаешь, что мы высадились в Ветви, где уже не осталось звезд. Сколько же лет прошло здесь с момента рождения местной Метавселенной?

— Это число выражается единицей с тысячью пятистами нулями. Я не знаю земного названия этого числа.

— Вот это да! — поразила Мириам. — Это же триллионы триллионов лет!

— Гораздо больше.

— А что было в этой Метавселенной до эпохи вечной тьмы?

— Ей предшествовали пять эпох. Первая — эпоха инфляционного раздувания. Длилась она всего десять в минус тридцать второй степени секунды, но объем рожденной Ветви стал за этот ничтожный промежуток времени просто колоссальным, и в нем родились первые элементарные частицы. Вам интересно слушать мою болтовню?

— Продолжай, — потребовала Мириам.

Ивор промолчал, ему тоже хотелось узнать историю этого мира.

— Вторая эпоха была эпохой излучения и проходила в два этапа. Первый длился три минуты. За это время родившуюся вселенную заполнило излучение, произошла массовая аннигиляция материи и антиматерии, образовался избыток барионов вследствие несохранения законов симметрии и появились легкие элементы: дейтерий, гелий, литий. Второй этап длился триста тысяч лет. Излучение отделилось от вещества, вселенная стала прозрачной. Затем была эпоха звездообразования и распада звезд. В течение миллиарда лет возникают первые звезды и их скопления — галактики, образуются тяжелые элементы. Спустя еще восемь–десять миллиардов лет появляются планеты, зарождается жизнь, первые цивилизации начинают осваивать космические пространства.

— Это в общем, — перебила Стаса Мириам. — А конкретно о данном районе Ветви, где проявился Ствол, тебе что-либо известно?

— Разумеется. Цивилизация, родившаяся на планете, название которой на человеческом языке непроизносимо, вышла в космос первой, но затем столкнулась с другой, и обе они через миллион лет исчезли.

— Они были людьми?

— Вовсе нет, эти существа представляли собой устойчивые комбинации запахов, пахучих веществ.

— Не может быть!

Стас вежливо промолчал.

— Рассказывай, что было дальше, — снова потребовала Мириам.

— А дальше начался закат разума и жизни вообще. Спустя двадцать миллиардов лет с момента рождения Ветви жизнь в ней исчезает. Галактика, давшая жизнь «разумным запахам», сталкивается с другой, звезды начинают сжиматься, галактики сливаться, образуя звездные суперсистемы. Еще через триллион лет гаснут красные карлики, остаются лишь черные дыры, нейтронные звезды и белые карлики, которые, остывая, превращаются в черные карлики, так сказать, «огрызки» звезд. Рассеиваются даже газопылевые облака, в которых некоторое время теплилась своеобразная жизнь, в том числе разумная.

— И это все? Началась эпоха тьмы? Но ты говорил, что эпох было шесть.

— Четвертую эпоху можно назвать эпохой распада галактик. За сотни и тысячи триллионов лет мертвые несветящиеся звезды потеряли свои планеты, случайные столкновения бурных и черных карликов породили новые звезды, вокруг которых снова возникла жизнь — уже четвертая волна. Но галактики продолжали распадаться, звезды почти равномерно разлетелись по всему расширяющемуся домену, последние планеты упали на мертвые звезды. Температура фонового излучения опустилась почти до абсолютного нуля. Черные звезды в центрах бывших галактик поглотили все звезды. Началась пятая эпоха.

— Сколько же длилась четвертая?

— Десять в тридцать третьей степени лет. В отличие от многих других, в этой Ветви протоны — самые стабильные частицы — не распадаются, но постепенно теряют энергию за счет квантово-механического туннельного эффекта. В результате вся оставшаяся материя сливается в шары, многие из ко-

торых потом превращаются в черные дыры. Но большая часть шаров не дотягивает до предельных масс, и они постепенно остывают, а все атомы внутри них превращаются в атомы железа. Вот этот период в жизни местной Ветви вы и наблюдаете.

— Ничего мы не наблюдаем. Разве что глубокую тьму. И чем же закончится эпоха железных шаров?

— Либо они превратятся в сверхмассивные нейтронные капли, либо в черные дыры. Но и те и другие постепенно испарятся, по космосу же еще долго будут летать кванты света — фотоны с неимоверно увеличившимися длинами волн.

— А потом?

— Трудно сказать. Возможно, Ветвь будет заполнена «чистым скалярным» вакуумом, а возможно, произойдет спонтанный фазовый переход, и домен схлопнется в сингулярность или породит новый вакуум и новые формы материи.

— Веселенькая перспектива! А нам доказывали в школе, что во Вселенной действует универсальный закон соответствия: что сверху — то и снизу.

— Это величайшее из заблуждений, внушенное человечеству вашей Ветви. Вселенная *не повторяет* саму себя ни в чем, ни «внизу», ни «сверху».

— Зачем же нам это внушали?

— Чтобы сокрыть от вас истину. По сути, человечество — потенциальный Игрок высочайшего класса, и его пытались и пытаются до сих пор не допустить до участия в Играх. Сокрытие истинного положения вещей в Мультиверсуме является одним из методов игровой дискриминации.

— Колоссально! Я этого не знала. А нельзя ли каким-нибудь образом увидеть эти самые железные шары?

— На одном из них вы находитесь, вместе со мной, разумеется. Его диаметр равен диаметру вашего Юпитера, сила тяжести в две с половиной тысячи раз больше земной. Второй шар располагается в ста миллионах километров от нас. Остальные недоступны моей аппаратуре. Могу показать только эти два.

Площадка с вырастающей из нее ажурной колонной Ствола-трансгресса стала невидимой, зато под ногами людей проявилась из темноты идеально ровная поверхность синеватого цвета, похожая на поверхность ледяного озера. До самого не-

близкого горизонта глазу было не за что зацепиться — такой идеально гладкой была эта равнина, состоящая из чистого железа.

Стал виден и фиолетово-синий зрачок второго железного шара, повисшего низко над горизонтом. Хотя как Стасу удалось показать гостям столь экзотичные объекты в абсолютной темноте, было непонятно.

И вдруг Ивор почувствовал присутствие еще какого-то объекта на равнине. Не увидел, а именно ощутил.

— Стас, вы все пространство контролируете вокруг Ствола?

— В пределах моих возможностей. Вы имеете в виду что-то конкретное, оператор?

— Мне кажется, что недалеко располагается какой-то объект...

— Вы действительно обладаете высокой парачувствительностью, оператор, — с уважением сказал Стас. — Я не показал вам этот объект лишь потому, что сам не знаю ни причин его возникновения, ни что он из себя представляет.

На гладкой «ледяной» поверхности железной равнины в километре от людей — по первому впечатлению — появился странный предмет, налитый багровым свечением, напоминающий верхнюю часть черепа оленя с двумя членистыми рогами.

— Что за чудо? — удивилась Мириам. — Я действительно вижу голову провалившегося в железо оленя или нет? Это живое существо или искусственное сооружение?

— Не ведаю, — виновато вздохнул Стас. — Моих скромных возможностей не хватает, чтобы выяснить это. С уверенностью могу сказать лишь одно: объект энергетически независим, иначе давно был бы поглощен железной звездой.

— Как давно он здесь торчит?

— Мне трудно ориентироваться в здешнем времени. С одной стороны, я сам появился относительно недавно, с другой — я связан и с Корнем Древа, и с его Кроной, разделенными миллиардами триллионов лет и «углов поворота». Может быть, этот объект намного старше меня.

— Хорошо, забудем о нем, хотя интересно было бы выяснить, что это такое на самом деле. У тебя еще есть минутка?

— Разумеется. До пятницы я совершенно свободен.

— До какой пятницы? — не поняла Мириам.

— Это шутка. Ей около трехсот пятидесяти лет.

— Поговорим теперь о другом.

— С удовольствием. Меня редко посещают гости. За все время моего существования встреча с вами — третья.

— С кем же была первая и вторая?

— Первым был Судья одной из Игр, вторым — бровей Мимо.

— Наш пострел везде поспел, — пробормотала Мириам.

— Вы с ним знакомы?

— Еще бы. Он помог нам бежать с Земли на Гезем.

— Бровей Мимо помог вам бежать? — удивился Стас. — Весьма странно... Бровей, насколько мне известно, редко кому помогают... точнее, никогда и никому.

— Нам он все-таки помог. Интересно, что ему здесь было нужно?

— Он со мной почти не разговаривал. Сходил к объекту с рогами, который вы назвали «головой оленя», предупредил о появлении оператора и удалился.

— Станный человек... если, конечно, он человек, — сказал Ивор. — Отец говорил, что он был организатором прошлой Игры. Кто он сейчас? Просто зритель?

— Не знаю, — ответил Стас после некоторой заминки, которую никто не заметил.

— Еще вопрос, — заговорила Мириам, настроенная на решение практических задач. — Подскажи, в какой из Ветвей застрял Павел Жданов, отец Ивора... то есть оператора.

— К сожалению, не смогу. Многие мои кванки, особенно в «засыхающих» Ветвях, заблокированы, и доступа к ним я не имею.

— Но ведь у тебя есть связь с автоматикой трансгресса, а он пронизывает все Ветви Древа.

— Не все, но вероятностное большинство. И тем не менее у меня нет информации о координатах Ветви с вашим отцом, оператор. Могу лишь дать вам код вызова трансгресса, а вы уж ищите отца сами.

— Это замечательно! — обрадовалась Мириам. — Зная код вызова, мы всегда сможем вернуться домой или проникнуть в любую из Ветвей. Давай код!

— Расслабьтесь, оператор, — посоветовал Стас. — Эта информация особого рода, она занимает определенное место в

«файле» вашей памяти и требует связи психики с энергокаркасом вашего тела.

— Я готов.

Ивор закрыл глаза, расслабился и ушел в *пустоту*.

Мириам, с интересом наблюдавшая за ним, увидела, как он вздрогнул и вдруг на мгновение стал прозрачным, засветился изнутри и тут же погас, лишь волосы еще некоторое время искрились и потрескивали.

— Все? — с жадным любопытством спросила девушка, когда он открыл глаза.

— Как будто... — неуверенно ответил Ивор, прислушиваясь к себе. — Такое щекотное чувство...

— Все в порядке, — заметил Стас. — Вам подвластны и более ответственные уровни управления реальностью, нежели система контроля, называемая вами трансгрессом.

— Какие? — заинтересовалась Мириам.

— Оператор сам на них выйдет.

— Почему вы помогаете нам? — медленно проговорил Ивор. — С каким из Игроков вы связаны?

— Я связан со всеми Игроками, — засмеялся Стас. — Причем помимо своей воли. Но симпатизирую немногим. А помогаю вам я с сугубо меркантильной целью: я хочу жить, жить свободно и полно, не рискуя исчезнуть в очередной Игре. А нынешняя Игра идет не на завоевание игровых пространств, а на коллапс Древа Времен, на аннигиляцию Ветвей, что противоречит правилам. Сотрясатель Системы Игр, или Палач, как образно называли одного из теперешних Игроков, решил свернуть Фрактал Времен и превратить его в вектор, в Стрелу Времени, подвластную только его воле. В результате началось вырождение Мультиверсума, Ветви Древа «засыхают», Корни «гниют», что неизбежно приведет к инфляционному коллапсу всего Древа, скатыванию его в одномерный объект.

— В сингулярность...

— Совершенно точно. Вот почему я на стороне тех, кто может остановить Палача.

— Вы считаете, что я смогу его... остановить?

— Не вы — все человечество как потенциальный Игрок высшего уровня. Но вы, оператор, должны стать зародышем этого Игрока, консолидатором всех законопослушных сил. Если сумеете — Мультиверсум уцелеет. И я вместе с ним.

— Но почему именно я должен стать этим... консолидатором?

— Большинство предметов и существ, реализованных Древом Времен, имеет темпоральный спектр, то есть существует не во всех, но в очень многих Ветвях. Иногда люди говорят — измерениях. Ваш отец — яркий пример такого темпорального спектра: Павлов Ждановых — миллиарды. Кстати, если бы удалось собрать хотя бы сотую или даже тысячную долю всего спектра, образовался бы мощный Игрок, способный обеспечить соблюдение правил Игр даже без Судейской коллегии. Судьи же, к сожалению, не всегда объективны, или их можно купить. Так вот вы, оператор, не имеете темпорального спектра, вы — один на все Древо Времен, а это значит, что в вас спит сила *рода*. Если она проснется, вы сможете стать не только оператором реальности или судебным исполнителем, но и Судьей.

— Но я не хочу быть Судьей!

Стас снова засмеялся.

— Никто вас не неволит, оператор, я просто рисую перспективу. Судья олицетворяет третий уровень сил в Мультиверсуме, есть ниже уровни и есть выше.

— Расскажи! — загорелась Мириам.

— Вы, наверное, устали...

— Мы потерпим.

— Хорошо, воля ваша. Всего уровней, определяющих систему Игр и расстановку сил в Древе Времен, шесть. Самый нижний — оруженосцы Игроков, их представители — эмиссары, вербующие сторонников и контролирующие исполнение приказов Игроков. Сами Игроки представляют пятый уровень схемы взаимодействий, то есть отнюдь не высший. Но это не означает, что они слабы, все они овладели энергоинформационными потоками в пределах своей Мета вселенной и способны влиять на законы соседних Ветвей.

— Значит, не они определяют уровень Игры? — с недоверием и разочарованием проговорила Мириам.

— Не они, — подтвердил Стас. — Только нам от этого не легче. Время от времени рождаются Игроки, презирующие жизнь во всех ее проявлениях и замахвающиеся на все Древо Времен, и тогда Ветви начинают воевать, а цивилизации — гибнуть.

— Тогда выше Игроков должны быть Судьи?

— Судебные исполнители. Как правило, это симбиотические системы, или мощные, индивидуальные, наполовину искусственные существа.

— Киборги?

— Нечто в этом роде. Их энергетический ресурс не превышает энергозапаса Игрока, но он всегда отмобилизован и сконцентрирован, что позволяет судебному исполнителю влиять на локальные законы Ветвей и нейтрализовывать негативную деятельность эмиссаров. Хотя нередки случаи гибели исполнителей, не рассчитавших своих возможностей. Судьи же, естественно, обладают достаточными властными полномочиями, чтобы контролировать весь процесс Игры, и представляют собой многомерные разумные иерархические системы, входящие в Судейскую коллегия. К примеру, создатель хроноквантового ускорителя, или хронобура, человек-спектр Атанас Златков был Судьей прошлой Игры на уровне социально-эволюционной доминанты Игры. А комиссар безопасности человек-спектр Игнат Ромашин являлся Судьей на уровне человеческой и родственных ей цивилизаций биологического цикла.

— Уфф! — выдохнула Мириам. — Никогда не думала, что мне будет читать лекции по квистории сам Стас, инк Ствола! Ну, а выше Судей кто?

— Организатор Игр, естественно. В человеческом лексиконе есть имя-термин, близкий по смыслу деятельности Организатора: Сатана, или Люцифер. Эта мыслящая система весьма коварна и многолика, и лишь немногим уступает Творцу Древа Времен, своему Учителю.

— Но это всего второй уровень из перечисленных тобой. Кто же на самом верху? Творец?

— Нет, — мягко возразил Стас. — Творец — вне всяких уровней, он вообще вне Игры. Хотя тут у меня есть определенные пробелы в знании реального положения вещей. Первый уровень взаимодействий Мультиверсума занимает Заказчик, и он же — Зрители Игры. Возможно, они каким-то образом являются и представителями Творца, и его «чувствующей» частью.

— Но ты не уверен?

— Прошу прощения, мои возможности по анализу поступающей информации ограничены. Все, что я мог сказать, я сказал.

— Спасибо, — тихо проговорил Ивор. — Этого достаточно. Вы нам очень помогли. Последний вопрос, если не возражаете. Кто такой Палач? И с кем он играет? Кто является вторым Игроком?

— Палач как форма жизни не имеет аналогов в Древе Времени. Он из так называемой «тупиковой» Ветви, не имеющей квантовых копий. Субстанциональная основа жизни Палача — жидкие кристаллы со спонтанно нарушаемой симметрией, энергетическая основа — холодные термоядерные процессы. Отдельные капли-особи Палача способны принимать любую форму, кроме остроугольной, и растекаться по любой поверхности слоем всего в несколько микрон толщиной. Никакой социальной организации, никакой техники. Палач — сам себе техника, транспорт и оружие. Космос, где он возник, представляет собой нечто вроде обычной паутины, в узлах которой происходит энергообмен. Никаких звезд, никаких планет и пылевых облаков в этом космосе нет. «Звездами» в нем являются зоны, где горит время, превращаясь в «паутину» — материальную основу жизни.

— Боже мой! — прошептала Мириам. — Не могу представить!

— А второй Игрок? — покосился на нее рассеянно-задумчивый Ивор.

— Второй Игрок — разумная растительная структура.

— Лес?!

— Скорее грибница, но гораздо большего масштаба, нежели земные аналоги. Хотя в принципе все, что растет — трава, леса, водоросли, мхи, — является дальними родственниками этой структуры, имеющими биополя, но не имеющими интеллектуальной сферы. Этот Игрок получил имя Мера — Медленный Разум. К сожалению, он проигрывает, несмотря на помощь таких же «разумных флор» в других Ветвях. Что еще вас интересует, оператор?

Ивор понял, что злоупотреблять гостеприимством Стаса не стоит. Пора было отправляться в путь.

— Спасибо еще раз за помощь и особенно за ценную информацию. Вы, можно сказать, открыли нам глаза.

— Всегда готов служить тем, кто уважает чужое мнение и чужую свободу. Куда вас отправить?

— Назад, в прошлое. Я знаю, что отец застрял в одной из «засыхающих» Ветвей с очень оригинальной «струнной» геометрией. Вы не знаете такой?

— Я имею выходы в мириады Метавселенных с «оригинальной» геометрией. Могу направить в ближайшую.

— Нет, ближайшая не годится. Отец с друзьями застрял в мире, где есть Ствол. Но он заблокирован.

Стас молчал некоторое время, словно размышляя над словами землянина. Заговорил он с нотками сожаления в голосе:

— Простите, оператор, я проверял выходы Ствола в «засыхающих» Ветвях. Всего таких выходов около миллиона. Заблокированных гораздо меньше, но достаточно много. Вам придется проверять их лично, мне эта операция не доступна.

— Тогда направьте нас в «засыхающую» Ветвь с выходом хронобура, ближайшую от моей родной Ветви.

— Нет ничего проще.

Ивора и Мириам подхватила непреодолимая сила, подвела внутри ажурной трубы трансгресса. Вокруг них сформировалась кабина хронолифта, вспыхнул неяркий свет.

— Прощайте, оператор, до свидания, леди. Надеюсь, мы еще встретимся и побеседуем.

Свет в кабине померк. Под ногами молодых людей разверзлась звездная бездна....

Глава 5

Планета была как планета: диаметр — примерно такой же, как и у Земли (судя по отдаленности горизонта), сила тяжести практически не отличалась от земной, воздухом можно дышать, хотя и с трудом; кислорода здесь было значительно меньше, чем на Земле. И цвет неба на этой планете, принадлежащей миру «засыхающей» Ветви, был иным — серым, с желтоватым оттенком.

Трансгресс высадил их на вершине плоского каменного столба, каких вокруг было множество, и лишь приглядевшись, земляне узнали в одном из ближайших останцов колонну хронобура. В этом пыльном, тусклом, грустном мире Ствол почти ничем не отличался от скал — ни формой, ни цветом, разве что был чуть повыше.

— Почему мы вышли здесь, возле Ствола, а не внутри него? — спросила Мириам. — Ведь Стас — инк хронобура и обслуживает только его.

— Ты, наверное, прослушала, что говорил Стас, — ответил Ивор. — Ствол в далеком будущем переходит в трансгресс....

— Это я как раз помню. Но не понимаю, почему трансгресс дублирует Ствол в тех Ветвях, где имеются выходы хронобура. Получается пересечение линий — трансгресса и Ствола, хотя они вместе представляют собой единую систему, пронизывающую Древо Времен.

— Я не думал об этом, — признался Ивор. — Возможно, такие пересечения существуют там, где Ствол перестает функционировать как транспортная система.

Помолчали, разглядывая необычный ландшафт. И вдруг Мириам с дрожью в груди поняла, что скалы вокруг с плоскими вершинами являются искусственными сооружениями! Башнями преимущественно круглой формы с рядами слепых черных окон.

— Боже мой! — прошептала девушка. — Да это же... город!

— Брошенный город, — уточнил Ивор меланхолично. — Мертвый. А вот там он переходит в живой город. — Молодой квестор вытянул руку.

Действительно, на горизонте, в стороне, противоположной низкому неяркому солнцу, виднелась гребенка более светлых зданий, над которыми висела туча вспыхивающих точек. Вероятно, эта туча представляла собой воздушный транспорт города.

Ивор включил антиграв и поднялся в воздух на полкилометра выше. Мириам с опозданием присоединилась к нему. Теперь они могли увидеть весь необычный «горно-городской» ландшафт и оценить масштабы городского строительства местных разумных существ.

Мертвый город тянулся полосой до горизонта, постепенно понижаясь за счет разваливающихся и обрушившихся зданий. Другой его конец утыкался в окраину живого города, как бы постепенно оживая, по мере приближения к жилым кварталам. Складывалось впечатление, что город двигался по планете как живой организм, наращивая тело со стороны «лба» и отпуская «хвост» из постепенно стареющих и начинающих разрушаться зданий.

Ивор поднялся еще выше, под струи сиреневато-сизых облаков, и убедился, что его догадка верна. Город действительно

пересекал холмистую равнину, кое-где переходящую в степи и пустыни, длинной полосой шириной в два десятка километров и в самом деле напоминал живую змею с отмирающим хвостом.

— Интересные тут люди живут, — заметила Мириам, поднимаясь к Жданову. — На всю планету — один город! Не город — музей архитектуры под открытым небом. Здесь можно найти здания, построенные еще, наверное, тысячи лет назад.

— Такой город может быть и не один, но идея движения в сторону прогресса интересна. Зачем делать свалки, мусороперерабатывающие заводы, если весь мусор можно просто сбросить в бывшие жилыми кварталами. С другой стороны, эта идея отражает деградацию цивилизации. Долго она так не продержится. Либо вся планета превратится в свалку, либо численность населения сократится до демографического предела. Кстати, судя по жилой части города, — видишь, какая она маленькая? — здесь происходит второе — вырождение.

— Мы и просили Стаса высадить нас в «засыхающей» Ветви. Куда мы теперь? Познакомимся с аборигенами? Или начнем искать твоего отца?

— Не имеет смысла ни то ни другое. Отца здесь нет.

— Откуда ты знаешь? — удивленно посмотрела на спутника Мириам.

— Я чувствую, — грустно улыбнулся Жданов.

— «Запах»? — догадалась Мириам. — Ты не чувствуешь мысленного «запаха» отца? А если он прячется где-нибудь под землей?

— Не имеет значения. Я бы услышал его мыслеголос, даже если бы отец находился на другой планете этой системы. Но его здесь нет.

— Тогда нам тут нечего делать. Вызовем трансгресс или пойдем в Ствол, побеседуем с кванком Стаса?

Ивор не ответил, глядя на толчею летательных аппаратов над «живой головой» города. Одна из бликующих точек отделилась от облака воздушного транспорта и направилась к зависшим под облаками землянам.

— Нас заметили! — обеспокоилась Мириам. — Как бы не случилось стычки. Может быть, не будем ждать неприятностей, отступим к Стволу?

— Я не чувствую агрессии, — сказал Ивор. — Возможно, кто-то просто заинтересовался нами и решил познакомиться поближе. Уйти мы всегда успеем.

— Все равно лучше подготовиться ко всем неожиданностям.

Отсверкивающая металлом точка приблизилась, превратилась в машину, состоящую из трех горбов, несущего крыла и выступающего вперед рыла с отверстием. Над рылом располагался первый горб с прозрачным фонарем, под которым обнаружили две человеческие фигуры в белых комбинезонах. Их лица также были вполне человеческими, хотя голые шишковатые черепа красивыми назвать было трудно.

Аппарат завис напротив землян. Его повелители молча разглядывали молодых людей, не делая попыток позвать их или хотя бы выразить какие-нибудь чувства.

— И долго они будут тарашиться на нас? — поинтересовалась Мириам вполголоса.

Словно услышав ее реплику, пилоты аппарата посмотрели друг на друга, аппарат отвалил влево и помчался назад к горду, скрылся из виду.

— Странная реакция, — хмыкнула девушка. — Ни вопроса, ни привета. А ведь с виду — люди. Неужели такое поведение — тоже следствие «засыхания» Ветви?

— Вполне возможно, — пробормотал Ивор, прислушиваясь к голосу интуиции. — В вырождающихся мирах в первую очередь изменяется физика, потом психика населяющих Ветвь существ. Но я был не прав: скорее всего, это был патруль, наблюдающий за окрестностями Ствола. Его задача — обнаружить гостей и доложить куда следует. После этого и последует реакция.

— Тогда чего мы ждем? — рассердилась Мириам. — Вызывай трансгресс, и бежим отсюда.

— Поздно...

Что-то сверкнуло в воздухе, в километре от землян, как серебряная нить, и с неба вонзилась в одно из старых зданий города ажурная труба трансгресса.

— Правильно! — обрадовалась девушка. — Хотя мог бы вызвать его и поближе.

— Это не я вызвал.

— Не ты? Как не ты?! А кто?! — Мириам осеклась.

Ажурная колонна трансгресса выплюнула три драконо-видных создания с двумя головами каждое. У них была темно-лиловая пластинчатая кожа, по две лапы, гигантские перепончатые крылья, отливающие перламутром, а вот головы оказались самыми настоящими кабинами эллипсоидальной формы с прозрачными колпаками. Внутри кабин можно было разглядеть по пилоту в неярких синеватых комбинезонах. С виду пилоты были похожи на чернокожих людей с вытянутыми вперед мощными лбами.

— Вот и гвардия местного эмиссара пожаловала, — со смешком проговорила Мириам. — С ними нам не справиться, отступаем. Вызывай трансгресс ближе.

— Не могу, — виновато развел руками Ивор. — Он занят.

— Что значит занят?! Это же не личная линия связи?

— Пусть не личная, но все равно он не отзывается... или я чего-то не понимаю.

Лицо Ивора побледнело и заблестело от пота. Полуживые-полумеханические драконы взмахнули крыльями и устремились к землянам.

— Бежим! — выдохнула Мириам.

— Куда? — растерялся Ивор.

— К Стволу! Может быть, удастся прорваться в здание.

Молодые люди метнулись вниз, набирая скорость, понеслись к угрюмой фиолетово-серой башне хронобура. Драконы с искусственными головами ринулись за беглецами, постепенно догоняя. Когда погоня только началась, их разделяло около километра, но когда земляне домчались до Ствола, драконы оказались на полкилометра ближе, и пилоты, управляющие своими жутковатыми киборг-аппаратами, открыли по беглецам огонь из каких-то интересных орудий, аналогов которым не знали ни Ивор, ни Мириам.

Разряд орудия представлял собой зигзагообразную электрическую молнию, но не очень яркую, состоящую из множества вспыхивающих и гаснущих голубовато-фиолетовых звездочек. Одна из молний пролетела далеко в стороне и погасла, вторая прошла гораздо ближе, вонзилась в стену одной из башен города и превратилась в косматый вихрь ярчайшего радужного огня. Ударная волна отбросила мчавшихся беглецов в сторону и едва не вмазала их в соседнюю башню. И тотчас же инки скафандровых комплексов землян отметили всплеск ра-

диации. Взрыв, разваливший здание, больше всего напоминал атомный, хотя и не очень большой мощности.

Мириам на лету ответила из своего «универсала», но не попала, хотя и заставила одного дракона метнуться в сторону.

Приблизилась округлая ржаво-синяя гора Ствола, испещренная узором вмятин, бугров, ниш и рытвин, словно ее глубоко изъела коррозия. Некоторые из рытвин были довольно глубокими, но не настолько, чтобы в них можно было спрятаться, и беглецы помчались вокруг Ствола, ища тоннель, окно или щель, способные их укрыть.

И в этот момент стена Ствола в сотне метров от них вдруг лопнула, разошлась лепестками розы, и из образовавшегося провала вылетели два гигантских пупырчато-шипастых «огурца» со спиралевидными хвостиками. Конечно, форма объектов была намного сложнее, но общий облик создавал впечатление земного овоща, да и цвет был соответствующий — буро-зелено-желтый, что усиливало сходство.

Мириам резко затормозила, не зная, как реагировать на появление новых препятствий, потом крикнула Ивору: «Пикируем!» — и понеслась вниз. Жданов без раздумий последовал за ней.

Драконы тоже проделали этот маневр, не обратив внимания на стометровые «огурцы», и тут произошло неожиданное. «Огурцы» окутались шубой электрического сияния и преградили драконам дорогу. А затем открыли по ним огонь пакетами голубых и синих молний!

Один дракон сразу же получил два попадания, его левая яйцевидная голова-кабина разлетелась на куски, и он, судорожно замахав крыльями, провалился вниз, исчез среди развалин зданий. Два оставшихся ответили «огурцам» стрельбой из своих атомных орудий, завязался бой, финал которого трудно было предугадать.

Ивор остановился, захваченный зрелищем сражения. Мириам тоже оглянулась, но думала она об одном: как защитить своего друга, поэтому картина боя преследователей с неизвестными друзьями оставила ее равнодушной.

— За мной, Жданов! — крикнула она, устремляясь к отверстию в стене Ствола, из которого вылетели «огурцы». — Не отставай!

Ивор очнулся и догнал девушку.

Они так и не увидели, чем закончился бой между представителями двух враждующих группировок, принадлежащих, скорее всего, разным Игрокам. Во всяком случае, сомнений насчет этого у Ивора не было. Единственное, о чем он искренне пожалел, — что не удалось познакомиться с пилотами «огурцов», вступившихся за них.

Беглецы нырнули в отверстие начинавшегося тоннеля в стене хронобура, за доли секунды преодолели весь тоннель, пронизывающий внешнюю стену здания толщиной в полсотни метров, и вылетели в гигантский сферический зал со слабо светящейся трубой хронолифта посередине. Труба казалась намного меньше «огурцов», и было непонятно, как им удалось уместиться в ней во время путешествия из Ветви в Ветвь, но анализировать тайну несоответствия масштабов было некогда. Механодраконы могли победить в бою и последовать за беглецами. Поэтому земляне решили не ждать их появления, а сразу нырнуть в «струну» хронолифта, соединявшую Ветви, и оказаться подальше от негостеприимного мира.

Дверь в лифт открылась, как только они приблизились к трубе хрономембраны. Путешественники нырнули в решетчатый короб кабины, дверь за ними закрылась; выглядел этот процесс так, будто уплотнился воздух и превратился в полупрозрачную пластину двери.

— Куда теперь? — повернулся Ивор к Мириам.

— Вниз, — прошептала девушка, потерявшая много душевных и физических сил.

Ивор обнял ее, поцеловал и проговорил вслух, обращаясь к автомату хрономембраны:

— Вниз!

Свет в кабине померк...

Стены кольцевого зала источали жар и подрагивали. Если бы не «кокось», беглецы вряд ли смогли бы выйти из кабины хронолифта в зал. Температура здесь достигала ста сорока градусов по Цельсию.

Из глубин здания через коридоры в зал просочились гулкие громовые удары, от которых стены заколебались, как живые, и душераздирающий визг, будто где-то недалеко дрались разъяренные ведьмы. Затем послышался голос автомата:

— Внимание, хроносдвиг! Длительность — сто пятьдесят тысяч лет, коррекция сверху невозможна. Горизонт в провале! Всем покинуть горизонт! ТФА заблокировать выходы мембран! Даю отсчет: одиннадцать минут до сдвига, десять минут пятьдесят восемь секунд, десять минут пятьдесят шесть секунд...

— Влипли! — констатировал Ивор с философским спокойствием. — По каким-то причинам здешний кванк Ствола ликвидируется. Что происходит, как ты думаешь?

— Возможно, мы попали в коллапсирующую Ветвь, — предположила Мириам.

— Вы совершенно правы, мисс, — раздался под шлемами «кокосов» негромкий, но отчетливый мужской голос. — К сожалению, данный домен Мультиверсума свертывается в точку, в сингулярность. Чем могу быть полезен оператору и его спутнице? Только прошу учесть, я в вашем распоряжении всего лишь в пределах десятиминутного отсчета.

— Стас? — неуверенно проговорила девушка.

— Он самый, мадемуазель.

— Что здесь у тебя происходит?

— Не у меня, милая сударыня. В данной Ветви, где я имел неосторожность выйти в реальность, эмиссар Игрока по имени Палач запустил генератор упрощения континуума. Из шестнадцати измерений, присущих этой Метавселенной, скомпактировались уже двенадцать. Оставшиеся четыре схлопнутся в течение нескольких минут.

Мириам невольно глянула на неподвижно стоявшего рядом Ивора. Конусовидный шлем «кокоса» не позволял видеть лица молодого человека, но девушке почему-то показалось, что он принял какое-то определенное решение и обдумывает его.

— Уходим? — нерешительно спросила она. — Здесь мы явно лишние.

— Откройте мне выход во внешний мир, — ровным голосом произнес Ивор.

— Зачем?! — изумленно воскликнула Мириам. — Что ты хочешь увидеть?

— Я попробую остановить генератор.

— Ты с ума сошел!

— Стас, откройте мне ближайший внешний тамбур. побыстрее, пожалуйста!

— Я не могу разблокировать контур защиты, произойдет взаимопересечение пространств и...

— Я требую!

Пауза.

— Как скажете, оператор. В принципе мой объект обречен. Погибну я минутой позже или минутой раньше — не имеет значения. Но предупреждаю: у вас всего десять... нет, уже девять минут.

— Я помню.

Послышался дробный цокот, из коридора выскочили два метрового роста паука, подскочили к землянам. Мириам невольно попятилась.

— Садись, — отрывисто бросил Ивор, вскакивая на ближайшего механического паука. — Конкистадоры доставят нас к зоне выхода.

Мириам повиновалась.

Пауки развернулись и помчались из зала в заполненный слоистым дымом коридор. Через минуту бешеной скачки они высадили наездников в тупике одного из боковых коридорчиков возле черной двери с надписью: «Тамбур V. Без ТФЗ не выходить!» Дверь свернулась валиком вокруг оси, ушла в бок. Ивор и Мириам ворвались в небольшое кубическое помещение, в котором тут же вспыхнул неяркий оранжевый свет. Дверь за ними закрылась. Раздался короткий рев сирены. Стена помещения лопнула, стала раздвигаться, впуская яркий голубовато-белый свет. Ивор включил антиграв и вылетел в образовавшийся проем. Мириам без слов метнулась за ним.

Они оказались в туманно-серебристой бездне, разделенной слоями на множество «книжных страниц». Эти слои корчились, вспыхивали голубым светом и таяли, исчезали, рождая судороги пространства. Сквозь дымную вуаль вверху виднелась светящаяся белая спираль — не то близкая галактика, не то светило этого мира. Внизу, в гулкой бурлящей бездне, в которой исчезало основание Ствола — здесь он имел форму многогранной белой колонны, — иногда сквозь дымную кисею проглядывала другая размытая спираль — темно-фиолетовая, угрюмая, неприятная, с угрозой глядящая на непрошенных гостей.

— Мы ничего не успеем сделать! — крикнула Мириам, не слыша своего голоса; гул, выпускаемый спиралевидной бездной, ступшеывал все звуки. — Возвращаемся!

Ивор не ответил. Он уже вошел в состояние *пустоты* и разворачивал все свои сферы экстравидения, чтобы определить местонахождение генератора свертки, о котором говорил Стас.

Пространство домена стремительно «скатывалось» в сингулярность, теряя измерения одно за другим. Чудовищная сила расшатывала его, ломала, сжимала в «гармошку», скручивала в спираль, сворачивала координаты и физические законы, превращала объемные тела в плоские, плоскости — в линии, линии — в точки.

В тот момент, когда Ивор вышел в местный космос, количество измерений его сократилось до трех, и мир на несколько мгновений стал прозрачным. Ивор увидел дымящиеся клубки и вихри пламени — местные звезды и смерчеобразные твердые образования: планеты с дымно-пылевыми хвостами. Они на глазах распадались на каменные сгустки, вытягивались в длинные пылевые языки и сжимались в спиральные вихри.

Увидел Ивор и генератор свертки пространства: совершенно жуткая змееобразная конструкция ворочалась во мраке космоса и «глотала» его «твердь» кусок за куском — такое складывалось впечатление. Она представляла собой не материальное образование, а конгломерат чужих физических законов, управляющих процессом свертки, и Жданов понял, что на сей раз ему не удастся проникнуть волевым усилием в «мозг» генератора и перехватить управление. Для этого требовалось знание иных законов — вселенского масштаба, законов, контролирующих рост Древа Времен, а земная наука еще только нащупывала контуры этих законов.

Трехмерный объем Ветви сжался в бесконечный двухмерный лист. Небольшой участок трехмерия сохранялся лишь возле башни хронобура, но и его начала корезить и мять непреодолимая сила упрощения континуума. Ствол заколебался, как голографическая картинка. Отверстие в его стене, через которое люди выбрались в коллапсирующий мир, превратилось в сетку, затем в твердую заплатку и исчезло.

— Ивор! — крикнула испуганная Мириам. — Что делать?!

Молодой квестор очнулся, вызвал трансгресс. Бесшумная молния перечеркнула сминавшееся в складку пространство, рядом возникла ажурная труба, окутанная облаками мелких электрических молний. Землян подхватила мягкая невидимая рука стартовой сферы, поместила внутрь трубы.

— К друзьям! — скомандовал Ивор, перебивая скороговорку обслуживающего трансгресс автомата. — Надо знать меру!

Последнее, что он увидел, было надвигание *тьмы* на бесконечный двухмерный пятнистый лист, яркие пятна на котором представляли собой ставшие плоскими бывшие «звезды» и «планеты» этого обреченного мира.

Затем наступила невесомость, короткая дурнота, тела людей растворились в потоке света, и они начали падать в бездну.

Падение продолжалось долго — по внутренним ощущениям Ивора, а когда трансгресс наконец «остановился» и его пассажиры «вышли», оба почувствовали себя усталыми и разбитыми.

Они стояли на какой-то шелестящей мягкой поверхности под удивительно красивым звездным небом с незнакомыми созвездиями, окруженные шевелящейся и шепчущей стеной, состоящей из отдельных пушистых предметов или объектов разной высоты. Ивор не сразу понял, что это своеобразные деревья.

— Где мы? — послышался тихий голос Мириам.

— У друзей, — ответил он, разгерметизируя «кокос» и сворачивая шлем. — Снимай колпак, здесь можно дышать.

Мириам послушалась, но отходить от спутника не решилась, оглядываясь и прислушиваясь к шуму ветра в лесу.

— Ночь... тепло... Мы случайно не на Гезем вернулись?

— Нет, это мир второго Игрока. Я снова произнес волшебные слова о «мере», и трансгресс, понявший меня буквально, перенес нас в Ветвь Меры.

— Как здорово! Значит, это царство разумных растений? Можно, я включу фонарь?

— Не надо, сейчас глаза привыкнут к темноте, и ты сможешь ориентироваться. Предлагаю перекусить и пару часов поспать. Утром начнем знакомиться с хозяевами.

— Я ничего особенного не ощущаю...

— Они вокруг и вполне понимают нас. — Ивор прошелся по заросшей травой поляне, нашел ложбинку, сел. — Иди сюда.

Мириам приблизилась, опустилась рядом.

Ивор бережно обнял девушку, заглянул в ее глаза, в которых отразились звезды, улыбнулся, вдруг почувствовав себя намного старше и опытней.

— Тебе еще не надоело бегать по чужим мирам?
— Нет, — помотала она головой и зажмурилась.
И тогда он поцеловал ее...

Глава 6

Ивор проснулся первым.

Мириам лежала рядом, прижавшись к нему и подложив под голову кулачок. «Кокось» не могли, конечно, компенсировать отсутствие кроватей, но были достаточно удобны, чтобы в них можно было спать.

— «Также, если лежат двое, то тепло им», — вслух вспомнил Ивор Екклезиаст, — а одному как согреться?

Мириам проснулась, открыла глаза, мгновение лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине вокруг, потом увидела свою позу, покраснела и упруго вскочила, оглядываясь по сторонам.

— Что ты там бормотал?

— Молился, — серьезно ответил Ивор, вставая и тоже начиная осматриваться.

То, что они ночью приняли за лес, и было лесом, только деревья в этом лесу больше всего напоминали чешуйчатые, поросшие пухом и мхом грибы разнообразных форм и расцветок. Многие из них достигали высоты в пятнадцать и даже двадцать метров, но встречались и «дождевики» размером с человека и меньше. Однако неприятных чувств эти грибные создания не вызывали, некоторыми из них можно было любоваться, настолько их форма казалась гармоничной и красивой, а от спиралевидных «лиан» с колониями ярких пурпурных «ушей» и бутон вообще нельзя было отвести глаз. Во всяком случае, Мириам обратила внимание именно на эти «лианы», представляющие, очевидно, симбиотические пары типа «дерево–лишайник».

Трава, усеявшая все пространство между грибами, напоминала земную осоку, только серо-жемчужного цвета. Небо в этом мире имело салатный оттенок, а светило, всплывшее над волнистой линией леса, было желто-зеленое, не слишком яркое, но приятное.

Выбравшись из ложбины в лесу, где они провели ночь, на ближайшую возвышенность, земляне долго разглядывали бес-

крайние лесо-грибные просторы без единого следа цивилизации и впитывали его звуки и краски, постепенно растворяясь в нем, превращаясь не в существ с иным мировоззрением, а в категории: неторопливость, размеренность, отрешенность, размышление...

И лишь заметив приближающийся со стороны уходящей ночи предмет, напоминающий длинный пупырчатый огурец, Ивор очнулся и понял, что мир Игрока-2, планета Меры или же он сам попытались приобщить гостей к местному времени и мироощущению.

— Нас встречают, — предупредил молодой человек спутницу.

Мириам с трудом пришла в себя, стяхнула оцепенение, шевельнула онемевшими губами:

— Так бы стояла и стояла целую вечность... Кто нас встречает?!

Затем и она увидела скользящий над грибным царством «огурец».

— Батюшки-светы, да это же те, кто помог нам отбиться от драконов «засыхающей» Ветви! Вот так встреча! Как они здесь оказались?

— Вероятно, это воин Меры, — предположил Ивор. — Или его эмиссар.

— Почему не сам Мера?

— Потому что Мера — это, по сути, растительный супермозг, вспомни слова Стаса. Вряд ли он способен активно двигаться. Ему нужны более подвижные помощники и исполнители.

— Он будет говорить с нами?

— Сейчас узнаем.

«Огурец» приблизился, вырастая в размерах до величины земного стадиона, завис над землянами. В его бугристо-пупырчатом днище открылся круглый люк. У молодых людей появилось ощущение дружеского жеста со стороны «огурца».

— Похоже, нас приглашают в гости, — пробормотала Мириам. — Но можно ли им верить? Что, если нам просто внушают доброжелательность?

— Это друзья, — с уверенностью отозвался Ивор. — Они дали нам возможность отдохнуть и охраняли наш сон. Теперь пришло время контакта.

О том, что Мера мог просканировать психику и память гостей, Ивор говорить не стал. Он чувствовал, что ничего дурного хозяева не замышляют.

Земляне включили антигравы «кокосов», поднялись вверх и сквозь пятиметровое отверстие люка проникли внутрь «огурца».

Они оказались в тоннеле с перепончатыми, слабо светящимися желтоватыми стенами, который привел их в огромный грот, стены которого поросли колониями ярких пурпурных грибов в форме человеческих ушей. Землян пронизал взгляд — умный, пристальный, доброжелательный взгляд, хотя никаких глаз грибы-уши не имели.

— Ох и не люблю я гипнотизеров! — проворчала Мириам. — Может, включим пси-защиту?

Словно в ответ на ее слова напротив зависших в центре грота землян появился человек в темно-зеленом комбинезоне без всяких деталей — карманов, «молний», нашивок и техно-окон. Он был сед, имел красивую седую бороду и усы, горящие черные глаза, крупные губы и римский нос. Ивор не сразу узнал его: это был Атанас Златков, создатель хронобура собственной персоной.

Ученый шевельнул рукой, и тотчас же интерьер грота изменился. Вокруг людей сомкнулись опалесцирующие стены, объявились светящийся потолок и более темный опаловый пол. Из пола выросли удобные, кожаные с виду кресла, столик и на высокой подставке ваза с колотым льдом, из которой торчало серебристое горлышко бутылки шампанского.

— Ну, привет, — с легкой усмешкой произнес Златков, — соотечественники. Рад видеть вас в этом тихом и спокойном мире. Давно не встречался с представителями хомо сапиенс.

— Атанас? — неуверенно проговорила Мириам, поглядев на Ивора.

— Он самый, — кивнул ученый. — Разве что не из вашей Ветви. Насколько мне известно, мой кванк из вашей Мета вселенной застрял где-то в нетях и еще не выбрался в мейнстрим. Да вы присаживайтесь, побеседуем. В моем лице вас приветствуют и флориане, хозяева Ветви, им тоже любопытно поговорить с вами.

Ивор кивнул Мириам, и они сели в кресла. Златков расположился напротив, сцепив руки на груди, разглядывая гостей умными черными глазами, изредка уходящими в глубины не-

ведомых пространств и как бы задергивающимися шторками непроницаемости. Мириам заерзала под его взглядом.

— Что вы на меня так смотрите?

— Любуюсь, — улыбнулся Златков. — Вы очень красивая молодая особа, и что-то мне подсказывает, что я знаю вашего отца. Не Игнат ли Ромашин случайно?

— Да, я его дочь.

— Рад познакомиться. — Златков перенес взгляд на Ивора. — Ну, а вы сын Жданова, потенциальный оператор, или Тот, Кого Ждут, если верить легендам Древа.

— Почему потенциальный? — пробормотал Ивор. — Стас называл меня оператором...

— Стас — это инк Ствола? Он очень вежливое существо. Если бы вы были оператором реально, вы бы не попадали в разные глупые и опасные ситуации. Не обижайтесь, у вас все впереди. К тому же, если бы вы изначально были оператором, вряд ли зашли бы так далеко, как сейчас.

— Почему?

— Вас бы просто не пропустили. А так как никто не ждал от вас подвигов и не брал в расчет, охота за вами началась только сейчас.

— Понял...

— А каким ветром вас сюда занесло, Атанас? — поспешила Мириам сгладить впечатление от слов ученого, хотя Ивор не думал обижаться. — Что вы здесь делаете, у Меры?

— У кого? — поднял бровь Златков.

— Так назвал Игрока-2 Стас — Мера, от слов «медленный разум».

— Что ж, вполне логично и соответствует тому, что есть. Я здесь живу по собственной воле уже много лет и занимаюсь всякими разными исследованиями и расчетами. Благо собеседник у меня — дай бог каждому. Например, я учусь посредством Хроник Мультиверсума изменять его законы через цепочки невозможных состояний. Изучаю архитектонику времени в разных Ветвях Древа. Подхожу к пониманию своего открытия.

— Как это? — удивилась Мириам.

— До сих пор мне была не понятна причина реализации такой мощной энергоинформационной системы, как «Ствол-трангресс».

— Но вы же сами рассчитали теорию временных проколов и построили Ствол!

— Я строил и рассчитывал не то, что получилось на самом деле. Я считал, что обратимость времени возможна, для чего необходимо всего лишь изменить направление изменения скорости фундаментального взаимодействия; к слову сказать, в большинстве Ветвей с планетами и звездами она уменьшается. Но впоследствии выяснилось, что при попытке изменения направления скорости фундаментатора я неизбежно должен был наткнуться на встроенный в Древо принцип экономии энтропии, дающий более сложным системам, в том числе биологическим, преимущество перед простыми. А мой хронобур почему-то обошел его!

— И вы только сейчас подошли к объяснению феномена?

— Скажем так: я близок к решению задачи. Вот только описать вам это открытие не смогу, в человеческом языке отсутствуют необходимые понятия.

— Попробуйте, пожалуйста, — попросил Ивор.

Златков усмехнулся в усы.

— Если говорить совсем просто, то идея трансгресса так сильна, что сама явилась причиной своей реализации. Если чуть усложнить ответ, то мы придем к понятию кейроса.

— Кейрос? — наморщила лоб Мириам. — Это что-то из греческой мифологии...

— Согласно представлениям древних философов о триедином времени, кейрос являет собой процесс образования пространства потенциально допустимых состояний материи, реализуемых разумными системами из некоего Изначального Единого Пространства *всех* мыслимых и немыслимых состояний. Так вот, в данной интерпретации идея «струн» информации, пронизывающих Вселенную, есть кейрос, породивший трансгресс. А он, в свою очередь, тесно связан с плотностью вероятности реализации тех или иных событий, которая на разных осях времен — мы говорим: в разных Ветвях — может быть разной. То есть плотность вероятности возникновения трансгресса была такой высокой, что он *не мог не реализоваться!* Моя идея хронобура лишь ускорила реализацию. Кстати, применение идеи кейроса позволило мне рассчитать и Древо Невозможных Состояний материи, вероятность существования которого не равна нулю. Теперь вам понятно, чем я тут занимаюсь?

Ивор и Мириам обменялись красноречивыми взглядами. Девушка засмеялась.

— Боюсь, мои возможности анализа такой информации довольно низки. Я почти ничего не поняла. Например, что такое триединое время? Это и есть кейрос?

— Триединое время — категорийное понятие. Время бывает абсолютным, многомерным, относительным и мнимым. Древо Времен реализует лишь относительные времена, «сдвинутые» друг относительно друга на определенный квант-угол. В рамках этой данности нет ни абсолютного будущего, ни абсолютного прошлого, а передача причинных взаимодействий осуществляется посредством «вмороженных» в Мультиверсум законов. Древо Невозможных Состояний должно жить в потоках мнимого времени, ограниченных эквивременными поверхностями. Абсолютным же временем может пользоваться только Абсолют, то есть Творец. Хотя и абсолютное может иметь какие-то градации. Я еще работаю над этими вопросами.

— Спасибо за разъяснение, — с иронией поклонилась Мириам.

Златков остался сосредоточенно-спокойным, глянул на задумавшегося Ивора.

— Вас что-то беспокоит, оператор?

Молодой человек очнулся, по губам его скользнула улыбка.

— Я вспомнил аксиому земной журналистики: обращайся к собеседнику как к умному человеку, но не забывай, что он идиот. Наша беседа проходит примерно в этом ключе.

Улыбнулся и Златков.

— Пожалуй, это слишком самокритичное заявление. Надеюсь, вы меня поняли.

— Не всё.

— Я тоже не всё, — призналась Мириам. — Не понимаю, как вообще можно рассчитывать то, чего не может быть в природе.

— Природа — если иметь в виду Большую Вселенную — реализует *всё!* Физика невозможных состояний описывает состояния, невозможные лишь с точки зрения законов Древа Времен. Где-то существуют миры, где эти состояния — объективная реальность. В них нет ни времени, ни пространств, но обязано быть нечто, их заменяющее.

— Что?

— Ну, скажем, поля семантико-этических дилемм или объемы коэффициентов отображения Абсолюта. И так далее.

— Сдаюсь! — подняла вверх руки Мириам. — Мои мозги начинают плавиться. Давайте поговорим о чем-либо другом.

— Пожалуйста, — пожал плечами Златков. — Может быть, вы голодны? Можем пообедать.

— Я бы не возражала. НЗ на завтрак — не слишком приятная трапеза.

— Я тоже хочу есть, — кивнул Ивор. — Но прежде разрешите задать еще пару вопросов. Когда еще появится возможность побеседовать с Судьей Игр!

Златков прищурился, покачал головой.

— Я уже давно не Судья.

— Ну, все равно наверняка имеете возможность общаться с Судейской коллегией.

— Что вы хотели бы узнать? — Златков не стал отрицать своей связи с Судьями Игр, и Жданов отметил это для себя.

— Что произошло?

— Хороший вопрос, — усмехнулся ученый, оценивающе глянув на задумчивое лицо молодого землянина. — Можно сказать, основополагающий. Если говорить о глобальном уровне происходящих событий, то Безусловно Второй, он же Заказчик Игр, решил стать Безусловно Первым, то есть сменить Творца Мироздания. Достигнув предельного для данной Вселенной уровня постижения Абсолюта, он решил «обрезать» Древо Времен до состояния Вектора, или Стрелы Времени, то есть максимально уменьшить пропускную способность каналов связи и вычислительную мощь разума, что коррелируется с понятиями «правда» и «духовность». По сути, он хочет ограничить свободу Творца, реализовавшего себя в Мультиверсуме.

Златков поднял вверх руку и вынул из воздуха белый прямоугольник с каким-то рисунком, похожий на лист картона.

— Вот что происходит на самом деле, если это изобразить схематично, на плоскости.

Ивор кивнул, передал лист «картона» Мириам.

— Я уже понял, что Игра идет на сворачивание Древа, нам об этом сообщил Стас. Не могли бы вы показать все игровое пространство?

— Вряд ли его можно отобразить схематично, — скептически поджал губы ученый. — По сути, все Древо является

игровым пространством и даже *процессом* Игры, сложность которого даже не поддается определению.

— Ну, хотя бы приблизительно.

Златков задумался, поглаживая бороду, кивнул.

— Хорошо, попробуем. Для этого мне потребуется помощь флориан. Подождете пару минут?

— Конечно, подождем. А кто такие флориане? — спросила девушка.

— Так я называю представителей местных разумных систем. Между прочим, мы сейчас находимся внутри одного из них, хотя по большому счету это искусственный растительный организм, обладающий большой динамикой и скоростью обработки информации, а также возможностями трансформации. Флориане создали для себя интегральную искусственную среду — квантовые города и поселения. Посидите здесь, пока я побеседую с ними.

Златков исчез. И появился вновь.

— Прошу прощения, я забыл, что вы голодны. Какую кухню предпочитаете?

— Русскую, — сказал Ивор.

— Прибалтийскую! — заявила Мириам.

— Через несколько минут вам подадут обед.

— Неужели его нам приготовит сам Мера? — пошутила девушка.

— Ну, что вы, — усмехнулся Златков, — я здесь на полном самообеспечении, даже захватил с Земли прекрасный кухонный комбайн «Смак», выращиваю овощи и фрукты. Позже я покажу вам свой «приусадебный участок». А пока открывайте шампанское.

Златков указал на торчащую из льда серебристую головку бутылки и исчез.

Ивор поднялся, достал бутылку и прочитал:

— «Абрау-Дюрсо. Брют-классик».

— Видать, на их Земле тоже делают хорошее шампанское, — весело проговорила Мириам. — Отличается только названием: наше шампанское никогда не называли «Брют-классик».

Ивор откупорил бутылку, разлил вино в бокалы, подал девушке. Мириам подняла свой бокал.

— Предлагаю тост.

— Неудобно без хозяина, — пробормотал молодой человек.

— С ним мы тоже выпьем. За успех безнадежного дела.

Ивор помедлил, потом дотронулся бокалом до бокала спутницы и отхлебнул глоток.

— Наше дело не безнадежное, — уверенно заявил он.

Появился Златков, поднял свой бокал.

— За встречу, соотечественники.

Они сделали еще по одному глотку. Златков посмаковал вино, допил и поставил бокал на стол.

— А теперь, с вашего разрешения, мы покажем вам схему взаимодействий главных сил Древа Времен, или, как вы изволили выразиться, пространство Игры.

Свет в помещении погас. Затем пол под ногами сидящих людей засветился и протаял в глубину. Они повисли над белеющей бездной, в которой начала проявляться ажурная ветвящаяся конструкция, состоящая из множества объемных фигур. Лишь спустя какое-то время зрителям стало понятно, что означает эта конструкция.

Она изображала игроков в шахматы, сидящих за столом с шахматной доской. Один игрок слегка напоминал фигуру человека с рогатой головой, второй — многорукое существо с лиановидными конечностями и папоротниковидным туловищем. Шахматная доска тоже казалась ажурной, а фигур на ее полях было гораздо больше, чем в известной земной игре, и каждая фигура пускала вверх перья папоротника, кое-где соприкасающиеся и прорастающие друг в друга. Мало того, и игроки, и столик, и доска тоже соединились и прорастали друг в друга, создавая удивительную живую композицию, каждая часть которой влияла на соседние.

— Древо? — неуверенно проговорила Мириам.

— Его символическое изображение, — раздался голос невидимого Златкова. — Каждая веточка и листик папоротника есть Ветвь Древа, отдельный его домен. Теперь смотрите.

Фигуры игроков вдруг ожили.

Один из них сделал ход — передвинул «пешку» на шахматной доске. И тотчас же несколько листиков папоротника, вырастающего из головы «пешки», пожелтели и осыпались, а листики соседней фигуры, которой коснулся стебель папоротника, стали чернеть и сворачиваться.

Еще ход.

Игрок в облике рогатого человека взял фигуру.

Мгновенно весь куст папоротника на пешке, которую он съел «ладьей», усох и рассыпался в прах.

Его противник ответил атакой «ферзя», тесня «ладью».

Произошло изменение конфигурации ветвей папоротника на десятке фигур сразу. Многие листики также начали сохнуть, менять цвет или превращаться в живых «гусениц», падающих на шахматную доску и растворявшихся в ней. Но появились и новые зеленые побеги папоротника, а чернеющие листики начали оживать, распрямляться.

— Конечно, это лишь упрощенная схема Игры, — проговорил Златков. — Я не мог изобразить всех действующих сил, ибо их намного больше двух. Но основных Игроков два — Палач и Мера. Остальные фигуры на шахматной доске — цивилизации более низкого уровня.

— Люди — это пешки? — робко спросила Мириам. — Самые слабые фигуры?

— Нет, милая барышня. Их уровень немного выше. Хотя обольщаться не стоит.

Игроки с их стульями и столом исчезли. Проявилась прежняя обстановка комнаты для бесед. Златков оценивающе смотрел на гостей.

— Вы удовлетворены, оператор?

— Да, — тихо сказал Ивор.

— Разумеется, сравнение Игры с шахматной партией не совсем корректно, она больше похожа на такие игровые виды спорта, как баскетбол или водное поло, где допустимы грязные приемы, не всегда регистрируемые судьями. Но представление об Игре получить можно. А теперь давайте обедать. Что-то я проголодался.

Словно по мановению волшебной палочки, посреди комнаты возник стол, уставленный тарелками и блюдами с закусками. Златков сделал приглашающий жест, и гости не заставили себя упрашивать. Через минуту они сидели за столом и ели.

Выбора блюд не было, как не было и меню, но все блюда точно отражали вкусы и аппетиты землян, из чего Ивор сделал вывод, что хозяин каким-то образом предварительно подслушал их мысли и желания. Однако заострять на этом внимание

Жданов не стал. Если Златков и поступил так, то лишь для того, чтобы угодить гостям.

Обед прошел в молчании. Блюда сменялись сами собой и исчезали в неизвестном направлении, будто за едоками ухаживали невидимки. Затем на столе появились широкие бокалы с малинового цвета напитком, в котором вспыхивали золотистые искорки, и Златков сказал, беря один из бокалов:

— Вельми, рекомендую. Мое творчество. Сварено из местных трав и ягод.

Он отхлебнул напиток, подержал во рту и проглотил.

Ивор тоже сделал глоток. Напиток был кислотовато-сладким, приятным на вкус, освежающим, с горьковатым запахом миндаля, в нем лопались воздушные шарики и щекотали язык.

— Ну, как?

— По-моему, замечательно! — похвалил напиток Ивор.

Мириам отпила полбокала, зажмурилась, помотала головой. Глаза ее расширились.

— Великолепный букет! Дадите рецепт?

Златков засмеялся.

— Женщина везде женщина, даже за тридевять земель от родной Солнечной системы. Пусть это будет моим фирменным секретом. Все равно таких растений вы нигде больше не найдете. Итак, дорогие гости, пора прощаться. Меня ждут неотложные дела, да и терпение флориан небесечно. Что еще я могу для вас сделать? В пределах моих возможностей, разумеется.

— Мы будем чрезвычайно благодарны, — улыбнулся и Жданов. — Я знаю, что ничего случайного не бывает и наша встреча была predetermined, хотя и не знаю — кем. Возможно, бровеем Мимо. — Ивор впился глазами в лицо Златкова. — Вы с ним не встречались?

Лицо ученого осталось невозмутимым, хотя в глазах мелькнул какой-то огонек.

— Иногда он посещает сей райский уголок. Но беседуем мы редко, бровей Мимо — не самый компанейский человек и не слишком интересный собеседник для меня.

— Почему?

— Потому что знает гораздо больше, чем говорит, а я этого не люблю. И, возможно, он не тот, за кого себя выдает.

— Мимо был Организатором прошлой Игры...

— Это он вам сказал?

— Нет, с ним разговаривал мой отец... давно...

— На вашем месте я бы не верил ни одному его слову. Я имею в виду бровей.

— Однако он помог нам! — горячо возразила Мириам. — Вызвал трансгресс...

Брови Златкова изогнулись.

— Если так, то я не знаю, что и сказать. Мир перевернулся. Либо произошли изменения в психике бровеев, которых я не заметил. Итак?

— Один вопрос, — заторопился Ивор. — Если Палач играет не по правилам, почему в Игру не вмешается Судья?

— Судья... э-э, как бы поточнее выразиться... подкуплен. А судебные исполнители отстранены либо устранены. Физически. Вот почему нужен независимый исполнитель. Вся надежда на вас... э-э... оператор.

— Вы смеетесь, — нахмурился Ивор.

— Боже упаси! — возразил Златков. — Только люди способны сформировать боевую команду в обход воли Игроков, и только вы сможете стать катализатором этой команды и превратить ее в *силу*. Хотя, честно скажу, шансов у вас немного.

— Ничего, пробьемся, — пренебрежительно повела плечиком Мириам. — Только помогите нам, если сможете. Дайте нам координаты «засыхающей» Ветви, где застрял отец Жданова.

— Насколько мне известно, таких Ветвей множество, и почти в каждой заблокированы кванки Ждановых. Сам я, конечно, не смогу вам помочь, но флориане должны знать расстановку сил и отправят вас туда, куда нужно. Я попытаюсь им все объяснить.

— Тогда у нас всё. — Ивор решительно встал. — Спасибо за гостеприимство.

Мириам тоже поднялась и спросила с любопытством:

— Атанас, вы так и собираетесь жить в этом мире один? С флорианами? Не хотите вернуться домой, на Землю?

— Не хочу, — покачал головой Златков. — Здесь намного спокойнее. Да и не один я. — Он улыбнулся.

Рядом с ним вдруг сформировалась из воздуха пышнотелая молодая женщина с золотыми волосами, такими же золотыми глазами и ямочками на щеках.

— Здравствуйте, — поклонилась она с достоинством.

Земляне не сразу ответили на приветствие, ошеломленные знакомством. И тотчас же золотоволосая красавица исчезла.

— Ничто человеческое, как говорится... — философски заметил Златков, не обращая внимания на легкое замешательство гостей. — Хочу дать вам один совет, прежде чем мы расстанемся. Ищите Матричную Ветвь. Возможно, вы найдете там ответы на все ваши вопросы. Ну, или на большинство вопросов.

— Зачем нам нужна Матричная Ветвь? — не поняла Мириам. — И что это вообще такое? Может быть, Корень Древа?

— На Земле существовала легенда, что человек создан по образу и подобию Творца. Поразмышляйте над этим.

— Ничего не понимаю. — Мириам посмотрела на Ивору. — А ты?

— Вы хотите сказать... — медленно начал тот, — что люди — прямые дети Творца?

— Великолепно, оператор! — хмыкнул Златков. — Вы далеко пойдете. Да, люди — *истинные* дети Творца, они когда-то все были богами, но забыли об этом. Прощайте. А это вам подарок. — Ученый вытащил из воздуха предмет с рукоятью, напоминающий старинный револьвер с трехгранным дулом.

— Какой интересный, — взяла в руки револьвер Мириам. — Что это за пушка?

— Ваксинг, или, в просторечии, вакуумхлоп. Мне подарил его один мой приятель, но мне он не пригодился. Это оружие на основе возбуждения вакуума, оно создает «пузырь схлопывания» пространства в черную дыру. В зависимости от мощности импульса может образовываться либо сфера сверхзвука мощностью до ста децибел, либо воронка всасывания диаметром около ста метров.

— Класс! — восхитилась девушка, понимавшая толк в оружии. — Такого я еще не встречала! Нам он действительно может понадобиться.

— Прощайте, — подал руку Ивору Златков, поцеловал пальцы Мириам. — Заходите еще. Передавайте привет всем моим кванкам.

Он исчез.

— Но как же мы... — начала обескураженно Мириам.

— Все в порядке, — отозвался чей-то басовитый резонирующий голос, и комната исчезла, люди повисли в центре гро-

та с колониями светящихся грибов. — Мне объяснили, что я должен сделать. Вы готовы?

— Мера? — прошептала девушка.

— Скажем так — одно из воплощений этой системы мысли. До свидания, носители надежды.

Свет в гроте померк. Ивор взял Мириам за руку, и горячий вихрь увлек их в бездну иных измерений...

Глава 7

Подробности они узнали позже.

Сначала показалось, что планета, на которую их перенес трансгресс по команде Меры, ничем не отличается от подобных образований других Ветвей.

Планета по первому впечатлению была круглой, имела пригодную для дыхания атмосферу и силу тяжести, чуть меньшую земной. К тому же на ней вылупился Ствол, что уже само по себе говорило о ее принадлежности к Ветвям, близким по параметрам к земной с ее вакуумом, звездами и галактиками. Однако инки «кокосов» отметили некоторые странности в поведении местного светила, а также в ландшафте вокруг Ствола, и озадаченный Ивор принялся рассматривать пейзаж сквозь призму внутреннего паравосприятия. Одновременно он с замиранием сердца начал искать «мыслезапах» отца, веря, что Мера направил их именно в ту Метавселенную, где застряла команда Павла Жданова.

Выход в бессознательное восприятие реальности сразу ознаменовался несколькими открытиями.

Во-первых, планета под ногами с нормальным горно-равнинным рельефом оказалась не круглой, а плоской, как лепешка.

Во-вторых, она не вращалась вокруг оси, а видимое движение оранжевого светила именно этот факт и отображало: планета-лепешка медленно двигалась относительно светила по какой-то траектории, которую нельзя было назвать орбитой.

В-третьих, разумная жизнь в этой системе присутствовала, но не на планетах, а на искусственных сооружениях, представлявших собой космические города и одновременно растительные организмы. Каждый такой город, по сути, был живым

существом или системой живых существ растительного происхождения. В каком-то смысле они являлись родственниками флориан Меры, попавшими под пресс давления Игрока номер один — Палача.

Эту информацию Ивор принял-прочитал-почувствовал мгновенно, словно всю жизнь занимался контактами с представителями растительной формы жизни.

И, наконец, на грани восприятия Ивор получил слабый мысленный отклик, похожий на удивленный взгляд отца. Впечатление было такое, будто луч «пси-локатора» молодого Жданова, настроенный на определенную ментальную частоту, отразился от некоего объекта, излучавшего в примерно таком же диапазоне мыслеволн.

— Папа! — прошептал Ивор, бледнея.

Мириам, расхаживающая по плоской вершине скалы, на которой они оказались, с видом грозного сторожа, обрадованно обернулась.

— Нашел?!

— Странно... это он... и в то же время...

— Он это или нет?!

— Очень слабый сигнал... и какой-то необычный...

— Просто в данный момент отец находится далеко отсюда, может быть, даже на другой планете системы.

— Это не имеет значения... он и в самом деле сейчас далеко... на острове...

— На каком острове?

— Я имею в виду искусственное сооружение в космосе...

— Что ты мямлишь! — рассердилась Мириам. — Немедленно объясни, что ты видишь!

Ивор попытался передать ей свои ощущения, но это ему удалось не сразу. Он все еще слышал слабое эхо мыслесферы отца, выражающее удивление и беспокойство.

— Поняла, — кивнула Мириам, не забывая поглядывать по сторонам в поисках опасности. — Особенности здешней природы меня мало интересуют. Если ты узнал отца, позови его, пусть прилетит.

— Это паллиатив.

— Был бы у нас когг или хотя «голем» — сами бы отправились к нему, а так придется ждать. Предлагаю переместиться поближе к Стволу.

— Зачем?

— Какое-никакое, но убежище.

— Он же заблокирован.

— В случае чего разнесем стену атанасовым ваксингом и пройдем внутрь, а там Стас поможет.

— Если бы все было так просто, отец давно освободился бы сам.

— Все равно шансов спастись внутри Ствола у нас больше, чем на открытом пространстве.

— Хорошо, — уступил Ивор, — полетели к Стволу, будем ждать отца там. Хотя не думаю, что на нас кто-то намеревается напасть.

— Ты забыл о словах Златкова, что на тебя, господин оператор, организована охота. Оруженосцы Палача наконец оценили твой потенциал и будут идти по следу, пока не догонят.

— Пусть догоняют, — махнул рукой Ивор, поднимаясь в воздух и направляясь к серо-коричневой горе Ствола. — Надеюсь, ты меня защитишь? Как там, у Екклезиаста? «Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего».

Мириам догнала спутника.

— Твои шутки неуместны, Жданов. Ты действительно не понимаешь, какая на тебе лежит ответственность, или притворяешься?

— Я еще молод и имею право на ошибку, — поддразнил Ивор девушку. — Вот когда стану Игроком или хотя бы Судьей...

— Будешь так рассуждать — не станешь ни тем ни другим, — снова рассердилась Мириам. — Я уже начинаю жалеть, что связалась с тобой.

— Почему? — удивился Ивор.

— Потому что ты слишком привык к умеренности.

— Разве это плохо?

— Как говорил мудрец: «Умеренность — роковое свойство. Только крайность ведет к успеху».

— Ну, это несерьезно.

— А серьезность, между прочим, вообще последнее прибежище заурядности.

Ивор замедлил полет, остановился. Мириам повисла впереди с мрачным видом. Он приблизился к ней, попытался обнять, но она оттолкнула его руку.

— Нечего приставать к бедной девушке, я обиделась.

— Я больше не буду, Миа. Я все понимаю и готов и дальше следовать твоим советам.

— Правда? — недоверчиво прищурилась Мириам.

— Клянусь Безусловно Первым!

— Ох, ну вечно ты говоришь глупости, — огорчилась она. — Тебя еще надо воспитывать и воспитывать.

— Вот и займись этим богоугодным делом, — серьезно сказал Ивор. — Только прежде покайся в каких-то грехах. Помнишь, обещала?

— Обещала — выполню, но позже. Давай все-таки осмотрим Ствол, вдруг твой отец оставил на нем или поблизости какой-нибудь знак.

Предложение спутницы заставило скептически настроенного Ивора призадуматься.

— Пожалуй, в этом что-то есть, — согласился он наконец, снова устремляясь к громаде Ствола.

Однако их ждало разочарование.

Кванк хронобура в этом увядающем мире был мертв. То есть разрушен и пуст. Уже с километрового расстояния стали видны дыры, трещины, бреши и вывалы в его стенах, превращавшие здание в пустотелую развалину, сиротливо ожидавшую своего конца. Как ни напрягался Ивор, стараясь отыскать в теле Ствола двухкилометровой высоты «живые» зоны с энергопитанием, ничего у него не вышло. От хронобура веяло холодом, застарелой угрозой и обреченностью. Видимо, работающих хрономембран у него действительно не осталось, и теперь это была просто древняя развалина, ничем, кроме масштабов, не напоминающая о былой мощи и предназначении.

Ради очистки совести путешественники по Ветвям через одну из рваных дыр проникли в здание, побродили по этажам, везде натыкаясь на разрушенные стены, покосившиеся балки и шпангоуты, нашли зал одной из хрономембран и с минуту рассматривали оплавившиеся, потекшие, закопченные, выгнувшиеся пузырями стены, пол и потолок. Было видно, что здесь когда-то произошел мощный взрыв, и от колонны хронолифта ничего не осталось.

Обманутые в своих надеждах, они выбрались в сумеречный день планеты-лепешки, облетели Ствол кругом и подня-

лись на его вершину, увенчанную странным, костяным с виду, гребнем. Лишь чуть позже они поняли, что это какое-то засохшее растение, а не скелет умершего существа, как подсказывали глаза.

— Да, вряд ли отсюда можно выбраться, не зная кода вызова трансгресса, — констатировала Мириам. — Если бы нам не удалось сюда пробиться, твой отец мог остаться здесь навсегда. Кстати, чего мы ждем? Может быть, поищем какой-нибудь транспорт?

— Где? — буркнул Ивор, прислушиваясь к тишине эфира, в которой изредка проявлялись тихие шорохи и среди них — слабый отблеск ауры отца.

— Ну, планета ведь была когда-то обитаема. Или ты на что-то надеешься, а мне не говоришь?

— Я позвал отца... он должен был услышать... Подождем немного. Если через пару часов не появится, начнем поиск сами.

Мириам хотела возразить, но посмотрела на твердо сжатые губы друга и передумала. Однако ее деятельная натура не терпела пустого времяпровождения, и она принялась на всех диапазонах радиации вызывать «местные власти». И ее усилия не пропали даром! Поначалу скептически отнесшийся к ее инициативе Ивор с удивлением услышал на аварийной волне чей-то далекий, едва пробившийся сквозь шелест фона мужской голос:

— Кто говорит?!

Спрашивали на русском языке!

— Свои! — обрадованно закричала Мириам. — Нам нужен Павел Жданов. А вы кто?

— Я Григорий Белый. Кто конкретно — свои?

— Пусть это будет для вас сюрпризом. Где вы? Мы ждем вас возле Ствола.

Молчание.

Прошла минута, другая...

Ивор и Мириам обменялись тревожными взглядами. У обоих мелькнула одна и та же мысль.

— А если этот Белый служит Палачу? — прошептала девушка.

— Не может быть, — так же тихо ответил Ивор. — Отец всегда абсолютно правильно разбирался в людях. Белый его друг.

— Полуянов тоже был его другом.

— Если бы Белый тоже работал на стороне Палача, он бы здесь не застрял вместе с отцом.

— Логично, — согласилась Мириам, подумав.

— Ждите, — прилетел сквозь шумы эфира голос друга отца. — Мы будем через час. Как вы здесь оказались, свои? Неужели Ствол заработал?

— У нас есть свой транспорт.

Еще минута молчания.

— До встречи.

И тишина.

— Ну вот, а ты говорил: «Женщины ни на что не годны и ошибаются чаще, чем мужчины», — с победным видом заявила Мириам.

— Я так не говорил, — запротестовал Ивор.

— Ну, думал, — отрезала она.

Ивор невольно улыбнулся, понимая чувства спутницы, пытавшейся скрыть свое удовлетворение. Она искренне была рада тому, что ее инициатива неожиданно дала результат.

— А что, если нас все-таки запеленговали эмиссары Палача? Ведь я не застрахован от ошибок. Ты веришь тем, с кем мы разговаривали?

— «Недоверчивость — мудрость дурака»*, — назидательно сказала Мириам. — И не разыгрывай меня, ты не должен ошибаться. Иначе нам вообще нечего делать за пределами Земли. Надеюсь, ты не растеряешься, как в прошлый раз, вызывая трансгресс?

Ивор не обиделся, с нетерпением считая минуты до прибытия отца.

— Я уже понял, в чем дело, — пробормотал он. — Трансгресс имеет в каждой локальной области лишь один выход, он же вход. Радиус области равен примерно трем-пяти километрам, судя по нашему печальному опыту. А когда я в прошлый раз вызывал трансгресс, он был уже занят погонщиками драконов.

— Тогда прощаю, — успокоилась Мириам. Поглядела на ждущее-взволнованное лицо Ивора и вдруг подошла к нему, прижалась на мгновение. — Не переживай, поэт, все будет о'кей. Что бы ты делал без меня, а?

---

* Дж. Б. Шоу.

Жданов улыбнулся.

— Это уж точно.

Последние минуты ожидания оказались самыми тягостными.

Ивор держался внешне спокойно и даже шутил, но было видно, что он волнуется. Наконец в небе планеты-лепешки сверкнула серебристая искра, превратилась в светлое пятнышко, затем в самый настоящий кочан капусты овальной формы.

«Кочан» приблизился к Стволу, медленно облетел его, не торопясь идти на посадку, словно его пилоты внимательно рассматривали землян. Завис над краем крыши здания и мягко опустил вниз. Размерами он был с земной «пакмак», вблизи же его сходство с кочаном капусты уже не казалось столь разительным, как издали, но ощущение, что перед ними растение, точнее, овощ, только в сотню раз больше земного аналога, у Ивора и Мириам не прошло.

«Листья капусты» с хрустом встопорщились сильнее, в боку гигантского «кочана» образовалась линзовидная щель, из которой вылетели три фигуры в обычных земных униках. Развернувшись в цепь, они подплыли к молодым людям (Мириам на всякий случай приготовилась к адекватному ответу), опустились на крышу здания. Атанас Златков, Григорий Белый и Павел Жданов. Ошибиться было невозможно.

— Отец? — неуверенно проговорил Ивор.

Прибывшие на «капустном» корабле переглянулись.

— Кажется, это и есть обещанный сюрприз, — хмыкнул Белый, с любопытством разглядывая побледневшее лицо молодого человека, и покосился на Жданова. — Я не знал, дружище, что у тебя есть сын.

— Я сам не знал, — с не меньшим любопытством во взоре ответил Павел. — Кто вы, молодой человек?

— Как кто?! — возмутилась Мириам. — Это же ваш сын, Ивор! Вы шутите или издеваетесь?!

— Успокойся, — проговорил вдруг Ивор, проведя ладонью по лицу. — Это не отец.

— Как не отец?! Что ты говоришь?! Это же Павел Жданов, я же вижу, я бы узнала его и... — Девушка застыла с округлившимися глазами. — Боже мой!

— Он — Жданов, — глухо сказал Ивор, — но не отец.

— Кванк!

— Да.

— Ах, вот оно в чем дело! — протянул Белый. — Мы, кажется, пересеклись с сыном одного из твоих кванков, Паша, и эти молодые люди приняли тебя за его отца.

— Увы, это так, — кивнул Павел Жданов, с сочувствием глядя на побледневшего, расстроившегося Ивора. — В моем мире у меня нет детей. Приношу свои извинения.

— Не за что извиняться, — глубоко вздохнул Ивор, пытаясь скрыть разочарование. — Вы не виноваты. Я был уверен, что нам дали верные координаты схрона, поэтому даже не сомневался, что вы — мой отец. Хотя нет, была тень сомнения, когда я искал мыслепоток отца в пространстве: ваша аура слегка отличается от ауры отца, но я даже предположить не мог, что вы...

— Понятно. — Жданов обменялся взглядом с молчавшим Златковым. — Значит, вы ищете своего отца? Что с ним?

— Он застрял где-то в одной из «засыхающих» Ветвей. Его подставили...

— Кто?

— Федор Полуянов. Он завербован эмиссаром Палача...

— Кем-кем? Эмиссаром Палача?

— Разве вы не знаете? — удивилась Мириам. — Один из Игроков пренебрегает правилами Игры, и его назвали Палачом. Он безжалостно отсекает Ветви от Древа Времен одну за другой.

Снова быстрый обмен взглядами.

— Я был прав, — заговорил Златков. — Очевидно, на службу этому самому Палачу перешла вся спектральная линия Полуяновых. Не удивлюсь, если группы, подобные нашей, застряли и в других коллапсирующих Ветвях.

— Это так и есть.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Белый.

— Он — оператор, — гордо сказала Мириам, положив руку на плечо Ивора. — К тому же мы посетили уже уйму Ветвей и беседовали с весьма информированными учеными. Кстати, вам привет. — Она посмотрела на Златкова.

— От кого?

— От вашего кванка. Он живет сейчас в мире второго Игрока — мы дали ему имя Мера — и занимается расчетами всякой мудреной белиберды.

Златков — здесь он был с усами, но без бороды, да и седины у него было поменьше — усмехнулся.

— Не скажете, какой именно белибердой он занимается?

— Он заканчивает работу над теорией физики невозможных и абсурдных состояний, — сказал Ивор, окончательно приходя в себя. — Скоро будет готов расчет Древа Невозможных Миров. А вы над чем работаете?

— Примерно над той же белибердой. — Веселый блеск в глазах собеседника. Он хотел продолжить, но его перебил Белый:

— Чего мы тут стоим, как бедные родственники? У вас есть время? Поехали-ка домой, там и отдохнем, и позавтракаем, и поговорим. Надеюсь, у вас припасен способ выхода из Древо? Здешний Ствол, к сожалению, не функционирует.

— Домой? — Ивор вопросительно посмотрел на Жданова. Тот улыбнулся.

— Мы здесь торчим уже полтора года и успели расположить к себе аборигенов. Они предоставили нам кров и пищу, мы же помогаем им техническими советами.

— Вы имеете в виду флориан? — уточнила дочь Ромашина.

— Как вы сказали?

— Насколько я успел понять, в этом странном мире живут разумные растительные системы, — сказал Ивор. — Я обнаружил с полсотни искусственных сооружений в космосе...

— Это они и есть — нечто вроде летающих выращенных станций или городов-сообществ. На одной из них мы и обитаем. Мир же этой Ветви действительно уникален. Но обо всем этом мы лучше поговорим в более уютной обстановке. Кстати, как вам удалось обнаружить обитаемые объекты в космосе? Ваши скафандры имеют исследовательские комплексы?

— Я же говорила — он оператор! — веско проговорила Мириам.

— Надеюсь, вы объясните, что это означает. Прошу в наш аппетитный местный спейсер. — Жданов сделал приглашающий жест.

Через минуту все пятеро разместились внутри сферической кабины летательного аппарата, оказавшегося живым существом, точнее, теплокровным растением, и тот устремился вверх, пронзая атмосферу планеты-лепешки.

Мир «засыхающей» Ветви, где земляне нашли братьев по разуму, давший жизнь гигантским растительным разумным

системам, действительно оказался достойным изумления и восхищения.

Когда-то он был таким же огромным, как земная Ветвь: луч света смог бы его пересечь лишь за десятки и сотни миллиардов лет. Но в результате просачивания в домен «вируса» чужих законов его объем стремительно начал уменьшаться, и в конце концов осталась лишь узкая полоса между сближающимися доменными стенками толщиной всего в два десятка астрономических единиц*. Для наглядности Златков, объясняющий гостям положение вещей в мире разумных лесов, схематично изобразил местную планетную систему на специальной доске, и молодые люди долго с недоверием разглядывали ее.

Планеты и центральное светило системы вращались вокруг сверхплотного и массивного одномерного образования, называемого «сверхструной», постепенно, по мере сдвижения доменных стенок смещаясь к центру системы, к плоскости орбиты, занимаемой светилом. Сколько времени осталось Ветви до схлопывания стенок, было не известно, однако, по расчетам Златкова, срок этот был невелик — около полугода по земным меркам. Ветвь «засыхала», и никакая сила не могла остановить этот процесс.

Во время беседы, которая состоялась после завтрака в «доме-общезитии», где обитали земляне, запрятанном в недрах летающего космического города, Ивор понял, почему ошиблись флориане, отправившие гостей по неверным координатам.

Во-первых, эта Ветвь мало отличалась от той, где застрял отец Ивора, разве что «суперструна» была ориентирована не поперек пространственного слоя, а вдоль; информацию о своем погибающем мире дали молодому Жданову посланцы отца при первом контакте в Мексике.

Во-вторых, Павел Жданов этой Ветви мало чем отличался от Павла Жданова-отца. А если учесть, что и в других Ветвях застряло немало кванков Ждановых, то выбор флориан оказался неслучайным и почти правильным. Почти. Правда, утешить эти объяснения Ивора не могли, он по-прежнему не знал, где искать отца.

---

* 1 а.е. — расстояние от Земли до Солнца, равное 149 млн км.

— У нас нет выбора, — сказал присутствующий в помещении, где проходила беседа, Гриша Белый, отравивший себе красивые седые бакенбарды. — Надо просто идти по Ветвям, где стоят заблокированные кванки хронобуров, и искать вашего отца, юноша, одновременно освобождая застрявшие отряды Ждановых. Так мы в конце концов и отца вызволим, и приличную команду сформируем.

— Боюсь, Палач не даст нам возможности действовать свободно, — покачал головой Павел Жданов. — Да и времени такой поход потребует много.

— У тебя есть конкретные предложения?

— Нет, — подумав, мотнул головой Павел. — Придется идти окружным путем. Хотя мы, к сожалению, не бессмертны.

Ивор пошевелил губами, поднимая глаза к потолку, и про-
бормотал:

И в таинство бессмертья посвящен,
Я наконец-то вышел на дорогу,
Ведущую не к вечности, не к Богу,
А просто к перекрестию времен.

Мужчины переглянулись.

— Он поэт, — сказала Мириам гордо. — Стихи рождаются помимо его воли. Атанас, я тут чего-то не понимаю, объясните на пальцах, что происходит в этой Ветви. Почему она начала сжиматься?

— В данной Мета вселенной лишь две силы уравновешивали друг друга, — пустился в пояснения Златков, — обеспечивая стабильность мира: сила тяготения и отрицательное натяжение вакуума. Игрок... э-э, Палач каким-то образом смог ослабить коэффициент натяжения, что привело к эффекту конфайнмента, или втягивания домена в материальный конус свертки. Доменные стенки, представляющие собой поверхность Лобачевского, то есть поверхность одинаковой отрицательной кривизны, ограничивающие Ветвь, начали сближаться....

— Спасибо, я поняла, — кивнула Мириам, пряча иронические огоньки в глазах.

— Итак, что решаем, господа поэты и мечтатели? — подвел итог беседе Павел Жданов.

— Идем дальше по «засыхающим» Ветвям, коль у нашего юного друга прорезался талант оператора, — сказал Белый. —

Владея прямым доступом к трансгрессу, мы становимся почти независимыми от внешних условий. Осталось добыть оружие.

— У нас есть «универсал» и ваксинг, — сообщила Мириам.

— Что такое ваксинг?

Мириам посмотрела на Ивора, тот молчал, и тогда она сама объяснила принцип действия «вакуумхлопа», который подарил им Златков, поселившийся у флориан.

— Пушка ничего себе, но этого мало, — покачал головой Белый. — У нас на троих только один «универсал» и почти полностью разряженный аннигилятор. Нам бы дриммеров парочку...

Мириам улыбнулась.

— Эта идея и нам приходила в голову. Мы даже посетили родину наших мам — Гезем, но дриммеров не добыли. Их там уже нет. Однако у меня идея.

Мужчины молча смотрели на молодую землянку, ожидая продолжения. Она сделала паузу и проговорила с простодушной миной:

— Дриммер есть у Полуянова. И, наверное, не только у одного нашего комиссара. Но уж у него есть наверняка!

Белый пощипал бакенбарды, взвешивая ответ.

— А ведь идея-то неплохая, отцы. Эта девочка права. Может быть, вернемся домой, где нас не ждут, и приватизируем дриммер у Федора? Думаю, Федя Полуянов не решится ликвидировать нас сразу, при массовом стечении народа.

— Я — за, — сказал Златков, впадая в меланхолию.

Жданов-старший посмотрел на Ивора.

— Ваше слово, оператор.

— Нам посоветовали искать Матричную Ветвь, — сказал Ивор.

— Кто посоветовал? — ожил Златков.

— Ваш кванк, у которого мы были в гостях перед прыжком сюда.

— Он не объяснил, что имелось в виду?

— Нет.

— Очень интересный совет. С вашего позволения я кое-что проверю. — Он встал и вышел.

— У него есть связь с местным инком, — пояснил Белый, — если можно назвать так здешние вычислители, заменяющие компьютер. Итак, не понял. Что решаем?

— Дриммер! — заявила Мириам.

— Матричная Ветвь — заманчивая идея, — проговорил опытный в дипломатии Павел Жданов, — хотя я не совсем понимаю, что она нам даст. Однако и ее не известно, где искать. Давайте подновим экипировку, разберемся с нашим и вашим Полуяновыми, вооружимся, а уж потом выступим в поход. Теперь мы уже не попадемся так бездарно, как в этот раз. Не возражаете?

— Нет, — ответила за двоих Мириам.

Глава 8

Мгла отступила, он увидел человека, отлитого из жидкого металла, и вытянулся перед ним навытяжку, пытаясь поглубже затолкать душевный страх. Человек что-то повелительно прокричал, протянув к нему длинную текуче-ртутную руку.

— Будет выполнено, хозяин! — ответил Полуянов и проснулся.

Полежал немного, глядя в туманно-струящийся синеватый потолок, чувствуя себя не отдохнувшим и разбитым, потом поднялся и поплелся в туалетную комнату. Долго разглядывал свое ставшее одутловатым и морщинистым лицо. На лбу появились две новые изломанные морщины, и Федор мимолетно подумал, что надо вызвать витолога, чтобы тот разгладил ему морщины и подновил лицо.

Сквозь стенки туалета донесся всплеск.

Полуянов выглянул в соседнее помещение: девушка по имени Розалия нырнула с вышки и плавала в бассейне голой, поднимая тучу брызг. О предупреждении хозяина дома она, естественно, забыла.

— Вылезай, дрянь! — побагровев, рывкнул Федор. — Я тебе что вчера говорил?!

Розалия перестала петь и смеяться, быстро вылезла на бортик бассейна и испуганно шмыгнула в свою спальню.

Полуянов плюнул, буркнул домовому:

— Смени воду.

Он любил по утрам в одиночестве купаться в бассейне с тонирующей солевой смесью, однако не переносил, когда кто-нибудь его опережал. Розалия приходила к нему уже трижды и каждый раз забывала о его предупреждениях.

— Пора менять, — подумал Федор вслух.

Час у него обычно уходил на утренний туалет, купание, поднятие тонуса и ухаживание за телом. Затем он одевался, выбирая костюм: сегодня это был уник официала службы — бело-серый, с голубой динго-подсветкой, — и направлялся в столовую.

Сон, приснившийся под утро, он помнил смутно, хотя основная информация осела в глубинах подсознания и ждала своего часа. В принципе это был не сон, а направленная пси-передача, предназначенная эmissару Игрока в данной Ветви.

Розалия уже сидела там как мышка, понимая, что провинилась. Полуянов бросил на нее равнодушный взгляд, и она поняла, что господин уже думает о другом. Она была здесь лишней. Исчезла девушка так тихо, что Федор этого не заметил.

Он уже заканчивал завтрак, когда домовой доложил о звонке по консорт-линии.

— Кто звонит? — поинтересовался комиссар, вытирая рот салфеткой.

— Абонент не назвался, — ответил инк.

Полуянов бросил взгляд на часы и поднялся к себе в рабочий модуль, имевший три уровня защиты от несанкционированного доступа.

— Включи канал, — приказал Полуянов.

Однако обратка — виом связи, показывающий того, кто звонит, — не включилась, вибрирующий луч консорт-линии не развернулся в объеме передачи.

— В чем дело?

— Абонент не включил видеокамеру, — пояснил домовой.

— Я Полуянов, — высокомерно сказал комиссар, понимая, что абонент, знающий код его личной консорт-линии, не хочет, чтобы его узнали. — С кем имею честь разговаривать?

— Господин комиссар, — раздался гулкий, резонирующий и одновременно посвистывающий высокими обертонами голос. — Меня зовут Тирувилеядаль, я посланец того, кто имеет право приказывать. Нам необходимо встретиться.

— Приходите ко мне домой, — предложил Федор, недоумевая по поводу столь неадекватной моменту скрытности. — Или на службу. Я буду на рабочем месте через час.

— Это невозможно. Нельзя, чтобы нас кто-нибудь увидел из ваших подчиненных или начальников. Я буду ждать вас в Златоградском видеоцентре через сорок минут.

— Как я вас узнаю?

— Узнаете.

Щелчок отбоя связи, слабый звоночек отсечки контроля.

— Выяснили, откуда звонили? — позвал Федор сторожа электронных систем кабинета.

— Спутник Юпитера Титан, космопорт «Моргиана», борт спейсера «Петр Великий», — доложил инк.

Полуянов хмыкнул, размышляя, стоит ли объявлять тревогу и захватывать спейсер УАСС на Титане или лучше подождать встречи с посланцем Игрока по имени Тирувилеиядаль. Что такой посланец существует, Федор знал, он сам встречался с ним, вернее, с ней около месяца назад. Но уверенности в том, что это снова она, у комиссара не было. Все приказы и сообщения он получал по ментальному каналу и не нуждался в частных беседах с посланцами кого бы то ни было.

— Придется рисковать, — сказал комиссар вслух, вызывая заместителя.

Виом консорт-линии развернул дрожащий лучик света в плоскость, потом в объем передачи. Перед Полуяновым возник Джон Булл, сменивший Басанка на посту заместителя в связи с недавними событиями — бегством с Земли сына Павла Жданова и дочери скульптора Ромашина.

— Обеспечь мне «эшелон» до Златограда, — сказал Полуянов.

— Режим? — невозмутимо поинтересовался Булл, предпочитавший лаконичную речь.

— ВВУ*.

— «Эшелон» будет готов через пять минут.

Виом связи свернулся в световую нить, угас.

Полуянов прошелся по «деревянному» полу модуля, размышляя, все ли он предусмотрел, и спустился к кабине индивидуальной ветки метро.

Вскоре он в сопровождении витса охраны добрался до Златограда, сел в служебный куттер и направился к ажурно-ветвистому зданию столичного видеоцентра, построенного еще в

---

* ВВУ — императив внезапно возникшей угрозы.

прошлом веке на одном из киевских холмов. Вспомнилась двадцатипятилетней давности встреча с командой из другой Ветви Времен, на Земле которой Златоград назывался Киевом, Новгород Санкт-Петербургом, а столицей была Москва. Мимолетно подумалось: где эти люди сейчас? Ивашура, Костров, Рузаев, Таисия, Вероника... На чьей они стороне? Но в это время куттер совершил посадку на VIP-площадке, и мысли комиссара свернули в другое русло. И хотя он знал, что его прикрывает особая бригада охраны по императиву ВВУ, все же не преминул запросить дежурного по Управлению:

— Я Полуянов, режим запущен?

— Вы в поле «эшелона», — доложил дежурный. — Гарантия безопасности девяносто пять процентов.

— Могли бы обеспечить и девяносто девять, — проворчал Полуянов, зная, что такие гарантии невозможно обеспечить даже Президенту Земного Пула и членам Правительства.

Рядом сел флайт с обложкой Джона Булла.

Комиссар и его заместитель в сопровождении обложки телохранителей: два витса, двое «живых» людей — проследовали в здание.

— Вас ждут, — появился в просторном и тихом холле видеоцентра вежливый сопровождающий — динго местного инка. Несмотря на то что в холле разговаривали одновременно десятки людей, спецаппаратура здания гасила звуки до почти неслышного шелеста.

— Кто? — любопытствовал Полуянов.

— Руководство четвертого канала.

Полуянов и Джон Булл переглянулись.

— Это становится интересным, — процедил сквозь зубы Федор.

— Проверить помещения горизонта, — дал команду в эфир Булл.

— Идемте, — оглянулся на них проводник.

Коридор, пандус, малый холл, прозрачные перегородки, отделяющие технологические зоны от студий, еще коридорчик, ряд дверей в кабинеты творческой элиты канала.

— Все чисто, — доложили по рации контролеры «эшелона», имеющие сканирующую пространство аппаратуру. — Вооруженные люди отсутствуют.

Дверь в рабочий модуль директора четвертого канала свернулась валиком, открывая вход. Первым в нее шмыгнул вите-лохранитель, ничем не отличающийся от живого человека, за ним Джон Булл и еще один охранник. Полуянов степенно прошествовал последним.

Кабинет известного мастера видеонОВОСТЕЙ представлял собой склон горы с пятачком свободного от камней участка — так был настроен видеопласт кабинета. Мужчина в черном, с пышной седой шевелюрой и прозрачно-серыми цепкими глазами, стоящий на краю «обрыва», оглянулся на гостей и выключил видеопласт.

Горный пейзаж пропал, появились телесного цвета стены с рисунком «вен», пол с модной «деревянной» структурой, белый потолок, испускающий ровный дневной свет. Затем из пола выросли кресла, столик для фруктов и напитков, рабочий стол хозяина с «кактусом» вириала инка.

— Здравствуйте, комиссар, проходите, не стесняйтесь, — сказал Ромашин — это был он, — радушно поведя рукой. — Присаживайтесь.

— Что это значит?! — осведомился Полуянов, сдерживая раздражение. — Где Шагольский? Мне сказали, что он ждет меня у себя.

— Вы не правильно поняли, — остался невозмутимым скульптор. — Вас вызвал не Шагольский, и даже не я, — Ромашин усмехнулся, — и не Тирувилеиадаль.

— Что за чушь! А кто?

— Сейчас узнаете. Это очень приятный сюрприз.

— Если вы немедленно не объясните, что происходит, я...

— Да вот они, — оглянулся Ромашин.

Стена сзади него разошлась лепестками лилии, и в образовавшийся проем один за другим вошли пять человек: Павел Жданов, Атанас Златков, Григорий Белый и двое молодых людей — Ивор и Мириам.

— Привет, комиссар, — сказал Жданов. — Узнаешь?

Полуянов несколько мгновений смотрел на него с ничего не выражавшим лицом, поднял было руку, опустил, быстро оглядел группу и снова замер, зачарованно вглядываясь в слабо улыбавшегося Жданова. Наконец хрипло выговорил:

— Не может быть!

— Мы тоже не надеялись свидеться, — проговорил Павел, кивнул на Ивора с Мириам. — Если бы не эти молодые люди.

— Значит, сын все-таки нашел тебя...

— Как видишь. — Павел не стал объяснять комиссару, что Ивор не является его сыном. — Итак, у нас к тебе дело.

Полуянов очнулся, махнул рукой заму.

— Выйди.

Джон Булл посмотрел на него непонимающе, заколебался.

— Выйди! — рявкнул Полуянов, кинул взгляд на телохранителей. — Вы тоже!

Охранник и заместитель вышли.

Полуянов изобразил улыбку, бросился было обнимать Жданова, но встретил вежливое неприятие и отступил.

— Как я рад вас видеть! Думал, уже не найду...

— Ты ошибался, эмиссар, — бесстрастно проговорил Белый.

Полуянов споткнулся, застыл на мгновение, словно не веря ушам, быстро глянул на Белого, рассматривающего свои ногти с безразлично поджатými губами, исподлобья глянул на Павла.

— *Что* он сказал?!

— Да все нормально, Федор, — меланхолически произнес Златков. — Мы понимаем, что вербовали тебя с применением программатора, поэтому где-то даже сочувствуем. Не ты, так кто-то другой стал бы здесь эмиссаром Палача. Выслушай наши предложения и попробуй пойти на компромисс.

— Да вы не представляете!..

— Представляем, — растянул губы в холодной усмешке Белый. — Между прочим, наша беседа сейчас записывается, и в случае необходимости передача выйдет в эфир.

Полуянов побледнел, шагнул к двери, но Григорий встал у него на пути, и комиссар сдержал желание вызвать охрану и задержать всех вернувшихся.

— Чего вы хотите?

— Во-первых, отдай нам дриммер.

Брови Полуянова прыгнули вверх, он с изумлением оглядел лица присутствующих, сдержал нервный смех.

— Однако пустячок, а приятно. А если его у меня уже нет?

— Он у тебя, Федя, иначе ты не смог бы разблокировать Ствол и послать твоих... э-э, нашу группу в ловушку, а потом снова заблокировать вход.

Полуянов облизнул губы, дернулся к двери, натыкаясь на Белого, задумался. На плече его вспух бликующий желвак — зародыш узла автоматии для развертки личного оружия.

— Хорошо, допустим, я доставлю вам дриммер. Что дальше?

— Э-э, не так, — покачал головой Белый. — Отсюда мы направимся к тебе все вместе, да еще парочку корреспондентов видеонОВОСТЕЙ прихватим для вящей подстраховки. Вышел ты у нас, понимаешь ли, из доверия, комиссар. Кроме дриммера, нам нужны «кокосы», «глюки», НЗ, эмбриотранспорт, витсы и оружие.

Полуянов крикнул, дернул себя за ухо.

— Да, аппетиты у вас хорошие. Однако для выдачи такого количества спецоборудования необходима санкция СЭКОНа и директора Управления.

— Не вешай нам лапшу на уши, Федя, все это оборудование легко можно взять на складах комиссариата с твоей подачи.

Глаза Полуянова сверкнули, он снова задумался.

Мириам приблизила губы к уху Ивора:

— Если он попытается нас обмануть, я его пристрелю.

— Не вмешивайся, — так же тихо ответил молодой человек. — Они знают, что делают.

— Может быть, и знают, но верить ему нельзя.

— Хорошо, допустим, уговорили, — закончил свои размышления Полуянов (Ивору очень не понравился тон, с каким были произнесены слова). — Я проведу вас на склад Злата Бряга, там есть всё, что вам нужно, и передам дриммер. Только вам это не поможет, парни, вас всего трое...

— Пятеро! — возразила Мириам.

— Пусть будет пятеро, — криво улыбнулся Федор.

— Плюс наши кванки в других Ветвях!

Ромашин дотронулся до локтя дочери, мягко сказал:

— Спокойнее, Миа.

— Все равно вы всех не соберете, — продолжал Полуянов, чувствуя накапливающуюся в душе злобу. — Ну, пусть вас десять человек, ну, двадцать, пусть даже сто, но против вас — армия! Тысячи и миллионы таких, как я, и тысячи и миллионы других! Вы проиграете!

— Но и вы не выиграете! — не выдержала Мириам, виновато глянув на отца. — Вы же погубите Древо!

— На наш век вселенных хватит.

— Мы еще вернемся к этой теме, — сказал Ромашин. — Скорее всего, ты не знаешь истинного положения вещей.

— Может быть, это вы не знаете?

— Вот и выясним этот вопрос при следующей встрече.

Полуянов вдруг успокоился, окончательно прикинув план действий.

— Следуйте за мной.

Он направился к двери, но снова наткнулся на Белого.

— Пропусти его, — разрешил Жданов-старший. — Не в его интересах затевать войну на глазах у сотен свидетелей.

— Вы все учли? — спросил Ромашин.

— Как будто все. Ты с нами?

— Нет, я подготовлю несколько копий нашей беседы для Президента, Совета Безопасности и ВКС. В случае осложнений запись будет передана в надежные руки.

Полуянов скривил губы, обошел Белого и шагнул за порог кабинета. За ним вышли остальные, в том числе Ивор. Мириам задержалась на короткое время, чтобы поговорить с отцом.

— Ты был великолепен, па! Береги себя.

— Не беспокойся за меня, я пожил на свете и кое-что соображаю. Храни мальчика, гриф, у него большое будущее. Как он тебе?

— Большой ребенок. — Мириам порозовела. — Но мне он нравится.

— Этого следовало ожидать. Ну, догоняй их.

Дочь чмокнула отца в щеку и убежала.

Ромашин, склонив голову к плечу, постоял в раздумье, словно прислушиваясь к чему-то, и подошел к столу хозяина кабинета. Но выполнить задуманное не успел. Дверь в кабинет внезапно распахнулась, и появившийся на пороге человек с черным лицом выстрелил в Игната из парализатора.

В куттере все не разместились, поэтому младшему Жданову с дочерью Ромашина пришлось лететь в машине заместителя комиссара с ним самим и витсами охраны.

Ивор откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, отдыхая. Мириам прижалась к нему и притихла, не зная, радоваться ей или нет возвращению домой. Так молча они и долетели до первой станции метро Златограда, расположенной на Хрещатике. Собрались у кабины в секторе для особо важных персон.

— Прошу сообщить маршрут, — сухо сказал озабоченный Белый. — Хотелось бы знать, где состоится передача главного... гм, приза.

— Он лежит в сейфе у меня дома, — спокойно сказал Полуянов. — Но ведь вы же хотели получить экипировку? Предлагаю сначала слетать на склад, переодеться, а потом ко мне...

— Не верю я ему, отцы, — буркнул Белый, посмотрев на Жданова и Златкова. — Предчувствие дурацкое... Федя наш горазд на сюрпризы. Эй, оператор, как у тебя с чутьем? Не ждет ли нас ловушка?

— Не знаю, — пробормотал Ивор, давно пытающийся прочитать мысли комиссара, но все время натыкающийся на блок: у Полуянова был генератор пси-защиты.

— Весьма обнадеживающий ответ, — хмыкнул Белый.

— Не смущай парня, — вступился за Ивора Жданов-старший. — Он еще не опытен и потерял много сил. Федор, если ты задумал каверзу, то это чревато негативными последствиями. Предлагаю сначала забрать у тебя дома нашу гарантию безопасности, лежащую у тебя в сейфе, а потом посетить склад в Злата Бряге. И отпусти ты охрану, ради бога, никто не собирается лишать тебя жизни и свободы.

Полуянов покосился на флегматичного с виду Джона Булла, напоминающего статую, буркнул:

— Забирай обойму, мне достаточно одного витса.

— Слушаюсь, — отозвался заместитель и отозвал телохранителей.

В кабину метро они вошли первыми. При Полуянове остался функциональный витс охраны, практически не отличимый от живого человека.

— Все мы не уместимся, — сказал Белый. — Трое пойдут первыми — эти молодые люди и Атанас, потом уже мы. Код твоего метро не изменился? Шепни на ушко Атанасу.

— Вот что, друзья, — встрепенулся Златков. — Мне бы надо кое с кем повидаться. Не возражаете, если я на часок освобожу вас от своего присутствия? Вы справитесь и без меня.

Белый вопросительно взглянул на Жданова.

— Лучше бы нам держаться вместе, — сказал тот. — Но если встреча важна — действуй, как считаешь нужным, Атанас. Через час встретимся у... как договаривались. Федя, — повернулся Павел к Полуянову, — отдай ему свою рацию.

Комиссар заколебался, преодолевая очередной приступ дикого желания дать команду витсу перебить всех, затем вынул из-под волос за ухом усик антенны с каплей транш-рации (микрофон был встроен в присоску и реагировал на резонанс костей черепа при разговоре) и передал Златкову.

— Оперативная линия занята, личная свободна. Цвет — маренго.

— Что значит — цвет?

Полуянов с хмурым удивлением уставился на ученого.

— Шутите? Линия включается только на цвет.

— Ага, понял, разберусь.

Златков вошел в освободившуюся кабину, дверь за ним закрылась.

— Теперь вы, — посмотрел на Ивора и Мириам Григорий. — Говори код выхода, Федя.

— Ты же его знаешь.

— Хочу проверить твою искренность.

Полуянов пожевал губами, глядя на безопасника, продиктовал семизначное число и пароль.

Ивор и девушка набрали код, и «струна» метро швырнула их сквозь пространство в дом комиссара на берегу Балтийского залива.

Вышли они в небольшой холл со светящимися, словно сделанными из рисовой бумаги, стенами, прошлись по мозаичному полу, осматриваясь. Но поделиться впечатлениями не успели.

Кабина метро Полуянова сработала еще раз, и в холле появились он сам, витс, Белый и Жданов.

— Идемте в кабинет, — отрывисто бросил Федор, направляясь по коридорчику со светящимися стенами к лестнице.

— Не нравится мне здесь, — тихо, сквозь зубы проговорил Ивор.

Белый похлопал его по плечу, догнал Полуянова.

— Ничего, все идет по плану, — сказал Жданов. — Мы здесь не задержимся.

Он тоже догнал комиссара и заговорил с Белым.

— Будь готов к *выходу*, — шепнула Мириам, беря Ивора под руку. — Мне тоже не нравится здешняя атмосфера.

Они поднялись на второй этаж, вошли в рабочий модуль комиссара с комплексом мгновенной инк-связи со всеми фи-

лиалами службы безопасности Земного Пула, в том числе на других планетах, с аналитическим инком «Стратег» и новейшим эйдо-игровым комбайном «Фанат». Стены кабинета напоминали пчелиные соты, пол был «деревянным», потолок «открывался» в голубое небо с барашками белых облаков.

Полуянов быстро подошел к стене, в толще которой был упрятан сейф.

— Стоп! — остановил его Белый. — Не торопись, Федя. Отойди в сторонку, мы сами откроем, дай только пароль.

— Пароль — это я сам, — пожал плечами Полуянов, покосившись на играющую огнями «елочку» вириала управления всей аппаратурой кабинета. — Сейф открывается только на мыслекоманду, да и то лишь после считывания биопараметров владельца.

— Открывай, — разрешил Жданов. — Миа, ты готова?

— Я всегда готова, — отозвалась дочь Ромашина.

На одном плече у нее выросла турель с «универсалом», на другом — с ваксингом.

Полуянов усмехнулся.

— Вынужден признать, что я слишком поздно узнал о принадлежности этой милой девушки к асам контрразведки.

Дверца сейфа, не слишком толстая, но практически непробиваемая из-за силовой подпитки, медленно отогнулась книзу, как мягкий слой ваты.

— Отойди! — резко бросил Белый, шагнув к сейфу.

В то же мгновение Полуянов метнулся в сторону и крикнул:

— *Убей их!*

Из металлокерамического чрева сейфа выплыл меч со струящимся голубым лезвием. Все застыли. Затем Мириам выстрелила из ваксинга, перед острием меча развернулась черная звезда «антивзрыва», оглушительный удар потряс воздух, поколебал стены помещения, ударная волна отбросила людей к стене, опрокинула вириал инка. Дриммер изогнулся, как живой, его лучистое лезвие покрылось сеточкой разрядов, на долю секунды он замешкался — и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы в происходящее вмешался Ивор.

— *Не убивай!* — крикнул он, находясь в состоянии сверхвозбуждения, так что от его крика у присутствующих едва не полопались барабанные перепонки, а от пси-удара взорвался

вириал, разлетаясь по кабинету брызгами, искрами и дымными струями. — Блокировка функций!

И дриммер послушно выполнил приказ: заблокировал функцию убийства, перестал выщеливать жертвы, свернулся в подобие brasлета и улегся обратно в сейф.

Держась за уши, оглушенные двойным акустическим ударом люди начали шевелиться, вставать на ноги, трясти головами, приходя в себя. Ивор почувствовал слабость, головокружение, силы его кончились, он едва не упал, успев опереться на плечо Мириам.

— Поздравляю, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — Мне следовало раньше догадаться, что я имею дело с асом контрразведки. Ты в этом хотела покаяться?

— Молчи, ты весь зеленый, — озабоченно проговорила Мириам. — Потом поговорим.

— Нет, признавайся сейчас!

— Добровольно в своих грехах признаются только святые. Да, я гриф контрразведки и одновременно студентка университета. Тебе от этого легче? Или теперь ты перестанешь со мной разговаривать?

— Я подумаю, — пробормотал Ивор, проваливаясь в полубессознательное состояние.

— Силен оператор! — пришел в себя Белый. — Я уж думал, нам кранты! Как это ему удалось остановить дриммер?

— Не знаю, — ответил Жданов-старший, подходя к Полуянову. — Вот мы и выяснили, кто есть кто, Федор. Зачем ты хотел нас убить? Ведь никто из нас никогда не стал бы делать с тобой то же самое.

— Вам не понять, — оскалился Полуянов. — И вы еще не выиграли! Насколько я успел сообразить, вы не из нашей Ветви?

— Ты догадлив.

— Еще бы, — снова показал зубы Полуянов. — Это вас и погубило. Если бы вернулись *наши* парни, а не кванки, они бы не стали раскрывать свои карты, а попытались бы поиграть со мной в кошки-мышки. Я очень хорошо знаю их характеры. Кстати, их я, возможно, и не стал бы ликвидировать. А кванков не жалко, их тысячи. А теперь обещанный сюрприз.

Тотчас же в кабинете появилось существо, с виду напоминающее ожившую металлическую статую, у которой даже кожа лица и глаза отсвечивали текучей ртутью.

— Убей их! — прошипел Полуянов.

Мириам выстрелила из ваксинга и «универсала» одновременно, однако и плазменная «пуля», и силовой разряд были поглощены телом металлического человека без следа. Зато его выстрел не прошел мимо цели.

Указательный палец правой руки «статуи» вдруг превратился в тонкую струйку жидкого металла, дотянувшуюся до Мириам и мгновенно растекшуюся по телу, оставляя свободными только нос, губы и глаза девушки, превращая и ее в подобие статуи.

— Ивор! — успела тихо вскрикнуть она, не в силах сдвинуться с места.

Жданов-младший бросился к ней, сбрасывая оцепенение, преодолевая вялость и головокружение, но вторая струйка металла окатила его, растекаясь по костюму, застывая и сковывая движения, и он тоже замер на месте.

Та же участь постигла и Жданова-старшего с Белым.

— Я же сказал — убить! — недовольно буркнул Полуянов, доставая из сейфа свернувшийся в браслет дриммер и озабоченно оглядывая его. — Вот обормот, что он с ним сделал?

— Не время убивать, — гулким басом пророкотал металлический человек. — Они нам еще пригодятся, особенно личинка оператора. Хозяин будет доволен.

— Иди на место, — приказал комиссар, засовывая браслет в сейф. — В следующий раз не опаздывай, я чуть было не погиб.

— Правильная оценка противника — залог успеха. — Металлический человек как бы вывернулся сам в себе и, скользнув к двери, исчез. Это был, конечно, не сам Игрок и даже не его воплощение в здешней реальности, а только пустой сосуд, субстант с низким уровнем интеллекта, ждущий внедрения хозяина, но Полуянов его побаивался, хотя и командовал, как витсом.

Он подошел к Ивору, единственному из всех, кто не упал и не потерял сознания от надетой «смирительной рубашки» — пленки жидких кристаллов, материальной основы тел Игрока, которому люди дали имя Палач.

— Недооценил я тебя, парень. Жаль, что так все вышло. Лучше бы ты не возвращался. Хорошо, если Игрок, которому я временно служу, сделает из тебя своего оруженосца, но может и что похуже.

— Ни-ког-да! — с трудом выговорил Ивор.

Полуянов усмехнулся, толкнул его, проследил за падением тела — оно упало как металлическая глыба, бросил взгляд на своих бывших друзей и вышел из кабинета. В коридоре он приказал домовому убрать тела людей в спецбункер под домом, где обитал и металлический посланец Палача.

— Что Ромашин? — вызвал комиссар Джона Булла.

— Ушел, — коротко ответил заместитель.

Секунду Полуянов стоял белый от бешенства, ударил кулаком в стену.

— Как?!

— Ребята просчитались. Он был защищен. Нейтрализовал Карпентера, связал Липского, сломал челюсть Солане и ушел.

Несколько мгновений Полуянов боролся с собой, чтобы не закричать на весь дом, потом произнес всего одно слово:

— Найти!..

Часть IV

ПОСТИЧЬ НАМ НЕ ДАНО

Глава 1

День выдался жарким, и холодное пиво казалось божественным напитком, поднимающим тонус, утоляющим жажду и улучшающим настроение.

Костров посмотрел на картонный кружок с надписью на английском «Будвайзер», допил кружку и поставил на кружок.

Он сидел в летнем кафе, расположенном на площади России напротив кинотеатра «Россия», и ждал Ромашина. Это была Москва (Россия, Земля, Солнечная система) другой ветви Времени, и было интересно искать различия в деталях бытия этой и той столиц, этого и родного образа жизни.

В родной Ветви площадь, где он сидел, называлась Пушкинской, знаменитый киноконцертный зал тоже носил имя великого поэта, напротив памятника начинался сквер, обнимаемый с двух сторон асфальтовыми лентами Тверского бульвара, направо от которого располагался забегаловочный ресторан «Макдоналдс». Здесь же площадь называлась Российской, а на месте «Макдоналдса» высилась зеркальная пирамида Тверского пассажа.

Костров и Ромашин прибыли из-под Брянска (Башня в этой Ветви тоже вылезла на свет в Брянских лесах, недалеко от городка Жуковки) в Москву вдвоем, оставив остальных в одной из зон безопасности хронобура. Посчитали, что всему отряду нет нужды «светиться» перед органами, а для миссии — добыть оружие, о котором говорил комиссар, — двух человек будет достаточно.

Они уже посетили одну Ветвь, на Земле которой был создан «кий» — генератор особого поля, увеличивающего амплитуду колебаний атомов, «сдвигающего» их в одном направлении на довольно значительную величину — до одного сантиметра. «Кий» разрабатывался поначалу не в военных лабора-

ториях и предназначался для ядерного уплотнения материалов, однако военспецы быстро смекнули, какую выгоду можно извлечь из этой разработки, и изучение «метода обработки материалов» ушло в секретные лаборатории Пентагона и Министерства обороны России.

Руслан не знал, каким образом Ромашину, комиссару службы безопасности из Ветви, опередившей в развитии Ветвь Костровых на триста с лишним лет, удалось выйти на разработчиков «кия», но факт оставался фактом. Незаметно выбравшись из Башни (естественно, выходили они в спецкостюмах, обладавших системами маскировки), Ромашин и Гаранин провели в том мире всего два дня и принесли два «кия», похожих на старинные кремневые пистолеты, а также аккумуляторы к ним. В дальнейшем Ромашин пообещал заменить аккумуляторы на МК-батареи, срок службы которых исчислялся десятками лет.

После удачного похода за генераторами сдвига отряд отправился в «соседнюю» Ветвь, где специалисты работали над созданием «скорпиона» — генератора глюонного поля, в котором начиналась цепная реакция распада любого стабильного в обычных условиях элемента. По сути, «скорпион» являлся прообразом самого мощного земного оружия на всех кванках Земли — «глюка», заряд которого был способен «раздирать» даже кварки, то есть влиять на глубинные основы материи.

Первыми на идею «скорпиона» в этой Ветви вышли американцы, испытав генератор избирательного ядерного распада в пустыне Невада на природных объектах, а затем на животных. Последнее испытание генератора должно было быть крупномасштабным и окончательным, после чего «скорпион» становился достоянием армии. Однако командир бомбардировщика «Грейт хантер» Дональд Кларк отказался выполнять полет с генератором на борту, узнав, что готовится уничтожение целого индейского поселка, история получила огласку, и о создании «скорпиона» узнал весь мир.

Россия, точнее, Советский Союз — тогда он еще существовал, — прореагировала разработкой своего варианта «скорпиона», причем в усовершенствованном виде: российские «скорпионы» приобрели вид пистолетов и могли использоваться индивидуально. Хотя данные об этом не разглашались.

Руслан же узнал подробности создания оружия от Ромашина, пока они ехали из Брянска в Москву на поезде. Теперь

он ждал Игната на площади России, млея от жары, пил пиво и размышлял о превратностях судьбы, забросивших его в другую вселенную, мало чем отличавшуюся от его собственной. Мысль о том, что здесь, на Земле «параллельной» Ветви, тоже живут Костровы — отец, мать и сам Руслан, приводила в трепет. Хотелось бросить все и убедиться в реальности происходящего, хоть одним глазком взглянуть на родителей (кванков родителей, если изъясняться языком Ромашина) и сравнить их с «настоящими». А больше всего хотелось увидеть самого себя и небрежно бросить при встрече:

— Привет, кванк. Не узнаешь?..

В кафе появился Игнат Ромашин, сел рядом за столик с кружкой пива. «Кокос» на нем сейчас имел форму белого летнего костюма с водолазкой, скрывающей горло. Так же был одет и Руслан.

— О чем мечтаешь? — любопытствовал Ромашин, оценив ошеломительный вид Кострова.

Тот улыбнулся.

— Подумал, что я скажу, встретив самого себя. Это ведь не исключено?

— К сожалению, не исключено, поэтому желательно на таких открытых площадках, как это кафе, не расслабляться. Я договорился о встрече с моим коллегой, он попытается помочь, но придется еще пару дней... — Игнат не договорил.

Проходивший мимо молодой человек в шортах и футболке, вихрастый, длинноносый, в очках, — он держал в одной руке кружку с пивом и рюкзак в другой, — вдруг остановился и неуверенно проговорил:

— Руслан?

Костров удивленно оглянулся.

— Что вы сказали?

— Не узнаешь, что ли? — вытаращился парень в очках.

— Простите, не узнаю, — вежливо покачал головой Руслан.

— Да я же Гарик Светлов! А ты Руслан Костров, я тебя узнал!

— Вы ошиблись, — сказал сориентировавшийся Ромашин. — Его зовут Игорь. Что, неужели так похож?

— Ну да! — мотнул головой ошеломленный очкарик. — Я же с ним в одном классе учился.

— К сожалению, это не он.

— Бывает, — выдавил улыбку Руслан. — Но я действительно вас не знаю.

— Шутишь?!

— Нет.

Парень в шортах шумно выдохнул, оглядел Руслана с ног до головы, покачал головой.

— Надо же, какое сходство! Никогда бы не поверил... Правда, прическа у тебя... у вас, другая и глаза какие-то... не те... извините.

Он отошел, сел за соседний столик, не сводя глаз с Руслана.

— Что я говорил? — тихо проговорил Ромашин, выдерживая спокойный вид. — Мир тесен.

— Но чтобы прилететь из другой вселенной и встретить в Москве однокашника... это супернезвезение!

— Вы с ним действительно учились в одном классе?

— В том-то и дело, что нет. Я его не помню. В нашем классе вообще не было Гариков Светловых. Учился в соседнем Коля Светлов, хороший парень, но не Гарик.

— Понятно. Что ж, это послужит нам уроком. Допиваем пиво и уходим.

— Куда?

— Встретимся через час с Феликсом и будем устраиваться в гостиницу.

— Кто этот Феликс?

— Он полковник, работает в хозуправлении Главного штаба Военно-морских сил, но имеет доступ к секретным лабораториям — поставляет им необходимые материалы. Кроме того, он эмиссар Игрока в этой Ветви.

Руслан с изумлением посмотрел на собеседника.

— Вы серьезно?!

— Абсолютно. Эмиссары Игроков имеются в каждой Ветви, и эта не исключение. Феликс работает на второго Игрока — на Меру, поэтому сделает для нас всё, что в его силах. Но я уверен, что и Палач имеет здесь свою агентуру. Вот почему нам вредны якобы случайные встречи. Думаю, агент Палача уже получил сведения о нашем выходе и будет нас искать.

— От кого он мог получить такие сведения? Нас же никто не видел.

— У наблюдателей Игроков имеется соответствующая аппаратура для слежки за Стволом, они нас наверняка за-секли.

— Почему же нас не задержали еще в прошлый раз, когда мы искали «кий»?

— Просто не успели. Здесь же не исключены всякого рода неприятные сюрпризы, вот как эта случайная встреча, почему нам и надо держаться как можно незаметней. Еще по кружке?

— Нет, я уже до краев.

— Тогда отправляемся на randevu.

Они встали, Руслан встретил взгляд парня в очках, развел руками, мол, виноватушки-обознатушки, и «хронодесантники» неторопливо побрели через улицу к подземному переходу и спуску в метро. Время у них было, а добираться предстояло до Октябрьского парка, расположенного в Северо-Западном административном округе столицы, для чего требовалось не больше сорока пяти минут.

Встреча с Феликсом состоялась в назначенное время у стадиона «Октябрь», где стояла летняя продовольственная палатка. Взяли по кружке пива, на этот раз отечественного — «Малышевского», и сели в тенечке под зонтиком, среди таких же млеющих от жары мам и пап с детьми и без и разновозрастных молодых людей, возвращавшихся с пляжа — до берега Москвы-реки было рукой подать.

Феликс оказался тихим и незаметным с виду человечком с белесыми бровями. Не верилось даже, что он является эмиссаром могущественного Игрока, влияющего на судьбы многих миллионов миров. Говорил он мало, больше слушал, думал и Руслану понравился.

Договорились о встрече на следующий день на этом же месте, вспомнили былые времена, Ромашин рассказал о проблемах своих кванков в других Ветвях, с доброй полусотней которых он встречался лично, а Руслан не удержался от вопроса: откуда комиссар знает о новейших разработках оружия на Землях разных Ветвей?

— Все очень просто, — ответил Игнат. — Я был одним из Судей прошлой Игры, а Судьям давался весьма значительный объем информации о положении в конфликтных Ветвях. Естественно, я многое забыл, но все же кое-что еще помню.

— Что значит — конфликтные Ветви?

— Метавселенные, в которых сталкивались интересы Игроков.

— А разве есть такие Ветви, где интересы Игроков не сталкиваются?

— Сколько угодно — от Матричной Ветви и Корней Древа до контрольных и статистически независимых Ветвей.

Руслан прищурился, отпил несколько глотков янтарного пузырящегося напитка, разглядывая лицо комиссара. Иногда ему казалось, что Ромашин как бы нарочно выдает секретные сведения, а потом спохватывается.

— Что такое — контрольная Ветвь?

Ромашин улыбнулся, с удовольствием допил пиво.

— Все-таки хорошие напитки умели делать наши предки. Что касается контрольной Ветви, то она — то же самое, что и эталон. Еще ее можно сравнить с контрольной группой мышей в медицинских экспериментах: этой группе не вводят вирусов и не травят разной химией в отличие от экспериментальной группы.

— Этого мне отец не рассказывал.

— Он сам этого не знал.

— Всё, я пошел, — сказал Феликс, вставая и подавая руку собеседникам. — Постараюсь помочь, хотя риск чрезвычайно велик.

Он отошел от столика, двинулся к теннисным кортам.

Руслан опытным глазом отметил движение телохранителей полковника: парней было трое, и маскировались они умело. Проговорил задумчиво:

— Он что, боится риска?

— Он имел в виду другой риск, — пояснил Ромашин. — Все новейшие научные и военные разработки курируются агентами Игроков, которые таким образом нейтрализуют друг друга. Стоит кому-нибудь из них воспользоваться знаниями, как начинается тихий передел поля Игры. Стоит Феликсу допустить ошибку, он провалится сам и провалит всю агентурную сеть, что почти мгновенно скажется на качестве Игры.

— Жертва фигуры...

— Совершенно верно, как жертва фигуры в шахматной партии отражается на качестве игры, так и в этом случае эмиссар рискует потерять «качество», проиграть «партию»... и жизнь.

— Зачем же он взялся нам помогать?

— В случае удачи наш рейтинг повысится, да и не только наш и эмиссара — Игрока в целом, что ослабит давление Палача. Так что не переживайте за него, он рискует не напрасно. Еще по кружечке? Не думал, что будет так приятно пить в жару холодное бродило.

Они посидели еще несколько минут, наслаждаясь расслабленностью и покоем, понимая, что такого момента может уже не представиться, и направились навверх, мимо стадиона, к выходу из парка.

Устроились в гостинице «Останкинская», предъявив паспорт Кострова и удостоверение на имя полковника Гаранина. Видимо, документы практически не отличались от тех, что действовали на этой копии Земли, потому что дежурный администратор дала им двухместный номер, даже не взглянув на фотографии.

Вечер и ночь прошли спокойно. Они смотрели телевизор (Игнат с куда бóльшим интересом, чем Руслан), поужинали в кафе на седьмом этаже гостиницы, снова смотрели телевизор и легли спать, уверенные в том, что никто ими не интересуется.

Утром Ромашин предложил Руслану боевую разминку, и они полчаса показывали друг другу приемы рукопашного боя, которыми владели: Костров — из арсенала русбоя, Ромашин — тэнгресити. Этому виду воинского искусства комиссар, по его словам, учился у одного из своих кванков, великого мастера боя, имеющего высший титул во всех иерархиях боевых искусств — «сокол соколов».

Позавтракали в том же гостиничном кафе, потом Ромашин уехал по каким-то делам, предварительно договорившись о месте встречи, и Руслан остался один. Памятуя встречу с однокашником местного Руслана Кострова, он решил не испытывать судьбу и никуда из номера не выходил, пока не настало время двигаться в путь.

В три часа пополудни он спустился от трамвайной остановки на улице Живописной к стадиону «Октябрь» и снова уселся под зонтиком у киоска с кружкой пива. Ни Феликса, ни Ромашина еще не было, хотя время перевалило за три. Руслан почувствовал смутную тревогу. Комиссар был человеком обязательным и опаздывать себе не позволял. Да и Феликс не

производил впечатления легкомысленного человека, зная цену обещаниям.

Просидев четверть часа и не дождавшись ни того ни другого, Руслан нашел безлюдный уголок у стены конно-спортивной школы, включил рацию «кокоса» и вызвал Ромашина. Игнат отозвался через полминуты:

— Я подъезжаю. Что случилось? Феликс приехал?

— Нет.

Молчание.

— Жди у теннисных кортов.

Ромашин отключился.

Руслан вышел из-за стены здания на аллею и остановился. В двадцати шагах впереди стояли трое молодых людей в костюмах, напоминающих комбинезоны, и смотрели на него.

«Влип!» — пришла трезвая мысль.

Один из парней, с коротким ежиком волос и круглым плоским лицом, на котором выделялись безвольно-капризная складка губ и прозрачные глаза, с фигурой культуриста, скривил губы:

— Оказывается, капитан, вы любитель пива?

Руслан понял, что, во-первых, его знают, а во-вторых, скорее всего, следили за ним, хотя он ничего и не заметил.

— Игнат, — вызвал он Ромашина, почти не шевеля губами. — Меня *вычислили*.

— Понял, — откликнулся Ромашин после паузы. — Не выключай рацию, я найду тебя по пеленгу.

— Кто вы? — спросил Руслан, расслабляясь перед *действием*.

Круглолицый культурист снова скривил губы; улыбаться он, очевидно, не умел. И у Руслана возникло ощущение, что он этого парня где-то встречал.

— Меня зовут Лаэнтир Валетов. Отец не рассказывал о встрече с одним из моих кванков?

— Рассказывал, — глухо проговорил Руслан, давая команду инку «кокоса» перейти в режим защиты.

Тотчас же белый летний костюм на нем поплыл, превратился в металлический с виду бликующий комбинезон с турелью «универсала» на плече.

Точно в такие же «металлические» статуи превратились и парни напротив, оцетинились стволами пистолетов, отреаги-

ровав на метаморфозу Кострова. Они тоже были одеты в «ко-косы» или подобные им спецкостюмы.

Лаэнтир Валетов рассмеялся, покачал головой.

— А я вас не сразу узнал, капитан, хотя вы очень похожи на своего отца. Разве что волосы не рыжие.

— Как вы меня нашли? — поинтересовался Руслан, понимая, что один против троих не выстоит и что надо тянуть время.

— Да, в общем-то, случайно, — охотно ответил Валетов. — Мы потеряли вас в вашей Ветви, почти догнали в соседней, где вам помогли достать генераторы сдвига, бросились на Гезем, где вас должна была ждать сладкая парочка с Земли Солювелла-три, а потом наши наблюдатели внезапно засекли интересную сцену в кафе на площади России в Москве... м-да. Остальное было делом техники.

— Откуда вы? Из контрразведки?

— Почти, — растянул бледные губы Валетов. — Мы из службы ликвидации. Где ваш спутник?

— Не знаю, о ком речь, — спокойно сказал Руслан, дойдя до нужной кондиции. — Я здесь совершенно один.

— Тогда подождем.

На аллее появились гуляющие люди — две женщины и подросток, — с любопытством уставились на «пришельцев из космоса», которыми сейчас выглядели ликвидаторы и Руслан.

— Проходите! — повелительно бросил им один из «пришельцев». — Здесь идет съемки фильма. Быстро!

Свидетели стычки испуганно шарахнулись в кусты, но уходить не спешили.

— Уберите оружие, — сказал Руслан. — Могут пострадать люди.

— Чепуха! — пренебрежительно махнул рукой Валетов. — Это чужая Ветвь. Одним свидетелем больше, одним меньше. Это ничего не изменит. Главное, что мы хорошо понимаем друг друга. Это я вам советую убрать оружие. Судя по всему, у вас только «универсал». А где же «глюк» или по крайней мере «кий»?

— У него работает рация! — вдруг проговорил спутник Валетова, рослый, бледнолицый и хмурый.

В то же мгновение раздался резкий щелчок, напоминающий удар кнутом, за ним еще один. Бледнолицый спутник Валетова вздрогнул, прижал руку к груди и упал лицом вниз.

Второй парень схватился за голову — над переносицей у него вырос кровавый стерженек сантиметровой длины, толщиной с карандаш, — и тоже свалился на дорожку.

Валетов сориентировался мгновенно.

Одновременно с первым выстрелом из «кия» он метнулся в кусты, и выстрел Руслана опоздал. Издалека донесся гортанный голос:

— До встречи у Ствола....

На аллею в полусотне шагов от Руслана вышел Ромашин. Из «кия» стрелял он. Посмотрел на тела ликвидаторов Валетова.

— Уходим!

Послышались голоса, на аллее появились новые отдыхающие. Из ворот конно-спортивной школы выехали на лошадях две девчушки.

Ромашин пересек аллею и исчез за деревьями, направляясь к берегу реки. Руслан последовал за ним.

Они перешли на бег, превратили «кокосы» в белые костюмы, чтобы не выделяться среди посетителей парка, дали крик и вышли к стадиону, где должна была состояться встреча с Феликсом.

Однако полковника у пивного киоска не было. Вместо него за столиком сидел молодой человек в зеленой футболке и читал газету. Руслан узнал парня: это был один из телохранителей Феликса.

Переглянувшись, Ромашин и Костров подошли к нему.

— Что случилось? — Игнат присел рядом на пластмассовый стул.

Молодой человек кивнул на пластиковый пакет на столе.

— Это вам.

— Где полковник?

— Убит. — Парень сложил газету, встал. — Какое-то время я буду его заменять. Будьте осторожнее. В нашей конторе сидит агент противника, мы узнали слишком поздно. Помощи не ждите.

Он не торопясь двинулся через площадь к двухэтажному спортзалу, свернул за угол, исчез.

«Хронодесантники» посмотрели друг на друга. Ромашин взял пакет и направился к теннисным кортам. Затем свернул направо, на дорожку, ведущую к реке.

— Что будем делать? — догнал его Руслан.

— Для начала выберемся отсюда, — сказал Ромашин озабоченно. — Возьмем лодку и переплывем реку, пока не поднялась тревога. Пока там вызовут милицию, пока она придет... успеем.

— А потом?

— Потом будем искать транспорт до Брянска.

— Можно использовать антигравы «кокосов».

— Только ночью. Днем нас сразу засекут наблюдатели Палача. Феликс был прав, их здесь очень много, и риск был неоправданно велик. Эмиссар Палача со своими оруженосцами наверняка будет ждать нас у башни хронобура.

— Прорвемся, не впервой.

Ромашин промолчал.

Через калитку вышли с территории парка на берег Москвы-реки, спустились по береговому откосу к воде и взяли на лодочной стоянке двухвесельную шлюпку напрокат. Через четверть часа они были уже на другом берегу реки, выбрались на песок и скрылись в кустах.

Глава 2

В этом мире, представлявшем собой почти полную копию Земли Кострова, Башня охранялась так же строго, хотя ее внешний облик и Криптозона отличались от тех, что знал Руслан. Башня здесь имела вид гигантского перламутрового сталагмита, в лучах прожекторов казавшегося полупрозрачным, а ограждение Криптозоны представляло собой высокую металлическую сетку, растянутую между бетонными столбами. И охраняли Криптозону не российские солдаты, а войска ООН в голубых беретах.

До Жуковки Ромашин и Костров добрались без инцидентов, на попутках, и уже поздним вечером, обойдя городок стороной, остановились в лесу, примерно в шести километрах от Криптозоны. Планы проникновения в Башню они обсудили еще в пути, но ни один из них не был идеальным, и теперь предстояло остановиться на самом оптимальном в их положении.

— Если Валетов пообещал нас встретить у Ствола, — сказал Ромашин, невидимый в ночной лесной темноте (костюмы обоих «кокосов» уже были включены на режим маскиров-

ки), — то он либо является здесь эмиссаром, либо командует охраной Ствола. И в том и в другом случае он задействует императив повышенной готовности, и нам придется прорываться с боем, что неизбежно приведет к потерям среди «голубых беретов». Этого надо избежать. Они ведь даже не догадываются, что охраняют.

— Валетов признался, что он руководит службой ликвидации или является одним из оперативников этой службы, но в любом случае он наверняка связан с местным эмиссаром Палача, который примет все меры к нашему задержанию. Может быть, не мудрствуя лукаво, рванем по воздуху напрямик к Башне, на форсаже? Лететь-то всего ничего — километров восемь, за минуту доберемся.

— Нас засекут, как только мы поднимемся над деревьями. Нужен какой-то нестандартный изящный ход.

— Но ведь в «кокосах» мы практически невидимы! Тихонько пройдем мимо охраны КПП...

— Агенты Палача знают, что мы здесь, и на всех постах, а то и вообще по периметру Криптозоны, установят детекторы массы. Нет, наверное, придется-таки идти на антигравах.

— У меня появилась дурацкая идея...

— Это интересно, — хмыкнул Ромашин. — Дурацких идей мы еще не обсуждали.

— Она может сработать. Дело в том, что Валетов — мастер боя, мне отец рассказывал. Что, если вызвать его по рации сюда и предложить честный поединок? Проиграет — поможет нам пройти зону.

Ромашин цокнул языком, выражая свое отношение к идее.

— А если проиграем мы?

— Не проиграем, — убежденно заявил Руслан.

Игнат задумался, пороворчал под нос:

— Да, это может сработать... Характерная черта Валетовых — высокомерное самолюбие, они и в мыслях не допускают, что могут проиграть... А с другой стороны, Лаэнтир был действительно мощным бойцом... не брезгующим обманом и предательством.

— Когда я жил с родителями, соседями у нас были Валетовы, их сын Ян был неплохим парнишкой.

— Лаэнтир из другого времени.

— Пора решать.

— Сделаем так: я вызову Валетова, а ты спрячешься неподалеку. Он вполне способен заявиться с целой обоймой клеветников.

— Нет, сделаем наоборот. Подстраховка у вас лучше получится, чем у меня.

Ромашин думал недолго:

— Хорошо, согласен, но учтите — Лаэнтир, не задумываясь, применит «грязный» прием, не говоря о смертельных. И еще: основа тэнгресити-боя — интуиция, предугадывание приема, предвидение тактики, предвосхищение событий, если хотите, плюс феноменальная реакция и невероятная скорость движений.

— В русбое эта штука называется темпом. Не волнуйтесь, Игнат, я кое-что смыслю в этом деле. Единственное, что меня расстраивает, так это незнание частот рации Валетова. Хотя они должны быть близкими к нашим. Один из парней поймал наш канал.

— Попробуем послушать эфир в режиме сканирования, время у нас еще есть.

Полчаса они стояли в лесу безмолвно, вслушиваясь в тишину местного радиоэфира, дважды натыкаясь на милицейскую волну и на переговоры охраны Башни. Затем из шуршащих глубин эфира выплыл чей-то густой астматический шепот, которому отвечал игривый женский голос. Говорили на незнакомом языке.

Ромашин сориентировался быстрее, приказал инку «коко-са» отстроиться от лингвистической «шелухи», и голоса изменились. Шепот превратился в хриплый бас, женский голос — в тонкий, но явно мужской фальцет. К ним внезапно присоединился еще один собеседник, и Ромашин узнал голос Валетова, хотя тот говорил по-английски. Его о чем-то спрашивали, он отвечал. Беседа таким образом длилась две минуты, затем связь прекратилась, но Игнат успел засечь частоту канала и вызвал Валетова. Ответ пришел тотчас же:

— Что еще? Я уже все объяснил.

Валетов посчитал, что его вызвали те, с кем он только что разговаривал, и ответил на английском.

— Привет, Лаэнтир, — сказал Ромашин по-русски. — Мы тут неподалеку от тебя. Не хочешь встретиться? Поиграли бы в разные интересные игры...

— Кто говорит? — после паузы осведомился Валетов.

— Хрен в пальто, — ответил Костров, подключаясь к разговору. — Предлагаю помахать руками. Говорят, ты какой-то там супермастер по рукопашке, а я не верю.

— Чего ты хочешь?

— Да ничего особенного — набить тебе морду, и все. А ты за это пропустишь нас к Башне. Идет?

Короткий смешок.

— Вы очень сильно рискуете, мон дью. Я таких вещей не понимаю. На что рассчитываете?

— На вашу порядочность, — сказал Ромашин вежливо.

Еще один короткий смешок.

— Похоже, рассчитывать вам больше не на что. А почему бы вам не попытаться прорваться к Стволу напрямую? У вас же есть спецкостюмы с антигравами.

— Мы хотим избежать напрасных жертв среди охраны Ствола.

— Весьма благородно с вашей стороны, комиссар. Вы очень щепетильны в таких вопросах. — Валетов явно забавлялся ситуацией и говорил с издевкой. — Замочили моих парней ни за что, меня чуть не грохнули... Кстати, сколько вас?

— Двое.

— А должно быть шестеро.

— Остальные ждут в Стволе.

Короткая пауза.

— Весьма признателен за информацию, комиссар. Мы будем готовы их принять. Итак, что вы предлагаете?

— Мы уже все сказали, — сухо произнес Ромашин. — Мой напарник желает помериться с вами силой, хотя я против этой затеи. Если проигрываете вы — тихо пропускаете нас к Стволу, если проигрываем мы...

— Я понял, изумительно красивый жест. Однако мне нужны гарантии.

— Точно так же, как и нам. Наши гарантии — мое слово, слово комиссара. Смею утверждать, что ценится оно высоко.

— Слово — пустой звук. Человек дал слово, он же и забрал его.

— Мы в таком же положении, если не в худшем.

Молчание.

— Хорошо, — решил наконец Валетов. — Кажется, вас действительно двое, судя по показаниям нашей аппаратуры.

Смелые вы люди, однако. Я ведь могу задержать вас в течение получаса.

— Вряд ли, — спокойно возразил Ромашин. — Попробуйте, и получите гору трупов. Мы вооружены посерьезней, чем вы.

— Вряд ли у вас есть «глюки».

— У нас есть кое-что поинтересней, не считая ручных «скорпионов».

На этот раз пауза длилась дольше.

— Не понимаю вашей щепетильности. На вашем месте, имея такой арсенал, я бы свободно пробился к Стволу, не обращая ни на кого внимания. Хотите остаться чистенькими? Ваше дело. Но предупреждаю: замечу подозрительное шевеление — церемониться не буду.

— Аналогично, — бросил Руслан с преувеличенной любовью.

— Где встречаемся?

— Нам не должны мешать посторонние люди. Предлагаем встретиться в старой деревеньке Скрабовка, в километре на северо-восток от Криптозоны. Она давно покинута жителями.

— Через час.

— Через десять минут. За час можно перекрыть подступы к Стволу по радиусу в сто километров. Давайте без хитрых расчетов, Лаэнтир.

— Хорошо, буду через десять минут.

Связь прекратилась.

Ромашин и Руслан выключили рации на передачу, но продолжали слушать эфир в надежде поймать полезную информацию.

— И все-таки вы авантюрист, капитан, — сказал Ромашин. — Валетов не тот человек, с которым можно вести честный поединок.

— Отец всегда говорил, что надо верить людям изначально, только так можно сохранить душу. Ну, обманут нас, так ведь не мы же это сделаем? Зато каждому воздастся за дела его — не сейчас, так позже. Я почему-то уверен, что мы победим.

Ромашин хмыкнул.

— Интересно рассуждаете, Руслан, будто вовсе и не капитан спецназа. Хотя, если честно, мне нравится, как вы рассуж-

даете. Поехали, мы должны прибыть к деревне раньше Валетова.

Они поднялись в воздух и понеслись между деревьями к северо-восточной окраине Криптозоны, ориентируясь по свечящейся глыбе Ствола и по звездам. Через пять минут деревья расступились, появились первые бревенчатые хаты Скрабовки, расцветенные в инфракрасном «кокосовом» всеми тонами зеленого и коричневого цветов. Большинство домов было разрушено, однако встречались и целые, ощерившиеся выбитыми дверями и окнами. Облетев деревню по кругу, «хронодесантники» остановились над центральной площадью, поросшей травой, но достаточно ровной и незахламленной. Земля здесь была утоптана множеством ног еще до появления Ствола, надолго сохранив твердость и после ухода жителей.

— Пожалуй, мне лучше спрятаться, — сказал Ромашин. — Хотя это и не гарантия в случае нападения, но все же на душе будет спокойнее.

— Не стоит, — покачал головой Руслан. — Это будет воспринято негативно, словно мы боимся. Миром такая затея не кончится, а заранее рассчитывать на предательство — значит не верить самим себе. Пусть видят, что мы тверды в своих намерениях.

— Как говорил один мой приятель, «единственная гарантия мира — закопать топор войны вместе с врагом».

Руслан засмеялся. И тотчас же заговорил инк:

— Отмечаю движение.

— Идут, — заметил Ромашин и хладнокровно добавил, криво усмехнувшись: — Только наш приятель все-таки не является человеком слова.

Руслан и сам понял, что Валетов прибыл не один, но отступить было уже поздно. Не прошло и нескольких мгновений, как «хронодесантники» были окружены со всех сторон. Вместе с Валетовым прибыла пятерка его сподвижников, и, одетые в скафандровые комплексы с антигравитами, вместе они представляли внушительную боевую силу, способную уничтожить любое подразделение местной армии в течение двух–трех секунд.

— Вы нарушили условия договора, — проговорил Ромашин бесстрастно.

— Неужели? — делано удивился Валетов, держась за спинами своих бойцов, плохо видимых даже в инфракрасном диа-

пазоне спектра. — Но ведь мы не оговаривали, сколько людей будет меня сопровождать. — Он хохотнул. — Это мои секунданты.

— Впрочем, не имеет значения, — продолжал комиссар прежним бесстрастным тоном. — Объясните им условия поединка, и начнем. Только прошу учесть: я не потерплю ни малейшего нарушения правил. Пусть вас не вдохновляет наша внешняя миролюбивость, которую вы, очевидно, приняли за слабость. Поверьте мне, она имеет под собой другую почву.

— Бросьте, комиссар, вы не в том положении, чтобы качать права.

— Однако и вам не стоит говорить со мной в таком тоне! Вас шестеро, нас двое, но вы используете «хамелеоны» образца две тысячи сто шестого года, изготовленные в вашей Ветви, а на нас «кокосы» выпуска две тысячи триста двадцатого года с активной системой наведения и защиты, управляемые независимыми инками. В данный момент вы все находитесь под прицелом шести комплексов автоматии, встроенных в комбезы, и нет никакой гарантии, что вы уцелеете, вздумай начать пальбу. Устраивает вас такое положение?

— Вы блефуете, — проговорил Валетов с нотками сомнения в голосе.

— Может быть, проверим? — с иронией усмехнулся Руслан, точно зная, что «стволов» у них всего четыре: «универсал» — у него, «кий», «кобра» и «скорпион» — у Ромашина.

— Что ж, не будем острить ситуацию тупым концом, как говорят у меня на родине. Вы отчаянные люди, комиссар, но я таких уважаю. — Валетов что-то сказал сопровождавшим его спецназовцам на незнакомом языке, и те сдали назад, собрались все вместе чуть поодаль. — Начнем наши игры, господа путешественники по Ветвям. Я так понял, это и есть ристалище?

Он осветил площадь под ногами лучом фонаря.

— Удобнее не найти, — сказал Ромашин.

— Снимаем обмундирование. Парни, посветите.

Висящие в пяти метрах от земли бойцы дружины Валетова включили фонари, и стало светло, как днем. Лаэнтир опустился на землю, сбросил уник из туманно-струящейся ткани, остался в темно-фиолетовом трико. Руслан сделал то же самое, оставаясь в одних плавках.

Ромашин хотел предупредить его, что трико на Валетове может оказаться экзоскелетной пленкой, но было уже поздно. Поединок начался.

Руслан еще только приседал и сплетал пальцы, разминаясь, как его противник вдруг оказался рядом и обрушил на него град текуче переходящих друг в друга приемов-ударов, проводимых с такой скоростью, что для непосвященного они были незаметны. Если бы Руслан замешкался и позволил себе ввязаться в обмен блок-гэгами, он наверняка проиграл бы уже в первые мгновения боя. Но, будучи мастером русбоя и помня наставления Ромашина, он просто переключил психику на режим подсознательных ответов и буквально просочился между ударами Валетова, нырнул на землю, перекатился и встретил его хищную атаку вдогон стопорящим ударом ногой в грудь.

Этот прием на мгновение остановил Валетова, и Руслан успел сориентироваться, прежде чем началась очередная атака.

Лаэнтир действительно был великолепным мастером рукопашного боя, быстрым, сильным и нестандартно двигающимся. Он не «качал маятник», а буквально плыл и раздваивался, начиная атаку с разных сторон одновременно. Руслан в связи с этим даже сравнил его с пьяным, вспомнив чью-то шутку: пьяный — это человек, который направляется к вам с нескольких направлений сразу. Возможно, в этом была доля истины, и Валетов в своем искусстве использовал приемы кунг-фу древнекитайского «стиля пьяницы». Если такой вид рукопашного боя существовал в его мире.

Первую минуту боя Руслан продержался хорошо, почти не отвечая на выпады противника, чем только раззадоривал его и выводил из себя. Потом попытался провести серию предупредительных атак и неожиданно понял, что трико на Валетове представляет собой вид защитной пленки, не пробиваемой ни пальцами, ни кулаком. Это было нечестно, однако Руслан подспудно был готов к такому повороту событий и, отстучав две серии тычковых ударов по телу Валетова, делая вид, что не замечает безрезультативности своих атак, внезапно перешел на «горный» уровень и сосредоточился на голове противника.

Первая же его атака заставила Валетова отступить и уйти в «змеиную» защиту. Он получил удар по уху и тычок в нос, от которых оправился не сразу.

Вторую атаку Валетов перехватил и ответил в манере тэн-гресити с использованием ментального чувствования движений противника. И Руслан едва не потерял сознание от резкой боли в груди: удар Лаэнтира сломал ребро. Надо было кончать бой, пока тело еще не отказывалось складываться втрое и свинчиваться штопором, пока еще не сработал шоковый барьер, пока были силы. Надо было рисковать.

Руслан сделал вид, что потрясен и хочет лишь увернуться от атак соперника, начал отступать, подставляя плечи и голову, два раза поскользнулся на траве, чуть не упал... и Валетов клюнул на эту удочку.

Он коршуном налетел на Кострова, раскрылся, и Руслан нанес мгновенный и мощный, с выбросом энергии удар, едва не сломавший противнику шею.

Валетов отлетел назад, упал ничком на землю, не двигаясь. Затем вдруг выругался и поплыл вверх. Под трико на нем был надет антиграв!

Понимая, что ситуация балансирует на опасной грани огнестрельного контакта, Руслан прыгнул изо всех сил и успел схватить Валетова за ногу, прежде чем тот поднялся в воздух на недостижимую высоту. Дернул его к себе, захватил изгибом локтя голову и ударил в лоб торцом ладони. Валетов обмяк.

Стенка его бойцов, освещавших арену боя, дрогнула.

Холодея, Руслан почувствовал, что сейчас начнется стрельба.

И вдруг откуда-то из-за спин спецназовцев Валетова раздался громкий повелительный голос:

— Не двигаться! Малейший жест — открываю огонь на поражение!

Один из бойцов Валетова выстрелил: зеленая молния сорвалась с его плеча, вонзилась в дерево. И тотчас же в том месте, где он висел, вспыхнул клубок радужного пламени, разорвавший спецназовца пополам.

— Не двигаться, я сказал! — проревел голос. — Опуститься на землю! Лечь!

Только теперь Руслан узнал голос Гаранина. Но выяснять, каким образом полковник оказался здесь, было некогда. В любой момент в лесу могли появиться поднятые по тревоге «голубые береты» или соратники Валетова. Надо было уходить.

Четверка оставшихся без своего командира ликвидаторов устроилась на травянистой, истоптанной ногами поединщиков площади, освещенная фонарем Ромашина. В его отсвете проявились три туманно-призрачные фигуры, зависшие над деревней. Одна из них метнулась вниз, к Руслану, превратилась в Надежду.

— Господи, ты жив!

— Жив, жив, — отозвался Руслан, поцеловав девушку, и спешно начал натягивать «кокос». — Как вы тут оказались?

— Потом поговорим! — оборвал его Гаранин; он оставался невидимым. — Быстрее собирайтесь!

— Ты как там, командир? — послышался голос Маркина.

— Нормально. — Руслан затащил последнюю липучку, наклонился над телом Валетова. — Помогите поднять.

Откуда-то издалека, с территории Криптозоны, прилетел истошный вопль сирены. В лагере охраны Башни началась тревога.

— Бросьте его к чертовой матери! — рявкнул Гаранин. — Он нам не понадобится!

— Мы хотели использовать Валетова в качестве пропуска в зону...

— Обойдемся без пропуска. Мы выпустили из Башни двух конкистадоров. Пока охрана будет за ними гоняться, мы проскочим.

Руслан молча зарастил «кокос», и отряд понесся в ночной темноте низко над деревьями к молочно-белому «сталагмиту» хронобура. Никто не пытался их остановить, никто не обстрелял во время короткого перелета: охрана Башни их не видела, радары не брали, а наблюдатели эмиссара если и засекали, то вмешаться не успели.

На высоте ста двадцати метров над землей в глянцево-белом вздутии «сталагмита» образовалось отверстие входа, отряд проскочил в него, и проем тамбура закрылся, отрезая начавшийся на территории Криптозоны шум.

— Как вы догадались выйти? — полюбопытствовал Ромашин, когда они достигли зала с колонной хронолифта.

— Догадались, — мрачно проворчал Олег Борисович, сворачивая конусовидный шлем. — Вот эта молодая леди, — он кивнул на Надежду, — посоветовала прослушивать эфир. Стас дал нам выход на внешнюю антенну, и мы успели засечь ваши переговоры с тем типом.

— Это был Лаэнтир Валетов. Он шел за нами с момента нашего старта из вашей Ветви.

— Надо было его пристрелить, а не играть в благородных рыцарей.

— К сожалению, ситуация сложилась иначе. Поединок казался единственным способом прорыва к Стволу.

— Вы просто не нашли другой.

— Не ворчите, Олег Борисович, — сказал Руслан, вдруг ощутив, насколько он устал; ребро болело, однако, судя по ощущениям, сломано все-таки не было. — Спасибо за помощь. Кстати, из чего вы стреляли?

— Это я стрелял, — сообщил Ромашин. — Провел, так сказать, полевые испытания «скорпиона». Но голос у вас, Олег Борисович, явно генеральский, пострашнее полковничьего будет, даже ликвидаторы Валетова побоялись начать драку.

— Это у меня от волнения такой голос, — признался смущенный Гаранин. — Ну, что, закончили всякие сомнительно необходимые походы за оружием? Займемся теперь делом?

— Идем на Гезем, — решил Ромашин. — Там нас должен ждать сын Павла Жданова. Дальше пойдете с ним.

«Хронодесантники» вошли в кабину хронолифта, дверь за ними закрылась....

Глава 3

Пейзаж Гезема практически не отличался от земного на средних широтах России, и Руслан поймал себя на мысли, что не воспринимает поход по вселенным Древа Времен как *перемещение* в пространстве и времени. Вот если бы он летел на ракете, тогда это перемещение было бы заметно по изменению рисунка созвездий, а так вход и выход из лифта хронобура напоминал спуск и подъем на обычном лифте высотного здания. Человек входил в кабину, нажимал клавишу спуска или давал команду стартовому автомату, затем переживал не совсем приятные ощущения и выходил в тот же «мраморный» холл, не понимая, что за короткое время преодолел не просто расстояние, но *невообразимо большое* расстояние! Которое невозможно было измерить какой-либо мерой!

Мир Гезема тем не менее поразил Руслана, да и не только его одного, бескрайними лесными просторами, вкуснейшим воз-

духом и тишиной. Не верилось, что где-то еще сохранились экологически чистые места, куда не добралась цивилизация с ее вонючими машинами и где можно найти отдохновение под каждым кустом или просто на берегу ручья. Хотя, с другой стороны, весь этот красочный яркий ландшафт образовался именно в результате глобальной экологической катастрофы, уничтожившей цивилизацию при материальном вытаивании хронобура.

Но того, кто должен был ждать «хронопутешественников» в этом мире, здесь не оказалось. Эфир планеты Гезем, родины жены Игната Ромашина (кванка, разумеется), был чист, как слеза, и тих, как полет эльфа, а лесные просторы его были так велики, что отыскать следы Ивора Жданова не представлялось возможным.

Конечно, отряд предпринял несколько попыток найти сына Жданова, обшарив пространство вокруг Ствола по десятикилометровому радиусу, обнаружил две деревни аборигенов, в одной из которых обитала семья Ярины Ромашинной, однако самого Жданова не встретил. Зато наткнулся на чудовищной величины металлическую черепаху с двумя длинными усами, похожими на красные удилища, и вынужден был вступить с ней в бой, так как она оказалась автоматом Палача и намеревалась напасть на людей с тыла.

Кроме того, они обнаружили гигантского металлического «кентавра», вонзившего рог в стену Ствола, а также останки еще двух черепак, и поняли, что здесь произошла стычка между кибермеханизмами Игроков и что, возможно, именно в этом кроется причина отсутствия Ивора.

Догадка пришла на ум Гаранину, а потом ее подтвердила встреча землян с юной геземкой (сами себя аборигены называли россинами, а их язык оказался похожим на русский) по имени Яная. В сопровождении двух неразговорчивых угрюмоватых парней-охотников с диковинными ружьями девушка сама нашла отряд, отдыхающий на берегу речушки в километре от Ствола, и, смущаясь, тербя косу, рассказала о встрече с Ивором Ждановым и его молодой спутницей.

— Она очень красивая, — убежденно добавила Яная, — и очень смелая. Защитница. Не такая. — Россинка кивнула на не отходившую от Руслана Надежду.

— А он? — поинтересовался Олег Борисович, кинув косой взгляд на подругу Кострова.

— Он колдун! — с таким же убеждением ответила Яная. — Он подчинил мертвого слугу богов и с его помощью убил двух злых герпенов!

— Черепах?

— Да, так есть, черепах!

Мужчины обменялись красноречивыми взглядами.

— Силен парень! — проворчал Гаранин скептически. — Каким образом ему удалось оживить того «кентавра»?

— Он знает волшебное слово, — пожала плечами Яная.

— Значит, они с этой красавицей побились в Башню и больше не появлялись?

— С тех пор из Горы Богов больше никто не выходил, вы первые.

— Сколько же времени прошло с момента их ухода?

— Четыре света и три тьмы.

— То есть примерно четверо суток. — Гаранин с осуждением посмотрел на Ромашина. — Если бы мы не гонялись за супероружием, застали бы этого... колдуна здесь.

Ромашин дипломатично промолчал.

— Ничего, мы его найдем, — вмешался в разговор Костров. — А он... то есть Ивор не говорил, куда именно направляется?

— Не говорил, — виновато опустила голову Яная. — Он искал старого волхва Рода, очень сильно огорчился, что волхв не вернулся из Горы Богов...

— Зачем ему понадобился старый волхв?

— Я не знаю точно... не спрашивала... Но, по-моему, он искал лонг-меч....

Руслан посмотрел на Ромашина.

— Вы знаете, что это такое?

— Скорее всего, девочка имеет в виду «жезл силы», дриммер. Это атрибут власти судебных исполнителей. Кроме того, дриммер имеет очень большой спектр функций и может служить как оружием, так и ключом для разблокирования Ствола.

— Любопытная вещица, — хмыкнул Гаранин. — По-моему, я в свое время был свидетелем ее применения Игорем Васильевичем. Нам дриммер тоже не помешал бы.

— Спасибо, девочка, — поблагодарил россиянку Ромашин. — Ты нам очень помогла.

Яная смутилась.

— Я же ничего доброго не сказала... — Глаза ее вдруг округлились, она что-то вспомнила. — Да, будьте осторожны возле Горы Богов! Из нее один-два света назад вышел страшный железный человек и превратился в птицу. Потом эта птица напала на охотников и клюнула Кандида!

Парни, сопровождавшие Янаю, закивали головами.

— Я видел, — сказал один из них, с лохматой русой головой. — Кандид умер, а потом воскрес, и теперь на нем железная рубаха, и он совсем чужой...

Земляне переглянулись.

— Что это еще за хреновина? — нахмурился Гаранин.

— В чем проявляется его странность? — спросил Ромашин.

— Он перестал слушаться князя, сторонится всех и один бродит по лесам, что-то ищет, ничего не говорит. А стоять с ним рядом страшно!

Олег Борисович посмотрел на спутников.

— Как вы это объясняете?

— Боюсь, на Геземе высадился сам Палач, — задумчиво проговорил Ромашин.

На берегу речки стало тихо. Потом Гаранин крикнул, сильно потер лысину ладонью.

— Я представлял высадку Игрока иначе. Должны быть другие масштабы. А тут вышел один робот...

— Это не робот, а одна особь коллективного организма Палача. Конечно, один субстант — еще не десант и не армия, но и он представляет собой грозную силу. Не приведи господи с ним встретиться! — Ромашин покачал головой. — Неужели Палач решил высадить своих представителей во всех Ветвях?

— Возможно, мы это скоро выясним, — сказал Руслан. — Однако зачем ему... как вы назвали этого «железного человека»? Субстант?

— Это словечко из лексикона Атанаса Златкова, означает клетку или часть физической основы сложного организма с индивидуальным управлением.

— Как муравей, что ли? — прищурился Гаранин.

— Нечто в этом роде, хотя и не в пример умнее и мощнее. Давайте-ка собираться обратно, друзья мои, пока этот «железный муравей» не нашел нас.

— Предлагаю впредь называть «клетки» Палача жмурами, — сказал Олег Борисович. — Чем плохо? Жмур — железный муравей. А еще лучше — жмурик.

— Пусть будут жмуры, — улыбнулся Ромашин. — Только лучше с ними не встречаться.

— Зачем этому... гм, жмуру понадобилось «клевать» охотника? — спросила тихонько Надежда.

— Думаю, «железная рубаха» на охотнике представляет собой что-то вроде материализованной зомбирующей программы или управителя-паразита, — сказал Руслан. — Теперь Кандид будет исполнять все приказы жмура.

— Правильно, — кивнул Игнат. — Ну, что, уходим?

— Но мы так и не узнали, где, в какой стороне искать Иво-ра Жданова.

— Стас подскажет. Он наверняка знает, куда направились наши соотечественники.

— Стас — это автомат хронозапуска? — уточнил Гаранин.

— Не автомат — инк обслуживания Ствола, очень сильная интеллектуальная компьютерная система типа «Стратег». У нас на Земле таких всего с десяток.

— Поехали.

Они попрощались с россынями, смотревшими на землян с надеждой и суеверным восторгом, и помчались к угрюмой громаде Ствола с раздвоенной вершиной. Если бы они догадались посмотреть вниз, то увидели бы бегущего в ту же сторону человека в сверкающем металлическом комбинезоне. Человек остановился, проводил глазами летящую низко над лесом ватагу в костюмах неопределенных очертаний и сказал негромко:

— Они направляются в вашу сторону.

Ствол приблизился, похожий на изъеденную жуками-древоточцами гору. Ничего в его облике не изменилось. Все так же тоскливо смотрели на мир вокруг черные дыры окон и проломов в стенах гигантского здания, все так же тоскливо свистел ветер в щелях, все так же носилась у стен стая черно-белых птиц, похожих на земных ворон. И тем не менее Руслан почувствовал в душе смутную тревогу, отвечавшую его настроению. Ствол не просто тяжело попирал землю миллионами тонн массы, он *ждал* гостей и был готов их встретить.

Отряд поднялся на четырехсотметровую высоту, нашел отверстие в стене, через которое они выбрались в мир Гезема, перестроился. Ромашин тоже ощутил беспокойство, отразившее тонкое изменение пси-полей внутри Ствола, и решил действовать в соответствии с императивом внезапно возникшей угрозы.

Впереди двинулся он сам, за ним в двух шагах сзади и чуть левее — Руслан, затем — Олег Борисович с Надеждой, последними — Гена Маркин и Паша. Развернули шлемы, загерметизировались, включили системы маскировки. Теперь они могли видеть друг друга только в специальной проекции — в виде контуров, напоминающих сказочные привидения. Со стороны же их можно было разглядеть только с помощью особых методов визуализации.

Предосторожности оказались нелишними. В зале действующей хрономембраны на сотом этаже их ждал «железный человек». Жмур.

Идущий впереди Ромашин сразу понял значение металлической глыбы, расположившейся на плиточном полу зала, которая имела очертания расплывшегося человеческого торса. Глыба не имела глаз, но от нее исходил столь ощутимый ток *внимания*, что не приходилось сомневаться: она прекрасно видит людей.

Ромашин остановился. К нему присоединился Руслан, за их спинами сгрудились остальные.

— Это... он? — прошептала Надежда, хотя могла бы говорить в полный голос: «кокосы» не пропускали звука.

— Жмур! — констатировал Гаранин. — Собственно, чего мы боимся? Неужели он осмелится напасть? Один? Нас ведь шестеро, и все вооружены!

Словно в ответ на его слова металлический псевдочеловек вдруг разделился на две фигуры, и каждая из «половин» также разделилась на две части. Теперь перед землянами сверкали восемь жмуrow, угрюмо наблюдавших за ними.

— Если мы их сейчас атакуем — прорвемся! — подал голос Маркин. — Я могу их отвлечь.

— Не спеши, лейтенант, — сквозь зубы проговорил Руслан. — Можем повредить лифт. Нужно попробовать договориться с ними.

В то же мгновение один из жмуrow вырастил нечто вроде руки и метнул в Ромашина ручей металлической жидкости.

Игнат выстрелил из «универсала». Огненный клинок вонзился в ручей и разбрызгал его по всей длине на множество дымящихся капель.

— Не стреляйте! — быстро проговорил Ромашин.

Его послушались, хотя каждый готов был начать огонь.

— Почему не стрелять? — осведомился недовольный Олег Борисович. — У нас восемь «стволов», мы их в два счета раскукарекаем!

— Наше оружие только разрывает жидкокристаллический материал тел субстанта, разбрызгивает, но не уничтожает. Брызги потом соединяются вместе. Но стоит капле попасть на кого-либо, и готова смирительная «железная рубаха».

— Наездник, — добавил Руслан.

— Что же делать?

— Чувствуете давление на психику? Жмур считает наши эмоции, если не мысли, можно попробовать убедить его убраться с дороги.

— Как?

— Как говорится: если нет другого выхода — смело выходи из себя. Надо попытаться привести себя в ярость. Чтобы жмурики почувствовали угрозу. И пусть инки ждут команды «огонь». Как только субстант пойдет в атаку — стреляем! Но не раньше.

— Если б этот стальной болван был человеком, — проворчал Олег Борисович, — было бы легче представить его врагом. Но делать-то что-то надо...

— Начали!

Ставшие в шеренгу земляне сосредоточились на внушении угрозы, испепеляя взглядами металлические глыбы субстанта Палача. И тот почувствовал изменение пси-фона! Фигуры жмуров дрогнули, попятились, двое из них метнули в людей струйки сверкающего жидкого металла, но Ромашин и Костров отреагировали двумя точными выстрелами, и атака больше не повторилась. Жмуры влились один в другой, и слегка увеличившаяся глыба субстанта легко скользнула к выходу из зала, несмотря на немалую массу. Особь Палача отступила, не принимая открытого боя, решила не рисковать жизнью. Видимо, с таким отпором она сталкивалась впервые. Уже скрывшись в боковом коридорчике, жмур внезапно заговорил на почти чистом унилинге:

— Наши пути обязательно пересекутся, джентльмены. Вас ждут большие неприятности.

Если бы не скрытая подоплека ситуации, «хронодесантники», наверное, расхохотались бы в ответ на слова удивительного создания, но сейчас им было не до смеха и шуток.

— Сезам, откройся! — скомандовал Ромашин.

Дверца хронолифта растаяла, обнажился пустой решетчатый короб кабины.

— Садитесь!

Один за другим земляне вошли в кабину.

Последними втиснулись Ромашин и Костров, бдительно следившие за коридором, в котором скрылся опасный противник.

— Передай своему господину, — крикнул Игнат, перед тем как дверца отгородила кабину от зала, — что Судейская коллегия отстранила его от участия в Играх. Пусть ждет судебных исполнителей.

Дверца кабины уплотнилась до состояния полупрозрачной твердой пластины.

— Стартуем, — предупредил Ромашин прежним спокойным голосом. — Стас, ты меня слышишь?

— Жду команды, — раздался в ответ сухой безразличный голос.

— Подскажи, куда направились три или четыре дня назад наши друзья Ивор Жданов и его спутница, и отправь нас туда же.

— Жду команды, — повторил голос тем же тоном.

— Не понял.

— Жду команды, — еще раз проговорил автомат хронолифта.

— Вызови Стаса!

— Не понимаю. Жду команды, — равнодушно повторил голос в четвертый раз.

— Издевается он, что ли? — проворчал Гаранин.

— Похоже, Стас в этом кванке Ствола не восстановил своих интеллектуальных функций, теперь это просто автомат.

— Значит, мы не узнаем, куда отправился Жданов?

— Боюсь, что нет. Предлагаю сделать последний прыжок в «тупиковую» Ветвь. Я познакомлю вас с Аристархом и попрошу его присоединиться к нам. Вместе мы что-нибудь при-

думаем, да и Стас в том мире является полноценным инком. Он свяжется со своими кванками и выяснит, где сейчас Ивор Жданов.

— Поехали, — решительно бросил Руслан, успокаивающе сжав вздрагивающий локоть Нади.

— Адрес выхода: Солювелл-один, сто первый хроноквант-угол абсолютного внутреннего времени, — четко проговорил Ромашин. — Относительные временные координаты: год две тысячи двести двадцать девятый.

— Задание принял, — доложил стартовый автомат. — Спуск ступенчатый, девиация в пределах трех тысячных процента. Прошу включить ТФЗ.

— Включена.

— Что это значит? — любопытно спросил Олег Борисович.

— ТФЗ — таймфаговая защита. Наши «кокосы» ее не обеспечивают в полном объеме, но мы уже прыгали по Ветвям, и ничего с нами не случилось.

— Старт!

Мягкая сила сдавила тела «хронодесантников» и бросила в глубокую пропасть...

Этап разведки боем, или *просачивания*, закончился, скоро должен был начаться новый этап — прорыв! Это понимали пока единицы среди интраморфов, в том числе Аристарх Железовский.

Никто из друзей Аристарха и даже Забава не ведали пределов возможности человека-горы. Предполагали, что они велики, но насколько — никто особенно не задумывался. На Земле лишь несколько человек, обладавших такой же мощью, точно знали, на что способен патриарх, но эмиссар ФАГа в их число не входил. Поэтому операция по «гашению» Железовского, ставшего особенно опасным для планов ФАГа, готовилась в соответствии с общими данными «фагинфорсети». Профи отдела безопасности оценили бы ее по высшему баллу как операцию «уровня 5». Но и Аристарх не ждал, пока его застанут врасплох, и разработал ответную операцию, подготовив плацдарм, где он якобы отдыхал и находился вдали от друзей.

Расчет его оправдался. Подручные ФАГа устроили налет на древнюю станцию болидного патруля, вращавшуюся по

орбите вокруг самого необычного объекта Солнечной системы — Фазтона-2, представлявшего собой гигантскую сферическую кучу камней.

Неизвестно, где Аристарх отыскал эту станцию, но факт, что он отремонтировал ее своими руками, установил линию метро и приспособил для своих целей. Что он там делал во время частых визитов, опять же никто не знал, но, по слухам, действительно отдыхал в одиночестве и «качал» энергетику организма.

По его данным, незваные гости посещали станцию трижды, видимо, для рекогносцировки, а слежку он заметил давно, однако активных действий не предпринимал, ожидая, когда Ф-террористы начнут первыми. И вот ранним утром (в пять часов по среднесолнечному времени) станцию (пятидесятиметровой длины и пятиметрового диаметра цилиндр с конусовидными торцами) атаковали сразу с четырех сторон три когга и драккар с опознавательными знаками погранслужбы, а кабина метро выпустила группу «призраков», вооруженных до зубов.

Железовский, который не спал, разглядывая освещенную солнцем сторону Фазтона-2, мрачно усмехнулся и мысленно поощрил прибывших: смелее, парни, вас здесь ждет немало сюрпризов! Бросив последний взгляд на дымчато-зернистый шар, состоящий из многих десятков миллионов астероидов и пыли, Аристарх вошел в поток Сил и начал действовать. Его целью был выход на командира операции, прибывшего на драккаре, а через него — на руководителя более высокого ранга, если не самого эмиссара.

Первого динго-двойника Аристарх выпустил навстречу десанникам в «хамелеонах», второго — к причальному отсеку, а сам, включив пси-фильтр, двинулся к реакторному залу станции. Картина вторжения стояла перед его глазами, будто он вывел ее на экран дисплея, потому что многочисленные датчики в стенах станции передавали изображение непосредственно ему и терафиму, помогавшему синтезировать схему возможных взаимодействий.

Двигался Аристарх бесшумно и так быстро, что едва ли налетчики смогли бы видеть его в движении, но и у них наверняка была своя система слежения и обработки данных, так что Железовский не обольщался насчет своей невидимости и неуязвимости. Судя по движению десанта, его-таки *видели*.

Бой он начал первым.

Группа из трех человек, высаженная из когга, увидела мчавшегося на них гиганта и открыла огонь из парализаторов, но так неловко, что накрыла залпом друг друга. Двое из них выбыли из строя, а третий потерял сознание от удара кулака, хотя никто его не бил — сработал эффект наведенной галлюцинации.

Второй отряд из пяти человек попал в переходный тамбур, который имел катапульту с выходом в открытый космос. Судьба их не слишком волновала Аристарха, они знали, на что шли, и он с легким сердцем отправил их в сторону Фаэтона-2.

Еще одна обойма десанта провалилась в нефтяной бак, который тут же вспыхнул и взорвался, надолго выведя из строя шестерых боевиков, вынужденных тушить друг друга, пробиваться из бака наружу и залечивать ожоги.

«Призраков» из метро перехватил двойник Железовского, но они быстро разгадали, кто он такой, и двинулись дальше, к реакторному залу, ведомые инком целеуказания. Здесь и встретил их Аристарх, сам похожий на призрака, но в отличие от него физически реальный.

В коротком ближнем бою он обезвредил четверых, а пятого буквально вплющил в стену реактора, так что взвыла сирена тревоги: автоматы защиты приняли этот удар за столкновение с метеоритом. После этого Железовский, не обращая внимания на резко возросший пси-фон, метнулся к причалу, где его ждал собственный «голем». Через минуту он катапультировался из станции в «големе» в сторону Фаэтона-2, предпочтя этот способ бегства, а не метро, потому что в кабине гости установили взрывное устройство.

Еще через полминуты станция за спиной превратилась в облако огня и дыма.

На станции «Салют», наблюдавшей за поведением «раздробленной» планеты, он задерживаться не стал, сразу стартовал на Землю. Тело казалось рыхлым и пропитанным водой, как губка, хотелось пристроиться где-нибудь в безлюдном уголке, закрыть глаза и уснуть, но Аристарх заставил себя сначала связаться с Герцогом, рассказал ему о нападении и лишь после этого отправился отдыхать. Но не к себе домой, чтобы не тревожить Забаву, а к Прохору Панкратову, имев-

шему, кроме жилого модуля в Архангельске, еще и коттедж в Подмосковье. Коттедж имел собственную станцию метро, и путь туда не занял много времени.

Аристарх разделся в гостиной Панкратовых, радуясь, что никто его сейчас не видит, осмотрел себя в зеркале стены, отмечая синяки и ссадины, полученные во время боя с десантниками, и первым делом залечил их медитативно-волевым усилием. Затем принял душ, насухо вытерся, накинул халат и поплелся на кухню, чтобы утолить жажду холодным тоником. И в этот момент в доме глухо прозвенел колокольчик сработавшего метро.

Считая, что это прибыл кто-то из своих, Аристарх выглянул в коридор, ведущий к холлу метро, и увидел группу людей, которых он ожидал увидеть меньше всего. Все они были в зеркально сверкающих комбинезонах, и поначалу Железовский решил, что на него снова вышли К-мигранты или агенты ФАГа. Дернулся назад, собираясь достать оружие, и остановился, узнав в первом госте Игната Ромашина, с которым познакомился много лет назад. Разжал кулаки, чувствуя бухающие тяжелые толчки разбуженного в экстрарежиме сердца.

— Игнат, вы?!

— Я, — ответил комиссар, улыбаясь.

Глава 4

Беседа длилась уже более двух часов, но скучной не становилась. Железовский с искренним интересом и удивлением выслушал историю участия людей из «параллельных» вселенных в Играх «богов» и сам, в свою очередь, рассказал не менее захватывающую эпопею встречи соотечественников с реликтовой формой жизни и о войне с ФАГом, балансирующей на грани полного уничтожения жизни в Метагалактическом домене.

— Значит, наша Метагалактика — всего лишь Ветвь среди бесчисленного количества других Ветвей Древа Времен, — задумчиво проговорил он, когда обмен историями подошел к концу. — С кем же мы в таком случае воюем? Получается, что наш ФАГ — это ваш Палач?

— Наш, — усмехнулся Ромашин. — Он — всеясветный, общий.

Усмехнулся и Железовский.

— Это-то я понял. Мы тоже созрели для принятия концепции Вселенских Игр, только не знали их масштабов. Хотя, может быть, Габриэль в курсе.

— Кто такой Габриэль?

— Габриэль Грехов, экзоморф и бродяга, душа которого осталась душой человека. Ему можно будет доверить нашу тайну. Так чего, вы говорите, добивается... м-м... Палач?

— Сворачивания Фрактала Времен, ликвидации линий выбора, то есть максимального упрощения континуума, что ведет к гибели миллионов и миллионов цивилизаций.

— Это уже не Игра получается, а война на уничтожение! Почему же Судейская коллегия, если она существует, не запретит Палачу нарушать правила?

— Исполнение судейского решения — многоступенчатый процесс. Дело в том, что правила более высокого порядка могут осуществляться только благодаря тому, что существуют элементарные правила. Тактика Игры — закономерность, которая проявляется через детерминированные свойства фигур.

— Но ведь Палач нарушил не только правила Игры, но и более глобальную структуру — этику!

— Вам бы встретиться с Атанасом Златковым, — с легким сожалением сказал Ромашин. — Вот он бы смог обрисовать ситуацию точнее. Могу добавить лишь, что конгруэнтность, или степень соответствия, Игры как системного целого правилам, установленным Творцом Древа Времен и самой Игры, может меняться, однако некий минимум конгруэнтности должен быть соблюден, то есть минимум, позволяющий Игре продолжаться и развиваться, а Древу реализовать *все* варианты материальных состояний.

— Примерно об этом рассуждали и наши мудрецы. Во всяком случае, им известно, что существуют трансформационные законы высшего уровня, которые осуществляются только через тактики или разрешенные ходы низшего уровня. Мне просто интересно, что ход мыслей наших и ваших ученых очень близок. Хотя ваши опередили нас в разработке метатеории Игр. Жутко представить, что один и тот же ход Игрока совер-

шается на множестве «досок-вселенных» одновременно, означая на каждой из них разное!

— О да, — кивнул Ромашин, — это удивительное открытие. Для нас оно тоже в свое время стало потрясением.

— Я понял так, что каждая Метавселенная типа нашей Метagalактики размножается делением на копии?

Собеседники Железовского переглянулись и рассмеялись. Человек-гора не обиделся.

— Простите старика за пустую болтовню. Я действительно ошеломлен. Не могу представить, что в других Ветвях существуют сотни, а то и тысячи Аристархов!

— Увы, вам это не грозит, — сказал Ромашин. — Ваша Ветвь — «тупиковая», как мы не совсем корректно выражаемся, то есть она существует в единственном виде, и вы — один на все Древо.

— Вот как? — хмыкнул Железовский. — Это меня устраивает. А вы — тоже один?

— Нет, я человек-спектр. — Ромашин улыбнулся, кивнул на спутников, расположившихся в гостиной кто где. — Они тоже. Таких, как вы, очень мало. Один из них — Ивор Жданов, к которому мы должны присоединиться.

— Что он за человек?

— Если применить вашу терминологию, он интраморф, владеющий полем Сил, с потенцией оператора реальности. В свою очередь, в перспективе оператор может стать Игроком, хотя до этого очень далеко.

— Что он должен сделать?

— По большому счету, главная задача оператора — ограничить Палача, ради чего и занялся весь этот сыр-бор. Но это опять же в перспективе. Нынешняя задача-минимум оператора, говоря логически-математическим языком, — сшивание неопределенностей тактики противостояния в масштабах «родственных» Ветвей. Мы должны уберечь «чисто человеческие» Ветви, которые только и способны дать шанс выжить всему Древу. В нашей истории уже были подобные прецеденты, хотя значительно более низкого уровня.

— Напомните.

— В конце двадцатого — начале двадцать первого века Россия едва не исчезла как государство и этнос. Кстати, этот процесс был результатом одной из Игр, ведущихся вечно, как

вы понимаете, по заказу Безусловно Второго. Но все же моя родина сумела воспрять духом и выжила, сохранив не только себя, но и природу, и всю Землю. Но это к слову.

— Это факт и из нашей истории, просто я не связывал его с Играми. Значит, вы предлагаете мне присоединиться к вашей обойме и найти оператора. А потом?

— Цель похода — выволить из ловушек всех Павлов Ждановых, в том числе отца оператора, который тоже является потенциальным оператором, но линейным. Если он сможет объединить своих кванков — сыграет роль судебного исполнителя.

— Понятно. — Железовский словно бы очнулся, хлопнул громадными ладонями по мягким подлокотникам кресла и встал. — Вам нельзя здесь оставаться и нельзя нигде показываться. Агенты ФАГа не должны вас видеть. Я поселю вас на какое-то время в своем подземном бункере с личной кабиной метро. Там есть все удобства.

Встали и гости.

— Надолго? — посмотрел на человека-гору Игнат.

— Мне надо решить несколько проблем и кое с кем посоветоваться. Но я пока ничего не обещаю. Подождите пару минут.

Железовский вышел.

— Вряд ли он согласится, — буркнул скептически настроенный Гаранин. — У них тут у самих положение аховое.

— Поживем — увидим, — не согласился Ромашин. — Аристарх — чрезвычайно ответственная личность, и ему небезразлична не только судьба мира, но и судьба отдельно взятого человека. Как он вам?

— Мощный мужик! — с уважением сказал Паша-летчик. — Я с такими предпочитаю дружить.

Руслан и Ромашин переглянулись с улыбками в глазах.

Вошел Железовский, переодевшийся в спецкостюм, который назывался здесь «бумерангом».

— Идемте.

Через несколько минут отряд высадился в шаровидном бункере Железовского, расположенном на глубине одного километра в толще горных пород хребта Алинг-Гангри, в сердце Тибета.

Грехова отыскать не удалось.

Расстроенный этим обстоятельством, Железовский встретился с Паулем Герцогом в Управлении безопасности и осто-

рожно поинтересовался, что бы он сказал, узнай о существовании альтернативных вселенных, представляющих собой почти идентичные копии Метагалактики.

— К чему вы клоните, патриарх? — рассеянно спросил пронизательный Герцог, занятый какими-то расчетами с инком кабинета.

— Ни к чему, — ответил Аристарх, понимая, что не имеет права делиться полученной от «соседних» землян информацией. — Мне приснилось, что, кроме нашей вселенной, существует целое Древо ей подобных, отличающихся в некоторых деталях, и что в них тоже идут войны такого же уровня.

— Ну-ну, — с проснувшимся любопытством посмотрел на старейшину синклита Герцог. — Странные, однако, сны вас беспокоят, Аристарх. Глобального значения. Мне так все больше снятся какие-то страшные тараканы и пауки.

— У кого какая фантазия, — скупой улыбнулся Железовский, окончательно решив не рассказывать комиссару о визите группы Ромашина.

— И с кем же в этих вселенных воюют наши двойники?

— С ФАГом, естественно, только называют его иначе — Палачом.

Железовский попрощался с озадаченным Герцогом, оставив его размышлять о намеках патриарха, и вернулся домой, в Софию, не забывая контролировать энергоинформационные потоки вокруг себя в поле Сил. Слежки за собой он не обнаружил, но обольщаться не стоило. После схватки с операми эмиссара на станции болидного патруля, закончившейся гибелью террористов, следовало ожидать новых нападений, и Аристарх с досадой подумал, что Ромашин появился весьма некстати со своим предложением присоединиться к группе неведомого оператора по имени Ивор Жданов. Отлучаться с Земли в разгар схватки с ФАГом не казалось оптимальным выходом из положения.

Забавы дома не оказалось. Домовой сообщил, что она полетела куда-то на встречу с внучкой Виданой, но координат не оставила. Послonyaвшись по тихим и пустым комнатам в тягостных размышлениях: надо было принимать какое-то решение, отказывать Игнату не хотелось, но и другой выход не находился, — Аристарх собрался было навестить бункер в Тибете, и в этот момент домовой доложил о визите гостя.

Аристарх мысленно включил виом видеоконтроля.

Перед дверью их жилого модуля стояла эффектная молодая женщина с рыжими волосами, у которых светились кончики, и ярко-желтыми глазами. Ее стройную фигуру обтягивал серебристый комбинезон из особого материала, становившегося то полупрозрачным, то сверкающим. В руке незнакомка держала сумочку из «рыбьей чешуи».

«Впусти», — приказал Аристарх.

Домовой открыл дверь, женщина вошла. Он встретил ее в холле, поклонился, отмечая мощное биополе гостьи.

— Вы не ошиблись, сударыня?

Улыбка женщина была ослепительно красивой.

— Если вы Аристарх Железовский, патриарх синклита старейшин ВКС, то не ошиблась.

Аристарх еще раз поклонился, отступил, пропуская незнакомку в гостиную, предложил сесть в кресло. Сел сам.

— Слушаю вас. Кофе, чай, тоник, вино?

— Не суетитесь, патриарх, — очаровательно улыбнулась гостья. — Вам это не к лицу. Обойдемся без сентиментальных чаепитий.

От нее повеяло таким ветром властной уверенности, что Аристарх невольно привел себя в боевое состояние, оставаясь с виду флегматично-бесстрастным и предупредительным.

— Слушаю, — повторил он терпеливо.

— Мы представляем весьма мощную структуру, которая заинтересована в привлечении на свою сторону таких людей, как вы. У нас к вам деловое предложение.

— У нас? — приподнял бровь Железовский. — Кто это — мы? Я вижу перед собой только одного человека. Или у дверей моего дома вас ждет еще один представитель этой... м-м... структуры?

— Мы — это мы, — усмехнулась женщина.

Костюм на ней вдруг превратился в пленку жидкого металла, которая потекла вверх и собралась в самую настоящую змею с плоской головой и капюшоном кобры, выросшую над рыжими волосами гостьи. На голову Аристарха обрушилась массивная «дубина» пси-удара, которую он отразил лишь потому, что был готов к нападению.

Женщина засмеялась, хлопнула два раза в ладоши. Змея над ней втянулась в воротник костюма, расплылась прежней

металлической пленкой, порождающей эффекты блуждающих полупрозрачных окон.

— Отлично, патриарх! Еще раз убеждаюсь, что вы — именно тот человек, который нам нужен.

— Яснее и короче, — сказал Железовский, сдерживая желание вышвырнуть красавицу за порог; метаморфозы ее костюма не произвели на него особого впечатления, хотя было похоже, что это не обычный уник и даже не «бумеранг», а, скорее всего, квазиживой организм. — Кто вы?

— Меня зовут Тирувилеиядаль. Я посланец Игрока....

— Не Палача случайно? — перебил ее Железовский.

Лицо гостьи застыло. Она изогнула брови, с сомнением разглядывая твердое лицо хозяина, и Аристарх пожалел, что не сдержался.

— Похоже, нас опередили. Неужели здесь побывал сам оператор?

— Мадам, у меня мало времени. Или выкладываете свое предложение, или...

— Спасибо за любезные слова, патриарх. Мы, кажется, недоценили паренька, хотя его должны были уже... Впрочем, давайте о деле. Предложение такого рода. Моему господину требуются агенты для особых поручений, профессионалы, способные регулировать энергоинформационные потоки на уровне социума. Вы нам подходите. Предлагаем неограниченные полномочия, структурную трансформацию тела с выходом на бессмертие, а главное — власть в мирах, подобных вашему.

— Понятно, — с иронией кивнул Железовский. — Власть — это уж как водится, да и бессмертие — тоже неплохой аргумент. А душу не придется продавать?

— Ценю ваш юмор, — усмехнулась Тирувилеиядаль. — Достаточно будет вашего слова.

— Ага, значит, методы дьявольской вербовки несколько изменились со времен Фауста. Раньше такие договоры скреплялись кровью.

— Ну, что вы, патриарх, те времена канули в прошлое, хотя вопрос добровольности остался в приоритете.

— Как говорится: дьявол — джентльмен, он никогда не входит без приглашения. Однако дело в том, что я всю жизнь исповедую принцип: избегай удовольствий, которые рождают печаль.

— То есть это надо понимать как отказ?

— А вы как думаете?

— У вас на Земле существует поговорка: для утвердительно-го ответа достаточно лишь одного слова «да», все прочие слова придуманы, чтобы сказать «нет». Я вас правильно поняла?

Посланница Палача встала. Железовский тоже поднялся, глядя на нее сверху вниз. По-видимому, его фигура и неподдельная глубокая уверенность в себе подействовали на гостью, так как она покачала головой и вздохнула:

— Жаль, что вы не с нами, патриарх. Вы такой интересный мужчина... Но помните, что тот, кто не с нами, тот против нас.

— Я человек интеллигентный, — усмехнулся Железовский, делая приглашающий жест к выходу, — но простой, я и убить могу. До свидания.

Тирувилеиядаль сузила глаза, вглядываясь в лицо Аристарха. Костюм на ней пошел фонтанчиками, зашипел, как змея. Железовский почувствовал еще один пси-удар, ответил хлестким отбивом, так что она отшатнулась, проводил гостью к двери. Она вышла, оглянулась, но он не стал ждать продолжения бессмысленного обмена «любезностями» и закрыл дверь. Вернувшись в гостиную, просмотрел запись беседы с вербовщицей Палача, подосадовал, что не спросил у нее, в каких она отношениях с эмиссаром ФАГа, контролирующим Солнечную систему. По всему выходило, что действия посланницы Палача и эмиссара не совпадали, и эта несогласованность радовала. Похоже было, задачи они решали разные и относились к разным департаментам «администрации» Палача-ФАГа.

Сделав две копии беседы, Железовский послал одну начальнику «контр-2», вторую прихватил с собой и направился к метро. В бункере под Тибетом он появился в тот момент, когда его гости обедали. Аристарх в свое время установил здесь кухонный комбайн «Сам», способный готовить блюда по ста десяти рецептам, что оказалось весьма кстати. Судя по запахам и сервировке, гости предпочитали славянскую кухню.

В столовой, она же и гостиная, установилась тишина. Мужчины перестали жевать и молча смотрели на хозяина, в то время как он бесстрастно разглядывал их. Потом Аристарх вставил иголку видеозаписи в гнездо на вириале инка, и все увидели сцену встречи Железовского с рыжеволосой посланницей Палача.

— Мир тесен, — сказал с легкой улыбкой Ромашин, когда запись кончилась. — Кажется, мы прибыли сюда вовремя. Зачем вы рисковали, Аристарх, отказываясь от предложения этой дамы столь категорически и прямолинейно? А если бы она применила программатор?

— Так ведь и я не беззащитен, — ухмыльнулся Железовский. — Она это отлично почувствовала. Точнее — они. Я думаю, на самом деле Тирувилеиядаль — не женщина и вообще не человек.

— А кто?

— Некий искусственный организм, киборг, живущий в симбиозе с «металлическим» костюмом, который также представляет собой некое существо с изменяемой геометрией тела.

— Bravo, патриарх, — без какой-либо насмешки сказал Ромашин. — Вы абсолютно правы. Пленка на этой мадам действительно является организмом, точнее, кластером, или особью, самого Палача. Он заслал своих представителей — жмуrows, как мы их назвали, во все Ветви, и ваша — не исключение. Поэтому предупредите своих друзей, чтобы они были осторожны при контактах с этими существами. Физическая основа Палача — жидкокристаллический субстант, который обладает сильным пси-зарядом и может управлять любым существом, пользуясь его телом в качестве носителя.

— Понял, предупрежу.

— Итак, что вы решили?

— К сожалению, вынужден огорчить. Обстоятельства таковы, что я просто не имею права покидать Землю. Началась охота на интраморфов, эмиссар ФАГа... м-м... Палача пошел в наступление... — Железовский виновато развел руками.

— Что ж, мы понимаем, — тихо сказал Руслан.

— Не обижайтесь. Если время терпит, подождите. Мы разберемся со своими проблемами и присоединимся к вам.

— Боюсь, времени у нас как раз и нет, — покачал головой Ромашин. — Но мы действительно не в обиде. Если вы здесь сумеете отбить атаку Палача, это существенно повлияет на положение Игроков в целом. Единственная просьба: оружие...

— Да, конечно, — с облегчением согласился человек-гора. — Мои арсеналы невелики, но все же кое-что я вам презентую. Идемте.

Арсенал Железовского занимал один из небольших по размерам отсеков бункера, но все же оружия у него хватало, чтобы удовлетворить запросы вдвое большей группы, чем отряд Ромашина. Мужчины прихватили с собой два «глюка», аннигиляторы «шукра», парализатор, ножи-мономолики и запас МК-батареи к излучателям. Все повеселели, несмотря на отказ хозяина присоединиться к отряду. Теперь они могли отбиться от любого круто вооруженного противника и не бояться столкновений с ликвидаторами.

— Я вас провожу, — сказал Железовский, когда группа была готова к выходу. — Кстати, не понял, где находится этот ваш... хронобур?

— В вашем мире Ствол географически реализовался там же, где и на других кванках Земли, — в Брянской губернии, но под землей. Точнее, под Скрабовскими болотами. Поэтому о нем никто не знает. — Ромашин подумал. — Кроме, может быть, агентов Палача.

— У нас нет губерний, — качнул головой Аристарх, — административные зоны называются номинированными районами — нойонами. Но все же какая ирония положения: буквально рядом, можно сказать, под носом, располагается выход в другие измерения, а мы ищем его на границах домена... Кстати, не может ли эмиссар ФАГа использовать Ствол в качестве своей базы или центра управления?

— Исключено, — сказал Ромашин. — Ствол сильно поврежден и почти весь затоплен илом и водами болота. Его можно использовать лишь как линию доставки, не более того. Я думаю, у вашего эмиссара есть доступ к более совершенному виду транспорта. Мы его называем трансгрессом.

— Почему же вы им не воспользуетесь?

— К сожалению, мы лишены доступа. Надо знать код вызова, а мы его не знаем.

— Жаль. Тогда поехали знакомиться с «машиной времени». В метро Брянска нам лучше не появляться, я вызвал галеон. Он доставит нас на место за час.

Никто не возразил, даже ворчливый Гаранин. Все понимали, что хозяин и так делает для них все, что может.

Полет до Брянска действительно не занял много времени. Пассажиры галеона даже не заметили, как долетели, с интересом разглядывая инфраструктуру городов и лесные массивы

под аппаратом с десятикилометровой высоты. В принципе эта Земля мало отличалась от родины Ромашина, хотя он и отмечал кое-какие архитектурные и природные различия. Остальных же виды проплывающих под аппаратом искусственных сооружений, высота которых достигала трех и даже пяти километров, поражали и восхищали, и гости Аристарха рассматривали пейзажи, не отрываясь, изредка делясь впечатлениями.

Наконец галеон миновал окраину небольшого старинного городка Жуковки и поплыл над лесом Брянской заповедной зоны, остановился. Затем медленно двинулся по кругу, пока Ромашин не скомандовал автопилоту:

— Стоп! Здесь.

Аппарат завис над болотом с редкими ржавыми деревцами, кочками и окнами трясин, затянутыми водорослями и ряской.

— Прыгаем. До свидания, Аристарх. Дальше мы уже сами.

— Не нравится мне эта машина, — сквозь зубы проговорил Гаранин, глядя на белое пятнышко какого-то аппарата, застывшего над лесом в километре от них. — Такое впечатление, что он наблюдает за нами.

— Что скажете, Аристарх? — обратился к Железовскому Ромашин.

Тот прищурился, вглядываясь в отблескивающий металлом летательный аппарат.

— Это флайт, и мне он тоже не нравится.

— Может быть, пугнем его? — предложил Маркин.

— Не стоит. Я сам разберусь, когда провожу вас. Кстати, нельзя ли посмотреть на ваш хронобур изнутри?

— В принципе почему бы и нет? — с некоторым колебанием ответил Ромашин. — Только будьте осторожны при возвращении. Вдруг это наблюдатель Палача?

— В данной ситуации он не сможет нам помешать.

Словно почувяв внимание людей в галеоне, водитель флайта включил двигатель, и белое пятнышко упало вниз, скрылось за деревьями.

«Хронодесантники» попрыгали в воду. Железовский превратил свой «бумеранг» в герметично закрытый скафандр и прыгнул следом.

Нырнули в одно из болотных окон с открытой водой, опустились на глубину пяти метров и погрузились в толстый слой

ила и грязи, под которым на глубине двух метров оказалась твердая и ровная поверхность. Это была крыша Ствола. Ромашин нашел открытый люк тамбура, через который они вышли наружу, осветил его фонарем. Один за другим они в коричнево-зеленоватой мгле проникли в тамбур, затем в коридор, нашли лестничный шпангоут, пронизывающий здание хронобура снизу доверху, и четверть часа спускались по лестнице вниз, пока не достигли сотого этажа, на котором располагался зал работающей хрономембраны. Зал был закупорен защитной автоматикой хронобура, но Ромашин связался со Стасом (с его «останками», так сказать), и проход открылся, пропуская делегацию. Хотя при этом в зал успело прорваться несколько десятков тонн воды и жидкой грязи.

Подождали, пока автоматика очистит зал, свернули шлемы, подошли к толстой колонне хронолифта. Дверца кабины превратилась в слой дыма, рассосалась, открывая внутренности.

— Никогда бы не поверил! — пробормотал Железковский, разглядывая зал и решетчатый короб хронолифта.

И в этот момент раздался удар гонга, звон аварийной сигнализации, а затем голос автомата:

— Внимание! Нештатный хроносдвиг! Глубина неизвестна. Всем ТФА покинуть горизонт! Три минуты до сдвига! Даю отсчет: три минуты, две минуты пятьдесят восемь секунд, две минуты пятьдесят шесть секунд...

— Что это значит? — насторожился Аристарх.

— Это значит, что вам придется пойти с нами, — мрачно проговорил Гаранин. — За три минуты вы не успеете выбраться из здания.

— Даже владея полем Сил, — подтвердил Ромашин.

— Вы рассчитали?..

— Да нет же! — с досадой перебил Аристарха Ромашин. — Что-то произошло по не зависящим от нас обстоятельствам. Стас, ты в курсе, что случилось?

— Прошла внешняя команда на подрыв реактора, — ответил инк Ствола.

— Что за чушь! Отмени команду!

— Не могу, цепь связи с реактором заблокирована. Советую покинуть горизонт.

Ромашин переглянулся с Русланом.

— Нас вычислили, — сказал тот.

— Может быть, хотя операция по уничтожению Ствола могла быть задумана давно. Нас выследили и... быстро в кабину!

«Хронодесантники» втиснулись в кабину хронолифта. Железовский медлил, пытаясь связаться с Забавой через поле Сил. Проговорил хрипло:

— Выхода действительно нет?

Ромашин молча качнул головой, вошел в кабину.

Аристарх подождал еще немного, вслушиваясь в монотонный голос автомата, и на счете «сорок девять» присоединился к остальным, впрессовывая их друг в друга — кабина не была рассчитана на столько человек.

Дверца хрономембраны закрылась.

— Интересно, как я теперь вернусь обратно? — хладнокровно поинтересовался Железовский.

Никто ему не ответил.

Свет в кабине погас....

Глава 5

Железовский первым оценил их положение, что потом подтвердил инк Ствола Стас, и Руслан без какого-либо душевного напряжения и ревности передал бразды правления группой в его руки. Патриарх синклита старейшин, живший на Земле двадцать третьего столетия «тупиковой» Ветви, настолько превосходил всех мощью, опытом и простодушной непогрешимостью суждений, что даже Ромашин прислушивался к его замечаниям и предпочитал прежде советоваться, а не принимать решения сразу. Железовский же вел себя так, будто ничего особенного не случилось, хотя он стал «хронодесантником» не по своей воле и не знал, когда вернется домой.

Зал хронолифта, в который они вышли после «падения» в пропасть хроношахты, серебрился инеем, и температура в нем держалась около двадцати градусов ниже нуля.

— Странно... — проговорил Ромашин, выслушав доклад инка «кокоса», и разгерметизировал костюм.

Его примеру последовали остальные.

— Что странно? — любопытно спросил Гаранин, принюхиваясь к запахам и трогая пальцем серебристую паутинку инея на «мраморной» стене.

— Я не узнаю выход...

— А куда мы должны были попасть? — спросил Железовский, прислушиваясь к тишине здания.

— Я просил Стаса отправить нас домой... то есть в мою Ветвь.

— Почему вы считаете, что он ошибся?

— Он не мог ошибиться... и тем не менее *это не мой* выход. Чувствуете холод? Плюс меньшая сила тяжести. Похоже, нас занесло в незнакомую Ветвь.

— Может быть, в этом виноват взрыв реактора? — предположил Руслан. — Стас и так был какой-то странный, полуглухой, а когда произошел взрыв, он и запустил нас на фоне хронодвигателя, как теннисный мячик, в белый свет как в копеечку.

— Возможно, — согласился Ромашин.

— Хотя нам от этого не легче, — буркнул Олег Борисович. — Что делать будем?

— Мы на айсберге, — сообщил вдруг Железовский, возвращаясь из дальних далей сверхчувствования. — Вокруг здания ледяная пустыня в радиусе трех километров. Толщина льда — больше километра, а дальше снова одна вода и айсберги. Глубина океана под нами — больше десяти километров, а что ниже — я не понял. Похоже, тоже лед. И тут, по-моему...

— Что?

— Нет, ничего, — после паузы ответил Аристарх.

— Поехали обратно, — сказал Гаранин. — Решили идти в вашу Ветвь, вот и давайте не менять решений.

— Может быть, хотя бы одним глазком посмотрим, куда мы попали? — робко предложила Надежда.

Мужчины обменялись вопросительными взглядами.

— Пожалуй, — пожал плечами Ромашин.

— Мы теряем время, — возразил Олег Борисович.

— Давайте выйдем, — поддержал Надю Железовский. — Мне надо кое-что выяснить.

— Загерметизируйтесь на всякий случай.

«Хронодесантники» застегнулись и устремились из зала в коридор, ведущий к внешней стене Ствола.

Тамбур открылся без проблем, по первому требованию Ромашина. Это несколько озадачило его, знакомого с тестами

запрета на выход, но нетерпение увидеть чужой мир пересилило, и он разрешил группе выйти из здания.

С высоты четырехсот метров им открылся великолепный вид на безбрежный океан, покрытый белесыми пятнами раздробленного льда и ослепительно голубыми горами айсбергов самых причудливых форм. А над горизонтом выросал гигантский купол, светящийся изнутри голубовато-лунным светом, в котором люди не сразу признали светило этого мира.

— Святые генералы! — пробормотал обескураженный Гаранин. — Вот это солнышко!

— Я видел еще больше, — заверил Ромашин. — Диаметр звезды эпсилон Возничего больше диаметра орбиты Сатурна.

Остальные промолчали, продолжая осматриваться.

Океан здесь имел густо-синий цвет и блестел как зеркало — так была неподвижна вода. Лишь изредка на ней кое-где возникали серебристые морщинки. Атмосфера планеты была очень толстой, судя по отсутствию малейшего ветерка, и небо, имевшее консистенцию густого тумана, тоже имело синий, с оттенком фиолетового цвет. К горизонту оно темнело, так что айсберги выделялись на его фоне, как факелы.

— Интересная планетка, — подал голос Паша. — Температура здесь ниже двадцати, а вода не замерзает.

— Вода бывает разная, — рассеянно заметил Железовский, спускаясь к подножию айсберга. — У нас обычная вода состоит из четырех мономерных фракций, а здесь она — смесь полимеров.

Он ковырнул лед пальцем, повертел в руках бело-голубую звездчатую сосульку, сунул в патрубок химанализатора на поясе своего скафандра, затем склонился над водой и погрузил в нее руку. Было видно, что вода расступилась не сразу, ее пленка оказалась чрезвычайно упругой и продавилась, лишь когда давление руки превысило поверхностное натяжение.

Все с любопытством наблюдали за манипуляциями Аристарха, даже Ромашин, ожидая, что он скажет. Паша Строев тоже спустился ниже, встал ногами на воду и начал уменьшать поле антигравы, удерживающее его в воздухе. Вода прогнулась чуть ли не на полметра, образовав сферическую впадину, и только потом с отчетливым тугим хлопком продавилась.

— Да по ней ходить можно аки Христу! — удивился Паша, с некоторым трудом взлетая вверх. Пленка воды тянулась за

ним чуть ли не на два метра, словно это был клей, и не спешила осыпаться с костюма дождем.

— Да, это полимерная вода, — закончил свои исследования Железовский, поднимаясь в воздух. — Ее молекулы объединены в тетраэдры и октаэдры, а те, в свою очередь, образуют устойчивые конгломераты. По сути — это не лед, — он кивнул на айсберг, — а та же вода, только в кластерном состоянии.

— Господа эстеты, — сказал Гаранин, — предлагаю вернуться к лифту и отправиться на поиски нашего парня. Если мы будем останавливаться в каждой Ветви для экскурсий, мы никогда не доберемся до цели.

— Местный Стас вряд ли будет знать, где остановился Ивор Жданов, — сказал Ромашин. — Однако поскольку я несу ответственность за то, что произошло, мне придется теперь заняться его поисками вместе с вами. Только он способен вернуть патриарха в его Ветвь. Подождите меня здесь, я попытаюсь расспросить Стаса, может, он все-таки что-то знает.

Ромашин скрылся в темной дыре тамбура.

Здание хронобура в этом мире представляло собой серо-синюю круглую башню, покрытую пятнами изморози, и никак не вписывалось в снежно-водно-ледяной ландшафт.

— Кажется, я понял, в чем дело... — проговорил Железовский с сомнением. — Здесь есть жизнь.

— Где?! — в один голос воскликнули Гена Маркин и Паша.

Турели с оружием на их плечах заерзали во все стороны.

— Приготовьтесь к сюрпризам на всякий случай.

Аристарх поднялся на сто метров выше и устремился в сторону купола светила, на которое можно было смотреть без фильтров. Примерно в километре от Ствола из воды торчал айсберг, чем-то напоминающий корабль с плоской палубой. Железовский облетел его кругом и завис над «кормой корабля».

— Что вы там обнаружили? — окликнул его Олег Борисович. — Стоит ли так рисковать?

Железовский не ответил.

— Командир, можно мы его подстрахуем? — спросил Маркин.

Руслан после недолгих колебаний махнул рукой.

— Пошли все. Я не вижу никакой опасности.

Растянувшись цепочкой, они понеслись к ледяному «кораблю» и остановились за спиной Железовского, разглядывающего какое-то необычное образование на «палубе» айсберга.

Больше всего оно напоминало стометровой длины ажурный скелет мохнатой многоножки, слепленный из льда и снега, вцепившийся всеми суставчатыми лапами в плоскую вершину айсберга. Внутри этого «скелета» виднелся пучок перламутровых труб, пронизывающих все тело многоножки, которые вызвали странное ощущение *живых* внутренностей.

— Что это? — прошептала Надежда.

— Скорее кто, а не что, — тихо ответил Руслан.

— Вы правы, — очнулся неподвижно висящий Железовский. — Когда-то эта «гусеница» была живым существом. Она и сейчас еще не совсем мертва, судя по пульсации биополя, однако находится в состоянии летаргии. К сожалению, на мои оклики она не реагирует.

— Но если мы нашли полутруп, значит, где-то могут водиться и живые «гусеницы»? — заметил Гаранин.

Внезапно в эфир ворвался голос Ромашина:

— Тревога! На меня напали!

«Хронодесантники» оглянулись и увидели блестящую фасолину «кокоса», вырвавшуюся из дыры тамбура вместе с клубом пыли. Фасолина метнула зеленую молнию внутрь отверстия, и из него вырвалась струя огня и дыма.

Вслед за Ромашиним из этого столба вылетели четыре бурые фигуры неопределенных очертаний, бросились было в погоню, но навстречу им уже мчались остальные члены отряда, ударили залпом из всех стволов по преследователям Игната. Два из них расплылись дымными облачками, в воду полетели обрывки костюмов и клочки тел. Оставшиеся в живых повернули обратно, скрылись в пещере тамбура на сотом этаже.

Ромашин остановился. «Хронодесантники» окружили его, вглядываясь в колонну Ствола, готовые дать отпор любому агрессору.

— Откуда они взялись? — мрачно спросил Гаранин. — Говорил же я вам, чтобы мы здесь не задерживались. Теперь вот придется прорываться с боем.

— Они не люди, — сказал Ромашин, — скорее гигантские ящерицы в спецкостюмах. Я беседовал со Стасом, и в это вре-

мя хронолифт высадил их в зал. Шесть «ящериц». Реакция у них была, естественно, негативная, пришлось отстреливаться и бежать.

— Как вы думаете, это случайность или нет? — спросил Руслан. — Нас могли каким-то образом запеленговать при выходе?

— Возможно, такие методы пеленгации и существуют, но я их не знаю. Почему вы удалились от Ствола?

— Здесь есть жизнь. Аристарх обнаружил скелет какого-то существа.

— Я чую живое, — добавил Железовский. — Биосфера планеты практически вымерла, однако сохранились долголетние организмы, причем, я подозреваю, разумные. Давайте-ка, парни, последуем совету Олега... э-э... Борисовича и вернемся к зданию. У меня очень нехорошее предчувствие. Хорошо бы еще... — Аристарх не договорил.

Вершина Ствола вдруг отделилась от основного здания, буквально подпрыгнула в воздух! Раздался чудовищной силы взрыв! По глазам людей резанула ярчайшая вспышка света, смягченная светофильтрами «кокосов», иначе они ослепли бы. Половина башни хронобура лопнула, рассыпаясь на куски. Во все стороны прынула ударная волна, сопровождаемая длинными кометными хвостами пыли и фонтанами жемчужного огня.

Ударная волна отбросила людей на несколько десятков метров в сторону, но костюмы спасли их от верной гибели, защитив от огня, света, «шрапнели» осколков и всплеска радиоактивного излучения. Когда они пришли в себя, то на месте Ствола увидели расколотое на три зуба основание башни, из которого, как из кратера вулкана, валил дым и взлетали раскаленные добела камни.

Впрочем, это извержение вскоре закончилось. Наступила глубокая настороженная тишина, изредка нарушаемая грохотом обваливающихся стен. Ошеломленные случившимся земляне молча смотрели на остатки здания, не веря, что остались отрезанными от выхода в другие Ветви Древа Времен и от дома...

Несколько часов они потратили на изучение остатков Ствола, не слишком надеясь найти уцелевшую хрономембрану. Занимались этим все, кроме Железовского. Патриарх в

глубокой задумчивости парил над океаном, не отвечая на вопросы, потом долго изучал «скелет гусеницы», опять же не говоря, зачем это ему нужно. Зато когда поиски хронолифта не увенчались успехом, он предложил попытать счастья в ином направлении.

— Вероятнее всего, вы правы, Игнат, — сказал он. — Мы оказались в ловушке «засыхающей» Ветви. Надо отдать должное нашим общим врагам, они весьма искусно вывели нас из Игры. Однако мир, где мы оказались, все же не умер окончательно. Мало того, он был обитаем, да и сейчас обитаем, хотя его хозяевам давно безразлична его и их собственная судьба. Тем не менее они когда-то обладали немалой интеллектуальной мощью и могут подсказать выход из положения. Почему бы не использовать шанс и не попросить у них помощи?

— Какой помощи? — хмыкнул главный скептик отряда Гаранин. — Они что, дадут нам звездолет? И даже если дадут, куда мы на нем улетим?

— У вас есть конкретная информация? — внимательно посмотрел на Железовского Ромашин.

Отряд расположился у стен почти полностью разрушенного взрывом Ствола, на ровной площадке айсберга, свободной от обломков, не решаясь удалиться от некогда надежного объекта. Все «хронодесантники» свернули шлемы и дышали холодным местным воздухом, выпуская изо рта облачка пара. Атмосфера на планете айсбергов на восемьдесят процентов состояла из кислорода и на двадцать — из азота, с небольшими примесями инертных газов, и ею можно было пользоваться без особого вреда.

— Конечно, здешнее поле Сил имеет свою специфику, — сдержанно ответил Железовский, — мне трудно разобрать смысл понятий, которыми оперируют местные жители, но они, несомненно, обладают большим запасом знаний. Можно попытаться установить с ними контакт.

— В конце концов, мы ничего не теряем, — поддержал Железовского Ромашин. — Возражений нет?

— Времени теперь у нас предостаточно, — проворчал Олег Борисович. — Чего уж там... Только вот где искать хозяев?

— Я запеленговал одного, — сказал Аристарх. — Он находится от нас примерно в тысяче километров.

— Каким образом вы его запеленговали? — с сомнением во взоре поинтересовался Гаранин.

— Через поле Сил.

— Что за поле? Астрал, что ли?

Железовский в затруднении посмотрел на Ромашина.

— Поле Сил — это энергоинформационное поле, структурированное процессами, идущими в вакууме. Аристарх же — интраморф, и может посредством «третьего глаза» считывать из этого поля информацию и черпать энергию.

— Я бы тоже так хотел, — с завистью проворчал Олег Борисович. — А то иногда губу переплунуть не могу.

Все засмеялись.

— Можно попытаться открыть у вас «третий глаз», — сказал Железовский. — Хотя возникнут некоторые трудности.

— Какие?

— Надо будет привыкать к новым возможностям, особенно в области цветовидения. Вы будете свободно видеть сквозь одежду, сквозь деревянные перегородки, ночью, под землей.

— Вот этого мне только и не хватало — видеть сквозь одежду. Нет уж, спасибо, обойдусь без «третьего глаза», свои б два не потерять. Да и какой из меня интраморф? — Гаранин махнул рукой. — Кстати, Игнат, я тут кое-чего не понимаю с вашей теорией «хронобурения». Вы говорили, что Древо Времен реализует *все* возможные состояния материи...

— Златков утверждает, что существует и Древо Невозможных Состояний.

— Пусть утверждает, речь не об этом. Я имею в виду, что, согласно утверждению, должны были реализоваться и антимирры. Так? Почему же вы их не встречали?

— Конечно, существуют и антимирры, но вы не учитываете одну деталь: Ствол состоит из «обычной» материи, и все его кванки, то есть квантовые копии, попавшие в антимирры, просто-напросто взорвались, аннигилировали. Поэтому мы при путешествии по цепи хронолифта и не попадаем в антимирры.

— Понятно... — протянул обескураженный Олег Борисович. — Хорошо, что такая возможность исключена. А то вот так выйдешь в другую вселенную, встретишь самого себя, пожмешь руку — и взрыв!

«Хронодесантники» снова засмеялись.

— Ну, до рукопожатия дело не дойдет, — успокоил Ромашин Олега Борисовича. — Вы взорветесь раньше, как только выйдете в антимир.

— Спасибо на добром слове, комиссар. Судя по всему, вы здорово помотались по Ветвям, только что в антимиры не залезали. А с чем-нибудь экзотическим сталкивались?

— И не один раз, — кивнул Ромашин. — Я бывал на Земле, где правит Китайская империя и где нет ни Соединенных Штатов Америки, ни Канады, ни Индии, ни Ирана.

— А Россия?

— Россия есть, точнее — Русско-Монгольская Орда, но она в этом мире на вторых ролях. Я посещал Землю, где древние римляне использовали открытие греческого математика из Александрии Херона, который сконструировал действующую модель паровика для подъема тяжестей, и уже в шестнадцатом веке полетели на Луну.

— Ну, это не экзотика, а нормальные процессы альтернативных историй.

— Хорошо, а что вы скажете о таком варианте развития человеческой цивилизации? На Земле более двадцати миллиардов человек, и для того, чтобы всем хватало места, их тела уплотняют в домах-банках после работы. Только добившиеся каких-либо высоких достижений могут отдыхать физически в увеселительных заведениях, все остальные «отдыхают» как сельди в бочке.

— Шутите?

— Есть и более интересные варианты. Например, созданная виртуально-информационная среда позволяет жить в ней сотням триллионов «особей», в то время как носителей интеллекта гораздо меньше. Или такая вот схема: использование физических тел-носителей двумя, а то и тремя индивидуальными сознаниями по очереди.

— Поразительно!

— Позвольте покинуть вас, — прервал Железовский Гаранина, которого одолело любопытство. — С вашего разрешения, я все-таки отправлюсь к старику.

— К кому?!

— Существо, о котором я говорил, очень старое, его возраст близится к миллиону земных лет. Попробую пообщаться с ним.

— Мы пойдем туда все вместе, — твердо заявил Руслан. — Нам нельзя разделяться. А здесь мы все равно ничего не найдем. Ствол разрушен полностью, надо с этим смириться.

На это не смог возразить даже Гаранин, с успехом применявший в походе кредо эксперта: сомневайся во всем, кроме своего мнения.

Отряд поднялся в воздух, попрощался с еще дымящимися кое-где остатками здания хронобура и устремился за Железовским, как устремляется клин журавлей за своим вожаком.

Глава 6

Он пробирался в абсолютной темноте через густой лес, то и дело проваливаясь в ямы с холодной водой или натываясь на колючие ветки и стволы деревьев. Было совсем тихо, и даже когда он проваливался в очередную яму, звуки хлюпанья воды под ногами умирали тут же, растворяясь во мху и среди кустов.

Вдруг он почувствовал, что кто-то идет следом.

Ивор остановился, напрягая слух, оглянулся. Тот, сзади, тоже остановился. Он опоздал, чуть-чуть опоздал. Потому что Ивор его услышал и был уверен, что не обманулся.

Так они стояли оба — человек и зверь. А может быть, и не зверь, потому что казался массивнее и опаснее, хотя и не торопился нападать. Видел ли он Ивора? Возможно. А вот Ивор не видел никого и ничего — ни зги, как говаривали в старину, и ощущал себя от этого почти голым и беззащитным. Хотелось позвать преследователя, окликнуть его, но страх и неизвестность сковывали язык, и больше всего Ивору сейчас хотелось проснуться.

Он не шевелился несколько минут, слыша только стук своего сердца и лоя иногда какой-то тихий звук, прерывистый и свистящий. Он не сразу догадался, что это его дыхание. Перестал дышать.

Хруст. Удар! Вздогнула земля под ногами.

— Кто здесь?! — не выдержал Ивор.

Внезапно на него накинули упругую и прочную сеть, ударили по голове и закутали ее в капюшон. Сознание померкло. Но он рванулся изо всех сил, пытаясь разорвать сеть, освободи-

дил одну руку и сорвал с головы плотный кожаный капюшон.

Тотчас же темнота вокруг стала осыпаться кусками, будто высохшая черная краска с белой стены. В яму, где он стоял по колено в воде, хлынул неяркий синеватый свет.

Однако сеть продолжала сковывать движения, он не мог двинуть ни ногами, ни левой рукой, ни головой, и лишь спустя некоторое время Ивор понял, что лежит на полу какого-то тесного помещения, стянутый металлической на вид пленкой. И тогда он вспомнил все...

Скосил глаза, насколько мог. Помещение освещалось только глазком сторожевого автомата на двери, но все же Ивор увидел, что рядом лежат еще два тела, похожие на слитки металла. Рванулось сердце. Один «слиток» представлял собой Мириам! Второй принадлежал Павлу Жданову. Остальных спутников Ивор не увидел. Возможно, они лежали за головой.

Хотел было позвать девушку, но передумал. Что-то мешало ему думать и говорить, словно над головой висела секира, а в голове шарили чьи-то холодные щупальца.

«Отстань!» — рявкнул Ивор *внутри* себя.

Щупальца замерли. Ивор ощутил недоумение их владельца и рявкнул еще раз:

«Уйди, вор! Руки повыдергиваю, если будешь шарить, где не надо!»

Щупальца превратились в тонкие нити, торопливо вылезли из головы. К недоумению их хозяина присоединились озабоченность и беспокойство. Ивор хорошо чувствовал это, но полностью отстроиться от липкого присутствия чужого сознания не мог, не хватало сил. Тогда он стал изучать обстановку и свое положение, пытаясь освободиться от «смирительной рубашки» — стягивающей тело блестящей металлической пленки. В памяти всплыли строчки стихов древнего поэта:

Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный на воле орел молодой...

А вот свои стихи не складывались, поэт внутри Ивора как бы тоже был завернут в пленку и закапсулирован, да еще к тому же лишен языка.

Помещение, в котором лежал молодой человек, представляло собой нечто вроде погреба, расположенного под домом Полуянова на глубине около десяти метров. Стены его были толстые и прочные, сплошь обитые металлическим листом. Сквозь них не долетали не только звуки, но и не просачивались излучения, поэтому тишина в погребе стояла, как в склепе, — глубокая и мертвая.

Ивор попытался войти в состояние ясновидения, но чуть не потерял сознание от слабости и боли в голове, испугался и перестал насиловать организм. Он окончательно понял, что находится в идеальной тюрьме, выбраться из которой будет очень и очень трудно, если вообще возможно. Федор Полуянов был готов к их появлению и воспользовался для захвата «хронодесантников» услугами какого-то жидкокристаллического существа, материал которого мгновенно растекался пленкой по телу человека и превращался в своего рода смирительную рубашку, плотный кокон, не поддающийся мускульному усилию. Возможно, это в самом деле была особь Палача, одна из его бесчисленных «клеток», обладавшая интеллектом и способная к самостоятельным действиям. Теперь пленка этой особи контролировала пленников и пыталась воздействовать на их сознание с помощью пси-излучения. К счастью, ее возможностей не хватало для полного контроля над сознанием Ивора, иначе он не смог бы оценить действительное положение вещей и пытаться освободиться.

«Позвать Мимо? — пришла робкая мысль. — Вдруг бровей согласится помочь?..» Вторая мысль была трезвей: «Стыдно, оператор! Можно было предусмотреть развитие событий и избежать ловушки. Если уж залез в это дерьмо по уши, изволь выбирать сам...»

Ивор снова попытался настроиться на поле Сил и снова получил оглушительный удар пси-отдачи, погружаясь в темень обморока. Стало так плохо, что захотелось плакать.

«К черту! — сказал кто-то внутри него. — Лежи тихо, не напрягайся, не дергайся, все идет нормально. Придет Федор, освободит и все объяснит, и ты получишь долгожданную свободу. А что может быть лучше свободы? Только власть! Ты ее получишь! Так зачем сопротивляться, мучить себя и других, испытывать боль и страх? Кому от этого легче? Никому. Вот и лежи, жди, думай. Не так уж и страшен этот Палач, если вдуматься...»

Ивор встрепенулся, зацепившись за слово «Палач». Почти убаюканный мягким воркующим голосом второго «я», точнее, сорок второго, труса и предателя, он чуть было не пропустил смысл последней фразы и, лишь уловив знакомое слово, понял, что его все еще пытаются запрограммировать, подчинить, лишить воли к сопротивлению, превратить в послушного раба. Хотел крикнуть: «Прекратите! Я не буду подчиняться вашему Палачу!» — и почувствовал страшную усталость и безразличие. «Все суета, — всплыла в голове меланхолическая мысль. — “И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, который дал его”^{*}... Так к чему сопротивляться?..»

Внезапно что-то изменилось вокруг.

Ивор прислушался к себе, сосредоточился на зрении, сбросил оцепенение, глаза его прояснились, и он увидел стоящего над ним человека. В синем свете индикатора его лицо трудно было разглядеть, но Ивор вдруг понял, что это бровей Мимо.

— Привет... — с трудом прохрипел молодой человек.

Бровей не ответил, в задумчивости разглядывая помещение и лежащих людей, укутанных в блестящие «саваны».

— Зачем пришел? — не дождался ответа Ивор. — Я тебя не звал...

Бровей переступил его, как бревно, скрылся из поля зрения, потом вернулся, присел на корточки.

— Кажется, я напрасно понадеялся на вас, оператор. Положение ваше почти безнадежно.

— Так помоги, если уж пришел...

— Не имею права, — пожал плечами бродяга по Ветвям. — Я только зритель. Я вне Игры.

— Тогда проваливай ко всем чертям! Когда-нибудь я доберусь до тебя и выясню, кто ты есть на самом деле!

— Едва ли это вам удастся, оператор. Я так близок к пределу насыщения созерцанием и миром вообще, что никого и ничего не боюсь. Но все-таки я очень удивлюсь, если вам удастся выбраться отсюда. Прощайте. — Бровей выпрямился, махнул рукой и исчез.

Ивор выругался.

---

^{*} Екклезиаст.

Сами собой вдруг сложились строки:

Но если все-таки навечно
Уходят в черную дыру
Тысячелетние миры
И наши крохотные судьбы,
То даже боги нам не судьи,
Раз остаются вне игры!..

Последние две строчки Ивор проговорил вслух. И почувствовал такую обиду и злость на самого себя, что почти без усилий вышел в состояние *надсознания*.

«Наконец-то! — проворчал внутри него знакомый голос. — Я уж думал, ты совсем слабак и не вылезешь из костяного мешка под названием тело».

«Это... ты?» — спросил Ивор на всякий случай, понимая одновременно, что разговаривает сам с собой, с одним из своих «я» под названием Шэн И — жизненная воля.

«Это ты, — с иронией отозвался “собеседник”. — Со стихами у тебя неплохо получается, а вот как насчет свободы? Не хочешь попытаться вылезти из этого, как ты сам соизволил выразиться, дерьма? Или тебе нравится твое положение?»

«Я не могу двигаться...»

«Вижу, не трать время на оправдания и объяснения, мне все известно, в том числе и то, как бездарно ты дал себя захватить».

«Он напал внезапно... к тому же это особь Палача...»

«Велика персона! Да, тебя, как неразумное дитя, спеленала особь Палача, но ведь ты — человек! Забыл, что люди были когда-то богами, способными творить вселенные?»

«Забыл, — виновато промямлил Ивор. — Точнее, не помнил... но я действительно не могу освободиться! Уже пробовал».

«Плохо пробовал. Этот квазиживой костюмчик на тебе в большей степени *чужая воля*, нежели просто материал, субстанция с подпиткой ядерной энергии. Победишь *волю* — сможешь разрушить и ее основу, то есть сам кокон».

«Я... не знаю...»

«Соберись и пораскинь мозгами, попробуй вызвать память родовой линии, предки помогут. Да, будет трудно и больно,

однако ничто не дается в подарок, а тем более свобода. За все надо платить. Только решай быстрее, пока тюремщики не спохватились и не вспомнили, кто ты есть. У них имеется правосос, ты можешь не выдержать пси-атаки».

«У меня нет сил...»

«Найди! — сердито оборвал Ивора его “собеседник”. — Ты мужик или размазня?! Хочешь, чтобы тебя уважала Миа, — действуй!»

Голос умолк.

«Хочешь быть счастливым — будь им...» — глубокомысленно пробормотал Ивор.

Ему никто не ответил. Советчик сделал свое дело и умыл руки, надо было начинать действовать самостоятельно.

«Тебя бы самого заставить!» — подумал Ивор о голосе как о простом собеседнике. Он ощущал себя разбитым и несчастным и не хотел ни шевелиться, ни думать.

Вздыхнул.

Попробовать, что ли?..

Сосредоточение на «центре тяжести» потребовало много времени и переживаний; никак не удавалось отстроиться от ломоты в костях и посторонних мыслей. Наконец, ему удалось выйти в «космос» внутренней свободы, и молодой человек почувствовал, как пространство расступается, диапазоны зрения смещаются, а сфера чувствования расширяется.

Кончик носа вдруг зачесался.

Ивор скосил глаза. Нос был как нос, бледный и чистый. Но впечатление складывалось такое, что по нему бредет стадо слонов. Ивор напрягся и *увидел* этих слонов: шевеля ресничками и псевдоподиями, по бескрайнему пористому холму носа шествовали... бактерии!

Он чихнул.

«Слоны» слетели с «холма», и сразу раздражающие ощущения исчезли. Зато что-то сделалось с глазами. Стена, на которую смотрел Ивор, скачком исчезла, и он увидел бесконечное множество странных шевелящихся предметов: хвостатые запяты, гантели, отдельные дымящиеся шары, шары, соединенные по трое или образующие тетраэдры, звездочки и спирали плавали в океане сверкающей рыбьей икры! Прошло какое-то время, прежде чем он сообразил, что видит... атомы и молекулы воздуха!

И еще одна вещь поразила его своей необычностью — звуки. Они появились неожиданно вместе с атомарным видением, словно где-то приоткрылась дверца, впустив их в помещение.

Тихий гул, непрерывный треск и тусклое шипение, изредка пронизываемое вибрирующими скрипами и свисточками. Ивор долго прислушивался к ним, пытаясь определить источник звуков, пока, наконец, не понял, что слышит шум броуновского движения атомов и молекул собственных ушных раковин и ток крови по сосудам.

«Это, конечно, здорово», — подумал он с облегчением, однако ему такая гиперчувствительность ни к чему, она только мешает. Хотелось бы услышать, что творится за стенами тюрьмы, а не как стучаются молекулы друг о дружку.

Он «пошевелил» своей сверхчувственной сферой, заполнившей все помещение погреба, и обнаружил еще одно тело, принадлежащее Григорию Белому. Попытался по очереди привести в чувство Мириам, Павла Жданова и Белого, но у него ничего не вышло. Все «хронодесантники» лежали без сознания и в себя не приходили. Тогда Ивор нашел в двери крошечную щель и просунул в нее «палец» пси-восприятия. Просочившись тонкой струйкой энергии за пределы погреба, он обследовал коридорчик за дверью, лестничную клетку, поднялся по лестнице наверх и вылетел в холл первого этажа здания.

Он «увидел» прохаживающегося по гранитному полу человека, но не узнал его. Кроме незнакомца, здесь же находилась женщина, от которой исходила волна брезгливого нетерпения и угрозы. Она с удивлением прислушалась к бесшумному полету «призрака», в которого превратилось сознание Ивора, включила «прожектор» биолокации, и едва не ослепший от мощного потока пси-энергии Ивор метнулся назад, втягивая «щупальце» своего экстравосприятия в «панцирь» головы.

Полежал немного, отдыхая, вспотевший от эмоциональной встряски. Он никак не ожидал, что кто-то способен почувствовать его «тонкое тело», ставшее разведчиком. Потом пришла догадка: женщина в доме Полуянова была не кто иная, как Тирувилеядадь, агент Палача по особым поручениям. Что лишний раз подтверждало связь комиссара с самим Палачом.

«Надо торопиться, — подумал Ивор с тревогой. — Если она поймет, что я очнулся, — век свободы не видать!»

Голову сжала чья-то холодная дрожащая рука.

Тот, кто пытался подчинить его — «наездник» в форме жидкометаллического «савана», снова усилил пси-давление на мозг, но Ивор отгородился от него щитом энергии, и «десантник» Палача отступил. Хотя и оставался рядом, как готовая к прыжку хищная тварь.

Ивор снова вылетел из тела невидимой струйкой энергии, ощупал лицо Мириам с закрытыми глазами, чувствуя слабое биение пульса девушки, и дотронулся до ее почти не светящейся ауры. Произошло нечто вроде бесшумного взрыва. Мыслесфера Мириам судорожно расширилась, вспыхнула, заискрилась беспорядочной метелью, искорки сложились в вихрик, обезжавший темные закоулки сознания. Девушка открыла глаза, пока еще черные, без проблеска мысли. Затем глаза ее стали проясняться, в них промелькнули, сменяя друг друга, испуг, растерянность, обида, тревога, злость. Она вспомнила, что произошло и почему она находится в столь унижительно-беспомощном положении.

Ивор осторожно «подсоединился» к ее мыслесфере.

«Привет, гриф».

«Кто это?!» — вздрогнула Мириам. Она попыталась освободиться от объятий пленочной «смирительной рубашки», но не смогла.

«Не пугайся, это я. Лежи, приходи в себя, я попытаюсь разбудить остальных».

«Ивор?! Ты жив?!»

«Что со мной делается?»

«Ты на свободе? Я тебя не вижу».

«Я в таком же положении, как и все, но дух мой на свободе. Мне понадобится ваша помощь».

«Я даже пошевелиться не могу!»

«Шевелиться особенно не потребуется, надо будет поддержать меня энергетически».

«Конечно, мы поддержим, если это необходимо. Ты уверен, что сможешь освободиться?»

«Уверен... почти. Мне надо сломать волю этого мыслящего “савана”, тогда удастся заставить его слезть с меня. Потом мы заберем дриммер из сейфа комиссара, и тогда уже никто нас не остановит!»

«У нас получится!»

«Жди».

Ивор сосредоточился на ощущении пси-вибраций вокруг неподвижных тел спутников и начал восстанавливать их мыслительные процессы. Он успел привести в чувство обоих, причем Павел Жданов очнулся намного быстрее своего друга, когда открылась дверь и в подземном бункере появилась рыжеволосая красавица, а за ней протиснулась лоснящаяся металлом туша псевдочеловека.

Глава 7

Удар по сознанию был нанесен столь мощный, что, будь включен генератор пси-защиты, Игнат не смог бы его отразить. Но он был готов к разного рода неожиданностям и, несмотря на туман и шум в голове и цветные круги перед глазами, отбил пси-атаку и точным выстрелом из «глюка» уничтожил витса, ворвавшегося в кабинет директора четвертого видеоканала. Затем забрал копии видеозаписи беседы с Полуяновым и в *темпе* покинул здание Златоградского видеоцентра, сильно помяв команду захвата Джона Булла, не ожидавшую сопротивления.

Понимая, что времени у него немного, что Полуянов немедленно объявит на него охоту как на общественного преступника, Игнат тем не менее сначала связался со Златковым, объяснил ему ситуацию, затем поговорил с Ясеной, сообщив о захвате ее сына в доме Полуянова, и лишь потом направился домой в совершенной уверенности, что успеет сделать все дела до появления группы захвата.

Он действительно успел стереть память домового, деактивировал рабочего инка, «закопав» его базу данных в недра Стратега контрразведки, доступа к которому Полуянов не имел, и отправил витса с грузом аппаратуры и необходимого оборудования, хранящегося в секретной комнате под мастерской, по спецканалу метро на лунную базу особого отдела контрразведки. Хотел было расконсервировать себе в помощь одного из роботов, замаскированных под скульптуры, но в это время возле дома появились непрошенные гости, и пришлось решать проблему отступления.

В принципе он мог бы и не пустить оперативников Полуянова, используя кое-какой арсенал из своих старых комис-

сарских запасов, однако начинать войну с парнями, большинство из которых просто исполняло свой служебный долг, не хотелось. Но уходить, не закончив дела, тоже не хотелось. Поразмыслив, Игнат решил спрятаться и подождать, пока безопасники не уберутся вон. Он метнулся в свою спальню и остановился перед большой — метр на полтора — картиной, висящей на стене и изображавшей rocky shoreli-ne — скалистый ночной берег моря с лунной дорожкой...

Наблюдатели засекали «живое» шевеление в доме скульптора, и Джон Булл направил туда усиленную обойму спецназа из бригады быстрого реагирования. Двенадцать профессионалов службы безопасности прибыли к дому Ромашина спустя семь минут после получения сигнала тревоги и приступили к операции захвата, выслушивая на ходу инструкции командира. После того как Ромашин сумел вырваться из видеочентра, справившись с четырьмя оперативниками, еще одна неудача была недопустима, и Джон Булл разрешил *все* приемы, вплоть до ликвидации объекта. Сам он прибыл в дом Ромашина через линию метро в сопровождении двух витсов и двух телохранителей.

Одетые в маскировочные «хамелеоны», оперативники бесшумно проникли в мастерскую Ромашина, обшарили помещение с помощью аппаратуры энергопеленгации и хомодетекторов, потом ворвались в гостиную, в кабинет скульптора и в три спальни. Однако во всех помещениях двери были распахнуты, и гостей встретили тишина и покой. Ромашина нигде не было видно. Он словно сквозь землю провалился, хотя деться ему было некуда. Дом имел только один подземный схрон, да и тот был открыт, а других аппаратура группы захвата не почувствовала.

— Контроль-два, что наблюдаете? — спросил Джон Булл дежурного спутниковой сети слежения за земной поверхностью. — Объекта на месте нет. Вы не ошиблись с идентификацией?

— Мы не ошибаемся, — сухо ответил дежурный. — Он был и исчез, как только появилась ваша команда.

— Значит, он успел уйти через метро?

— Не похоже, спектр энергоколебаний при срабатывании линии иной. Он просто исчез, и все.

— В воздухе растворился, что ли? Или в привидение превратился?

— Не могу знать, — еще суше доложил дежурный.

Джон Булл пожевал губами, достойного ответа не нашел и отключил связь. Посмотрел на командира обоймы спецназа.

— Обыщите дом еще раз. Просветите все стены, пол и потолок, прощупайте эти чертовы скульптуры. Он должен быть здесь!

— Если бы он был здесь, аппаратура бы его засекала.

— Но он не мог исчезнуть без следа! Должны остаться какие-то следы. Ищите!

Парень в «хамелеоне», сам похожий на человека-невидимку, у которого была видна только голова, кивнул и жестом послал своих подчиненных вперед.

Джон Булл прошелся по мастерской, с отвращением разглядывая монстровидные изваяния из пластика, гипса, гранита, керамики и металла, поднялся в жилой блок дома, обошел спальни и остановился в последней с ее роскошной картиной, написанной маслом в манере Куинджи, похожей больше на окно — так она была реальна. Полюбовавшись на серебристые блики лунной дорожки, Джон Булл выслушал доклад командира обоймы об отсутствии следов хозяина и каких-либо замаскированных ниш, плюнул на картину и вышел из спальни. Оставив на всякий случай трех оперативников стеречь Ромашина, он вернулся в Управление и доложил Полуянову о неудаче.

Оставшиеся в засаде спецназовцы некоторое время бродили по закоулкам дома, прислушиваясь к тишине, посмеялись над скульптурами странных существ, изваянных хозяином, и разделились. Двое из них устроились в креслах напротив кабины метро с пузырями холодного тархун-тоника, найденными в холодильнике скульптора, третий расположился в холле у входной двери. Все трое были опытными работниками службы и вели себя соответственно поставленной задаче, но они не ожидали скорого появления хозяина и позволили себе на минуточку расслабиться.

Поэтому Игнат, выйдя из картины с ночным морским пейзажем в спальню, сразу приступил к нейтрализации засады.

Картина казалась таковой лишь с виду. На самом деле она представляла собой хроноквантовый кокон, срез свернутой реальности, упакованный с помощью технологий, известных лишь ограниченному числу лиц, одной из копий

Земли «параллельной» Ветви. Картину Игнат писал сам, а его кванк — комиссар из «соседней» Ветви, знавший специалиста по свертке пространств (того звали Степан Погорилый), лично ездил к нему в гости, чтобы тот превратил картину в пространственноподобный «мешок», в котором время шло «перпендикулярно» земному и где можно было находиться сколь угодно долго. А так как этот «мешок» не излучал энергии ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра, то и найти вход в него или запеленговать было невозможно никакой аппаратурой.

Первым делом Игнат переоделся в «кокос» и включил режим маскировки, превращаясь в привидение. Бесшумно спустился в холл первого этажа, по которому бродил безопасник Джона Булла, мурлыкая под нос песенку. Понять, что происходит, он не успел. Ромашин выстрелил в него из парализатора, и парень осел на пол безвольной куклой. Генератор гипнозащиты у него был отключен.

С двумя другими сторожами засадной группы пришлось повозиться. Один из них уснул сразу, выронив из руки стекляшку с тоником, а вот второй, громадный, как медведь-гризли, бородастый, с мрачным взглядом лешего из-под косматых бровей, на выстрел из парализатора не отреагировал — пси-защитник у него был включен постоянно — и ответил на ментальную атаку Игната выстрелом из «универсала». Ромашина в костюме-«призраке» он не видел, поэтому промазал, но продолжал стрельбу во все стороны, пока не получил два точных попадания в узлы автоматии с оружием, расположенные на плечах комбинезона-«хамелеона». Но и после этого он не перестал сопротивляться, а метнулся к напарнику, вырвал из турели на его плече «универсал», и Ромашину снова понадобилось тщательно целиться и стрелять таким образом, чтобы не убить парня.

После этого он еще раз использовал парализатор, обездвижил безопасника и только тогда выключил режим маскировки своего костюма. С грустью посмотрев на оплавленные, в дырах и шрамах стены коридора и холла с кабиной метро, он вернулся в мастерскую и вызвал Златкова.

— Я в Софии, у себя дома, — отозвался ученый. — Обнаружил много интересного. Оказывается, мой кванк работал над...

— Немедленно уходите оттуда! — перебил его Ромашин. — Это не ваш дом, а дом кванка, за ним наверняка ведется наблюдение. С минуты на минуту к вам пожалуют опера Полуянова...

— Да они уже были, — с меланхолическим спокойствием сообщил Атанас. — Четверо парней в костюмах «невидимок». Я их запер в игровой комнате с фантовариатором, они до сих пор там дерутся с виртуальным противником и гоняются за мной.

Ромашин невольно улыбнулся.

— Отличное решение. Тем не менее советую покинуть дом кванка. Появились новые тревожные обстоятельства.

— Хорошо, — после минутной паузы сказал ученый. — Куда мне прибыть?

— Ждите меня в кафе «Беловодье», рядом с седьмой станцией метро Софии. Я буду там через двадцать минут.

Не ожидая ответа, Игнат выключил рацию и занялся расконсервацией помощника. Вскоре одна из скульптур — трехметровый гигант в черных, с золотым тиснением латах — точная копия «хронорыцаря», очнулась от долгой спячки. Горизонтальная щель глаза во лбу налилась красным свечением, «хронорыцарь» шевельнулся, повернул голову вправо-влево, посмотрел сверху вниз на Ромашина.

«К работе готов», — послышался его характерный «машинный» пси-голос.

«Привет, Петруха, — отозвался Игнат. — Будешь исполнять обязанности защитника и телохранителя, пока мы не освободим наших друзей. Подключайся к Стратегу контрособитов и качай информацию».

«Приступаю».

Черный «рыцарь» сошел с пьедестала, на котором стоял много лет, прошелся по мастерской. В отличие от прототипа ступал он легко и бесшумно, хотя весил при этом около четырехсот килограммов.

«За нами следят», — сообщил он спустя несколько секунд. — Кто? — вслух спросил Ромашин.

«Мы в потоке внимания орбитальной сети слежения».

«В таком случае срочно уходим!»

Игнат направился к метро, подумав, что не знает, когда вернется домой, и что надо предупредить Ярину о возможных

визитах к ней безопасников Полуянова. «Хронорыцарь»-витс, которому он дал имя Петруха, послушно пристроился сзади. Выглядел он весьма экзотично, и Ромашин признался в душе, что не подумал о динго-маскировке своего телохранителя. В таком виде даже в век всеобщего нигилизма и равнодушия к моде на Петруху все равно будут обращать внимание.

На седьмой станции Софийского метро они появились ровно в двенадцать часов ночи по местному времени. Город сверкал иллюминацией так, что ночи как таковой не было, хотя купол неба казался черно-фиолетовым и звездным.

Златков ждал Ромашина у стойки кафе-бара «Беловодье», попивая с рассеянным видом что-то пузырящееся и вспыхивающее искрами. Народу в кафе было много, к ученому то и дело подсаживались юные красотки и вскоре исчезали с разочарованно-обиженным видом.

Немного понаблюдав за ним, Игнат оставил Петруху в тени арки метро и присоединился к Атанасу.

— Что пьем, милостивый сударь?

— Шампанское, — небрежно ответил ученый, слегка оживляясь и тут же снова впадая в транс. — «Теща Клико» называется. У нас такого нет.

— А какое у вас есть?

— «Вдова Клико».

Игнат усмехнулся.

— Весьма многообещающее название для шампанского. Пожалуй, я бы не отказался попробовать вашего. — Он поднял вверх палец и заказал мгновенно появившемуся видеопризраку официанта: — Бокал «Тещи».

Официант исчез, через полминуты бокал с искрящимся напитком появился на стойке. Игнат поднял его, посмотрел на свет, с тихим звоном дотронулся до бокала Златкова:

— За успех безнадежного дела, Судья.

— Я уже не Судья, — с тем же меланхолическим видом заметил Атанас. — Как и вы.

— Все равно — за успех. Посидим здесь в приятной обстановке пару минут, давно не отдыхал. Так что вы там обнаружили «у себя дома»?

Златков снова оживился.

— Во-первых, ваша Ветвь начинает «сохнуть», судя по происходящим глубинным процессам. У моего кванка набра-

лась любопытная статистика по квантовым осцилляциям вакуума и топологической связности стринг-ядер кварков.

— Да, мы в курсе. Эти процессы сказываются уже на макроуровне. Все больше появляется людей с психическими отклонениями, причем их количество растет экспоненциально. Люди катастрофически теряют память, причем склеротиками становятся молодые люди в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. И все чаще умирают сердечники и больные с заболеваниями сосудов головного мозга. Это все, что вы обнаружили?

— Нет, меня поразили результаты Атанаса в области экспериментов с изменением скорости фундаментальных взаимодействий. Он очень близко подошел к решению универсального закона Абсолютной физики, или физики недоступного совершенства. Я назвал этот закон Принципом Свободы Воли Творца. Если удастся обосновать его теоретически, можно будет выйти на контакт с самим Творцом.

— Вы серьезно? — с любопытством посмотрел на собеседника Игнат.

— Во всяком случае, я вполне смогу рассчитать граничные условия его существования — то есть Древо Невозможных Состояний и аксиомы физики Абсолютного совершенства.

— А конкретное применение ваши расчеты будут иметь?

— Разумеется. К примеру, я получу решение проблемы обратимости времени в пространство или проблемы взаимоперехода многомерных времен. Кроме того, можно будет подойти вплотную к зубодробительным формулам антивремени и мнимого времени.

— Неужели и такие существуют?

— Большая Вселенная реализует *абсолютно* всё, даже самые дикие наши фантазии, — с философским спокойствием подтвердил Златков. — Все зависит от Творцов конкретных Мегавселенных типа Древа Времен. Как уже становится ясно, Древо не отражает всего спектра фундаментальных взаимодействий в континууме непарадоксальных этик и контр-этик.

Ромашин покачал головой.

— Для меня это слишком сложные материи, хотя и чрезвычайно интересные. Однако нам пора, Атанас.

— Пора так пора. Что мы должны делать? Освободить Ждановых?

— Пока сие нам недоступно. Посоветуемся с товарищами, составим план действий. Потом будет видно.

— Я знаю этих товарищей?

— Они из Спецкона, особого отдела контрразведки, как и моя дочь. Возможно, вы знакомы с Ясеной, матерью Ивора.

— Кажется, нас познакомили лет двадцать назад. Тогда она была совсем девчонкой.

— Двадцать пять лет назад.

— Значит, вы тоже работаете в контрразведке? А занятия скульптурой — прикрытие?

— Скорее, потребность. Хотя, с другой стороны, — прикрытие. — Ромашин поднял руку, подзывая кого-то, и к беседующим подошел высокий черноволосый молодой человек с открытым приятным лицом. — Знакомьтесь, Атанас, это Тео аль-Валид, «кобра» службы безопасности и одновременно полковник Спецкона.

Тео и Атанас пожали друг другу руки.

— Что выяснил? — посмотрел на полковника Ромашин.

— Они все находятся в бункере под домом Полуянова, — доложил Тео. — Там же обитает эта тварь из жидкого металла.

— Какая тварь? — поинтересовался Златков.

— В захвате Ждановых участвовал некий псевдочеловек, похожий на глыбу текучего металла. Очень мощный, судя по энергетическому эху. Мы предполагаем, что это особь Палача, одно из его тел-клеток. В крайнем случае — заготовка для внедрения интеллекта самого Палача.

— Мне бы взглянуть на него... побеседовать...

— Может быть, еще доведется, — с улыбкой сказал Ромашин. — Что еще?

— Комиссар бесится, — добавил Тео с невозмутимым видом. — Вы ушли дважды, и он чуть не расстрелял своего зама по спецоперациям Джона Булла. Кстати, с Федором снова работает его бывший зам Басанк, командует телохранителями. Этот тип опаснее Булла. И еще... — Тео прижал к уху каплю рации, отвечая кому-то из своих оперативников мысленно. — Мои ребята видели в Управлении рыжеволосую красавицу...

— Тирувилеиядаль? Значит, вербовщица Палача все еще здесь... На что она надеется? Кого еще хочет завербовать в

свою команду? Может быть, готовится переворот? Смена Правительства?

— Зачем это Полуянову? — пожал плечами Тео. — Он и так имеет немалую власть.

— Власти никогда не бывает много. Для блокирования нашей Ветви ему как комиссару и необходима власть такого масштаба. Поехали, друзья, обговорим наши проблемы в тесном «семейном» кругу и в более спокойной обстановке.

Они вышли из кафе, сопровождаемые незаметным неопытному глазу *движением* эшелона прикрытие.

Игнат подозвал Петруху, и через несколько минут все четверо, не считая оперов охраны, из метро Софии перенеслись в зал метро секретной лунной базы, принадлежащей Спецкону.

Спецкон, или особый отдел контрразведки, был создан четверть века назад при содействии тогдашнего председателя ВКС. Спустя два года он был ликвидирован за ненадобностью, однако в связи с начавшимися негативными процессами в социуме Солнечной системы руководство УАСС в лице Василия Саковца приняло решение воссоздать особый отдел, не ставя при этом в известность комиссариат службы общественной безопасности, которая имела собственный сектор контрразведки. Поэтому ни комиссар-один Синити Миямото, ни комиссар-два Федор Полуянов не догадывались, что, помимо служб, контролируемых ими, существует скрытое подразделение спецреагирования, сотрудники которого занимаются специфичными проблемами дознания в сфере этического шпионажа, в котором всегда заинтересованы Игроки.

Прибывших ждали четверо: Ясена Жданова, мать Ивора, побледневшая и осунувшаяся за последние несколько дней, начальник Спецкона Игорь Марич, секунд-майор Иван Клыков и Кристиан Хансен, эф-аналитик отдела. Увидев трехметровую фигуру «хронорыцаря», они переглянулись, но Ромашин поспешил успокоить хозяев и познакомил с Атанасом.

— Мы уже знакомы, — сказал Златков, целуя руку Ясене. — Я вас помню. И вас тоже, Игорь.

— Взаимно, — потряс его руку Марич. — Идемте, здесь есть где посидеть.

Они устроились в отсеке базы, играющем роль кают-компании, и начали беседу.

Длилась она недолго. Встречались не просто приятели, давно не видевшие друг друга, а профессионалы, умевшие ценить свое и чужое время. Обсудив общие проблемы отдела, они перешли к конкретным делам. Самым важным из них была задача освобождения пленников из рук комиссара, который одновременно был эмиссаром Палача в Солнечной системе, поэтому наибольшее количество споров и сомнений возникло именно при обсуждении этого дела.

— Мы можем легко ликвидировать Полуянова, — сказал Тео аль-Валид, самый молодой участник совещания. — Как только его команда лишится командира, они запаникуют, и мы спокойно освободим наших ребят.

— Во-первых, легко ликвидировать Полуянова не удастся, — возразил обстоятельный, медлительный с виду Хансен. — Он слишком хорошо охраняется, и вы это знаете, полковник. Во-вторых, убирать эмиссара не имеет смысла, на его место придет другой человек, а гарантий, что мы сразу узнаем, кто он, никто дать не может. Как говорят англичане: «Devil you know, then the devil unknown»^{*}.

— Согласен, — кивнул Марич.

Бывший «хроноинженер» постарел, морщины избороздили его коричневое от загара лицо, волосы поседели, но в глазах горел огонь воли и знания, и сотрудники Спецкона побаивались и уважали начальника, двадцать пять лет назад принимавшего активное участие в войне «хронохирургов» и Тех, Кто Следит.

— И все же, что мы предпримем? — тихо проговорила Ясена. — Какими реальными силами мы располагаем?

— Сил у нас не так уж и много, — вздохнул Марич. — Во всяком случае, не достаточно для прямой атаки резиденции Полуянова.

— Прямая атака неоптимальна, — покачал головой Клыков. — Лобовые столкновения всегда чреваты последствиями: будут жертвы, будет нежелательный шум в СМИ...

— Все равно нужен выход на Полуянова, — упрямо заметил Тео аль-Валид. — Захватив его, мы выиграем всю кампанию.

---

^{*} Черт знакомый лучше черта незнакомого (англ.).

— Один раз мы его уже захватывали, и чем это закончилось?

— Просто нужно тщательнее готовиться к подобным операциям, отсечь всё... — Тео не договорил, выслушивая поступившее по сети связи Спецкона сообщение. С недоумением посмотрел на Ромашина, у которого прыгнули вверх брови.

— Как это понимать? — осведомился Марич, который получил то же сообщение.

— Что случилось? — встревожилась Ясена, оглядев лица мужчин. Рацию она включала редко.

— У меня снова гости, — сказал Игнат задумчиво.

— Где у тебя?

— Дома, разумеется.

— Снова группа захвата?

— В том-то и дело, что группа захвата ждет меня давно. Если ее не сменили. Нет, у меня дома появился я сам. Плюс еще кто-то очень приличных габаритов.

— Ты хочешь сказать...

Ромашин встал, посмотрел на Марича, прищурясь:

— Объявляйте ВВУ по отделу, Игорь. Скорее всего, это вернулся мой кванк — комиссар Ромашин. Надо успеть перехватить его до подхода оперов Полуянова.

— Тревога уровня «А»! — объявил по рации Марич без промедления.

Все встали. Ромашин остановил Ясену:

— Ты останешься здесь, мать. В качестве координатора. — Он посмотрел на Златкова. — Вы тоже, Атанас.

— Но я мог бы помочь...

— Вам еще представится такая возможность, здесь мы справимся без вас.

Ромашин, Клыков, Марич и Тео аль-Валид вышли из кают-компании. Златков и Ясена оценивающе посмотрели друг на друга.

— Опять война... — зябко передернула плечами женщина.

— Я знаю, как сделать, чтобы не было войн, — сказал ученый с преувеличенной серьезностью.

— Как?

— Надо собрать всех хороших людей и перебить всех плохих.

Ясена слабо улыбнулась.

Все шло нормально.

Полуянов добился, чего хотел: Парламент собирался вынести Правительству вотум недоверия, СЭЖОН поставил перед Всемирным Координационным Советом вопрос о служебном несоответствии начальника УАСС, первой кандидатурой на этот пост выдвигался комиссар-два службы безопасности, агентура эмиссара контролировала практически все информационные потоки в Солнечной системе, Ствол оставался заблокированным, и проникнуть в него без дриммера было невозможно, — и все же сомнения грызли душу Федора и не давали жить спокойно, испытывая гордость и удовлетворение от проделанной работы. Кое-какие пункты в планах комиссара нарушались: скульптор Ромашин, бывший комиссар СБ, оставался на свободе, очаг сопротивления воле хозяина все еще наличествовал в недрах спецслужб (Полуянов уже знал, что против него работает особый отдел контрразведки — Спецжон), и даже захват Того, Кто Пробудился — как отзывались легенды о появлении оператора реальности, которым мог стать Ивор Жданов, — не улучшал настроения Полуянова.

Домой он направился в дурном расположении духа, еще больше рассвирепев, когда застал в заэкранированном бункере под домом, где находились пленники, великолепную тройцу в составе курьера хозяина — «супербабы» Тирувилеиядаль, начальника охраны Басанка и субстанта хозяина, тупого, как и все отдельные капли-клетки клона, отсоединенные от материнского ядра. Или отцовского — если считать хозяина мужчиной, что, в общем-то, не отражало истины.

— Какого дьявола вы тут делаете?! — осведомился Полуянов, сдерживая раздражение.

— Допрашиваем, — ответил Басанк без особого раскаяния. — Когда мы сюда пришли, они все были в сознании.

Полуянов нахмурился, разглядывая лежащих пленников. Все они по-прежнему были запеленуты в жидкокристаллические пленочные «саваны» и напоминали металлические отливки человеческих фигур с живыми лицами. Но подчинить их своей воле ни один «наездник» не смог, и это внушало определенные опасения.

Заметив на лицах Павла Жданова и его сына, точнее, сына его кванка, красные полосы и вздутия, Федор подошел ближе

и понял, что Басанк допрашивал пленников самым простым способом — с помощью кулаков.

— Спасибо, Федя, за радушный прием, — дернул щекой Павел Жданов, глаза которого налились ледяной синью. — У тебя отличный помощник. Ему вполне можно было бы доверить роль палача во времена инквизиции.

Басанк шагнул к Павлу, намереваясь ударить его по лицу еще раз, но Полуянов остановил помощника:

— Отставить мордобой! — Повернулся к рыжеволосой посланнице хозяина. — Вам-то зачем понадобился этот цирк? Вы же знаете, этих людей невозможно испугать, если они и станут работать с нами, то лишь после кодирования.

— Они должны знать планы нашего противника, — с хищной улыбкой ответила Тирувилеиядаль. — Надо выяснить, что предпринимает Мера, кто и зачем послал их сюда, где остальные члены команды.

— Это мы выясним с помощью «правдососа» в лаборатории Управления.

— Я могу сделать это прямо сейчас, — ухнул басом металлический псевдочеловек, тело которого непрерывно текло и дышало, как живая глыба ртути. — Бионосители, конечно, будут испорчены, но информация не пострадает.

— Несколько часов назад ты утверждал, что наши пленники пригодятся хозяину живыми.

— Ситуация изменилась, — равнодушно проскрипел псевдочеловек.

— Ситуация под контролем.

— Вы кое-что упустили из виду, — небрежно дернула плечиком посланница хозяина. — Во-первых, оператор может освободиться, если придет в себя. Во-вторых, его наверняка попытаются освободить спектральные команды из других Ветвей. Хотелось бы их опередить и окончательно развеять миф о явлении Того, Кто Пробудился. — Тирувилеиядаль фыркнула. — Мессия, понимаешь ли, нашелся.

— Как только мы уничтожим Ствол, ни одна команда сюда уже не попадет.

— Ствол надо взрывать немедленно.

— У меня другие данные о намерениях хозяина на этот счет.

— Вот приказ. — Рыжеволосая подала Полуянову светящийся синий шарик.

Федор взял шарик, сжал руку в кулак, раскрыл опустевшую ладонь: шарик был интенционалом и без следа всосался в тело Полуянова, превращаясь в «чистую» информацию, мгновенно ставшую достоянием сознания.

— С этого надо было начинать, — буркнул Федор, переживая неприятное чувство обмана; было обидно осознавать, что хозяин не поставил его в известность о полномочиях курьера.

— Внимание! — принесла рация голос дежурного по Управлению. — В доме скульптора Ромашина замечено движение. Гостей двое, энергетика уровня «упаковка-3».

Присутствующие в бункере переглянулись.

— «Упаковка-3» — это уровень профи спецназа, — сказал Басанк.

— Что я говорила? — язвительно скривила губы женщина. — Это наверняка команда для освобождения оператора.

— Мы ее сейчас прихлопнем прямо там! — сорвался с места Басанк. — Разрешите действовать?

— Там же наша засада...

— Не будьте идиотом, эмиссар, — брезгливо бросила Тирувилеиядаль. — Против нас работают далеко не дилетанты. С вашей засадой легко справился один Ромашин, а если появится команда... Пойдемте, Басанк, я с вами. Хочу взглянуть на гостей Ромашина, вдруг я их знаю? — Она кинула взгляд на молча наблюдавших за ней пленников. — Не скучайте, ребята, мы скоро вернемся.

Басанк и Тирувилеиядаль вышли.

— Останься, — приказал Полуянов металлической глыбе псевдочеловека. — Стерегите их. Начнут брыкаться — перекрой им кислород.

Он закрыл за собой дверь бункера и поспешил к залу метро вслед за начальником охраны и курьершей хозяина, готовой, судя по замашкам, заменить комиссара на посту резидента в Солнечной системе.

Существо, мыслесферу которого запеленговал Железковский, почти ничем не отличалось от того «скелета гусеницы», что обнаружили «хронодесантники» на айсберге недалеко от взорванного Ствола. Разве что цвет этой исполинской много-сегментной «гусеницы», длина которой достигала трехсот мет-

ров, а диаметр — двадцати, был иным — бежевым, с перламутровыми разводами. К тому же оно столь мощно генерировало биополя, что это почувствовали даже «толстокожие» Пашалетчик и Гена Маркин, ранее не способные отличить квазиживого робота от живого существа.

Айсберг, давший последний приют разумной «гусенице», представлял собой красивую снежно-ледяную конструкцию с причудливо изогнутыми зубцами, похожую на корону, которой можно было любоваться, как самым настоящим шедевром искусства, созданным руками разумных существ. Возможно, так оно и было на самом деле, и айсберги, покрывающие бесконечный океан планеты от полюса до полюса, были выращены ее хозяевами в качестве своеобразных жилищ.

Никто из «хронодесантников», в том числе и Игнат Ромашин, не участвовал в «беседе» Железовского с гусеницеподобным созданием, взиравшим на мир с философским спокойствием узника тюрьмы. Глаз у существа не было видно — в человеческом понимании, и все же люди чувствовали, что оно разглядывает их, испытывая нечто вроде легкого удивления. Видимо, появление неожиданных гостей вызвало у него какие-то давно забытые воспоминания, картины прошлого величия, и оно почувствовало временный прилив сил.

Про человека в таком состоянии обычно говорят, что у него забило сердце.

Железовский не разрешил никому приближаться к айсбергу ближе чем на двести метров, поэтому за его действиями отряд наблюдал со стороны, повиснув на километровой высоте над уровнем океана. Аристарх сначала медленно приблизился к гиганту, словно запрашивая его разрешения на контакт, потом опустился на пористую поверхность бело-голубого льда напротив «головы гусеницы» — пятидесятиметрового вздутия с рядами выпуклых синеватых пластин. Так он стоял в оцепенении несколько минут, неподвижно и молча, пока «гусеница» вдруг не шевельнулась, приподнимая «голову».

«Хронодесанникам» показалось, что она сейчас бросится на патриарха, и они приготовились атаковать страшилище из всех видов оружия, чтобы не допустить гибели товарища, но «гусеница» просто «села поудобней», прислушиваясь к психическому голосу человека, и под ее «взглядом» айсберг вдруг изменил

очертания — превратился в изумительной красоты прозрачно-голубой, сверкающий искрами кристалл.

— Хотел бы я знать, о чем они говорят, — вполголоса заметил Гаранин, нервничавший больше остальных.

— Вряд ли это можно назвать разговором, — отозвался Ромашин. — Если Аристарху удастся заинтересовать этого монстра, мы получим шанс на спасение.

— Если это ему удастся, я воздвигну ему памятник!

— Похоже, это ему удалось, — заметил Руслан, с тревогой поглядывающий на державшуюся рядом Надежду.

Девушка устала, потеряла интерес к происходящему, но не жаловалась, а помочь ей Руслан мог только ободряющим словом и вниманием. Он уже пожалел, что взял ее с собой в эту полную непредсказуемых опасностей экспедицию по вселенным удивительного Древа Времен. Даже ему, закаленному суровой жизнью человеку боя, было нелегко бежать по лезвию бритвы, рискуя сойти с ума от неожиданных встреч с жуткими формами жизни или сломать шею в очередном поединке со злобными тварями или людьми, перешедшими на службу Палачу. Что уж говорить о красивой и умной, но не привыкшей к неудобствам женщине, не предполагавшей, с чем она столкнется во время безумного бега по неведомым мирам.

«Гусеница» напротив Железовского подняла «голову» еще выше, все ощутили всплеск давления на мозг, и тотчас же под шлемами «кокосов» раздался голос Аристарха:

— Присоединяйтесь ко мне, друзья. Старик согласился отправить нас в другую Ветвь. Точнее, он знает способ доставки.

В то же мгновение рядом со вставшим на «задние лапы» гусеницеподобным чудовищем бесшумно выросла ажурная металлическая с виду труба, уходящая в небо.

— Трансгресс! — с нескрываемым изумлением проговорил Ромашин. — Он вызвал трансгресс! Как вам удалось уговорить его?!

— Старик вспомнил молодость, — со смешком сказал Железовский. — Оказывается, он встречался с такими, как мы.

— Давно?

— Судя по нечеткости воспоминаний, около миллиона лет назад.

— Но ведь нас тогда еще не было, — буркнул Олег Борисович. — Я имею в виду людей вообще.

— Люди были всегда, — вежливо возразил Ромашин. — Не удивлюсь, если выяснится, что здесь побывали бровей. Однако, господа путешественники, давайте-ка поспешим воспользоваться случаем, пока наш благодетель не передумал.

«Хронодесантники» слетелись к трубе трансгресса, которую рассматривал Железовский. Его «собеседник», наверное, устал, опустил верхнюю часть туловища на свое ложе и застыл снежно-ледяной шипасто-волосатой «гусеницей».

— Прощай, старина, — вслух сказал Железовский. — Спасибо за помощь.

Хозяин водно-ледяной планеты не пошевелился, хотя людям показалось, что он посмотрел на них задумчиво, с гордой величавостью и безмерной печалью.

— Как вам все-таки удалось объяснить ему, что нам требуется? — спросил Руслан.

— Несмотря на все внешнее различие, наши ментально-эмоциональные сферы в чем-то очень схожи, — ответил Железовский. — Трудно было в самом начале, когда я искал образы для контакта, которые были бы ему понятны. Потом все пошло своим чередом. Многие я, к сожалению, не понял, но в основном мы нашли общий язык. Как этим пользуются? — Аристарх кивнул на трубу трансгресса.

— Очень просто, — ответил Гаранин, уже привыкший к чудесам техники будущих столетий. — Забери нас отсюда, — обратился он к автомату трансгресса.

Тотчас же всех подхватила мягкая непреодолимая сила и подвесила по оси трубы.

— Куда направляемся?

— Минуту, — быстро сказал Ромашин. — У нас имеется возможность одним ударом убить нескольких зайцев. Коль уж в нашем распоряжении оказался парамост перемещений, мы можем высадить Аристарха в его Ветви, а потом отправиться по следам оператора.

— Если автоматика этого вашего парамоста согласится, — сказал Гаранин, — почему бы и нет?

— Стас, откликнись, — позвал Ромашин.

— Слушаю вас, — отозвался мягкий мурлыкающий женский голос.

— Разве мы в Стволе? — с недоумением спросил Олег Борисович. — Ведь Стас — инк Ствола...

— Трансгресс, по сути, является продолжением хронобура, поэтому его инк-оператора можно называть и Стасом, он не обидится. Будьте добры, уважаемая, надо отправить одного из нас по адресу Солювелла-один, а остальных...

— Позвольте возразить, — вмешался Железовский. — Пожалуй, я пойду с вами. Найдем парня, которого вы ищете, и он вернет меня домой. Вы говорили, что это ему по силам.

— Должно быть по силам. В крайнем случае воспользуемся услугами Стаса в уцелевших кванках Ствола. Итак, ищем Ивора?

Ответом Игнату было общее молчаливое согласие.

— Принято. Тогда попросим нашего оператора об услуге. Стас, вы случайно не знаете, где высадился человек по имени Ивор Жданов? Он еще известен как оператор Древа и Тот, Кто Пробудился.

— Он вышел на Земле Солювелла-три сто первого зависимого хроноквант-угла в сопровождении четырех человек.

— Не может быть! — тихо поразился Ромашин.

— Что такое? — встревожился Гаранин.

— Ивор вернулся домой, в родную Ветвь... где его наверняка ждут молодцы Полуянова. Кто с ним?

— Трое мужчин и женщина: Павел Жданов, Атанас Златков, Григорий Белый и Мириам Ромашина.

— Не может быть! — еще раз повторил Игнат. — Неужели он нашел и освободил отца?

— Простите, этого я не знаю.

— Встретимся и выясним, — сказал Руслан.

— Да, конечно, — опомнился Ромашин. — Хотя новость весьма неоднозначна. Итак, направляемся в узел Солювелла-три, в мир Ивора. Надеюсь, мой кванк поможет нам отыскать мальчика. Отправляйте нас, Стас.

— Желаю удачи, — вежливо проговорил оператор трансгресса уже мужским голосом.

И та же непреодолимая сила швырнула людей в огненный тоннель, пронзающий бездны бездн чужих пространств и времен.

Встряска от броска через необозримые пропасти Ветвей Древа Времен была не слишком сильной, и «хронодесантники» пришли в себя быстро, как только оказались на берегу какого-то залива с торчащей над ним белесой шпагой орбитального лифта. Залив оказался Рижским, высадка из трансгресса

совпала с местным днем, местные жители, хотя и заметили выскочивших из ниоткуда семь сверкающих фигур, не придали этому значения.

— Куда теперь? — осведомился Гаранин, сворачивая шлем и с любопытством осматриваясь.

Место казалось достаточно пустынным, несмотря на два десятка загорающих в дюнах людей, отгороженное от сверкающих зданий города на востоке лесной полосой.

— Сейчас я познакомлю вас со своим кванком, — ответил Ромашин. — Он скульптор и одновременно эксперт особого отдела контрразведки. У него дома мы будем какое-то время в безопасности.

Зная коды связи и номера информканалов, Ромашин связался с местным информом и выяснил, где находится ближайшая станция метро. Она располагалась рядом с порталом орбитального лифта, светящийся столб которого диаметром в двести метров был виден издалека. «Хронодесантники» изменили форму костюмов на менее вызывающую, такую, чтобы не бросаться в глаза, и направились по воздуху к метро кратчайшим путем — срезая угол залива.

Ромашин попытался связаться со своим кванком по радиии, но ему никто не ответил. Тогда было решено, что в дом скульптора отправятся двое — Игнат и Железовский, а остальные будут ждать их здесь, в кафе на берегу залива. Если в течение часа Ромашин не даст сигнала, что все идет нормально, группа должна будет действовать самостоятельно в зависимости от обстановки. Ромашин оставил Петруху у кафе, и они с Железовским, фигура которого внушала уважение габаритами и осанкой не менее, чем фигура «хронорыцаря», скрылись под хрустально-молочным куполом метро.

— Дело дрянь! — сквозь зубы выговорил Белый.

Он не обладал большим запасом пси-энергии и с трудом справлялся с гипнотическим давлением пленки «наездника». Впрочем, остальным тоже приходилось несладко, и держаться независимо становилось все труднее.

Понимая, что сил у спутников остается все меньше и меньше, Ивор решил вывести тюремщика, глыбой застывшего у двери, из себя и заставить его ошибиться. Шанс был невелик, но так как Ивору не удалось вызвать трансгресс — то ли ме-

шала мощнейшая экранировка подвала, то ли его состояние не позволяло ему сделать это, — надо было использовать даже самые безумные варианты для освобождения.

— Эй, болван! — позвал он металлического сторожа. — Не хочешь поиграть?

— Я не болван, — немедленно отозвался субстант Палача, превращаясь в диковинного зверя. — Я не хочу играть.

— Тогда ты действительно болван! Ведь твой хозяин — Игрок!

Металлический псевдочеловек помолчал, шевеля бликующей «кожей», что порождало эффект непрерывного тока металла снизу вверх.

— Я не понимаю смысла твоей речи, — наконец выдавил он из себя. — Но, судя по эмоциональному наполнению, ты пытаешься меня оскорбить и спровоцировать на нелогичный поступок.

Не выдержав, засмеялась Мириам. Григорий и Павел Жданов улыбнулись.

— Какой мощный интеллект! — сказал Белый с ироническим восхищением. — Его даже оскорбить невозможно. Если его хозяин мыслит так же, не понятно, почему он выигрывает Игру.

— Это всего лишь одна капля Палача, — заметил Жданов. — Одна его клетка, болванка, имеющая ровно столько ума, сколько требуется для обслуживания ее физиологических потребностей. Будь она поумнее и посильнее, мы были бы уже зомби Палача.

— Ну так что, болванка? — продолжал Ивор. — Поиграем в какую-нибудь интересную игру? Если выиграю я, ты меня отпустишь. Если ты выиграешь, мы добровольно перейдем на сторону твоего хозяина.

— Осторожнее с обещаниями, — проворчал Григорий. — Вдруг этот монстр не так прост, как кажется?

— Что ты предлагаешь? — гулким басом спросил псевдочеловек.

— Есть такая человеческая игра — шахматы. Либо ее трехмерный вариант — трикор. Могу быстро обучить.

— Я не знаю такой игры.

— Можно выбрать игру попроще, карточную — в подкидного дурака, в очко.

— В шестерочку, — подсказала ехидно Мириам. — А лучше сыграть втроем или вчетвером в преферанс.

— У вас будет преимущество, — сказал псевдочеловек. — Я не согласен. И я не знаю таких игр.

— Но хоть какую-нибудь игру ты знаешь?

— Знаю.

— Назови.

— У нее нет названия на человеческом языке.

— Естественно, — хмыкнул Жданов. — В такие игры Палач играет там, где нет человека. Но вряд ли она чем-либо отличается от войны. Не так ли, болван?

— Твое предположение логически верно, — подтвердил псевдочеловек. — Но ты тоже пытаешься меня оскорбить.

— Разумеется, — согласился Жданов.

— В таком случае будет правильно, если я перекрою вам кислород.

Металлическая глыба вспухла тремя волдырями, которые начали превращаться в щупальца, нацеливающиеся на лежащих без движения пленников.

— Подожди, — быстро сказал Ивор, — у меня есть еще одно предложение. Освободи меня от пленки и попробуй поймать снова. Ты ничем не рискуешь: дверь заперта, помещение заэкранировано, убежать или спрятаться мне негде. Идет?

— Зачем? — равнодушно поинтересовался посланник Палача. — Смысл?

— Я утверждаю, что ты меня не поймаешь.

— Ну и что?

— Неужели тебе не интересно посоревноваться? — удивился Ивор. — Или ты действительно debil? Кристаллическая оболочка для дерьма?

— Что есть дерьмо?

Белый и Жданов рассмеялись.

— Не важно, ты все равно не поймешь, — продолжал Ивор. — Это интегральная оценка твоей умственной деятельности. Если бы у меня были свободны руки и ноги, я бы тебе быстро растолковал истинность этой оценки.

Щупальца втянулись в тело псевдочеловека, он чуть подрос, обозначил конечности, стал больше походить на металлическую отливку для памятника.

— Я тебя поймаю.

— Попробуй.

— Я тебя поймаю и заставлю объяснить, что есть дерьмо.

— Один такой пытался.

— И что?

Ивор понял, что шутки до его собеседника не доходят.

— И я его съел.

— Меня ты не съешь, я не биологическое существо.

— Ну так освободи меня, и начнем!

Пауза.

— Хорошо.

В то же мгновение пленка, сжимавшая тело молодого человека, стала сползать с него чулком, превратилась в лужу, которая скользнула к живой металлической глыбе и втянулась в нее.

Ивор с трудом встал, разминая затекшие руки и ноги.

— Я готов, — сказал псевдочеловек. — Начинаем на счет три.

— Подожди, дай отдышаться, я должен вернуть гибкость членам. Ты-то действительно железный, я же из более хрупкого материала.

— Мое тело состоит из палладиево-осмиевых полимеров.

— Вот видишь, а я на три четверти состою из воды. Это равные условия, по-твоему?

— Ты сам предложил поиграть.

— Только чур — не нарушать правила! Если ты в течение минуты меня не поймает — я выиграл! Понимаешь, что такое минута?

— Понимаю.

— Тогда начнем!

— Ивор! — слабо вскрикнула Мириам.

Псевдочеловек метнул в Ивора стремительный ручей металла, и тот прыгнул в сторону, спасаясь от него, как от пули.

Часть V

КАК БУДТО БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА

Глава I

Железовский почувствовал неблагоприятную обстановку в доме скульптора сразу после выхода из кабины метро. Но он не был в курсе произошедших событий, впрочем, как и Ромашин, и не стал поднимать тревогу.

Выйдя в холл метро и увидев его обожженные, оплавленные, в дырах и вмятинах стены, Аристарх обратил на них внимание спутника, тот остановился, понимая, что в доме скульптора недавно шел бой, но возвращаться было уже поздно.

В коридорчике, ведущем на первый уровень дома, появились две дымно-прозрачные фигуры, а из кабины сработавшего метро в холл выскользнули еще два таких же «призрака», за которыми не спеша вышел Федор Полуянов. Ромашин и Железовский замерли.

«Если начнем первыми — прорвемся», — предложил Аристарх, включая рацию в режим мыслесвязи.

«Надо выяснить, что здесь случилось, — ответил Ромашин. — Будем тянуть время и ждать наших».

«Вы связались с ними?»

«Эта рация так далеко не тянет».

«Я могу вызвать их через поле Сил».

«Узнаем, что произошло с кванком, и вызовем».

— Вот мы и встретились, господин скульптор, — сказал Полуянов, благоразумно держась за спинами спецназовцев. — Наконец-то мы сможем побеседовать об интересующих меня вещах, а то вы так резво бегаєте от моих парней, что завидки берут. Странно, что вы рискнули вернуться, зная о засаде. Я вас даже не узнаю.

«Меня приняли за местного Ромашина, — передал Игнат мысль Аристарху. — Попытаемся использовать это обстоятельство».

— Что молчите, господин фигурант всеземного розыска? Надеетесь на помощь Спецкона? Едва ли ваши сообщники рискнут сунуться сюда ради спасения одного человека. Кстати, познакомьте меня с вашим коллегой. Что-то я раньше его не встречал.

— Это мой витс-телохранитель, — равнодушно сказал Ромашин.

— Ага, понятно, я так и подумал. Парень внушает уважение. Надеюсь, он не начнет демонстрировать чудеса ловкости и скорострельности?

— Не начнет.

— Ну и славно. — Полуянов поманил кого-то пальцем, и из кабины метро вышли еще два человека, судя по габаритам и особому выражению глаз витсы.

— Отведите этого богатыря в соседнюю комнату и последите за ним, хлопцы. — Федор кивнул на Железовского. — Шевельнется — сожгите его. — Повернулся к Игнату: — Итак, прежде чем мы отправимся в Управление, ответьте мне на два вопроса.

— Если это не будет противоречить моим целям, — спокойно сказал Ромашин.

Полуянов дернул уголком губ.

— Игнат, я знаю, что вы — сильный человек и наверняка носите пси-защитника, но вряд ли выстоите против «правдососа». Поэтому советую говорить все, что знаете, добровольно, иначе, сами понимаете...

— Отлично понимаю, господин эмиссар. Задавайте свои вопросы. Хотя, может быть, мы побеседуем в гостиной за чашечкой кофе?

Полуянов задумался, кинул взгляд на одного из дымных «призраков» в коридоре.

— Гостиную проверяли?

— Так точно, — доложил «призрак». — Все чисто.

— Идите вперед, — скомандовал Федор. — Только сначала отдайте оружие. Витс ваш останется здесь.

Ромашин молча отсоединил от узлов-турелей «глюк» и «кий», передал спецназовцу. Полуянов отобрал у него «кий», повертел в руках, покачал головой.

— Интересная фиговина. Не помню, чтобы у нас было нечто подобное. Неужели Спецкон имеет свои оружейные мастерские?

— Эта фиговина не из нашего мира.

— Тогда понятно. Вперед!

Дверь метро снова открылась, в холл вышли рыжеволосая яркая женщина и угрюмый Басанк, начальник охраны Федора, близкий по габаритам к Аристарху.

— Что вы хотите с ним делать? — спросила Тирувилея-даль.

— Допросить, — покосился на нее Полуянов.

— Не советую делать это здесь. Мы не знаем, какие сюрпризы мог подготовить этот человек.

— Я просто хочу знать, зачем он вернулся.

Федор махнул рукой, и процессия направилась по коридору к помещениям первого этажа: два спецназовца впереди, за ними Ромашин, затем еще два «призрака» и Полуянов. Переглянувшись, вслед за ними двинулся и Басанк с посланницей Палача.

«Вызывайте остальных, — мысленно передал Железовскому Ромашин. — Обрисуйте обстановку».

В гостиную, декорированную ценными породами дерева в стиле «православный ренессанс», сначала вошел Полуянов с двумя подчиненными, затем впустили Ромашина и остальных.

— Может быть, я сварю кофе? — радушно предложил Игнат.

— Оставьте, господин художник, — поморщился комиссар. — Я знаю, что у вас есть какой-то секрет, позволяющий вам обходить все известные методы обнаружения людей. Вы не за ним случайно вернулись?

Ромашин понял, что его кванк воспользовался «картиной» в спальне — хроноквантовым коконом — для того, чтобы спрятаться от ищеек Федора. Возможно, он и сейчас был еще там.

— У меня много припасено секретов, господин эмиссар. К примеру, я могу превращаться в невидимку и неощутимку. Продемонстрировать?

— Держите его на прицеле, — посмотрел Полуянов на своих спецназовцев. — Попытается исчезнуть — стреляйте!

Ромашин улыбнулся.

— А ведь вы боитесь меня, комиссар. Даже в такой ситуации, с таким перевесом сил.

— Обыщите дом еще раз, — посоветовала Тирувилея-даль. — Такой опытный человек, как бывший комиссар, не

мог не знать, что рискует свободой и головой, появляясь дома. Он что-то здесь прячет.

Полуянов кивнул Басанку.

— Соберите все, что вызывает хоть малейшее подозрение. Прощупайте скульптуры, их подставки, обнюхайте стены.

Басанк вышел.

— Лучше скажите прямо, зачем вы вернулись, — проговорил Полуянов. — Все равно ведь скажете, не сейчас, так в лаборатории, разве что после общения с «правдососом» станете идиотом.

— Да нет в моем возвращении никакого секрета, — пожал плечами Игнат. — Поскольку мои друзья в ваших руках, я и решил поговорить с вами об их выдаче.

— Так просто? — усмехнулся Полуянов.

— В этой жизни все просто, — философски заметил Игнат. — Жизнь... предательство... гибкость спины... смерть.

— Вы мне угрожаете?

— Ну что вы, право, только предупреждаю. Отпустите Ждановых. Это зачтется вам в будущем. Отсчет времени уже пошел.

— Он что-то задумал! — быстро проговорила рыжеволосая посланница Палача. — Еще раз предлагаю закончить допрос в другом месте.

— Не мешайте, — с досадой посмотрел на нее Полуянов. — Занимайтесь лучше своими делами, вы не обязаны присутствовать здесь.

— Хорошо, меня действительно ждут дела, но я вас предупредила.

Тирувилеиядаль вышла.

— А ну-ка, повторите ваше предложение, — сказал Полуянов. — Я вас не понял.

— Жить хочешь, Федор? — тихо, без улыбки спросил Ромашин. — Я не знаю, добровольно ты перешел на сторону Палача или нет, но у тебя еще *есть* шанс остаться человеком, а не холуем хозяина. Знаю, это трудно, особенно если в мозгу торчит программа контроля, но ведь Златков двадцать пять лет назад сумел ее нейтрализовать. Может быть, попробуешь и ты?

Наступила тишина. Полуянов, сузив потемневшие бешеные глаза, некоторое время выдерживал взгляд собеседника, потом расслабился и глухо сказал, отвернувшись:

— Я... не могу... — Затем он с силой потер ладонью лоб, пошел к двери. — Эта псевдобаба права, закончим наш разговор в другом месте.

В глубине дома что-то грохнуло. Затем зародился неясный шум.

Ромашин прислушался к нему и сказал со вздохом:

— Поздно, Федя..

Железовский слышал весь разговор двух комиссаров (Полуянов не догадывался, что допрашивает не скульптора, а его кванка) и одновременно готовился к взрывному действию, зная, что его противник — витсы — не даст ему права на ошибку. Действовать надо было наверняка. Поэтому Аристарх после сеанса связи с Русланом не сделал ни одного движения, словно и в самом деле был витсом, терпеливо поджидая удобный момент.

Через проем двери было видно, как через холл прошествовала к кабине метро, покачивая бедрами, рыжеволосая женщина. Чмокнул автомат запуска. Витсы оглянулись, и в тот же миг Железовский превратился в ураган.

Первого витса он пробил насквозь ударом кулака, затем свернул ему шею и подставил под выстрел второго. Разряд «универсала» пришелся по «сердцу» гиганта, генератору энергии, и сразу грянул взрыв. Однако Аристарх за мгновение до этого прыгнул к оставшемуся витсу, вбил его тело в колонну посреди холла, затем схватил за руку и еще раз со всего размаха ударил о стену холла, превращая в лепешку.

В это время свистнул финиш-автомат метро, из кабины в холл выметнулись три прозрачных вихря, и Железовский расслабился, почуяв своих.

Вихри превратились в бликующие металлом фигуры, шлемы которых складками опустились к плечам. На Аристарха смотрели Гаранин, Костров и Маркин.

— Здесь двенадцать человек, — сказал Железовский. — Не вздумайте предупреждать и геройствовать, это асы. Стреляйте на поражение.

— Это мы умеем, — мрачно хмыкнул Олег Борисович. — Где наш проводник?

— Игната допрашивает в гостинной комиссар. Я освобожу его. Ваша задача — очистить дом.

Метро выбросило еще пару «невидимок» — Надежду и Пашу-летчика. Все были в сборе.

— Надя, останешься здесь, — сказал Руслан. — Режим маскировки не выключай. Если кто появится из метро, дашь сигнал, но ни в коем случае не вмешивайся.

— Пошли! — выдохнул сквозь зубы Гаранин.

«Хронодесантники» превратились в невидимок и бросились по коридору в недра дома Ромашина.

Полуянов замер, оглянулся, приоткрывая зубы в безгливой гримасе:

— *Что* ты сказал?!

— Прикажи своим нукерам сдать оружие. Мы не хотим кровопролития.

— Да ты понимаешь?..

Дверь распахнулась, в гостиную ворвался Басанк.

— У нас гости... — Он не договорил.

Вслед за ним в гостиной появился Железовский. Помещение пронзил мощный горловой бас:

— Не стрелять!

Все замерли.

— *Убейте* их! — прошипел Полуянов.

Сверкнула молния — один из спецназовцев, находившихся в гостиной, выстрелил из «универсала». Железовский ответил точным выстрелом из такого же «универсала», но разрядом помощней. «Призрак» отлетел к стене, круша инкрустированный малахитовой плиткой комод.

— Не стрелять! — еще раз рявкнул Железовский.

За его спиной взвихрился воздух, в гостиную влетели три прозрачные струи, превратились в блестящие человеческие фигуры.

— Не стрелять! — в третий раз, уже тише, повторил Аристарх. Протянул вперед руку, глядя на Басанка. — Отдай мне эту вещь!

Полуянов непонимающе глянул на главного охранника. Тот оскалился, вынимая из кармана комбинезона изогнутую в трех направлениях черную трубку с мигающей зеленой искрой на торце.

— Мы нашли это в одной из скульптур.

— Слинг?!

— Инициатор слинга.

— Отдай, — сделал шаг к Басанку Железовский.

— Отними, — ухмыльнулся тот, нацеливаясь пальцем на мигающий огонек.

— Кажется, ваш бандит собрался взорвать нас вместе с вами, — хладнокровно сказал Ромашин. — Подходит вам такая перспектива? Или вы прикажете ему отдать детонатор?

— Думаю, вы проиграли, — сказал вспотевший Полуянов. — Если погибну я, хозяин пришлет еще одного резидента, и дело будет продолжено. Если погибнете вы, Спецкон не сможет развернуться в полную силу и помешать нам. Где вы установили сам слинг?

— Я его не устанавливал.

Полуянов скривил губы.

— Шутите? А кто?

— Я, — раздался голос из коридора, и в гостиную вошел еще один Ромашин в сопровождении хмурого мужчины с коричневым морщинистым лицом. Вслед за ними в дверь с трудом протиснулся гигант, похожий на рыцаря в черных латах, с единственным щелевидным светящимся глазом.

— Игнат! — глухо проговорил Полуянов, переводя взгляд с одного на другого и обратно. — Это ваш...

— Кванк, естественно.

— Взрывай! — беззвучно шевельнул губами Федор.

Но прежде чем Басанк нажал кнопку инициатора слинга, Железовский вдруг оказался рядом с великаном, выхватил черную трубку детонатора, а самого Басанка отшвырнул прочь с такой силой, что тот пролетел по воздуху десяток метров и врезался в красивое трюмо, разбивая его вдребезги и буквально киселем сползая по стене на пол.

Ромашин-второй, появившийся к развязке драмы, покачал головой.

— Эдак вы мне всю антикварную мебель покалечите, милейший. Знаете, сколько времени я потратил на ее реставрацию?

— Прошу прощения, немного не рассчитал, — положил руку на грудь Железовский. — Я помогу вам ее починить.

Ромашин-скульптор улыбнулся.

— Спасибо, принято. — Он посмотрел на Ромашина-комиссара. — Однако ты вовремя, тетка. Если бы не ваше появление, нам пришлось бы действовать иначе и без особых шан-

сов на успех. Предлагаю закончить операцию по освобождению Ждановых, пока агентура Палача не опомнилась.

— Я уже дал сигнал тревоги, — с мрачным спокойствием проговорил Полуянов. — Джон через пару минут приведет сюда всю мою армию.

— Мы успеем. — Ромашин-скульптор кивнул на своих спутников. — Знакомьтесь, это начальник особого отдела контрразведки Игорь Марич и мой телохранитель Петруха.

— Привет, Игорь, — сказал Ромашин-комиссар, пожимая руку Маричу. — Извини, что не согласовал своего прибытия. Сам не ведал, что так получится. Это Аристарх Железковский, патриарх синклита старейшин из ближайшей «тупиковой» Ветви. Я попросил его помочь нам.

— Очень приятно. — Марич пожал руку Железовскому.

— А это команда из другой Ветви, где еще только-только начался двадцать первый век. Руслан Костров, с его отцом ты знаком, — капитан группы антитеррора...

— Потом познакомимся получше. Надо спешить. Наши парни блокировали дом комиссара, мы же войдем туда через метро.

— Вы пожалеете... — начал побледневший Полуянов.

— Мы знаем, что ты держишь пленников в подвале, — перебил его Ромашин-скульптор, — в бункере с ТФ-экраном. Открой нам дверь, Федор, чтобы мы там ничего не взрывали. Могут пострадать люди.

— Я... вас... всех!.. — отдельно проговорил Полуянов.

Турель с «универсалом» на его плече крутнулась туда-сюда, выискивая цель, и в то же мгновение черный человек Петруха выстрелил в него из парализатора. Федор обмяк, мягко упал на пол, глаза его стали пустыми. Его пси-защитник не смог отразить разряд «слона», которым был вооружен Петруха.

— Код двери бункера! — наклонился к комиссару Ромашин, отбирая свое оружие — «кий» и «глюк»...

— Калипсо... два сто сорок три... эм... nihиль... — прошептал Полуянов.

— Придется нести его с собой, — кивнул на Федора Марич, подозвал Руслана. — Может быть, кроме кода, в дверь встроен дактилодатчик или аппаратура айс-фейс-контроля.

— А с ними что делать? — кивнул Гаранин на Басанка и спецназовца из команды Полуянова, застывшего истуканом посреди комнаты.

— Оставим здесь под присмотром нашего парня.

Марич вызвал по мыслесвязи командира оперативной группы, дождался появления «невидимки» и первым направился к метро. За ним потянулись остальные. Маркин, Паша и Олег Борисович несли Полуянова. Руслан вспомнил о наличии Петрухи, шепнул Ромашину-комиссару пару слов, и тот приказал «хронорыцарю» взять на себя обязанности носильщика.

Надя, терпеливо дожидавшаяся спутников в холле метро, бросилась к ним, совершенно не боясь Петрухи с его ношей.

— Ваш работник? — кивнул на нее Марич, обращаясь к Ромашину-комиссару.

— Наш, — ответил тот серьезно.

— Отличная реакция, — похвалил Марич. — Она пропустила нас, а потом приказала поднять руки. Хорошо, что я пошел с Игнатом, она его узнала.

Гаранин, Паша и Маркин засмеялись. Надежда покраснела, прячась за Руслана.

— Она такой же десантник, как и все, — сказал Ромашин-комиссар. — А опыт — дело наживное.

Лицо Марича отвердело.

— Пора!

Кабина могла вместить всего четырех человек, поэтому первыми пошли оба Ромашина, Игорь Марич и Железовский. Затем стартовал Петруха с телом Полуянова и Гена Маркин. Последними покинули дом скульптора Руслан и его команда.

Это было захватывающее зрелище!

Металлический псевдочеловек метал в Ивора стремительные стрелы жидкого металла, а он уворачивался от них и с невероятной скоростью летал по тесному подвалу, ухитряясь не спотыкаться о тела товарищей, ящики и коробки и не сталкиваться со стеллажами и штангами энергополевой защиты бункера.

Неизвестно, способен был испытывать какие-то эмоции посланник Палача или нет. Проигрывая молодому Жданову вчистую, он ни разу не выругался, как сделал бы на его месте простой человек, и не выразил своего отношения к происходящему. Но то, что он обладал всеми отрицательными качествами «отца», не подлежало сомнению и выяснилось самым наглядным образом.

— Стоп! — крикнула Мириам, играющая роль судьи и контролирующая время. — Минута прошла!

Ивор остановился, но тут же метнулся в сторону от ручья бликующей субстанции.

— Стой, болван! Игра закончена! — возмутилась девушка. — Ты его не поймал!

— *Моя* минута еще не прошла, — равнодушно заявил псевдочеловек, продолжая гонять Ивора по бункеру. — И я никогда не проигрываю.

— Это нечестно! Ты проиграл! Он победил!

— Он не победил. Чтобы побеждать, надо выбрать себе правильного противника.

Ивор почувствовал, что силы его кончаются, прислонился к стене... и в этот момент дверь в бункер открылась и в помещение один за другим ворвались два гиганта. Один был человеком в маскировочном комбинезоне, второй — громадный, черный, ребристо-кольчужный, напоминающий рыцаря в латах, явно был витсом. Единственный глаз его светился, и Жданов узнал уменьшенную копию «хронорыцаря», изваяние которого находилось в мастерской отца Мириам.

— Общий привет, — пророкотал густым баритоном незнакомец, быстро оглядывая подвал. — Чем это вы тут занимаетесь?

— Кто ты такой? — требовательно спросил металлочеловек, переставая стрелять ручьями жидкого металла.

— Меня зовут Аристархом, я друг комиссара. А ты, надо полагать, и есть вирус, жидкокристаллический волдырь, субстант Палача? Его, так сказать, полномочный представитель?

— Я Трангха, тысяча второй контролер линий.

— После этого нам следует, очевидно, проникнуться уважением и упасть на колени. Или ты более демократичен?

Псевдочеловек вытянулся вверх, превращаясь в апокалиптического железного зверя со множеством щупалец.

— Если я правильно оцениваю ваше эмоциональное свечение, вы тоже хотите меня оскорбить. Вынужден принять адекватные меры.

— Оглянись вокруг, кретин! — звонко крикнула Мириам. — Ситуация изменилась. Теперь пленник — ты!

— *Освободи* людей! — тяжело сказал Железовский.

Псевдочеловек метнул в него ручей металла. Сверкнула тусклая желтая вспышка, и ручей превратился в дымную струю.

— Петруха, друг мой, — сказал Железовский, — не спеши с помощью. Я и сам вполне способен поджарить эту тварь. Держи его на мушке, и все.

Из плеч черного человека выглянули стволы аннигиляторов.

— Жду команды.

— Минуту. — В бункер вошли оба Ромашиных, Марич и Руслан. Сориентировавшись, тоже направили оружие на посланника Палача.

— Распылить этого монстра мы всегда успеем, — продолжал Ромашин-скульптор. — Есть смысл поторговаться.

Он подошел к Ивору, без сил присевшему у стены. Они обнялись.

— Как тебе удалось освободиться?

— Пришлось вызвать этого болвана на соревнование, — виновато улыбнулся молодой человек. — Он азартен, как и его хозяин... и так же подл.

— Без сомнения. Как остальные? — Игнат подошел к «глыбе» дочери, нагнулся, погладил ее по щеке. — Ну, что, гриф, опростоволосились мы с тобой, поверив комиссару?

Мириам залилась краской.

— Я... не думала...

— Думать надо всегда. Ладно, не переживай, хорошо, что все заканчивается так, а не иначе. — Ромашин повернул голову к застывшему в сомнениях псевдочеловеку. — Предлагаю выбор, палачоид: ты освобождаешь пленников, сообщаешь о планах хозяина в данной Ветви, и мы тебя отпускаем.

Пауза.

— А если я не соглашусь?

— Тогда ты исчезнешь, превратишься в излучение. Своих друзей мы освободим и сами.

В бункере повисла тишина.

— Обмен не состоится, — сообщил металлический монстр, выращивая «мускулы». — Вы все должны подчиниться мне! Немедленно!

На людей выплеснулась волна холодной угрозы, ощутимая физически, как удар. Стволы «глюков», аннигиляторов и «уни-

версалов» повернулись к металлическому «зверю». Палачоид, как назвал его Ромашин, сам себе подписал смертный приговор.

— Погодите! — остановил атаку Железовский. — Есть идея.

— Это опасно, — тотчас же тихо сказал Ивор.

Аристарх, прищурясь, посмотрел на него.

— Ты меня... понял, мальчик?

Ивор кивнул, розовея от смущения.

— Извините...

— Ничего не понимаю! — рассердился Марич. — О чем идет речь?

— Выйдем на минуту. — Железовский поманил Марича, Ромашина-комиссара и Ивора.

Они вышли, закрыв за собой дверь.

— Этот тупой кусок жидкого металла имеет мощный пси-резерв, — начал Железовский. — Я попробую подчинить его своей воле. Этот парень мне поможет. — Он кивнул на Ивора. — У него большие возможности.

— Это и есть оператор, которого мы должны были освободить, — улыбнулся Ромашин.

— Я так и понял.

— Чушь! — махнул рукой Марич. — Этот, как вы изволили выразиться, тупой кусок металла легко справился с тремя здоровыми мужиками.

— Так получилось. Всех нас обвели вокруг пальца. Но Аристарх — интраморф, и я знаю, на что он способен. Если ему дать пси-защитника, да если к нему подсоединится оператор...

— Все равно это слишком рискованно!

— Согласен, однако и овчинка стоит выделки. Если мы подчиним палачоида, — в нашей компании таких, как он, называют жмурами, — у нас откроются неплохие перспективы.

Марич в нерешительности поскреб за ухом.

— Ну, а если случится обратное? И он запрограммирует вас?

— Не запрограммирует, — усмехнулся человек-гора. — В крайнем случае доставите меня домой, там меня быстро приведут в норму.

Мужчины обменялись понимающими взглядами.

— Была не была! — сказал Марич.

Один за другим они вошли в бункер, полные решимости победить.

Глава 2

Схватку людей с посланником Палача, который сам себя называл Трангхой, тысяча вторым контролером линий, зрелищной назвать было трудно, хотя она была полна такого внутреннего напряжения и драматизма, что это ощутили все свидетели поединка.

Трангха понял, что перспективы у него незавидные, и согласился сыграть в еще одну игру, там самым подтвердив, что он — достойный отпрыск своего «отца» — Игрока.

Игра же состояла в том, что палачоид-жмур охватывал Железовского своим телом, а тот должен был в течение определенного времени освободиться. Сошлись на пяти минутах. Трангха был так уверен в своей победе — еще ни одно существо не смогло сбросить с себя жидкокристаллический «саван», — что легко принял все условия.

Железовский, сосредоточенный и спокойный (у него начали потрескивать волосы от сильной ионизации), встал рядом с глыбой псевдочеловека, поддерживая мысленную связь с Ивором. Трангха раздался во все стороны, уплощаясь и разворачиваясь в металлическое «одеяло», и одним прыжком окутал Аристарха со всех сторон, «проглотил» его.

Тихо вскрикнула Мириам.

Остальные молчали, готовые прийти на помощь патриарху, хотя не представляли, как это можно сделать, не причиняя вреда самому Железовскому.

Ивор, сосредоточенный на внутреннем переживании, побледневший, ушедший в себя, полузакрыв глаза, прислушиваясь к мысленному шепоту Аристарха, шагнул ближе к металлической глыбе. У него тоже встали дыбом и начали искриться волосы на голове, а кожа лица засветилась изнутри и стала полупрозрачной.

Палачоид, «сожравший» Аристарха, поддерживающий форму тела человека, стал оплывать, покрылся пузырями, потерял очертания человеческой фигуры, замер. Но ненадолго. Его на-

чали мучить конвульсии — «проглоченный» патриарх, очевидно, пытался сдвинуться с места, разорвать смертельные объятия Трангхи и освободиться, — он судорожно «переступил с ноги на ногу», переместился к стене, вернулся, сделал круг. Тело его непрерывно вздрагивало, шло рябью, то вспучиваясь, то проваливаясь само в себя. Некоторые металлические чешуи отрывались от тела, звучно шлепались на пол, втягивались обратно.

Так продолжалось три с лишним минуты. Напряжение росло. Люди, наблюдавшие за поединком волею человека и металлического монстра, чувствовали себя как во время шторма на корабле. Мощные пси-поля «раскачивали» пространство и воздействовали на сознание, так что оно начинало плыть и рваться.

Внезапно Ивор прыгнул к палачоиду, вонзил в его конвульсивно вздрогнувшее тело обе засветившиеся руки, скрылся внутри металлической глыбы.

Снова вскрикнула Мириам.

Мужчины, переглянувшись, придвинулись ближе к монстру, поглотившему двух человек.

— Я резану его по краешку, аккуратненько, — предложил Олег Борисович.

— Не спешите, — качнул головой Ромашин-комиссар. — Время еще не вышло... они живы... и мне кажется, что они побеждают.

Вспухающая и опадающая металлическая глыба вдруг застыла.

Люди замерли, не понимая, что это означает.

Глыба вздрогнула, потекла безвольно от «головы» к «ногам», словно тающая шоколадная масса. Затем скачком взметнулась вверх, разделилась на две глыбы, которые почти мгновенно приняли человеческую форму. Эти металлические люди пожали друг другу руки, повернулись к ошеломленно взвизгивающим на них свидетелям поединка, лица металллюдей просветлели, превратились в лица Ивора и Железовского.

— Как вам наши новые костюмчики? — поинтересовался Железовский хладнокровно.

— Ивор! — прошептала Мириам.

Все посмотрели на нее.

Молодой человек подошел к девушке, коснулся металлической рукой ее металлического кокона, и тотчас же бликующая

пленка «савана» пошла рябью, стала жидкой, потекла, вливаясь в руку Ивора. Исчезла. Мириам шевельнулась, не веря свободе, попыталась подняться, но со стоном опустила на пол.

— Ох, все кости болят!..

Толстый металлический «скафандр» распахнулся, освобождая Ивора, затем снова сжался, превращаясь в точную копию человека. Ивор подхватил девушку на руки, прижал к себе, поцеловал.

Мужчины наконец опомнились, бросились к Железовскому, заговорили разом. Аристарх сделал то же самое, что и Ивор, — освободил пленников от пленки палачоида, затем выбрался из его тела и лишь после этого позволил себя обнять и принять поздравления.

— Все-таки вы его задавили, — проворчал Марич, первым пожимая руку патриарха. — К стыду своему, я не верил. Как вам это удалось?

— Он силен, — признался Железовский, вытирая влажный лоб, — но совершенно туп. Пока он пытался раздавить меня в лепешку, я исследовал его интеллект и психику. Психика оказалась очень мощной, почти непробиваемой, а интеллект слабый, примерно уровня пятилетнего младенца. Правда, если бы не помощь этого мальчика, — Аристарх кивнул на счастливого Ивора, — я бы с этим чудом-юдом не совладал. Оно меня фактически заблокировало, я перестал воспринимать действительность, и тогда этот парень нашел единственный правильный выход — резонансную раскачку.

— Что это означает? — полюбопытствовал Марич.

— Стихи. Он пробился сквозь блок с помощью стихов, создающих резонансы пси-полей.

— Вот как? Неужели это помогло?

— Еще как! Особенно мне понравились его последние строки:

Ну вот, исчезла дрожь в руках —
Теперь вверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх —
Навек, навек!
Для остановки нет причин,
Иду, скользя,
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!..

Мужчины переглянулись.

— Он поэт! — гордо подтвердила Мириам, соскальзывая с рук Ивора на пол.

— Молодец! — одобрительно проговорил Гаранин, похлопав Ивора по плечу. Подошел к Железовскому. — Черт, я вас уважаю! — Он сунул ладонь Аристарху. — Просто нет слов!

— Я не черт, — улыбнулся патриарх.

К нему подошли, разминая затекшие члены, освободившиеся Белый и Павел Жданов. Ромашин познакомил их, разговор стал общим, всех охватило радостное оживление, и внезапно прозвучавшие слова Железовского послужили для освободителей и бывших пленников холодным душем:

— Прошу прощения, судари и сударыни, у меня плохая новость.

Разговоры стихли. Все головы повернулись к человеку-горé.

— Мне удалось кое-что вытащить из памяти моего соперника, — продолжал Железовский. — Планы Палача таковы: ликвидация трансгресса и свертка Ветвей, вырождение Древа в кольцо времен.

— Вы правильно поняли? — хмыкнул Марич после паузы. — Не в вектор — в кольцо?

— Естественно, я могу и ошибаться, ведь это мой «вольный перевод» понятий, циркулирующих в памяти Трангхи. Однако мне кажется, я понял его правильно. И еще одно нерадостное известие: Палач отдал приказ своим эмиссарам во всех Ветвях взрывать хроношахты.

В бункере стало совсем тихо.

Ромашины переглянулись.

— Логично, — кивнул скульптор. — Если уничтожить все кванки Стволов, цепь хроносвязи Ветвей разорвется, и трансгресс перестанет функционировать как парамост пространственных перемещений.

— Скорее всего, он вообще исчезнет, — добавил Ромашин-комиссар, — или не появится как сложная техническая система.

— Но ведь он уже есть, — с недоумением сказал Олег Борисович. — Что значит — он не появится?

— Время — понятие неоднозначное, — сказал Павел Жданов. — Возможно, где-то существуют и абсолютные времена,

но, сдается мне, Дерево реализует только относительные. Ведь трансгресс создали наши потомки в очень далеком будущем, а им пользуются все, в том числе и мы, для которых он как бы еще не создан.

— Не понимаю...

— Я познакомлю вас со Златковым, создателем хронобура, он все объяснит.

— Но что нам делать теперь? — вернул всех Руслан к реальности. — Оператор свободен. Что дальше?

— Предлагаю посетить нашу вселенную, — сказал Железовский. — Сообща мы отыщем одного человека, Габриэля Грехова, и он гарантированно найдет выход из положения.

— Он ученый, эф-аналитик?

— Он экзоморф, — усмехнулся Железовский. — И, похоже, если я правильно разобрался в вашей терминологии, он — бровей.

В подвале Полуянова снова стало тихо.

Потом присвистнул Гаранин. Но высказать свое отношение к прозвучавшим словам никто не успел.

Пол под ногами людей вздрогнул, из недр земли прилетел низкий постепенно затухающий гул.

Все замерли, прислушиваясь. Потом Марич, получивший по радиции сообщение от дежурного, глухо проговорил:

— Вот и ответ... только что взлетел на воздух Ствол!

В доме Полуянова задерживаться не стали.

Марич связался с дежурным Спецкона, который открыл им защищенную от перехвата ветку метро прямо из дома комиссара на лунную базу, и ровно через две минуты после получения известия о взрыве хронобура все участники операции по освобождению пленников покинули негостеприимные владения Федора, оставив его в обморочном состоянии, но живым в том же бункере, где он держал заложников.

Когда они уходили, Мириам вспомнила о дриммере, находившемся в сейфе Полуянова, предложила забрать его, но Ивор отсоветовал.

— Дриммер уже не восстановится, — сказал молодой человек. — Он разрядился внутрь самого себя, когда я его оставил.

— Я бы все равно его прихватила с собой, вдруг пригодится?

— Обойдемся.

На лунной базе увеличившийся отряд тоже долго не оставался. Обсудив с начальником Спецкона перспективы дальнейшего сотрудничества, Ромашин-комиссар собрал «хронодесантников» и предложил тем, кто устал, отказаться от похода.

Никто не возмутился такой постановкой вопроса, все понимали значение и серьезность предстоящих испытаний, но никто и не отказался от участия в походе. Таким образом, уходящих набралось двенадцать человек плюс «хронорыцарь» Петруха и плюс металлический псевдочеловек Трангха, превратившийся, по сути, в робота, послушного воле Ивора и Железковского.

Ромашин-скульптор остался. Ему предстояло еще долгое время отражать натиск воинства Палача, оставшегося на Земле этой Ветви. Кроме того, здесь оставались его жена Ярина и старики родители, которых тоже надо было защищать, а также Ясена, жена Павла Жданова и мать Ивора.

А вот Мириам решительно заявила, что ее долг — охранять оператора, где бы он ни находился, а так как все понимали чувства сотрудницы Спецкона, не приходилось сомневаться, что она пойдет за младшим Ждановым хоть на край света. Теперь у Надежды появилась подруга, что весьма обрадовало Руслана, слегка уставшего от постоянной опеки любимой женщины.

Перед отправлением Марич включил видеоинформ, и «хронодесантники» долго разглядывали в виоме неглубокую, но широкую воронку, покрытую пузырями радужно отсвечивающей субстанции, которая осталась на месте двухкилометрового «ананаса» Ствола. Уничтожить хронобур с помощью ядерного взрыва или аннигиляционных зарядов было трудно, поэтому диверсанты Палача, — вполне допустимо, что ими руководила Тирувилеядаль, — применили слинг, генератор свертки пространства в «суперструну». В результате в радиусе трех километров от Ствола все хозяйство, его обслуживающее, в том числе защитные энергоустановки, исчезло вместе со зданием хронобура в одномерной «черной дыре», а в радиусе ста километров от этого места обратной ударной волной, образовавшейся из-за мгновенного схлопывания воздуха, были разрушены и сметены с лица земли десятки городов и поселков. Количество жертв при этом достигло четырехзначной

цифры, и «хронодесантники» вдруг осознали на этом примере, с каким жестоким и циничным противником они столкнулись.

Палачу было плевать на то, сколько людей, других разумных существ, цивилизаций и вообще вселенных погибнет в результате его очередного хода. Его интересовал лишь конечный результат Игры.

Прощались недолго.

Проверили экипировку. Мириам обняла и поцеловала отца. Мужчины пожали руки остающимся, те пожелали уходящим удачи, и окончательно пришедший в себя Ивор вызвал трансгресс.

В оперативном зале лунной базы, упрятанной в толщах горных пород плато Ломоносова на глубине километра, бесшумно возникла ажурная труба «парамоста пространственных перемещений».

— С богом! — сказал Железовский.

— Каждый, кто отправляется, пусть скажет вслух: «Стас, заberi меня отсюда», — посоветовал Ивор.

Раздался нестройный хор голосов:

— Стас, заberi меня...

Команда «хронодесанта» оказалась в трубе трансгресса.

— Слушаю вас, оператор, — послышался мягкий бархатный баритон. — Куда вас доставить?

— На родину патриарха.

— Ко мне домой, — уточнил Железовский. — В «тупик». Координаты знаете?

— Мой старший брат отправил вас сюда, я отправлю обратно, в «тупик». Хотя, на мой взгляд, прямые хронопобеги Матричной Ветви «тупиками» называть некорректно.

— Что ты сказал? — удивился Павел Жданов. — О каких «тупиках» речь?

— Ветви, не имеющие квантового размножения, люди называли «тупиковыми». По моим же сведениям, эти Ветви являются прямыми копиями Матричной Ветви, или Корня Древа Времен. Они развиваются обособленно, на квантовые копии не делятся, и количество их невелико — всего около двух десятков.

— Я этого не знал. А вы, Атанас?

— Я догадывался, — рассеянно ответил ученый, не принимавший участия в общих беседах.

— Я тоже не знал, — вмешался Ромашин, — однако предлагаю обсудить эту новость позже. Отправляйте нас, Стас.

— Как прикажете. Где предпочитаете выйти?

— На Земле, конечно, — буркнул Белый.

— Я имел в виду конкретные координаты точки высадки.

— У меня есть надежно защищенный схрон, — проговорил Железовский, — в недрах хребта Алинг-Гангри, под Тибетом. Если бы вы отправили нас туда...

— Дайте мне мысленную картинку... Спасибо, я понял, где это. Поехали.

Свет в глазах «пассажиров» трансгресса померк... и вспыхнул снова спустя несколько мгновений, они же — миллионы лет падения сквозь бездны пространств.

Люди стояли тесной группой посреди гостиной бункера Железовского и озирались, восхищенные простотой переноса всей команды из одной Метавселенной в другую. Особого потрясения не испытали даже соотечественники Руслана, для которых преодоление колоссальных временных и пространственных бездн действительно становилось уже почти обыденным делом. Лишь Олег Борисович пробормотал больше для себя, чем для остальных:

— Хотел бы я знать, как он переносит нас с такой точностью... А, не дай бог, промахнется, и мы выйдем внутри горы?

— Не промахнется, — скупно улыбнулся Ромашин. — Трансгресс — это уже не просто линия связи или тоннель метро и даже не «сверхструна», это принцип, пронизывающий все Ветви Древа Времен, средство контроля за поведением Игроков. Вот почему Палач намеревается его уничтожить.

— Располагайтесь, — широко повел рукой Железовский. — Я узнаю последние новости и попытаюсь отыскать моего друга. Захотите ознакомиться с нашей жизнью, включайте информформ.

Он вышел.

Гости патриарха зашевелились. Те, кто еще не видел его секретного жилища, стали с любопытством осматриваться. Ромашин начал готовить стол, призвав на помощь женщин. Златков подключился к вирюалу инка, располагавшемуся в кабинете хозяина. Гаранин подсел к Белому и Жданову и стал допрашивать их вопросами о смысле Игр, о моральной ответственности Игроков и о способах их воздействия на Ветви. К этой же

группе, рассеявшейся по креслам в гостиной, присоединились и Руслан с Маркиным и Пашей.

Однако отдых команды длился недолго. Не успели они пообедать, как вернулся Железовский. И не один. С ним в гостиную вошел невысокий, хрупкий на вид мужчина с шапкой черных с проседью волос и черными, бездонными, всепонимающими глазами отшельника и провидца. Он оглядел компанию, сидевшую за столом, задержал взгляд на металлической туше Трангхи, затем на Иворе (тот вздрогнул и с удивлением раскрыл глаза шире), поклонился. Все разговоры за столом стихли.

— Прошу любить и жаловать, — сказал Железовский. — Габриэль Грехов.

— Кто из вас Игнат Ромашин и Павел Жданов? — спросил Грехов низким голосом.

Ромашин и Жданов переглянулись. Павел приподнялся:

— Жданов.

— А вы, очевидно, Атанас Златков? — посмотрел Грехов на ученого.

— Вы весьма проницательны, — с тонкой иронией сказал Златков.

Грехов едва заметно улыбнулся.

— Этого у меня не отнять. А вы — Ивор Жданов, оператор. — Он кинул взгляд на Ивора. — Я хотел бы побеседовать с вами. Остальных очень прошу не обижаться. Кое-какие вещи вам лучше не знать.

Он вышел.

Железовский развел руками.

— Ради бога, не сердитесь, я потом все объясню. Идемте в мой кабинет.

Ромашин, Ивор, Златков и Павел Жданов последовали за ним. Металлический псевдочеловек Трангха шевельнулся, вырастил ноги и, смешно переваливаясь с боку на бок, засеменял за делегацией.

В гостиной стало тихо.

— М-да! — промычал Олег Борисович. — Не нравится мне эта дискриминация...

— И мне, — мрачно поддержала его Мириам. — Мы тоже кое-что знаем и умеем.

— Не переживайте так, — философски заметил Гриша Белый. — В свое время я тоже обижался, когда мне отводили,

как мне казалось, вторые роли. Пока не понял: каждый сверчок должен знать свой шесток. Каждый должен быть на своем месте. Паша Жданов всегда был вождем, а я всегда ему помогал. И без меня он точно не обошелся бы. Какие обиды? Пусть совещаются, они — лидеры, и это надо признать спокойно и без напряжения. Все, что нам надо знать, мы будем знать. Главное — не подвести людей, хорошо сделать дело, ради которого мы все собрались.

— Правильно, — кивнул Руслан, подмигивая Надежде. — Мы все так думаем. Просто Олег Борисович никак не может забыть, что был полковником.

По лицам оставшихся в гостиной промелькнули улыбки.

— Ну вот, получил ни за что, — проворчал Гаранин. — Я же не о себе забочусь. Почему бы этим... э-э... лидерам не выслушать людей с опытом?

— Наш опыт тут не применим, — покачал головой Руслан. — Мы даже еще не вышли на уровень судебного исполнителя, а масштабы Игры и вообще не доступны воображению. По крайней мере — моему.

— Игра идет на всех этажах мироздания, на всех уровнях, — добавил Белый. — Трудно сказать, где ее дыхание не отражается на судьбах миллионов живых существ. Уровень социума биологических систем — один из самых низких и, может быть, один из самых болезненных и жестоких. Но если Палачу не давать отпора в мелочах, он легко выиграет по-крупному.

Гостиной завладела тишина. Гаранин задумался.

— Вы правы, Гриша, — успокоилась Мириам. — В этой компании я согласна выполнять любые роли. Давайте-ка пить чай, я лично предпочитаю зеленый. Могу приготовить.

— Я помогу, — с готовностью поднялась из-за стола Надежда.

Мужчины объединились вокруг Белого, и Григорий рассказал им историю с предательством «своего» Федора Полуянова, в результате которого Павел Жданов, Атанас Златков и сам Белый оказались заблокированными в «засыхающей» Ветви. Женщины принесли подносы с ароматно дымящимися чашками, пристроились к слушателям. Вскоре разговор стал общим. Всем было интересно выслушать друг друга и поделиться собственными наблюдениями. Когда очередь дошла до Руслана, в

гостиной появились сосредоточенные Ромашин, Ивор, Павел Жданов и Железовский.

Все молча смотрели на вернувшихся, переводя взгляды с одного на другого.

— Вы словно заговорщики, — проговорил наконец Олег Борисович. — Что решило уважаемое собрание?

Ромашин покосился на товарищей.

— Собрание решило продолжать в том же духе. Первым делом надо вытащить из ловушки отца Ивора. Затем максимально освободить другие застрявшие группы, пока еще работает трансгресс. Когда у нас наберется достаточно сил для перехода на качественно иной уровень, тогда попробуем объявить Палачу предупреждение за грубую Игру. Возражения есть?

— Нет, — одновременно проговорили Белый и Руслан.

— Решение правильное, — добавил Олег Борисович. — А где же наш приятель Атанас? И этот ваш... экзоморф?

— Златков останется на какое-то время здесь. Грехов тоже не может пойти с нами, как и Аристарх. У них противостояние с местным эмиссаром Палача, которого они называют ФАГом — Фундаментальным Агрессором, — достигло кульминации. Нам придется решать свои проблемы самим.

— Может быть, мы им поможем? — предложил Белый. — А они потом помогут нам.

— Спасибо, друзья, — пророкотал Железовский, прижав к сердцу громадную ладонь. — Мы справимся. Извините, что не могу пойти с вами. Не поминайте лихом.

— Спасибо и вам, патриарх. — Белый пожал ему руку. — Могу сказать лишь одно: у меня дома вы всегда будете желанным гостем.

Все потянулись к Железовскому, благодаря его за помощь.

— Одна просьба, — сказал Гаранин, погладив себя по голому черепу. — Любое военное подразделение должно иметь командира, а раз мы военное подразделение...

— Я понял, — кивнул Ромашин, пряча в глазах улыбку. — Командовать парадом будем по очереди: я и Павел Жданов. Устроят вас такие командиры?

Олег Борисович в нерешительности дернул себя за ухо, посмотрел на Руслана. Тот засмеялся.

— Все в порядке, полковник. Они лучше разбираются в обстановке. В случае необходимости я помогу.

— Тогда о'кей, — с облегчением вздохнул Гаранин, вызывая общий смех.

Эта сцена слегка улучшила настроение отряда, поэтому уходили все без мрачных предчувствий.

Появление решетчатой трубы трансгресса уже восприняли как должное.

Глава 3

С вершины холма открывался великолепный вид на алую равнину, покрытую чешуйчатым золотым кустарником и усеянную группками живописных коричневых скал в желтую крапинку. Над равниной тут и там летали самые настоящие мыльные пузыри разного диаметра, от одного метра до двадцати, прозрачные, бликующие, с облачками светящегося тумана внутри. Иногда они вздрагивали, их очертания искажались, пузыри превращались в струи тумана и сжимались в огненные сгустки, которые через мгновение исчезали.

Небо планеты было жемчужно-желтым, напоминающим песчаное речное дно, песчинки которого изредка вспыхивали золотом, превращаясь в рыбью икру. Светило на небосклоне отсутствовало, его заменяла тонкая светящаяся зеленовато-желтая нить, перечеркнувшая небосклон, но на равнине было довольно светло.

Еще одна необычная деталь дополняла картину иного мира: тонкая розоватая колонна вдали над горизонтом. Ее верх светился, как раскаленный уголек, и таял в небе дымной струйкой.

Пейзаж чужой планеты казался мирным, дремлющим, спокойным и безмятежным. Но внимательному глазу открывались трещины, пересекавшие равнину из конца в конец, глубокие ямы, провалы, разрывы и лужи блестящей субстанции, похожей на ртуть или расплавленное олово. И тогда становилось ясно, что этот мир не благополучен.

— Тоска... — первым нарушил молчание Гаранин, налюбовавшись инопланетным ландшафтом. — Жить здесь я бы не хотел. Вы уверены, что мы вышли там, где нужно?

Олег Борисович посмотрел на Ивора.

«Хронодесантники», одетые в блестящие скафандры с коническими шлемами и похожие на горбатых металлических

варанов, ничем не отличались друг от друга, но рядом с Ивором всегда держался псевдочеловек Трангха, и все легко угадывали, кто из них является оператором.

— Мы вышли правильно, — отозвался Ивор, скрывая волнение. — Я чувствую отца... он здесь.

— Тогда почему он не отвечает на вызовы?

— Не знаю... эфир вообще мертв... Возможно, изменилось пространство Ветви, перестало пропускать электромагнитные волны...

— Позови его в мысленном диапазоне.

— Я пытаюсь... — Голос Ивора изменился, он замолчал и через несколько минут прошептал: — Он... ответил!

— Где они? — быстро спросил Павел Жданов.

— Сейчас... они слышали нас... плохо... но не отвечали, так как опасались провокации... Слушайте, они выходят на связь!

— Кто говорит? — раздался в наушниках раций чей-то требовательный голос. — Это и в самом деле мой сын?

Много во мне маминого,
Папино — сокрыто.
Я из века каменного,
Из палеолита... —

продекламировал молодой человек.

— Черт возьми, действительно Ивор!

— Не ожидал?

— Если честно, именно на тебя я и рассчитывал. Потом расскажешь, как ты нас нашел. Кто это с тобой?

— Неужели не узнаешь, братец? — с укоризной проговорил Жданов-второй.

— Паша?! Кванк?!

— Ну слава богу, узнал!

— Дьявол! Как вы вовремя! Атанас уверяет, что до окончательного схлопывания Ветви остались буквально часы, если не минуты.

— Спокойно, прорвемся. Где вы прячетесь? Мы идем к вам.

— Ствол видите? Мы в километре от него. Энергии осталось мало, поэтому мы экономим на всем. Найдете?

— Направляемся к вам.

— Подождите! — вдруг взволнованно проговорил Ивор. — Я чую опасность! В районе Ствола что-то происходит...

В эфире установилась пугливая тишина.

С расстояния в пятнадцать километров, на котором находились от хронобура «десантники», даже с помощью зорких оптических систем «кокосов» ничего нельзя было разглядеть. Но отец Ивора со спутниками были ближе, и они увидели то, что не удалось увидеть спасателям.

— Кажется, у нас гости! — хладнокровно сообщил Жданов-отец. — Одиннадцать человек. Летят со стороны Ствола и не прячутся, словно хозяева здесь. Это случайно не ваши парни?

— Нет, мы еще далеко. Мчитесь сюда!

— Поздно, они рядом. Если мы бросимся наутек, они откроют стрельбу, а ответить нам почти нечем.

— Тогда вступайте в переговоры, тяните время, обещайте золотые горы! Через пару минут мы будем рядом, дайте пеленг.

— Ждем, — лаконично отозвался отец Ивора, умолкая, но не выключая рации.

— Надя, вы остаетесь здесь, — не терпящим возражений тоном проговорил Жданов. — Присмотрите за Трангхой и за Петрухой. Они нас демаскируют.

— Но... — робко начала Надежда.

— Надя, выполняй! — тихо сказал Руслан.

— Остальные, за мной! — скомандовал Жданов, будто ничего не произошло, и превратился в едва заметный прозрачный кокон — это сработала система голографической маскировки «кокоса». — По пеленгу идем клином, затем расходимся и выбираем цели. Огонь открываем только по команде. Как поняли?

Ответом Жданову было дружное исчезновение всей команды: «хронодесантники» включили режим «инкогнито».

Аппаратура «кокосов», управляемая мыслью, позволяла их хозяевам не отвлекаться на второстепенные детали во время полета или конкретного действия. Данные анализа обстановки, выводимые на зрительный и слуховой нервы, поступали мгновенно. Поэтому даже Надежда, никогда не мечтавшая стать оперативником, успешно справлялась с ролью члена команды, опекаемая инком костюма. Ей оставалось только выбирать предлагаемые варианты действий и отдавать команды

инку, остальное доделывала интеллектуальная — и очень быстрая! — автоматия «кокоса».

До места, где группу Жданова-отца окружили незнакомые люди, выбравшиеся из Ствола, команда Ромашина—Жданова добралась за две минуты с небольшим. Селекторы раций нашли волну, на которой переговаривались чужаки, и «хронодесантникам» стало ясно, что руководит ими Лаэнтир Валетов, а все они представляют собой группу ликвидаторов, с которой Руслан успел познакомиться еще на «своей» Земле.

Жданов и его соратники действовали быстро и решительно, понимая, что счет идет на секунды. Они появились за спинами ликвидаторов, почему-то не включивших системы маскировки, мгновенно разобрали веселящихся оперативников Валетова, наметив каждый своего визави, и приготовились к атаке.

Ликвидаторы, уверенные в своем превосходстве, не спешили уничтожать окруженную со всех сторон пятерку: Жданов—Белый—Златков—Купер—Пирелли, — и вели с ними издевательскую беседу. Они клюнули на мирно-просящий тон объектов ликвидации и в превкушении бойни острили и хохотали, перебивая друг друга.

Жданов, который вел переговоры с Валетовым, переждал очередной взрыв хохота и сказал с великолепной простотой:

— А теперь, господа шутники, предлагаю кончить этот базар и сдать. Кто не сдастся — будет уничтожен. Считаю до трех: раз...

В эфире послышался еще больший хохот. Лишь Валетов, почувший неладное, вдруг начал оглядываться и поднялся над цепью своих бойцов.

— Два, — хладнокровно продолжал Жданов-отец.

— Мы в ловушке! — завопил Валетов.

— Три! — закончил Жданов.

— Залп! — рывкнул Жданов-второй.

Сверкнуло множество молний, на месте висящих в воздухе солдат Валетова вспыхнули клубки разноцветного пламени — цвет отражал вид оружия, — в эфир выплеснулись вопли погибающих людей. К сожалению, досталось и спутникам Жданова: были убиты Кевин Купер и Луиджи Пирелли, не успевшие включить маскировку костюмов.

Валетову удалось увернуться от выстрела и метнуться к Стволу. Но и его в конце концов догнала стрела разряда «глюка», швыряя останки ликвидатора в трещину на склоне холма.

Крики стихли.

Пламя погасло.

Дым рассеялся.

К стоящим на холме «варанам» в зеркальных балахонах прибавился еще один «горбатый варан» — Ивор, выключивший маск-систему, бросился к ничем не выделявшейся среди других фигуре.

— Отец!

— Сын!

«Вараны» обнялись.

К ним присоединились остальные «хронодесантники», удрученные гибелью товарищей. Руслан вызвал Надю и полетел к ней навстречу, хотя заблудиться она не могла.

— Категорически свидетельствую свое почтение, — проговорил Златков, встряхивая руку Ромашина. — Кажется, мы где-то встречались.

— Двадцать пять лет назад, — ответил ему Игнат. — Где-то на вершине Контрствола.

— Друзья, предлагаю покинуть этот умирающий уголок, — сказал Жданов-старший, отец Ивора. — Отметим встречу в другом месте.

И словно в ответ на его слова колонна Ствола в километре от встретившихся людей превратилась в колючий огненно-дымный шар взрыва.

Ни одна из родных планет членов отряда не гарантировала безопасности подросток в численности команде Ромашина — Жданова, и тогда было решено остановиться в мире Ясены, матери Ивора и жены Жданова-старшего, на планете Гезем.

Ствол здесь тоже был взорван, поэтому появления из его мрачных развалин опасных гостей ждать не приходилось. Тем не менее отряд жил по законам военного времени, и лагерь охраняли по очереди: двое мужчин, Трангха и Петруха.

После устройства лагеря молодые люди разбились по парам: Руслан с Надеждой, Ивор с Мириам — и с разрешения командования отправились «изучать местность».

Мириам захотелось повидаться с девочкой Янаей, которая помогла им во время первого выхода на Гезем, а Ивор не прочь был познакомиться с дедом и бабушкой, родителями мамы. Ориентировался Ивор теперь в любом месте свободно, поэтому для него не составило труда определить координаты деревни, где жили родственники. И хотя он ни разу в жизни их не видел, молодой человек был уверен, что узнает стариков сразу.

Отец с ними не пошел, понимая, что молодым людям необходимо уединиться. Сказал только, что посетит деревню с родичами жены позже. Таким образом, Ивор и Мириам оказались предоставленными сами себе и умчались из лагеря, как только получили инструкции от Ромашина и Жданова-два.

Руслан с Надеждой тоже хотели познакомиться с аборигенами, однако сначала просто полюбовались сверху на лесные просторы планеты, затем спустились к ручью, берега которого заросли удивительно мягкой шелковистой травой и цветами, и не заметили, как оказались в объятиях друг друга. Не задумываясь, сбросили «кокосы», упали в траву, и долго сдерживаемое острое желание соединило их жаркой волной *взаиморастворения*, в которой без следа утонули опасения быть увиденными со стороны, стыд и сомнения. Они любили друг друга до изнеможения, пока не насытились, но и потом еще долго лежали обнаженными в траве и просто смотрели в синее небо, прислушивались к шепоту ветра в траве и лесным шорохам и ни о чем не думали. В том числе о том, что ждет их впереди.

Потом с наслаждением искупались в ручье.

Вода в нем была изумительно прозрачная, холодная и вкусная, ее можно было пить бесконечно, и они пили, пили, пока не заныли зубы. Руслан, выйдя на берег, снова потянулся было к Наде, обнял ее и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Замер, обращаясь в слух, ругнулся в душе, проклиная собственную беспечность, и метнулся к лежащим в траве костюмам.

Однако тревога оказалась напрасной. Существа, с любопытством наблюдавшие за ними из чащи леса, были медвянами — разумными медведями, о которых предупреждали Ивор и Мириам. Два огромных косматых зверя с умными мордами, одетые в блестящие фартуки и нарукавники, вышли из-за де-

ревьев, дружелюбно помахали землянам лапами и исчезли, оставив на противоположном берегу ручья большую берестяную кружку с медом.

Руслан крикнул им вслед: «Спасибо!» — перешел ручей вброд, взял кружку, понюхал, макнул палец в мед и облизал.

— Отличная штука! А запах!.. — Он вернулся к Наде. — Попробуй, вкусно.

Девушка с опаской понюхала мед.

— А они нас не отравят?

Руслан засмеялся, сделал большой глоток меда и протянул тусок Надежде.

— Пей, не бойся, медвяны нам не враги.

Они по очереди опорожнили полкружки, залили водой из ручья, умылись и натянули «кокосы».

— Ну что, теперь в лагерь?

На лицо Надежды легла тень, глаза ее стали грустными.

— Я, наверное, зря согласилась пойти с тобой. Я здесь лишняя...

— Совсем не лишняя, — запротестовал он, снова пытаюсь обнять Надю.

Она отстранилась, покачала головой.

— Нет, лишняя... Я не воин, как Мириам, и ничего не умею. Пока мы не встречали серьезных препятствий и не воевали по-настоящему, но как только столкнемся с армией этого проклятого Палача, я стану обузой. Для отряда, для тебя...

— Никогда!

— Не возражай, я же вижу, как ты переживаешь, что не свободен. Может быть, мне лучше вернуться? Если это, конечно, возможно.

Руслан обнял Надю, заглянул в глаза.

— Я тебя никогда не брошу и нигде не оставляю. Хотя многое зависит и от тебя самой. Если захочешь, я тебя, конечно, отправлю на Землю, но ведь ты свободно можешь стать такой же, как Мириам. Или как моя мама, прошедшая с отцом все огни и воды. Ты же умница, ты сильная, справишься.

— Ты так думаешь? — слабо улыбнулась Надя.

— Уверен!

— Я попытаюсь...

— Вот и отлично! Мириам с удовольствием возьмет над тобой шефство, я ее попрошу.

— Я сама попрошу. И постараюсь не ныть. А мед действительно вкусный, от него так приятно кружится голова... Давай отнесем остатки в лагерь?

— Полетели. Мы и так отсутствуем уже больше двух часов.

Молодые люди поднялись в воздух, выслушали доклады инков об обстановке в пределах чувствительности аппаратуры и понеслись к развалинам Ствола, в двух километрах от которого разбили лагерь «хронодесантники».

Посреди поляны в лесу горел костер, поддерживаемый Маркиным; он был на дежурстве. Паша-летчик наблюдал за окрестностями сверху. Он выполнял работу часового. Ивор и Мириам еще не вернулись, но, по словам Паши, они находились в деревне и чувствовали себя прекрасно. Туда же улетел и старший Жданов, отец Ивора, пожелавший поговорить с родственниками жены. Остальные мужчины расположились недалеко от костра, на траве, и увлеченно беседовали со Златковым. Отвечал он сдержанно, но охотно, изредка уходя в такие физико-математические и логические дебри, что их с трудом понимали Жданов-второй и Ромашин.

Руслан и Надежда тихонько пристроились за спинами Олега Борисовича и Белого и стали слушать. Речь, по всей видимости, шла о концепции времени, смысл которой Златков и его собеседники понимали по-разному, несмотря на общее к ней отношение. Руслан сравнил ученого с его кванком, оставшимся на Земле Железковского, и понял, что внешне они слегка различаются. Златков-первый, освобожденный Ивором еще до захвата группы Полуяновым, был бледнее и волосы стриг короче. Его кванк имел пышную седую шевелюру и серебристую щетину на подбородке.

— Мы говорим об одном и том же, но с разных позиций, — продолжал гнуть свою линию Златков. — Путешествия в прошлое и будущее в пределах одной Ветви — два абсолютно разных процесса! Поход в будущее — это «бизйч-процесс», то есть движение с временным отставанием, связанным с замедлением скорости фундаментальных взаимодействий. Движение же в прошлое — это «инверт-процесс», поворот вспять всех физических процессов, что в принципе невозможно из-за вмероженных в Древо законов типа принципа нарушения симметрии, или второго закона термодинамики.

— И тем не менее расчеты вашего кванка показали, что возврат в прошлое возможен, — спокойно возразил Жданов-второй. — Для этого надо просто подняться над «поверхностью» времен в шестимерное пространство нереализованных состояний...

— Дерево Невозможностей, — вставил Белый.

— ...и спуститься вниз по «лестнице» метаслучайных процессов, в обход реализованных законов. Я вообще считаю, что второй закон термодинамики отражает лишь смертельную тоску Творца, которую он испытал перед перспективой собственной идеальной организации. Поэтому Дерево не есть идеал совершенства. Слишком многое в нем следовало бы откорректировать и многое добавить.

— Может быть, вы и правы, коллега, однако я считаю, что второй закон термодинамики не отражает идею Творца, он просто внедрен в нашу Метавселенную Игроком более высокого уровня.

— Это недоказуемо.

— Это доказуемо! Я вплотную приблизился к определению граничных условий физики недоступного совершенства, как я назвал *мечту* Творца о сотворении «локальной идеальной Вечности».

— Если принять за аксиому, что Вечность — это не прямая бесконечная линия, бесконечная протяженность времени, а бесконечное число конечных времен, то Он пытается играть сам с собой как с заведомо более сильным соперником.

— Он не может быть умнее самого себя!

— Зато Он может быть одновременно Игрой и Игроками. Он — вне Игры и в то же время — и Игра, и пространство Игры, и Игроки. И даже Безусловно Второй, организующий Игры и вознамерившийся занять место Безусловно Первого, это тоже Он сам!

— Вот уж позвольте не согласиться. Версия, что человечество является одной из бесчисленных попыток Творца создать мыслящую систему, более совершенную, чем Он, несостоятельна! Человек — конечное существо, способное отражать лишь детерминированные проявления высших логик, но не способное создавать собственный метасинтаксис, конгруэнтный замыслу Творца. В культуре недаром возникают «пустые» версии запрещенных в ней Игр, выражающихся в создании внутрисистемных партнеров, не влияющих на внешний мир. Мы

же имеем дело с Игроком, каждый ход которого отражается на всех уровнях мироздания. Причем Игроки более низкого уровня не догадываются, что являются лишь разменными фигурами для Игроков более высокого ранга. Вот как большинство наших с вами соотечественников.

— Мы, по крайней мере, понимаем свою зависимость. И все же я хотел бы вернуться к проблеме деления. Что такое вообще акт деления вселенных на копии?

— Я просто взял идею эфира...

— Блестяще, — ухмыльнулся Белый, перебивая ученого. — Тут вы, я имею в виду ваших кванков, ухватили главное. Они тоже в качестве отправной точки расчета взяли теорию эфира. В каждой частице материи сидит частица эфира, то есть «частица» Воли Творца...

— ...которая и есть движитель Древа, управляющий процессом деления Фрактала Времен на квантовые копии. Единственное, на чем я споткнулся, это проблема мерности невозможностей.

— Это, скорее, проблема рецессивности «мутаций» времени, — сказал Ромашин. — Не имея практического значения в данной Игре, рецессивные мутанты физических законов, или, как вы изволили выразиться, «объемы» невозможностей, могут проявиться в другой Игре и стать главными.

— Палач пытается изменить именно этот принцип Игры.

— И многие другие. Поэтому он и заблокировал исполнителей, сыгравших ключевую роль в остановке прошлой Игры. Блокированный ферзь, каковым является спектр Ждановых, не значит ничего, а способный к маневру — может обеспечить победу.

— Возможно, условия изменились еще более кардинально? И на арену выходит *личность*, а не стая? Может быть, Палач ошибается, гоняясь за нами?

— Хотелось бы верить. Он сделал два уникальных хода. Во-первых, изменил основной Закон Древа, Закон толерантности, предоставляющий право существования *всем* Ветвям. Древо перестает ветвиться, многие его Ветви начинают «засыхать», кроме одной...

— ...где он сам — властелин!

— Совершенно верно. Во-вторых, он поджег трансгресс, то есть систему контроля Игр. К сожалению, нынешняя ситуа-

ция еще печальней. Палач не только добился устранения Судей, но и включил процесс распада контрактивных Ветвей. Древо сворачивается, и если начнется инфляционное расширение процесса...

— ...никто и ничто не уцелеет, даже сам Палач.

— Зато останется тот, кто это затеял...

— Безусловно Второй.

— То есть Дьявол, если говорить просто.

Златков и Ромашин понимающе глянули друг на друга.

— Э-э, уважаемые, — поспешил вклиниться в беседу Олег Борисович, оловелый от усилий понять суть высказываний ученых. — Я понял так, что всем нам светит аллес капут? То есть хана! Или есть надежда выжить?

Златков усмехнулся.

— Надежда — это всего лишь уловка Творца. Он таким образом дает понять, что все видит, слышит и знает. Он найдет решение, даже если мы этого не поймем и не узнаем.

— Возможно, решение уже найдено, — задумчиво сказал Павел Жданов.

— Какое? — посмотрел на него Гаранин.

— Какое — не знаю, но считаю, что каждая Игра должна развивать Древо, а не упрощать. И Создатель Игр это знает и принимает меры. Появление оператора в лице Ивора и есть исполнение его Воли. Да и все мы являемся частью замысла Творца, хотим мы этого или не хотим.

— Bravo, Павел! — проворчал Гаранин. — Не зря мы с вами обсуждали варианты хронотеории. Вы делаете неплохие выводы!

— Было время подумать.

— Летят наши разведчики, — доложил Паша-летчик.

Мужчины зашевелились, вставая и потягиваясь.

— Пора двигаться дальше, — со вздохом сказал Белый.

Над деревьями появились три блестящие точки, выросли в размерах, спикировали на поляну.

— Ну, как там родичи, признали? — полкубопытствовал Гаранин.

— Одно расстройство, — слабо улыбнулась Мириам, непривычно задумчивая.

— Все намного сложнее, чем мы думаем, — сказал озабоченный Жданов-старший, отец Ивора. — Здесь засели агенты

Палача, и они не дадут племени россинов жить спокойно. Возможно, придется еще раз вернуться сюда и очистить Ветвь от гнилья.

— Можно сделать это прямо сейчас.

— Нет времени. Нас ждут другие группы Ждановых, застрявшие в «засыхающих» Ветвях. Надо освободить их, пока Ветви не схлопнулись в черные дыры.

— В путь! — коротко бросил Ромашин.

Глава 4

Бесконечное поле тумана с редкими струями, истекающими в беззвездное мутное темно-серое небо, и с еще более редкими провалами круглой формы в этом тумане, уходящими в неведомые, подсвеченные снизу багровые бездны. Таким предстал перед глазами «хронодесантников» мир «засыхающей» Ветви, где, по расчетам Ивора, застряла еще одна группа кванков отца и его спутников.

При высадке оператор трансгресса, которого путешественники уже привыкли называть Стасом, хотя с настоящим Стасом, инком Ствола, он имел весьма отдаленное родство, предупредил своих пассажиров об опасности выхода и сообщил характеристики Ветви, которыми обладал сам.

Этот мир стремительно «скатывался» к сингулярности, теряя мерность континуума. Когда-то он был двенадцатимерным, очень сложным и гармоничным, имел материальные образования, аналогичные планетам и звездам, хотя их форму нельзя было назвать круглой, а звезды вообще представляли собой кольцевые структуры, заполнявшие космос Ветви, и внутри них шли не термо-ядерные реакции, а «горело» время, превращаясь в пространство и энергию.

Теперь же этот мир стал трехмерным, точнее, его мерность была уже нецелочисленной, меньше трех, но больше двух, и приближался момент, когда он должен был превратиться в бесконечную плоскость, а затем — в линию и в точку. В настоящее время его «звезды» и «планеты» соединились вместе в единую субстанцию, которую люди видели как туман, и лишь на дне круглых кратеров с отвесными туманными стенами еще сохранялись условия, пригодные для жизни. Где-то в одной из таких

впадин стоял Ствол, а возле него располагалась база земных даль-разведчиков, в которой и ждали освобождения земляне. Кто именно — Стас не знал. Но, по идее, никто, кроме Жданова и его соратников, не мог здесь находиться, отрезанный от Ветвей Древа заблокированным Стволом.

«Хронодесантники» в блестящих костюмах, причудливо изменивших форму под влиянием законов местного пространства — все вместе они больше всего походили на стадо карикатурно искаженных ящеров, — осмотрелись и ждали теперь команды Ивора, пытавшегося определить координаты базы по мысленному эху ее обитателей. Наконец, он вышел из транса ясновидения и уверенно направился к ближайшему кратеру, диаметр которого можно было визуальнo оценить в сто с лишним километров.

Однако близость дыры в туманном океане оказалась иллюзорной. Отряд мчался минуту, две, десять, полчаса, а кратер почти не приблизился, и тогда стало ясно, что полагаться на органы зрения в этом мире не стоит. О его форме и размерах нельзя было судить только по картинке на сетчатке глаза. Мир с количеством измерений меньше трех был обманчив, а его пейзаж зависел от положения наблюдателя и скорости движения.

Лишь через два часа по собственному времени отряд достиг провала, форма которого изменилась: из круглой она стала сначала многогранной, потом квадратной и, наконец, звездчатой. И только подлетев ближе, земляне поняли, что диаметр провала измеряется не сотней, а тысячами, если не десятками тысяч, километров! Да и то, что глубина его с виду не превышала пяти-шести километров, тоже оказалось обманом. Потому что спускались «хронодесантники» на зернистое дно провала не меньше полутора часов, пока не перестали быть видимыми туманные края кратера. По расчетам инков, выходило, что глубина провала достигала по крайней мере тысячи километров.

Светящиеся и несветящиеся зерна, усеивающие дно кратера, какими они виделись с высоты, оказались гигантскими куполовидными скалами и черными колодцами, уходящими в неведомые глубины мира. Ствол среди них почти ничем не выделялся, так как форму имел примерно такую же — оплывший утес коричневого цвета с фиолетовым отливом, разве что не светился багровым и алым светом, как другие скалы.

А вот база землян сохранила первоначальный облик идеального белого тетраэдра высотой всего в полсотни метров, и найти ее не составило особого труда. Располагалась она на вершине одной из куполовидных скал недалеко от Ствола, однако при попытке приблизиться к ней снова сказался эффект несомещения масштабов человеческого восприятия и местных линейных мер, и земляне добирались до базы полчаса, с оторопью наблюдая за изменением ландшафта.

Издали казалось, что база примерно в пять-шесть раз меньше скалы, однако каждый купол при приближении к нему разворачивался в огромное выпуклое плато, и скала, давшая приют тетраэдру базы, не стала исключением. Когда «хронодесантники», наконец, достигли ее, она превратилась в гигантский чешуйчатый горб диаметром не меньше сотни километров — опять же по визуальной оценке наблюдателей. Впрочем, аппаратура «кокосов» давала примерно ту же величину. Ориентироваться в этом мире было трудно.

А вот размеры базы не изменились: что издали, что вблизи она казалась идеальной пирамидой пятидесятиметровой высоты.

Отряд опустился на странную почву плато, напоминавшую слоистый полуобгоревший пластик, поросший сизо-голубой коростой. Двигался отряд в соответствии с правилами спецназа — разведромбом, готовым отреагировать на любое изменение обстановки, и это оценили те, кто прятался за стенами базы.

Внезапно с вершины тетраэдра метнулся вниз толстый оранжевый луч, вонзился перед идущим впереди всех Ивором в почву и с треском проделал в ней десятиметровой длины и метровой глубины ров с оплавленными краями.

Отряд остановился, готовясь ответить залпом из всех видов оружия, имевшегося в его распоряжении.

Однако выстрел не повторился. Гостей просто предупредили, что дальше продвигаться не стоит, и теперь ждали ответных действий.

Ромашин, оба Жданова и Белый попытались связаться с обитателями базы по радиации, меняя диапазоны связи, но никто им не ответил. Эфир шумел, как штормовой океан, и человеческие голоса тонули в нем без следа.

— Попробуй достучаться до их мозгов, — посоветовал Ивору Гаранин.

— Да я пытаюсь, — отозвался молодой человек сквозь зубы. — База имеет ментальную защиту... но я пробьюсь!

— Даже если они нас не слышат, они должны понимать, что враги так открыто не подходят, — проворчал Олег Борисович.

— Мы тоже не сразу поверили, что вы — друзья, — вступился за обитателей базы отец Ивора. — Сейчас опасно доверять даже собственному отражению.

— А давайте попробуем все вместе составить какое-либо слово, — предложил Паша-летчик. — Нечто вроде «свои».

— Нас хватит на пару букв, — возразил Белый. — Да и не поверят они все равно.

— Ничего выдумывать не надо, — сказал Ивор с облегчением. — Они меня слышали.

У основания гладкой белой грани тетраэдра появилась горизонтальная щель, и на сизые бугры, похожие на кучи пепла, выпала треугольная плита пандуса, открывая вход в пирамиду.

— Идемте, — сделал приглашающий жест Ивор, первым устремляясь к базе.

— Подожди, сынок, — остановил его отец. — Нам нет нужды идти туда всем отрядом. Времени очень мало, поэтому иди один, объясни им ситуацию. Пусть побыстрее выходят к нам, и мы отправимся дальше. Задерживаться здесь нельзя.

— Я тоже пойду с ним, — решительно заявила Мириам, присоединяясь к Ивору. — Обязанности телохранителя с меня никто не снимал.

— Идите, — разрешил Жданов-старший. — Можете взять с собой Петруху.

— Обойдемся.

Две блестящие карикатурно искаженные фигуры, похожие на четырехлапых пиявок, скрылись в отверстии входа в базу. Потянулись секунды, складываясь в минуты, подчеркиваемые глухой тишиной в наушниках. Через десять минут кашлянул Гаранин, не решаясь вслух высказать свои опасения. Отряд подтянулся, ожидая команды Жданова. Еще через три минуты не выдержал кто-то из Белых:

— Давайте-ка я проконтролирую процесс...

И в это время в черном треугольнике входа блеснула ткань костюма, из пирамиды вышел человек, помахал рукой.

— Все в порядке, — раздался звонкий голосок Мириам. — Еле уговорили их присоединиться к нам. Оказывается, они не знали, что их замуровали здесь по приказу Полуянова, и ждали его появления. К тому же одна делегация уже приходила к ним с таким же предложением — присоединиться, и все это едва не закончилось трагедией.

— К ним приходили ликвидаторы Валетова?

— Больше некому.

— Сколько их на базе?

— Трое.

— Кто именно?

— Это сюрприз.

Из пирамиды вышел еще один кособокий зеркально бликующий «ящер», за ним спустились трое в необычного вида черных скафандрах с матово-металлическими полусферами шлемов.

— Интересные у них костюмчики, — хмыкнул Белый. — Эй, ребята, среди вас есть кванки Гриши Белого?

— Нет, — послышался чей-то сдержанный голос.

— А с кем я говорю?

— Я Игнат Ромашин. Со мной Атанас Златков и Павел Жданов.

— А где же Белый?

— Погиб.

В эфире стало тихо. Кто-то вполголоса произнес:

— Это война...

«Хронодесантники» зашумели. Послышались восклицания, голоса:

— Мы не знали, извините...

— Как он погиб?

— Нашего полку прибыло...

— Паша, ты-то как уцелел? Нас тут двое, ты третий...

— Жаль, что так все произошло...

— Тихо! — повысил голос Жданов, отец Ивора. — Попрошу всех высказать свои соображения по нашим дальнейшим действиям.

Шум в эфире стих.

— По нашим сведениям, — продолжал Павел, — в разных Ветвях сейчас застряли около двух тысяч групп, подобных нашим. Подверглись атаке Палача спектральные линии Жда-

новых, Златковых и частично их соратников и друзей. Для того чтобы освободить их всех, потребуется по крайней мере три месяца, что в условиях дефицита времени абсолютно недопустимо.

— Давайте поделимся, — предложил Ромашин-третий.

— К сожалению, Стволом пользоваться нельзя, все выходы планомерно уничтожаются, а трансгресс подчиняется только одному человеку — моему сыну.

— Он что же — помощник Судьи? — поинтересовался Жданов-третий.

— Нет, он оператор метаэтики, ну, или, говоря проще, оператор уровней Игры. Хотя и неопытный.

— Это о нем ходят слухи как о Том, Кто Пробудился?

— Легенда о Том, Кто Пробудился, запущена по кольцу трансгресса в незапамятные времена, это просто отражение веры в Потенциальную Справедливость Творца. Но Ивор вполне соответствует имиджу Того, Кто Пробудился. Мы все являемся, по сути, его командой сопровождения и наведения. Итак, ваше мнение?

— Почему бы ему, если он оператор такого высокого ранга, — заметил Златков-второй, — не приказать автоматике трансгресса отзываться не только на его, но и на наши вызовы?

Эфир на волне связи наполнила глубокая тишина.

— Конгениально! — послышался тихий смешок первого Златкова. — Поздравляю, дубль. Я подумывал об этом варианте, но ты высказал идею раньше.

— А ведь действительно! — с удивлением и восхищением проговорил Жданов-старший, отец Ивора. — Мне в голову не приходило, что это возможно!

— Никто и не утверждает, что это возможно, — флегматично заметил Златков, предложивший идею.

Короткая тишина в эфире сменилась взрывом смеха. Затем послышался голос Жданова-старшего:

— Всё, закончили. Давайте проверим... — Он не договорил.

Плато, на котором стояла пирамида базы, вздрогнуло. Затем еще и еще раз. Впечатление было такое, будто к людям приближался невидимый всадник и под копытами его коня дрожала земля.

— Что это? — прошептала Надежда.

— Смотрите! — воскликнула Мириам, вытягивая руку.

На горизонте, там, где купола «холмов» сливались в одну линию, замелькала быстро растущая черная точка. Почва под ногами землян продолжала вздрагивать, хотя вокруг царила тишина. Атмосфера на дне кратера не проводила звук.

— В цепь! — повелительно бросил Жданов, отец Ивора. — Приготовились!

Отряд послушно развернулся в цепь так, чтобы неизвестный объект направлялся к вогнутой середине цепи.

Черная точка приблизилась, превратилась в конька-горбунка из детской сказки. Через несколько минут этот конек вырос вдесятеро, и все узнали механического «кентавра» — «коня» «хронорьщаря», торс которого заканчивался не головой, а сверкающим холодным огнем длинным рогом. «Хронорьщарь» возвышался над рогом как огромная гора, внимательно глядя вперед узким, кроваво светящимся глазом.

Всадник и его «конь» нависли над людьми. Почва под ногами землян перестала вздрагивать. Голова «хронорьщаря» повернулась влево, потом вправо, взметнулась вверх гигантская рука в «латной перчатке», достала что-то из-за спины. «Хронорьщарь» наклонился и поставил этот предмет на плоский бугор перед цепью «хронодесантников». Они молча смотрели на человека в простом серебристом комбинезоне и не знали, как реагировать на его появление.

Человек усмехнулся, заложил руки за спину. Это был Атанас Златков, но с усами и бородкой.

— Не ждали?

Его тихий невыразительный голос со знакомыми ироническими интонациями зазвучал под шлемами «кокосов» так отчетливо, будто он говорил в микрофон рации.

— Атанас? — с ноткой неуверенности произнес Жданов-старший.

— Неужели я так изменился?

— Я ни разу не видел вас с усами и бородой. Каким ветром вас сюда занесло?

— Да вот пришлось покинуть уютную обитель по просьбе флориан и искать вас по белу свету.

— Это он! — звонко сообщила Мириам. — Мы с Ивором были у него в гостях. Он живет на родине Меры, второго Игрока.

— Совершенно справедливо, девочка, — кивнул Златков. — Рад снова лицезреть вас живыми и невредимыми.

— Теперь нас трое, — проворчал один из Златковых отряда. — Может быть, присядем, побеседуем? Надеюсь, нашему кванку, общавшемуся с самим Мерой, есть что сказать своим дублям?

— Нас четверо, — сказал Златков.

«Хронорыщар» снова запустил руку за спину и поставил рядом со Златковым фигуру в блестящем скафандре.

— Привет честной компании, — принесли рации голос еще одного Златкова.

— Обалдеть можно! — пробормотал Олег Борисович. — Мы же оставили вас у Железовского!

— Меня забрал этот тип. — Фигура в скафандре указала на Златкова. — Мы должны быть вместе.

— Почему?

— Я с удовольствием пообщаюсь с вами, коллеги, но в другой раз. Сейчас на это у нас нет времени.

— Что случилось? — в наступившей тишине спросил Жданов.

— Трансгресс становится ненадежным видом транспорта в системе Древа, — сказал Златков без скафандра. — Палач его «поджег», взрывая Стволы один за другим, и теперь он «горит», как бикфордов шнур. Поэтому мне пришлось воспользоваться услугами моего друга Идущего Прямо, бывшего судебного исполнителя. Вам не стоит тратить время и силы на освобождение кванков уважаемого мною рода Ждановых. Да и Златковых тоже. Собрать войско, как в прошлый раз, бессмысленно. Это еще одна уловка Палача, с помощью которой он рассчитывал распылить наши силы и отвлечь нас от главной цели.

— Главная цель — дисквалификация Игрока, сиречь Палача. Разве нет?

— О, естественно, это вообще глобальная задача всех позитивных структур Древа. Но у людей, как у систем более низкого уровня, есть своя главная цель. В нынешней Игре основную регулирующую функцию исполняют не разумные *стаи*, не человекоспектры, оказавшиеся под контролем Палача, а *личности!* Понимаете? Только им по силам сыграть роль регулятора Игры и выйти на того, кто способен остановить процесс свертки Древа.

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду всех вас. Ну и, конечно, оператора. Он еще слаб и неопытен, но, если мы все поможем ему, он справится.

«Хронодесантники» зашевелились, оглядываясь на Ивора, зароптали и умолкли.

— Что мы должны делать? — осведомился отец Ивора.

— В первую очередь, деблокировать одного из Судей Игры, который имеет доступ к информации о Матричной Ветви, то есть о Корне Древа. Только спустившись на Дно Времени, мы получим возможность встретиться с сильными мира сего — со Зрителями, с Заказчиком Игр, с Безусловно Вторым, а то и... — Златков усмехнулся, — с Безусловно Первым. Пусть оценит наше стремление сохранить Древо. Может быть, не всё так печально, как мы думаем?

— Значит, вы не уверены, что мы действуем правильно? — проворчал Олег Борисович.

— Мы действуем в рамках ортодоксальных логик и этик, — флегматично пожал плечами Златков, — созданных человеческим разумом. Но существуют металогика и метаэтика более универсальных уровней, о которых мы только начинаем догадываться. Кто знает, что хорошо для Вселенной, когда нам хорошо? Или плохо?

Молчание на этот раз длилось дольше.

— Ну, допустим, мы прониклись, — заговорил Белый. — Действительно, никто не знает, что плохо, что хорошо для всего Древа. Как в той старой поговорке: «Что русскому хорошо, немцу — смерть». Может быть, мы напрасно беспокоимся за всю Вселенную, она сама в состоянии за себя постоять. Но ведь уничтожается *наша* Ветвь, *наша* Метавселенная, *наша* родина! Вот за нее мы и будем драться! Кстати, а почему не вмешивается Мера, второй Игрок? Почему он нам не помогает?

— Во-первых, он помогал и помогает, в меру своего разума, конечно. Во-вторых, он воюет больше на других уровнях, куда человеку нет доступа. К сожалению, он проигрывает...

— Это мы знаем. Итак, что вы нам советуете?

— Я проведу вас к ганглию...

— Куда?!

— К узлу тензорного пересечения Ветвей, откуда мы сможем попасть в заблокированную горизонтом событий «черной дыры» обитель Судьи, комиссара Игры. Остальное будет зависеть от вас, от вашей сплоченности, от запаса сил оператора, от желания Судьи вмешаться в Игру.

— Каким образом мы достигнем этого... ганглия?

— Идущий Прямо унесет всех. Прошу садиться.

Златков поманил «хронорыщаря». Тот, сидевший в седле «кентавра» совершенно неподвижно, наклонился, подставил трехметровую ладонь.

— Прошу, коллеги.

«Хронодесантники» подошли к Златкову, чувствующему себя совсем неплохо в смертельно ядовитой среде; по-видимому, на нем был надет какой-то прозрачный защитный пузырь, помимо обычного уника. «Хронорыщарь» вдруг наклонился к ним, изучая Петруху. По-видимому, он впервые видел свою уменьшенную, но точную копию. Затем в четыре приема «хронорыщарь» перенес людей на спину своего «коня», за высокую спинку седла, на круп, и «кентавр» зашагал мимо горы Ствола к туманной стене кратера, набирая скорость.

Глава 5

Сначала «кентавр» бежал медленно, слегка переваливаясь с боку на бок, заставляя седоков цепляться за ребра и штыри, торчащие из крупы, потом перешел на иноходь, увеличил скорость и пошел плавнее.

Ивор ждал, что «хронорыщарь» приведет в действие какой-нибудь механизм перехода на «струну», и они тут же окажутся в другой Ветви. Однако шли секунды, складываясь в минуты и часы, а «кентавр» по-прежнему мчался иноходью по «холмам» и «равнинам» кратера, постепенно приближаясь к его дымной стене, и не собирався нырять в тоннель хрономембраны. Вспомнились — не родились свои — чьи-то стихи:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю-погоняю.
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом: пропадаю! Пропадаю!..

Очевидно, мысль о несоответствии скачки процессу перехода из Ветви в Ветвь беспокоила и других пассажиров «кентавра», хотя высказал ее вслух только «штатный ворчун» отряда Гаранин:

— Мы что же, так и будем скакать по буеракам до самого упора? Или здесь трансгресс не работает?

— Трансгресс не имеет к нам никакого отношения, — ответил Златков-четвертый, занятый тихой беседой со своими кванками. — У «хронорыцарей» своя система перемещения по Ветвям.

— Дриммер, что ли?

— Нет, с некоторой натяжкой ее можно назвать системой темпорально-топологического преобразования континуума. Она требует определенной настройки, однако действует безотказно. Хотя...

— Бывают сбои?

— Нет, я не это хотел сказать. Идущий Вопреки, родич моего друга Идущего Прямо, кстати, судебный исполнитель, не смог выбраться из «засыхающей» Ветви и погиб.

— Ничего себе, хорошенькая у нас перспектива!

— Нам это не грозит. Он просто не успел воспользоваться своими возможностями, его убили оруженосцы Палача при исполнении обязанностей.

— Как это все-таки ужасно! — шепнула Надя Руслану, уже наувившись пользоваться личной линией связи.

Примерно то же самое проговорила и Мириам, державшаяся рядом с Ивором:

— Никакой он не Игрок — этот Палач! Самый обыкновенный бандит и убийца!

— Согласен, — угрюмо пробормотал Ивор. — Хотя эмоциональные оценки действий Палача вряд ли корректны. Уже проверено: логика Игроков сильно отличается от логики людей.

— Все равно он убийца!

Ивор вздохнул и промолчал.

С тяжким гулом «кентавр» продолжал бежать по дну кратера, не меняя направления. Туманная стена провала приблизилась, напоминая надвигающуюся земную тучу с градом и снегом. Внезапно там, где остались Ствол и база даль-разведчиков, сверкнул огонек, вытянулся факелом вверх и распус-

тился живым огненно-дымным букетом. Твердь под копытами «кентавра» качнулась с такой силой, что он сбился с шага.

— Что там такое происходит? — процедил сквозь зубы Гаранин.

— Очевидно, взорвался Ствол, — после паузы сказал Жданов, выслушав доклад инка; голоса всех Ждановых были так похожи, что отличить их было невозможно. — Или база. Атанас, нельзя ли попросить нашего возчика ускорить процедуру перехода в другую Ветвь?

— Я общаюсь с ним мысленно, он все понимает. Потерпите.

Словно отвечая на пожелания седоков, «кентавр» еще больше увеличил скорость бега, так что в его торчащих ребрах туго засвистел ветер.

Холмистая равнина сзади тем временем начала зыбиться, трескаться, крошиться, раскалываться на плиты, которые с плеском ныряли в задымившуюся, невесть откуда появившуюся жидкость. Эта волна преобразований стала догонять всадников, да и впереди холмы потеряли прочность и начали расползаться под копытами бешено несущегося «кентавра», так что он стал проваливаться и опасно раскачиваться.

— Что происходит? — крикнул Ромашин. — Может, мы перейдем на самостоятельный полет?

— Начался процесс свертки Ветви, — предположил Белый.

— Боюсь, это погоня, — озабоченно ответил Златков-четвертый. — Держитесь!

В ту же секунду «кентавр» на всей скорости нырнул в туманную пелену, и люди перестали видеть друг друга. Не помогли даже фильтры и переход систем зрения «кокосов» на другие диапазоны электромагнитных волн. Тяжкий грохот копыт сменился на глухой стук, будто «хронорыцарь» с седоками за спиной мчался по песчаной проселочной дороге, постепенно поднимаясь в гору.

Туман стал редеть, расступаться, в нем протаяли окна и поляны, затем целые стадионы пустого пространства, и, наконец, полосы и слои тумана остались позади. «Кентавр» выбрался на берег сиреневого моря с ослепительно белыми барашками волн и помчался прямо по воде, поднимая тучи свтящихся брызг. Сзади остался склон горы, испещренный узором рытвин, трещин и пещер, посреди которого медленно за-

тягивалась муťou огромная черная клякса, похожая на вход в преисподнюю. И никакого тумана!

— Куда это мы вылезли? — пробурчал Олег Борисович.

— Это другая Ветвь, — отозвался Златков-четвертый. — Мы ее минуем.

— Долго нам еще скакать?

— Все зависит от качества топологических трансформаций, генерируемых моим другом, и от степени турбулентности взаимодействующих Ветвей. Процесс перехода из Ветви в Ветвь сродни кораблевождению в шторм, «хронорыцарям» приходится проявлять немалое искусство, чтобы ориентироваться во время «шторма» и держать правильный курс.

— Мощные ребята эти ваши «хронорыцари»!

— Они дети иных измерений, хотя в некоторой степени могут считаться нашими братьями. Во всяком случае, родились они в Матричной Ветви, как и мы.

Некоторое время седоки «кентавра» молчали, переваривая услышанное. Олег Борисович хотел было продолжить расспросы в этом направлении, но его перебил Ромашин:

— Атанас, вы говорили о погоне...

— Да, да, — воскликнула Мириам. — Если нас кто-то преследует, не лучше ли остановиться и устроить засаду?

— Это погоня иного рода... если только я не ошибся.

Внезапно удаляющаяся гора покрылась сетью трещин и начала сползать в море, разваливаясь на куски. Море засветилось сильней. «Кентавр», бежавший до этого по колено в воде, провалился по брюхо, выбрался на более мелкое место и снова провалился.

Небо над головой густо-лилового цвета стало быстро темнеть, покрылось сеточкой линий, напоминающей паутину. Из-за горизонта в той стороне, куда направлялся «хронорыцарь», выполз краешек гигантского розового солнца с космами протуберанцев. Но и солнце вскоре покрылось пятнами и начало гаснуть на глазах и сжиматься.

— К сожалению, я не ошибся, — вздохнул Златков. — Эта Ветвь тоже вырождается и скоро схлопнется. Кто-то очень не хочет, чтобы мы добрались до цели.

— Почему вы считаете, что погоня послана именно за нами? — спросил Павел Жданов. — Да еще такая... катаклизмическая.

— Потому что мы вместе образуем сейчас пси-солитон — довольно приличный эгрегор, изменяющий, хотим мы этого или не хотим, энергоинформационный баланс всего Древа. Палач не всесилен, но все же велик и способен пеленгировать такие «солитоны».

«Кентавр» провалился по грудь, стал погружаться в кипящую сиреневую жидкость, но продолжал размеренно выбрасывать вперед ноги и бежать с прежней скоростью.

— Держитесь! — напомнил еще раз Златков.

Жидкость дошла до щиколоток людей, до пояса, накрыла их с головой. Видимость резко ухудшилась. Однако длилось подводное «плавание» недолго. Внезапно жидкость вокруг «хронорыщаря» превратилась в дым, затем дым скачком исчез, и «кентавр» вырвался на гладкую, бесконечную, полупрозрачную поверхность, похожую на ледяное поле. Точно такое же поле нависало сверху, и в нем карикатурно отражались «конь» и его наездники. Ни звезд, ни других источников света не было видно, и тем не менее этот странный мир был освещен, как в лунную ночь поверхность Земли.

Плеск и гул сменились дробным стеклянно-костяным цокотом копыт «кентавра», продолжавшего мчаться вперед с равномерностью и невозмутимостью машины.

«Хронодесантники», ошеломленные сменой ландшафтов, молча озирались, подмечая детали на поверхности «льда»: белые пятна изморози — не то короста лишайников, не то действительно пушистый иней, голубоватые светящиеся жилы, контуры каких-то конструкций, утонувших в глубинах «ледяного» поля. Затем стали попадаться небольшие «ледяные» глыбы и целые их россыпи, увеличивающиеся в размерах в процессе движения всадников. Вскоре глыбы превратились в скалы и в настоящие кристаллические горы, внутри которых смутно угадывались очертания почти прозрачных строений, геометрически правильных фигур и волокнистых структур.

— Странные какие-то скалы, — заметила вполголоса Мириам. — То ли из льда, то ли из хрусталя. Такое впечатление, что внутри них заморожены живые существа.

— Скорее всего, это не скалы, — отозвался Ивор. — Я чувствую в них огромные пространства и движение. — Он перешел на общую волну связи. — Атанас, вы не знаете, что это за образования?

— Догадываюсь. Вероятно, это ЗОВы — зоны остановленного времени. Я встречался с подобными вещами. Эта Ветвь «сохнет» давно, судя по всему, и скоро свернется.

«Кентавр» неожиданно свернул к ближайшей прозрачной горе, его копыта ударили в граненую поверхность основания горы, и произошла мгновенная метаморфоза: гора треснула, из прозрачной превратилась в молочно-белую, будто ее заполнил какой-то пар, и стала таять, течь, испаряться. Дробный стеклянный цокот копыт сменился чавканьем и хлюпаньем. «Кентавр», не меняя направления и скорости движения, прорвал телом ставшие зыбкими кристаллические грани горы, разбрызгал во все стороны осколки молочно-белой субстанции и вырвался на равнину.

Но процесс изменения «ледяных» скал и россыпей продолжал развиваться дальше, все они задымились, начали таять, испаряться, разваливаться на вздрагивающие, как желе, куски. По бесконечной «ледяной» равнине побежали трещины. А «небо» над головами всадников — такое же «ледяное» поле, что и под ногами «кентавра», — вдруг начало падать на равнину, грозя раздавить бешено скачущего «кентавра» с седоками в лепешку.

— Что мы можем сделать?! — торопливо заговорил Павел Жданов. — От нас что-нибудь зависит?

Златков ответить не успел.

«Кентавр» перепрыгнул через расширившуюся на глазах трещину, еще через одну и угодил в третью, окунувшись в глубокую темноту. Ноги его продолжали двигаться в прежнем темпе, будто он бежал по ровной дороге, хотя ни самой дороги не было видно, ни стука копыт не было слышно. Затем огненное крыло смахнуло темноту, словно распахнулось окно в иной мир, залитый светом (что, впрочем, соответствовало истине), и «кентавр» вырвался на склон колоссальной золотой горы, освещенной сразу тремя пылающими солнцами разного цвета и диаметра. Одно было зеленоватое и маленькое, второе — побольше — желтое, и третье, огромное, красное, ощутимо *жидкое*, занимало половину небосклона.

— Вот скотина! — с меланхолическим хладнокровием произнес Златков-четвертый. — Едва не догнал!

Никто не переспросил, что он имеет в виду. Все поняли, что речь шла о Палаче, запустившем вдогонку за беглецами процесс свертки Ветвей.

— Все-таки я не понимаю... — напомнил о себе Гаранин. — За нами кто-то гонится, а мы не можем ему дать сдачи?

— Сдачи давать пока некому, — ответил Жданов, отец Ивора. — Мы не можем остановить процесс свертки Ветвей. Это физический процесс, опирающийся на неизвестные нам законы, а не существо из плоти и крови.

«Кентавр» помчался вниз по склону бесконечной золотой горы, обходя огромные воронки и норы. Лишь спустя некоторое время люди поняли, что это вовсе не гора, а природное образование вроде планеты, видимое из-за сильного преломления световых лучей, как гора. Однако полюбоваться этой колоссальной «горой» всадникам не удалось.

Внезапно словно тень набежала на сияющие шары солнц: они резко потускнели. Небо планеты-горы, наоборот, вспыхнуло и заискрилось. Судорога передернула золотой ландшафт, отзываясь чудовищной силы подземным гулом. Твердая почва под копытами «кентавра» начала рваться на плиты, рассыпаться в песок, взрываться и фонтанировать.

— Вот дьявольщина! — пробормотал Олег Борисович. — Мне это не нравится. Может, попробуем вместе каким-нибудь образом воздействовать на это безобразия?

— За нами *настоящая* погоня! — воскликнула Мириам, демонстрируя быструю реакцию.

Все оглянулись.

«Вверху», на «склоне горы» — если считать кажущийся горб планеты горой, — появилось облако пыли, замелькали какие-то тени, засверкали металлические на вид предметы. Затем облако пыли сместилось, и стали видны необычного вида машины или существа, похожие на жутких скорпионов и крокодилов одновременно. Несмотря на приличную скорость «кентавра» — под сотню километров в час, они быстро приближались, увеличиваясь в размерах, и вскоре стало ясно, что скорпионо-крокодилы по размерам не уступают «хронорыцарю».

Планета под ногами продолжала разрушаться, плыть, распадаться, три светила в небе становились все тусклее, сжимались, покрывались сетью разломов и трещин. Вселенная этой

Ветви вот-вот готова была схлопнуться в черную дыру сингулярности, а «хронорыцарь» все никак не мог преодолеть потенциальный барьер, отделяющий эту Ветвь от соседней.

— Приготовьтесь к атаке! — скомандовал Жданов, отец Ивора. — Петруха, задержи этих насекомых!

Бывший телохранитель Ромашина-скульптора, ничем, кроме размеров, не отличимый от своего гигантского аналога, послушно прыгнул с крупа «кентавра» на «склон горь» и помчался навстречу приближающимся в облаке дыма и пыли скорпионо-крокодилам. Преследователи заметили его, но не обратили на кроху — Петруха был по меньшей мере в двадцать раз ниже ростом — внимания, за что и поплатились.

Витс выстрелил.

Две яркие голубые молнии вонзились в морду ближайшего скорпионо-крокодила. Радужная вспышка света резанула по глазам беглецов. Часть головы монстра испарилась, он с ходу сунулся грудью в породу «горь», пробороздил огромную траншею и задержал лапами, фонтанируя струями огня и дыма.

Петруха выстрелил еще раз — он использовал аннигиляторы, попал во второго гиганта, однако сделать больше ничего не успел. Струя какой-то серебристой жидкости накрыла его, и он в течение нескольких мгновений буквально растворился в этой жидкости, как в кислоте, превратился в скелет, в призрачную туманную кисею. Исчез!

— Огонь! — скомандовал Жданов.

Отряд сделал залп из двадцати с лишним стволов, применив все оружие, что имелось в наличии: «универсалы», аннигиляторы, «глиюки», «скорпион», «кий» и ваксинг. Фейерверк получился впечатляющий, а главное — результативный.

Два скорпионо-крокодила превратились в вулканы огня и дыма, третий потерял ряд конечностей и завертелся на месте юлой. Четвертый преследователь остановился, метнул вслед «кентавру» реку сверкающей жидкости, но не достал. И в этот момент «хронорыцарь», наконец, нащупал квантовый переход между Ветвями, и «кентавр» нырнул в темный кольчатый тоннель, который вывел беглецов в другой мир.

Бесконечный чудовищный лес — таким предстал перед глазами «хронодесантников» обещанный Златковым ганглий, узел пересечения Ветвей. Лес одних древесных стволов — без

ветвей и кроны, толщина которых порой достигала сотен метров, по визуальной оценке ошеломленных членов отряда. Стволы различались цветом, рисунком коры, формой наростов, но все же, с точки зрения человеческого опыта, это были самые настоящие стволы деревьев, разве что гипертрофированно увеличенные до сказочных размеров.

Почва, из которой вырастали эти гиганты, напоминала слой дыма, но дыма твердого, по которому свободно можно было гулять. Во всяком случае, «кентавр» с седоками — машина массой в полторы тысячи тонн — не проваливался, шагая по жемчужно-серым «клубам дыма».

Небо этого странного мира отливало серебром, изредка роняя длинные искры, похожие на следы метеоров. Ничего похожего на звезды или солнце не наблюдалось, но было достаточно светло, словно светился сам воздух. Сила тяжести здесь не уступала земной.

— Это и есть ганглий? — осведомился после долгой паузы Олег Борисович.

— Я здесь ни разу не был, — откликнулся Златков-четвертый. — Но это ганглий. Мой друг Идущий Прямо не мог...

Голос Атанаса внезапно был перекрыт гулким хлопком и затихающим гулом. «Кентавр» качнулся под напором налетевшего откуда-то порыва ветра.

Все замерли, озираясь, пытаясь понять, что произошло.

Раздался еще один хлопок, но слабее. Из-за стволов деревьев вдалеке вынеслись струи серого дыма, опали.

Гул стих.

— Кажется, я понимаю... — начал Златков.

Ствол дерева в двух сотнях метров от всадников с неистовым треском вдруг сжался в ярко засветившуюся линию. Гулкий удар! Линия стала черной! Еще удар! Туман в том месте взвихрился фонтаном и струями разлетелся во все стороны. Ударная волна, рожденная сверхбыстрым сжатием дерева, едва не сбросила людей с крупа «кентавра», заставив его гарцевать на месте, чтобы сохранить равновесие.

— Это что еще за явление? — мрачно поинтересовался Ггаринин.

— Слинг! — пробормотал Ивор.

— Совершенно верно, — подтвердил Златков. — Мы видим перед собой не что иное, как Ветви. Почему они кажутся

нам стволами деревьев, я не знаю, так работает наш аппарат восприятия, пропуская поступающую информацию через психику и сознание. Естественно, никаких деревьев тут нет. А сжатие Ствола в струну означает слинг, процесс компактификации измерений, или свертку Ветви, ни больше ни меньше.

— Прекрасно! И вы предлагаете нам искать Матричную Ветвь, — заговорил Олег Борисович, — каждый раз прорываясь внутрь каждого... м-м-м... дерева? А если оно в этот самый момент схлопнется?

— Боюсь, у нас нет другого выхода, — ровным голосом ответил Златков. — Вы же видите, началась цепная реакция свертки Древа. Конечно, можно попытаться...

Гулкий стон! Еще одно дерево в полукилометре от всадников сжалось в черную струну и исчезло. Эхо принесло сразу несколько далеких хлопков и щелчков. Ветви — целые Мета-вселенные со всеми их пространствами, планетами, звездами и обитателями — продолжали «сохнуть», сжиматься и превращаться в энергетические шнуры. Ганглий, один из бесчисленных узлов пересечения Ветвей Времени, сотрясался и вздрагивал, как живой.

На глазах потрясенных людей одно из деревьев накренилось, коснулось соседнего ствола, и произошел удивительный взрыв взаимопроникновения, искривления форм деревьев, их многослойное слияние, искажение, перемешивание, сопровождаемое вспышками света и грохочущими аккордами трагической музыки, а закончилось все колоссальным взрывом, повредившим соседние стволы. Некоторые из них тоже взорвались или сжались в черные струны и исчезли.

— Что будем делать? — прокричал в этом грохоте кто-то из Белых. — Надо уходить отсюда!

— У нас еще есть возможность вернуться к моим друзьям — флорианам, — предложил Златков-четвертый. — Мера контролирует свою Ветвь, там мы будем в безопасности.

— Это не решение! — твердо заявил Жданов, отец Ивора.

— Тогда надо искать Матричную Ветвь, — сказал Ромашин. — Выбор у нас действительно невелик.

— Есть еще один вариант, — сказал Златков с ноткой сомнения. — Если только оператор согласится на этот шаг.

— Что? — Ивор не сразу понял, что все ждут его ответа. — Я готов! Что нужно делать?

— Искать Корень Древа «на ощупь» слишком опасно, можно попытаться пройти Тай Цзи...

— Тай Цзи — Великий Предел, — перевел Жданов-старший. — Что вы хотите предложить, Атанас?

— Я предлагаю перейти Тай Цзи Игры, найти Древо Невозможных Состояний и спуститься по нему на Дно Времен.

В эфире стало тихо. Лишь со всех сторон продолжали доноситься далекие и близкие звуки схлопывающихся миров.

— Это менее опасно? — поинтересовался Олег Борисович.

— Вопрос надо ставить иначе, — буркнул Белый. — *Насколько* это опасно?

— Вообще-то смертельно опасно, — флегматично ответил Златков. — Я не знаю, хватит ли у оператора сил уберечь наш пси-солитон от распада. Зато если мы пойдем через Н-абсолют, нас никто не станет преследовать.

— Это уж точно!

— Что такое Н-абсолют? — спросила Мириам.

— Так я называю Древо Невозможных Состояний. В этом континууме возможны только парадоксальные сочетания понятий «Нигде», «Никогда», «Ничто» и так далее.

— Весьма интригующе. Однако мы все рискуем жизнью, и решать надо каждому в отдельности, идет он или нет.

— Да что тут решать! — возмутилась Мириам. — Мы — одна команда, и должны подстраховать оператора! А кто не захочет — пусть уходит!

Волна связи донесла смешки. Мужчины отнеслись к запальчивому замечанию девушки с юмором.

— Ивор, вам слово, — сказал Ромашин.

С грохотом схлопнулось дерево недалеко от «кентавра», так что он осел на задние ноги.

Ивор вздрогнул, понимая, что от его решения зависит не только судьба экспедиции, но и его жизнь, и жизнь тех, кто помогал ему все это время, оберегал и верил в его возможности. И еще он понимал, что обратной дороги *нет!*

— Я... попробую... — промямлил он, но уловил общее чувство сомнения и поправился: — Сделаю все, что смогу!

— Тогда вперед, сынок, — сказал Жданов-старший. — Включай нас в свою пси-сферу и ищи Н-абсолют.

«Кентавр» под седоками переступил с ноги на ногу, ожидая команды «хронорыщаря». Ивор мысленно похлопал его по «холке» и сосредоточился на поле Сил.

Объединение пси-сфер членов отряда оказалось делом непростым. Приходилось учиться на ходу, ушибаться о чужие твердые характеры, сталкиваться с железной волей людей, ставших соратниками и друзьями.

В конце концов ценой многих усилий Ивору удалось объединить ментальные сферы «хронодесантников» в единое монолитное целое, и он почувствовал такой прилив душевных сил, что захотелось крикнуть во все горло: «Ура! Получилось!» Но он удержал свой порыв, мысленно поцеловал Мириам, получив ответный «поцелуй» — целый букет теплых переживаний и чувств, и направил *взгляд* на пространство ганглия, сотрясаемое «антивзрывами» свертывающихся Ветвей.

Он увидел потрясающие *глубины*, в которых можно было утонуть, раствориться без следа, и колоссальные *высоты*, недостижимые фантазией человека и неопишуемые человеческим языком. Он ощутил *бездны* информационных полей и пропасти нечеловеческих эмоций. Он осознал такие огромные массивы тоски, печали и боли, что закружилась голова и у самого заняло сердце! Это отозвались в нем гибнущие миры, полные жизни и движения.

Кое-как освоившись со своим положением, Ивор (точнее, весь «солитон», включая пси-сферу Идущего Прямо) начал искать вход в Н-абсолют и не удивился, обнаружив в центре (а может быть, на окраине, ориентиры в этом пространстве отсутствовали) ганглия странное образование, создающее впечатление глубокой дыры и одновременно растущего живого стебля.

«Кентавр» послушно свернул налево, повинувшись мысленному приказу «солитона», некоторое время лавировал, объезжая то и дело взрывающиеся «деревья-вселенные», и неожиданно оказался на краю обширной «поляны», в центре которой струилось снизу вверх (иногда казалось — сверху вниз) прозрачно-лунное пламя.

Форму его описать было трудно.

С одной стороны, это был *поток*, столб огня, с другой — фонтан светящейся жидкости, с третьей — живое растение, непрерывно изменяющее очертания. Но изредка вдруг пламя этого удивительного образования становилось плотным, затем

проваливалось само в себя, и людей обдавало дыхание жуткой бесконечной ирреальной бездны, в которой тонули и растворялись без следа материальные объекты, поля, звуки, человеческие эмоции.

«Н-абсолют!» — прилетела мысль Златкова-четвертого.

Никто ему не возразил. Ивор и все его спутники сейчас представляли собой одно целое, пространство единой ментальной ориентированности в состоянии мгновенных подсознательных ответов на любое раздражение, поэтому обсуждение обстановки им не требовалось. Все чувствовали то же самое, что и оператор, объединивший их в эгрегор, а он чувствовал то, что чувствовали они.

«Кентавр» галопом поскакал по «дымным» слоям к пульсирующему потоку Древа Невозможных Состояний. Внезапно что-то изменилось: словно тень пронеслась над всадниками, затмив невидимое светило. Пространство ганглия содрогнулось. «Дым» под ногами «кентавра» растрескался на отдельные «глыбы», но снова поплыл, как самый настоящий слой дыма. Люди ощутили тяжкий удар по сознанию, однако отразили ментальный выпад и мрачно «занесли кулак» для ответного удара, не зная, кому он предназначается.

Перед «кентавром» возникла человеческая фигурка в зеленом-бежевом балахоне странного покроя и скачком выросла в стометрового великана. На людей и на «хронорыцаря» сверху вниз глянули светящиеся желтые безразлично-нисходительные глаза бровей Мимо, в которых на миг протаяло удивление.

Мефистофелевские брови Мимо прыгнули вверх. Затем глаза бровей снова стали сонно-безразличными.

— Поздравляю, оператор, — гулко пророкотал он. — Вы почти дошли до цели. Однако вынужден огорчить. Игра вышла на финишную прямую, хотя ее конец, наверное, не ведом никому, даже Творцу Игр, и процесс свертки Древа стал необратимым.

— Я дойду! — глухо сказал Ивор.

Голос его, естественно, не вылетел за пределы шлема, но собеседник услышал молодого человека.

— Увы, это нереально в вашем положении, — вздохнул Мимо. — Даже я не смог бы выбраться отсюда, не имея необходимых навыков. Выхода из данного Узла Времени нет.

— Ошибаешься. У безвыходных ситуаций, как правило, есть несколько выходов. Мы прорвемся.

— Ваша монада была бы хороша в начальной стадии Игры, когда она могла сыграть роль судебного исполнителя. Но теперь уже поздно. Ваших сил не хватит даже на то, чтобы вернуться домой и дожить там до старости. Я окончательно вычеркиваю вас из списка претендентов на победу. Ваш выбор — пройти через Преисподнюю Контрлогики Невероятия — неверен. Это не под силу даже Игрокам.

«Эх, будь у меня дриммер!.. — посетовала Мириам. — Я бы показала этому бродяге...»

Мимо услышал ее мысль.

— У вас есть дриммер, но и он не в состоянии преодолеть непреодолимое.

«Не понял!..» — прилетела мысль Олега Борисовича.

— С вами зародыш дриммера — Трангха.

— Жмур?! — изумился Гаранин.

— Он не активирован, однако имеет кое-какие возможности даже в этом состоянии. Удивительно, что вам удалось его покорить. На моей памяти это никому не удавалось. Тем не менее и он не поможет вам пройти к Корню Времени, куда вы собрались.

— Это решим мы сами!

— Я просто хочу спасти вам жизнь. Хотите стать таким же, как я? Бровеем? Зрителем Игр?

— Нет.

— Подумайте, у вас будут неограниченные полномочия.

— Нет!

— Могу отправить вас в родную Ветвь. По моим расчетам, она просуществует еще долго. На ваш век хватит.

— Прочь с дороги, искунитель! — рывкнул Гриша Белый. — Иначе...

— Иначе вы меня уничтожите? — ухмыльнулся Мимо, сделал пренебрежительный жест. — Я почти достиг предела насыщения жизнью и готов уйти. Но ведь вам это не поможет.

— Пропусти, Второй! — с угрюмой силой проговорил Ивор. — Я — Тот, Кто Пробудился, и меня никто не оставит!

— Что ж, ваше право, — отступил в сторону бровей. — Но предупреждаю: вы погибнете!

«Хронорыцарь» вонзил пятки в бока «кентавра», и они с гулом и грохотом проскакали мимо бродяги по миру.

«Почему ты назвал его... Вторым?» — поинтересовался Жданов-старший.

«Потому что он не только бровей Мимо и Зритель, — отозвался Златков-четвертый. — Он еще и воплощение Заказчика Игр, который и есть на самом деле Безусловно Второй».

«Не может быть!» — хором воскликнули несколько человек: Белые, Мириам, Руслан с Надей, Олег Борисович.

Ивор, сидевший на плече «хронорыцаря», оглянулся.

Бровей Мимо задумчиво смотрел им вслед, поигрывая висевшим на массивной металлической цепи черным камнем. Затем ноги его потеряли четкость очертаний, расплылись искрящимися струями тумана, руки тоже превратились в туманные ленты, голова втянулась в шею, в плечи, он весь вскипел туманными фонтанчиками и длинной струей сияющей субстанции втянулся в один из «древесных» стволов на краю поляны.

«Я думал, он попытается нас задержать», — признался Ромашин.

«Зачем? — заметил Жданов, отец Ивора. — Он действительно считает, что мы обречены».

«Я чего-то не понимаю, — подал мыслеголос Гаранин. — Как он может быть Заказчиком Игр и Зрителем одновременно?»

«Очевидно, такова логика отражения Идеи Творца посредством Игры, — сказал кто-то из Златковых. — Хотя, возможно, Безусловно Второй, достигнув Предельно допустимого для Древа Времен уровня постижения Абсолюта, просто нарушил Законы Первого Порядка. В таком случае он допустил ошибку, дав нам шанс остановить зарвавшегося Игрока».

«Кентавр» остановился перед струей неяркого прозрачного пламени, олицетворяющей не поддающееся никаким измерениям и объяснениям Древо Невозможных Состояний.

«Дискутировать, почему Мимо, или кто он там есть, отпустил нас, будем потом, — решительно заявил Жданов, отец Ивора. — Все готовы к прыжку в... ад?»

«Есть одно предложение, — вежливо сказал Златков-четвертый. — Наш приятель бровей Мимо, нарочно или нет, но проговорился об истинном значении нашего спутника Транг-

хи. Почему бы нам не воспользоваться его услугами? Лишняя защита, знаете ли, не помешает».

«Что вы имеете в виду, Атанас?» — поинтересовался Ромашин.

«Трангха — субстант Палача с очень высоким энергонасыщением, и он же, по словам бровей, дезактивированный дриммер. Думаю, оператору по силам заставить его покрыть каждого из нас слоем своего тела как вторым защитным костюмом. Это еще не гарантия безопасности, но какое-то время мы будем весьма неплохо защищены».

«Ну уж нет! — проворчал Белый, передав эмоцию, соответствующую “мурашкам по коже”. — Один раз мы уже побывали в “смирительной рубашке” этого уroda, больше не хочется».

«Тогда он служил эмиссару хозяина».

«Все равно идея опасная!»

«Идея хорошая, — не согласился Ромашин. — Ивор, вы сможете уговорить Трангху послужить нам в качестве дополнительных скафандров?»

«Попробую, — неуверенно проговорил Ивор. — Только объем тела Трангхи невелик, на “хронорыцаря” его не хватит».

«О моем друге Идущем Прямо можете не беспокоиться, — заявил Златков-четвертый. — Он не нуждается в защитных коконах».

«Пора решаться. Вы видите, что творится?» — Ромашин напомнил о непрекращающемся процессе свертки Ветвей.

Ивор сосредоточился, проник в темные глубины сознания псевдочеловека, нашел резонансные струны взаимопонимания. Мысленная беседа землянина и палачоида длилась несколько десятков секунд. Затем Трангха заворочался в нише под спинкой седла, разделился на два десятка ртутно-блестящих капель размером с человеческую голову, и каждая капля прыгнула к «своему» носителю.

Надежда испуганно отшатнулась. Руслан поспешил успокоить подругу, хотя сам перенес операцию «надевания скафандра» без особой радости. Не чувствовал себя комфортно и Гриша Белый, перенесший долгий плен под «саваном» палачоида. Однако, наконец, процесс натягивания живой пленки поверх «кокосов» закончился, «хронодесантники», чей внеш-

ний облик почти не изменился (кроме последней спасенной тройки Жданов—Ромашин—Златков), опробовали новый «скафандр» в движении, освоились, и наступил миг отправления.

«Что бы ни случилось — держитесь вместе! — посоветовал Златков-четвертый. — Мы должны быть монадой, единым организмом с единой волей, только тогда у нас появится шанс пройти то, что кажется невероятным, и постучаться в двери Матери Мироздания».

«Красиво сказано, — хмыкнул Жданов-старший. — Иногда мне кажется, Атанас, что вы знаете гораздо больше, чем все остальные, вместе взятые».

«Может быть, вы правы», — с печалью сказал Златков.

«Ивор, милый...» — тихо и нежно прошептала Мириам.

Ивор очнулся, медленно проговорил вслух:

О даятель немых сновидений,
О создатель всемирного света,
Я не знаю твоих откровений,
Я не слышу ответа...

«Кентавр» направил вперед засиявший рог и устремился в поток прозрачного пламени, нырнув в него, как с обрыва в воду...

Сфера человеческого восприятия и способы обработки информации несовершенны. Язык человека беден. Им невозможно описать даже малую толику состояний, реализованных Древом Времен. Глаза человека способны видеть лишь трехмерные объекты, остальные его органы чувств могут оценить только сверхзвук диапазон материального спектра, не говоря уже об антиматерии, и даже сфера внечувственного восприятия людей с экстрасенсорными возможностями, людей Силы, не может объять и адекватно отразить всего многообразия существующих материальных форм. Что же тогда говорить об Абсолюте, не доступном воображению, или о континууме невозможных состояний материи, невозможных с любых точек зрения? Как их понять? Как оценить? Какими словами описать?

В Метавселенной, соответствующей Ветви Времен, в которой появился человек разумный, форма и состояние предмета неизменны, и если он круглый, то он круглый; если он горячий, то он *нехолодный*.

Но как представить объект, имеющий сразу множество взаимоисключающих характеристик? Как описать пространство, являющееся одновременно и временем, и некоей субстанцией — твердой, жидкой и абсолютно отсутствующей?! Или, к примеру, может ли аппарат восприятия человека почувствовать пламя льда, увидеть невероятно яркий свет тьмы или оценить бесконечность нуля?

Казалось бы, однозначно — нет! И тем не менее из хаоса потрясающе великолепных виртуальных ландшафтов, живущих по законам своей жизни вне сознания человека, воображение погружающихся в среду небытия-бытия людей неожиданно выхватывало знакомые формы и световые композиции, и «хронодесантники» с ужасом и восторгом дивились на прекрасных фей, превращавшихся в жуткие клыкастые создания; на удивительной красоты замки, тут же прорастающие мрачным частоколом рогов и когтей; на светящиеся скалы, являющиеся одновременно дырами, входами в какое-то пространство; на потоки света, вдруг обретающие твердость и плотность свинца; на вибрирующие черные струны, представляющие собой линии несуществующих измерений, ведущих в никуда и приходящих ниоткуда.

Соединенные волей Ивора в единый ментальный организм, «хронодесантники» понимали, что их видения являются лишь отражением влияния этого безумного мира на сознание и подсознание, но все равно с интересом и внутренней дрожью ловили текучие призрачные всполохи «невозможного бытия» и «узнавали» свои собственные фантазии, мечты, опасения и страхи. Каждый находил то, что искал и чего ждал и что начинало жить в его воображении с предельной — по собственной оценке — реальностью.

Олег Борисович с удивлением осознал себя стоящим на пороге собственной дачи, сделал шаг вперед и столкнулся с женой... с которой развелся много лет назад. Она была молода и мила...

Гена Маркин оказался в автосалоне, где стояли его любимые спортивные машины, одну из которых он жаждал купить с детства...

Паша-летчик увидел живой свою девушку, разбившуюся на мотоцикле. Она ждала его, призывно махая рукой, опираясь на седло роскошного байка...

Гриша Белый-первый увидел сына, погибшего в море, и бросился к нему с немym криком: «Саша!..»

И даже Игнат Ромашин, комиссар и бывший Судья, не смог сразу оценить нереальность созданной его воображением сцены: он стоит на залитой ярким солнцем лесной поляне, а вокруг резвятся его дети... которых у него никогда не было...

Время внутри «твердого потока» Древа Невозможных Состояний представляло собой лишь смену субъективных ощущений, контролировать его было невозможно, что сыграло свою отрицательную роль. Увлечшись созерцанием воображаемых картин, невозможных в обычной жизни, «хронодесантники» забыли о цели своего похода, и окружающая их среда мгновенно отреагировала на дробление монолитного пси-массива на отдельные «глыбы» воли и психик.

Сознание людей стало растворяться в этой среде, становиться «частью невозможности», виртуальным элементом виртуальной же жизни. Хотя при этом все понимали свое положение и верили, что могут в любой момент «вернуться» в себя.

Первым осознал опасность этого процесса Златков-четвертый.

«Внимание, коллеги! Не отвлекайтесь! Мы тонем! Сосредоточьтесь на *выходе!*»

«Успеем... — проворчал Олег Борисович. — Мы больше никогда этого не увидим...»

«Так странно... необычно... дайте досмотреть!» — поддержал его Маркин.

«Мы здесь растаем к чертовой матери! — опомнился Ромашин. — Немедленно сконцентрируйтесь!»

«Оператор, ищи выход! — грубо бросил Белый. — Иначе мы застрянем здесь навсегда!»

«Не кидайтесь на него! — вступилась за Ивора Мириам. — Он и так делает все, что может. Иворушка, миленький, постарайся найти выход, я с тобой!»

Ивор почувствовал тоненькую теплую струйку любви и нежности, влившуюся в его слабеющую душу.

«Мы тоже с тобой!» — подсоединились к эгрегору Руслан и Надежда; вдвоем им было легче сопротивляться самовнушению, так как пара поддерживала друг друга и обменивалась волнами взаимопонимания и стремления быть вместе.

Голова перестала кружиться. Мелькание призрачных фигур и сцен перестало отвлекать Ивора. Каждая душа-воля, присоединившаяся к общему полю эгрегора, увеличивала его силу, добавляла уверенности и желания выйти победителем из схватки с растворяющим в себе «пространством реализации невозможного». В какой-то момент он понял, что едва ли не всемогущ, и хотя среда, в которой они находились, успела съесть на «кокосах» защитный слой из материала тела Трангхи и принялась разъедать ткань костюмов, Ивор не стал отвлекаться на усиление защиты, а одним волевым усилием *пронзил* пламя, сжигающее «хронодесантников», сразу во всех направлениях и среди множества черных дыр — выходов в неизвестные миры — *увидел* теплое, ласковое, приветливое *приглашение*. И рванулся туда сознанием и всем телом, увлекая за собой отряд...

Глава 7

В потерявших блеск и форму костюмах они стояли тесной группкой у самых настоящих огромных деревянных ворот с золотыми и серебряными узорами и, затаив дыхание, рассматривали высокий бревенчатый забор и невероятной красоты вершины замков и храмов, встающие над забором.

— Где мы?! — прошептала Мириам, выразив общее чувство безмерного удивления. — Это Земля? Или рай?..

— Ирий, — буркнул Гаранин.

— Возможно, вся эта картина — плод нашего воображения, — рассеянно сказал Златков, сворачивая шлем. — Но какой здесь воздух! Чудо!..

За ним то же самое проделали остальные.

— Действительно, — оживился Олег Борисович, — дышится здесь легко. Не удивлюсь, — добавил он со смешком, — если сейчас откроются ворота и оттуда выйдет сам архангел Гавриил.

— Может быть, апостол Павел? — хмыкнул Гриша Белый.

— Не вижу разницы.

— Если выйдет апостол Павел, значит, мы попали на тот свет, — заметил Жданов-старший.

Ромашин засмеялся. Улыбнулись и остальные мужчины. И вздрогнули от длинного скрипа.

Ворота медленно распахнулись, выпуская сноп золотого сияния. Свет не был ярким, но за его потоком ничего нельзя было разглядеть. Люди прикрыли глаза ладонями, не желая отворачиваться, пытаясь увидеть того, кто выйдет к ним из-за ворот. Однако шли минуты, ворота оставались открытыми, а никто не появлялся.

— Чего мы ждем? — не выдержал Олег Борисович. — Нас вроде как пригласили...

— Не спешите, коллеги, — вышел вперед Златков-четвертый; к нему присоединились остальные его кванки, все четверо повернулись лицом к отряду. — Наша миссия закончена, — необычайно мягко продолжал Златков-четвертый, скользнув по ждущим лицам «хронодесантников» понимающим взглядом. — *Туда* всем нам вход воспрещен. — Он оглянулся на ворота, льющие золотой, теплый, необжигающий свет. — Как говорил поэт:

А дальше — всё.
Дороги дальше нету
для смертного.
А Богом быть нельзя.

Это действительно Ирий, вход в Матричную Ветвь, с которой началась развертка Древа Времен. Туда может пройти только оператор.

— А я?! — жалобно и возмущенно проговорила Мириам.

— И вы — как часть сознания и души оператора, — улыбнулся Златков. — И, возможно, вот эта пара. — Он кивнул на Руслана с Надеждой. — Мироздание начиналось с любви, и войти в Начало Начал можно только с любовью в сердце.

На поляне перед воротами стало тихо. Все молча рассматривали четверку ученых, похожих друг на друга не только внешне, но и *внутренне*.

— Кто вы, Атанас? — медленно проговорил Жданов, отец Ивора.

Златковы переглянулись с одинаковыми усмешками.

— Мы люди, как и все вы. Но еще мы символ уровня, которого может достичь человек. Иероглиф Бездн. Носители тайны. И еще мы — Судья, один из тех, кого Палач не смог ни уговорить, ни купить, ни заставить служить ему.

— Значит, вы знали все с самого начала? О возможностях оператора, о нашем пути...

— Не всё, к сожалению, — покачал головой Златков. — Многие сокрыты и от нас. Например, мы не знаем, чем закончится встреча оператора с Матричной Ветвью, или, как ее можно назвать, с Матерью Вселенной. И сможет ли он вообще встретиться с Творцом, несмотря на весь свой потенциал.

— Почему же вы не вмешались раньше, когда мы были на грани гибели? — угрюмо поинтересовался Гаранин.

— Потому что оператор должен был созреть, пройти испытание и перейти на другой уровень, в иное качество. Достичь этого он должен был только с вашей помощью. Мы не имели права вмешиваться раньше.

— Ну, хорошо, допустим, он туда войдет... они туда войдут. Что дальше? Игра остановится? Дерево перестанет сворачиваться и восстановится в прежнем объеме? Наши Ветви не «засохнут»?

— Мы не знаем, — покачал головой Златков-четвертый. — Возможно, тех вселенных, в которых вы родились, еще нет. Возможно, они вообще не появятся. Возможно, весь процесс ветвления Древа начнется иначе и на иных принципах, при отсутствии какого бы то ни было времени, после чего система контроля — трансгресс — вообще не понадобится. Но мы уверены в одном: мироздание изменится! Таким, каким его сотворил Создатель, оно уже не будет.

— А что же будет? — тихо спросила Мириам.

Златковы посмотрели на нее с одинаковым прищуром.

— Теперь все зависит от вас. Мы не можем выразить то, что лежит за *пределами* слов.

Ивор встретил взгляд Мириам, очнулся, обнял ее за плечи, и сказал негромко, словно бы для себя:

Мне открылось, что времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что бессмертие к смерти ведет,
Что за смертью бессмертие ждет.

— Вполне допустимо, — кивнул Златков.

Ивор оглянулся на Руслана, махнул рукой:

— Присоединяйтесь, капитан. Грех не воспользоваться шансом побывать на Дне Времен.

Руслан, переглянувшись с Надеждой, взял ее за руку, нерешительно посмотрел на Гаранина, на своих бывших подчиненных.

— Иди, иди, — проворчал Гаранин. — Это твое право, ты его заслужил.

— Мы тут тебя подождем, командир, — добавил Гена Маркин.

Руслан и Надя подошли к первой паре. Златковы отступили в сторону.

— Мы действительно подождем здесь, оператор. Удачи вам!

Земля под ногами людей вздрогнула, из ее глубин донесся низкий затихающий гул.

— Что это? — поднес ладонь к уху Олег Борисович.

— Он сердится, — усмехнулся Златков.

— Кто?!

— Безусловно... Второй. Мы обошли его. Теперь он не сможет заменить творение Безусловно Первого своим. Он проиграл.

К Ивору подошел отец, обнял, ничего не говоря, поцеловал в обе щеки, отступил. За ним потянулись прощаться остальные «хронодесантники».

— До встречи! — вскинули вверх кулаки мужчины.

Ивор крепче сжал руку Мириам, протянул другую Руслану, и все четверо шагнули в поток золотого света...

Никто из оставшихся не заметил, как за их спинами возник бровей Мимо. Глаза его вспыхнули мрачным огнем, он с любопытством попытался разглядеть пейзаж за воротами, не смог, усмехнулся и растворился в воздухе. Исчез.

Надолго ли? Кто знает?..

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛАЧ ВРЕМЕН

Роман

Часть I. А МЕЖДУ ТЕМ	9
Часть II. КАК БОГОМ РЕЧЕНО	95
Часть III. ЧЕЙ ПРОМЫСЕЛ	186
Часть IV. ПОСТИЧЬ НАМ НЕ ДАНО	280
Часть V. КАК БУДТО БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА	362

Василий Васильевич Головачев
ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Т о м т р е т и й

Редактор *В. Степанов*

Художественный редактор *А. Балашова*

Корректор *Н. Малаховская*

Верстка *Н. Малаховская*

Подписано в печать 19.01.12 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 23,82.

Заказ № 1200800.

Книжный Клуб Книговек.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобрести наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

Издательство «Книжный Клуб Книговек»
предлагает:

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

В десяти томах

Федор Михайлович Достоевский (1821—1881) — великий русский писатель-мыслитель, произведения которого, характеризующиеся глубоким психологизмом и эмоциональной напряженностью, известны во всем мире. Его творчество оказало мощное воздействие на развитие мировой культуры, философской и эстетической мысли XX века.

В собрании представлены все самые значимые произведения писателя.

*Приобрести издания Книжного клуба «Книговек»
можно по телефону: (495) 737-04-80, или по адресу:
127206, г. Москва, а/я 24, «Книжный Клуб Книговек».
Также вы можете заказать книгу в интернет-магазине
на сайте www.terra.su*

Scan Kreyder - 23.11.2018 - STERLITAMAK

www.terra.su

ISBN 978-5-4224-0459-9

9 785422 404599

www.vdv1.ru